Р. Ф. Толливер
Т. Д. Констебль

352 победы в воздухе

Лучший ас Люфтваффе Эрих Хартманн

«Белокурый рыцарь Рейха»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

352 сбитых самолета противника (последнюю победу одержал 8 мая 1945 года). 825 воздушных боев. Более 1400 боевых вылетов. Высшая награда Рейха – Рыцарский Крест с Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами. Слава лучшего аса не только Второй Мировой, но всех времен и народов, рекордный счет которого уже не превзойти…

Эта книга – первая биография легендарного Эриха Хартманна и «красная тряпка» для отечественных историков авиации. Эта книга вызывающе пристрастна, необъективна и «неполиткорректна». С этой книгой можно не соглашаться, ее авторов можно (и нужно!) ловить на ошибках и неточностях – но читать обязательно!

Перевод: Александр Больных

- Р. Ф. Толивер, Т. Дж. Констебль
- Три войны Эриха Хартманна (предисловие переводчика)
-
- Предисловие
-
- Глава 1 Масштаб героя
-
-
- Глава 2 Становление мужчины
-
- Глава 3 На войну
-
- Глава 4 Посвящение в рыцари
-
- Глава 5 В медвежьих лапах
-
- Глава 6 Дубовые листья
-
- Глава 7 Асы истребительной эскадры 52
- Глава 8 Слава и мечи
- Глава 9 «Сталинские соколы»
-
- Глава 10 300 сбитых и Бриллианты
-
- Глава 11 Триста вторая победа
- Глава 12 «Мустанги»
- Глава 13 Капитуляция

- Глава 14 Пленник Советов
- Глава 15 Убеждение и давление
- Глава 16 Военный преступник
- Глава 17 Мятеж в Шахтах
- Глава 18 Освобождение
- Глава 19 Возрождение
- Эпилог
- Приложения
- Дислокация III группы JG-52 в период с 1 декабря 1942 по 1 июня 1944
- Список званий Люфтваффе
- Достижения асов Люфтваффе во Второй Мировой войне
- Награды германских асов

Р. Ф. Толливер, Т. Дж. Констебль
352 победы в воздухе. Лучший ас Люфтваффе Эрих Хартманн

Три войны Эриха Хартманна (предисловие переводчика)

Гитлеровская Германия подписала капитуляцию 9 мая 1945 года, в этот же день завершилась и Великая Отечественная война Советского Союза. Однако многим солдатам пришлось и дальше вести тяжелые бои, в которых погибли тысячи и тысячи людей. Причем эти бои были зачастую ничуть не менее упорными и страшными, чем те, что шли на линии фронта, и уж что совершенно точно – они оказались гораздо более длительными. Кстати, эти сражения пришлось вести как немцам, так и русским.

Смешно, но после выхода в свет нескольких моих переводов и комментариев к ним меня обвинили во взаимоисключающих грехах. Когда пятнадцать лет назад появился первый перевод «Белокурого рыцаря», борзые патриоты завизжали, что я «человек без чести, совести и Родины, который еще будет висеть, как только мы вернемся к власти». После издания книги Леона Дегрелля заверещали доморощенные нацики: «Эта книга переведена злобным антифой, с которым мы обязательно рассчитаемся». Помилуй бог, вы определитесь, я там или тут!

На самом же деле все обстоит предельно просто. Как сказал один знаменитый исторический деятель: «Я не осуждаю и не оправдываю, я только рассказываю». Но именно эта сухая объективность буквально нож острый в сердце полоумным фанатикам с обоих краев политического спектра. Беспристрастный анализ достижений таких немецких солдат, как Эрих Хартманн, Михаэль Виттманн или Руди Брашке, вызывает разлитие желчи у одних. А когда упертых фашистов Вальтера Моделя и Леона Дегрелля называешь упертыми фашистами, бьются в истерике другие. Истина объективна и не зависит от партийно-половой принадлежности. Солдат всегда остается солдатом, а фашист – фашистом.

Итак, первая война Эриха Хартманна началась 8 октября 1942 года на Северном Кавказе, когда он прибыл в расположение 52-й истребительной эскадры Люфтваффе. Она продолжалась два с половиной года, и за это время Эрих сбил (или не сбил?) 352 вражеских самолета. Она завершилась 9 мая 1945 года в Чехословакии, когда личный состав I./JG 52, которой командовал Хартманн, уничтожил свои самолеты и попытался сдаться в плен американской 90-й пехотной дивизии. Увы! Здесь он допустил едва ли не самую страшную ошибку в своей жизни. Но не будем слишком строго судить зеленого 23-летнего юнца, который не

имел представления о хитросплетениях высокой политики союзных держав. Командование Люфтваффе приказало ему лететь на Запад и постараться сдаться англичанам или американцам как можно дальше от Восточного фронта. Майор Хартманн предпочел остаться со своими солдатами, что делает ему честь. Кстати, именно этот поступок в упор не видят современные российские историки.

Впрочем, здесь имеется простейшее объяснение. На это Хартманна подтолкнуло не мужество, а наивность и невежество. Он просто не представлял, что такое «социалистическая законность», и вообще о нравах коммунистов имел такое же представление, как о жизни на Марсе. Скорее всего, Хартманн считал, что его отлают хорошенько, продержат годик и выпнут на родину. Ха-ха-ха! Он, как всякий нормальный человек, просто не мог представить себе образ мышления и логику настоящих коммунистов. На Западном фронте все обошлось бы благополучно. Но не на Восточном. И все последующие измышления авторов – это не более чем стремление выдать нужду за добродетель. Но, так или иначе, результатом были 10 лет сталинских лагерей и почти невероятное спасение. Хартманн **не должен был выйти** из лагеря, но снова вмешалась высокая политика. Визит Конрада Аденауэра в СССР привел к тому, что многие немецкие пленные были освобождены.

Это и была вторая война Эриха Хартманна, война гораздо более длительная и тяжелая, чем первая, причем Эрих сражался, не имея никакой надежды на победу. Если у него сначала имелись какие-то надежды на благополучный исход, они развеялись очень быстро. Однако именно в годы этой второй своей войны Хартманн показал себя настоящим героем, личностью гораздо более крупного масштаба, чем та, что сидела в кабине Ме-109К. Эриха не сломила репрессивная машина НКДВ/МГБ, не сломила, но сломала ему жизнь. Когда он в возрасте 33 лет вернулся на родину, казалось, перед ним открываются новые перспективы, но, увы, приспособиться к нормальной жизни он так и не сумел. Даже в этом возрасте можно начать совершенно новую жизнь, однако Эрих предпочел вернуться на военную службу, став единственным кавалером Бриллиантов, служившим в Бундесвере. Однако новая немецкая армия также оказалась для него чужой, он довольно быстро ушел в отставку и дальше уже не жил, а просто доживал. Свою вторую войну Эрих Хартманн выиграл, однако эта победа обернулась для него тягчайшим поражением. Он скончался 20 сентября 1993 года.

Повод к началу третьей войны против Эриха Хартманна дал я сам, когда в 1998 году выпустил первый вариант перевода этой

книги. Собственно, это был именно повод, но не причина. Если бы не я, книгу перевел кто-нибудь другой, и война все равно началась бы.

Как ни странно, историографию советского периода персоналии не интересовали совершенно, она занималась гораздо более масштабными проектами, разоблачая вымыслы битых фашистских генералов. Кстати, вот национальная особенность менталитета. Нигде больше, кроме как в России, вы не встретите такого жанра, как «разоблачение фальсификаторов». Англичане или американцы лучше напишут пять или семь книг, излагая свою точку зрения, но не станут обвинять германских историков. У нас не так – от буржуазных фальсификаторов только пух и перья летят. Как всякий честный советский человек, я Пастернака не читал, но единогласно осуждаю!

В советских мемуарах мелькали абстрактные немецко-фашистские оккупанты да самолеты с черными крестами на крыльях. В лучшем случае появляются какие-то «невнятные бубновые тузы, – и только. Почитайте мемуары наших летчиков, труды «историографов». Никаких персоналий. Может, кому-то повезло и больше, чем мне. Лично я нашел только одно упоминание фамилии немецкого аса в нашей литературе советской эпохи. В мемуарах А. Курзенкова говорится о фельдфебеле Мюллере (92 победы), сбитом молодым лейтенантом Бокием. Все. Далее – молчание. Вроде и не существует Хартманна, Ралля, Графа, Мёльдерса и прочих. Нет, в 1990-х годах появилось несколько журнальных статеек, не более того.

Но вот вышла эта книга – и началось! Оказалось, что имя Эриха Хартманна вызывает у российских историков припадки бешеной ненависти. Это крайне странно, однако они не в состоянии писать об этом человеке спокойно. Причем речь идет не о таких одиозных фигурах, как Ю. Мухин или Г. Дрожжин, даже такой серьезный историк, как Д. Хазанов, теряет равновесие, когда начинает разбирать приключения немецкого пилота. Идея проста – если не удается раздуть достижения Кожедуба до требуемых масштабов, тогда нужно втоптать в дерьмо Хартманна, авось поверят, что он никакой не ас, а ничтожный «у-двас».

Особенно приятно вести такую войну, заведомо зная, что противник не может защищаться и его никто защищать не будет. Собственно, идея войны с покойниками в России отнюдь не нова, она практикуется давно и широко, причем не только историками, но и официальными властями. Первый пример подобных военных действий был зафиксирован еще 8 февраля 1800 года, когда император Павел I объявил строжайший выговор умершему

генералу Врангелю «в назидание иным». Поэтому, когда инспекция ФНС № 17 по Москве вызывает на допрос умершего два года назад писателя В. Аксенова, угрожая в случае неявки применением статьи 128 УК РФ, это уже не удивляет. На фоне всего этого творения российских историков выглядят невинной шалостью. Самое скверное в них, что эти работы не являются попыткой установить истину, их задача, как я уже говорил, – измазать грязью героя обсуждения. Особенно мило это выглядит, если учесть то уважение, граничащее с восхищением, которое авторы проявили по отношению к советскому асу А. Покрышкину.

Любопытно, что, предварительно облаяв меня, как переводчика и комментатора, затем эти историки для разоблачения Хартманна используют мои же аргументы. Именно я первый употребил выражение «разумный трус», впрочем, не вкладывая в него никакого оскорбительного смысла. Кстати, позднее выяснилось, что я был не прав, что я признаю. Появившиеся позднее документы показывают, что во время воздушных боев в районе Плоешти эскадрилья Хартманна **не должна была** атаковать «Летающие крепости», ей была поставлена задача прикрывать ударную группу, и пилоты этой группы подтвердили, что истребители сопровождения им никак не мешали. То есть Хартманн изначально должен был драться с «Мустангами», а не с «Крепостями».

Я первым написал, что Хартманн не был приспособлен к военной службе. При чтении книги видишь взбалмошного, истеричного любителя выпить, чуждого всякой дисциплины. И не следует авторам винить недоброжелателей в послевоенном провале Хартманна. Даже явно благоволивший ему Каммхубер не рискнул давать лучшему асу минувшей войны генеральские погоны. Конечно, из советских лагерей невозможно выйти нормальным человеком, но и в годы войны несколько отличных пилотов не превратились в отличных командиров. Например, тот же Отто Киттель. Асов у немцев было много, а командиров – Галланд, Мёльдерс… Кто еще? Зато Эрих обладал несомненным талантом, правда, никак не относящимся к военной сфере. Немецкий, китайский, английский, французский, русский – неплохо для мальчишки, который всерьез нигде и никогда не учился? Но вот военным – тем более немецким военным! – он все-таки не был. И зачем, ругая меня, размахивать моими же фразами?!

Сегодня с проклятыми буржуазными… виноват, нынче этот термин не в ходу, надо писать: проклятыми пиндосскими фальсификаторами гораздо сложнее. Можно выписать любую интересующую тебя книгу, можно пошастать по Интернету в поисках требующейся информации. Насколько легче было тому

же Павлу I! Вот 18 апреля того же самого 1800 года последовал указ Сенату: «Так как чрез вывозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку». И дальше живи спокойно, разоблачай в свое удовольствие, никто все равно не опровергнет.

Но можно пойти дальше. Например, уважаемый Д. Хазанов подготовил статью, разоблачающую выдуманные подвиги Хартманна. Именно так! Это не четкий анализ результатов пилота, а война с авторами книги «Белокурый рыцарь» Р. Толивером и Т. Констеблем, в которой рикошетом достается и Хартманну. Нет, автор разбирает пару эпизодов из его биографии и на основании этих двух случаев делает общий вывод: лжет, собака! И вообще, аса Эриха Хартманна придумал доктор Йозеф Геббельс.

А дальше начинается самое пикантное. На русском языке эта статья так и не появилась. Она была опубликована во французском журнале «Fana de L\'Aviation», № 423, в феврале 2005 года. Увы, мне так и не удалось получить от автора русский текст или найти французскую статью. Отыскался лишь испанский перевод французского перевода, с которым и пришлось работать. Чем это чревато, я прекрасно знаю, многократный перевод способен серьезно исказить основную мысль, однако совесть моя чиста. Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает больше.

Для начала кратко повторю свои аргументы.

1. Утверждают, что Эрих Хартманн совершил всего 800 боевых вылетов. На самом деле Хартманн за годы войны совершил около 1400 боевых вылетов. Цифра 800 – это количество воздушных боев. Между прочим, получается, что Хартманн один совершил в 2,5 раза больше вылетов, чем вся эскадрилья «Нормандия – Неман», вместе взятая. Это характеризует напряженность действий немецких пилотов на Восточном фронте. В книге не раз подчеркивается: 3–4 вылета в день были нормой. А если Хартманн провел в 6 раз больше воздушных боев, чем Кожедуб, то почему он не может соответственно и сбить в 6 раз больше самолетов? Между прочим, другой кавалер Бриллиантов, Ханс-Ульрих Рудель, за годы войны совершил более 2500 боевых вылетов.

Но это элементарная арифметика. Любители, которые делят число побед Покрышкина или Кожедуба, а потом умножают это на число вылетов Хартманна, радостно сообщают, что Покрышкин мог иметь около 370 побед, а Кожедуб так и вовсе 420,

совершенно неправы. Здесь нужно пользоваться не арифметикой, а высшей математикой, точнее, теорией вероятностей.

Возьмем некоего гипотетического аса, для которого вероятность погибнуть в воздушном бою составляет всего один процент. Если он проведет 120 воздушных боев, как Кожедуб, то вероятность остаться в живых составит примерно 29,9 % – меньше половины, но все равно достаточно много. Если же он проведет 825 боев, как Хартманн, его шансы падают до 0,025 %! То есть возможность пережить войну у Кожедуба примерно в 1200 раз выше, чем у Хартманна. И вот, с учетом этого, ответьте, что произойдет раньше: Кожедуб собьет 350 самолетов или собьют его самого?

2. Немцы фиксировали победы с помощью фотопулемета. Требовались подтверждения свидетелей – пилотов, участвовавших в бою, или наземных наблюдателей. В этой книге вы увидите, как пилоты дожидались по неделе и больше подтверждения своих побед. Что же тогда делать с несчастными летчиками авианосной авиации? Какие там наземные наблюдатели? Они вообще за всю войну ни одного самолета не сбили.

3. Хартманн имеет только 150 подтвержденных побед, остальные известны только с его слов. Это, к сожалению, пример прямого подлога, потому что, если человек имел в своем распоряжении эту книгу, он предпочел прочитать ее по-своему и выкинуть все, что ему не понравилось. Сохранилась первая летная книжка Хартманна, в которой зафиксированы первые 150 побед. Вторая пропала при его аресте. Мало ли, что ее видели и заполнял ее штаб эскадры, а не Хартманн. Ну нет ее – и все! Как пакта Молотова – Риббентропа. А значит, с 13 декабря 1943 года Эрих Хартманн не сбил ни одного самолета. Интересный вывод, не так ли? Можно, конечно, обратиться к немецким архивам, в которых сохранились документы JG-52, но зачем это делать? Наша цель не истина, но разоблачение.

4. Немецкие асы просто не могли сбивать столько самолетов за один вылет. Очень даже могли. Прочитайте внимательнее описание атак Хартманна. Сначала наносится удар по группе истребителей прикрытия, потом по группе бомбардировщиков, а если повезет – то и по группе зачистки. То есть за один заход ему на прицел поочередно попадали 6—10 самолетов. Это же объясняет победы с интервалом в одну минуту, когда во время пикирования обстреливается все, что попадает на прицел. Ну, если эти победы были в действительности.

5. Нельзя парой выстрелов уничтожить наш самолет. А кто сказал, что парой? Вот описание бегства из Крыма. Немцы

вывозят в фюзеляжах своих истребителей техников и механиков, но при этом не снимают крыльевые контейнеры с 30-мм пушками. Долго ли продержится истребитель под огнем трех пушек? Одновременно это показывает, до какой степени они презирали наши самолеты, которые в 1944 году, разумеется, превосходили старенькие «мессера» по всем показателям. Ведь ясно, что с двумя контейнерами под крыльями Ме-109 летал чуть лучше полена.

Для справки: в варианте Ме-109G-6/R4 самолет нес под крыльями две пушки МК 108, хотя это была достаточно редкая модель. Гораздо чаще встречался вариант Ме-109G-6/R6, который нес два контейнера с пушками MG 151/20.

6. Немцы поочередно обстреливали один самолет, и каждый записывал его на свой счет. Просто без комментариев.

7. Немцы бросили на Восточный фронт элитные истребительные части, чтобы захватить господство в воздухе. Да не было у немцев элитных истребительных подразделений, кроме созданной в самом конце войны реактивной эскадрильи Галланда JV-44! Все остальные эскадры и группы были самыми обычными фронтовыми соединениями. Никаких там «Бубновых тузов» и прочей ерунды. Просто у немцев многие соединения, кроме номера, имели еще и имя собственное. Так что все эти «Рихтгофены», «Грайфы», «Кондоры», «Иммельманы», даже «Грюн Херц» – это рядовые эскадры. Обратите внимание, сколько блестящих асов служило в заурядной безымянной JG-52.

8. В наших ВВС существовала строгая система учета воздушных побед, немцы все фиксировали только по заявлениям пилотов. О-хо-хо… Строгие системы были у **всех** , и **все** их нарушали. Разоблачители предпочитают не приводить факсимиле немецких документов с их многочисленными графами и подпунктами, ну вот врут они – и всё.

Кстати, немцы действительно привирают. Вот вам один пример такого вранья. Речь пойдет об одном из эпизодов воздушных сражений над Доном летом 1942 года, в которых участвовала группа I./JG-53 «Туз пик». 11 августа самолет-разведчик сообщил о прибытии примерно 80 немецких самолетов на аэродромы в Ольховском, и 12 августа с целью снижения активности Люфтваффе самолеты 8-й ВА нанесли сосредоточенные бомбоштурмовые удары по трем основным аэродромам противника – Ольховское, Подольховское и Обливское.

Первый удар был нанесен на рассвете силами 13 Ил-2 226-й и 228-й ШАД под прикрытием истребителей по аэродрому Обливское, на котором немцы сосредоточили до 100 Ju-88 и Ме-109.

К аэродрому штурмовики вышли на самой малой высоте и с горки атаковали самолеты противника на стоянках, построенных, как на параде, в одну линию – промахнуться было сложно. Удар был настолько неожиданным, что немецкие зенитчики открыли огонь только после первого захода «илов», а истребители так и не смогли взлететь для отражения атаки. Расстреляв боезапас, Ил-2 без потерь вернулись на свой аэродром.

Несколько позже 8 Ил-2 686-го ШАП под прикрытием 12 Як-1 из 269-й ИАД и 5 Лагг-3 из 235-й ИАД нанесли бомбоштурмовые удары по аэродромам Ольховский и Подольховский.

Этот удар закончился для советских летчиков трагически. Противник был начеку – Ил-2 были встречены плотным зенитным огнем. Штурмовиков вел майор Злотов, опытный пилот, участвовавший еще в войне в Испании. Примерно в 4.00 штурмовики легли на боевой курс. Истребителями прикрытия командовал Е. Панфилов, совершивший один из первых таранов в этой войне. Но советским летчикам не повезло. Именно в этот момент с аэродрома поднялась группа Ме-109, и штурмовики нарвались прямо на «Пиковых тузов».

Вслед за ними взлетели истребители JG 3 «Удет», и бой превратился в избиение. Немецкие пилоты заявили об уничтожении 33 самолетов противника ценой потери одного «мессера». На долю летчиков «Туза пик» приходилось 27 самолетов. По 5 самолетов сбили лейтенант Целлот и обер-лейтенант Мюллер. На самом деле в бою были сбиты все 8 советских штурмовиков (часть пилотов сумела вернуться на свой аэродром «пешим строем») и 7 истребителей. Но! Как из 25 самолетов сбить 33, да еще так, чтобы кое-кто уцелел? Я на этот вопрос ответить не могу. И это при том, что бой происходил прямо над немецким аэродромом, где в наземных наблюдателях (причем наблюдателях квалифицированных) недостатка не было. В общем, немецкий «коэффициент фантазии» можете посчитать сами.

Впрочем, наши летчики тоже не скупились. Они заявили об уничтожении на земле 80 немецких самолетов, хотя на самом деле пострадали (не обязательно уничтожены!) только 20!

Но вернемся к делам Эриха Хартманна. Во время боев на знаменитом Миус-фронте с 1 по 20 августа 1943 года он совершил 54 вылета и сбил (или не сбил?) 49 советских самолетов. 20 августа имел место чуть ли не самый знаменитый эпизод в его военной биографии. Хартманн был сбит, сел позади линии фронта, попал в плен, но сумел бежать и той же ночью пересек линию фронта. Сам Хартманн говорил, что его самолет

получил повреждения по неизвестной причине – не то обломки сбитого Ил-2, не то огонь с земли, не то шальная очередь какого-то самолета, своего или чужого. Впрочем, его рассказ напоминает кадры из приключенческого фильма – 8 отважных немецких летчиков атаковали 40 советских штурмовиков, прикрываемых 50 истребителями. Что пишет Д. Хазанов? По советским документам, в этот день имели место 40 воздушных боев, и Ил-2 лейтенанта П. Евдокимова из 232-го ШАП на выходе из атаки сам был атакован Ме-109, но после меткой очереди «мессер» задымился, пошел вниз и совершил вынужденную посадку в расположении 2-й гвардейской армии. Вот как много увидел наш пилот! И, дескать, карьера Хартманна едва не завершилась… Но заметьте: никаких иных подтверждений, кроме слов летчика. Но это же наш, советский летчик, не какой-нибудь там пилот Люфтваффе. Мы ему верим. А вот Хартманну, разумеется, не верим, хоть он и говорил, что постарался дотянуть до линии фронта, то есть убраться как можно дальше на запад от места боя. Вообще описание боя крайне путаное. Вроде немецкие истребители атаковали штурмовиков, атаковавших немецкую пехоту. Тогда непонятно, зачем Хартманну было искать свой тыл, вот он, прямо внизу. Именно в этот день была прорвана немецкая оборона и образовалось вклинение от села Куйбышево на Амвросиевку, 24 километра в глубину и 16 километров по фронту, то есть внизу вполне могли быть советские войска. Но что удивительнее всего, этот прорыв был совершен в полосе 5-й ударной, а не 2-й гвардейской армии, достаточно посмотреть **любую** историю боев на Миус-фронте.

Кстати, именно 20 августа стало апогеем боев в воздухе над местом прорыва. 19 августа советская 8-я воздушная армия выполнила 587 самолето-вылетов, потеряв 14 машин. 20 августа было сделано 738 самолето-вылетов, что составило 2,58 вылета на самолет, причем именно в район прорыва, при этом было потеряно 28 самолетов, в том числе 11 штурмовиков. Все это по советским данным. То есть утверждение историка, что победы Хартманна не подтверждены, выглядит не вполне обоснованным. Если в немецких документах указано время 6.10 – это не обязательно означает, что самолет упал точно в это время. Он мог, как поступил и сам Хартманн, постараться дотянуть до своих.

Косвенным подтверждением рассказа Хартманна может служить то, что он говорит о **советских** солдатах, ехавших на **немецком** грузовике. То есть вполне вероятно, что эта машина была захвачена как раз во время прорыва. Трофей. И этот же самый прорыв объясняет многое другое. В динамичной

обстановке наступления линия фронта становится довольно жидкой, и пересечь ее проще, чем в ходе статичных позиционных боев. Это же объясняет и действия в одном районе немецких пикировщиков и советских штурмовиков. В общем, единственный вывод, который можно сделать по данному эпизоду: **пока** ничего не ясно. Требуется дополнительный скрупулезный анализ.

Вообще-то Д. Хазанов предлагает вполне разумный способ проверки результатов Хартманна: сличение советских и немецких документов, о чем и я всегда говорил. Но уважаемый историк сразу указывает, что даже это не может дать абсолютно достоверный результат. Хартманн чаще всего работал как свободный охотник, и, по его собственным словам, большинство сбитых им пилотов даже не подозревали, что их атакуют. Поэтому многие числятся как «не вернувшиеся на аэродром», о чем Д. Хазанов и пишет. Однако он забывает указать на **типичную** ошибку всех летчиков-истребителей, которые принимали **подбитый** самолет за **сбитый** . Сколько жертв Хартманна все-таки сумели вернуться, привезя множество пробоин? Сказать невозможно в принципе, но не меньший процент выживших был и после атак Кожедуба. Можно также упомянуть не раз встречавшееся напоминание, что, если пилот истребителя включает форсаж, за самолетом появляется дымный хвост, который часто принимали за результат попаданий.

Но продолжим анализ. Не менее мутной оказывается история с 250-й победой Хартманна. Вообще создается впечатление, что существует несколько вариантов журналов боевых действий JG 52. Итак, критикуя книгу М. Зефирова «Асы Люфтваффе», где написано, что свою 250-ю победу Хартманн одержал **4 июля** 1944 года в районе Бобруйска, сбив за один вылет три Ил-2, Д. Хазанов заявляет, что это не подтверждено советскими документами. Мимоходом заметим, что он не упускает возможности лягнуть коллегу, заявив, что тот является «одним из русских историков, создающих культ Хартманна». Мол, согласно документам 5-й воздушной армии, в этот день был сбит только один штурмовик. НО! В этом вопросе царит уже совершенно полный разброд. В книге Толивера и Констебля пишется, что это произошло 1 июля, однако в приложении к ней же, составленном на основе документов III/JG 52, указано, что 250-ю победу Хартманн одержал **4 июня** в районе Бобруйска, но это был истребитель Як-9. Однако есть информация, основанная на немецких же документах, что это произошло 4 июня, хотя 250-м самолетом была «Аэрокобра»! Ну, с американских журналистов спрос невелик, но если претендуешь на объективный анализ, следует, как минимум, выяснить все-таки, когда именно

произошло указанное событие. Разница в один месяц слишком велика, чтобы остаться незамеченной.

Вот история с 300-й победой, о которой рассказывает совершенно случайно подвернувшийся военный корреспондент Гейнц Эккерт (тут в кустах случайно стоит рояль, я вам сыграю полонез Огинского), действительно выглядит как журналистская байка, причем даже здесь встречаются разногласия относительно времени побед и типов самолетов. Но хотя бы день совпадает, и на том спасибо.

Кстати, о журналистских байках. Были запущены две абсолютно симметричные сказки, причем первой появилась советская. Дескать, фрицы предупреждали своих летчиков истерическим воплем: «Ахтунг! Покрышкин им дер Люфт!» Но давайте обратимся к интервью с Альфредом Гриславски (вы еще встретитесь с ним в этой книге), которое взяли историки Андрей Диков и Дмитрий Срибный.

А.Д. Какую информацию доводили до немецких летчиков о противнике? Разведывательные, оперативные сводки? Было ли известно, какие части стоят перед вами, какие летчики? Какая информация доводилась?

А.Г. Мы не знали совсем ничего о них. Ничего.

А.Д. А советских летчиков?

А.Г. Только если мы сбивали летчика, и его брали в плен, и привозили к нам на аэродром. Мы расспрашивали его. Только так. Иначе мы совсем ничего не знали о противнике.

Вот так, никаких Покрышкиных. Впрочем, рассказанная Толивером и Констеблем история о «Черном дьяволе» выглядит еще более фантастически.

Кстати, а вот что думал Гриславски о Хартманне. Скажем, не слишком хорошее мнение, но в то же время и не слишком плохое.

А.Д. А что еще вы можете сказать о Хартманне? Был ли он столь хорош, или ему просто везло?

А.Г. Точно я не знаю, потому что застал его еще начинающим. Но он был определенно хорошим летчиком. Не знаю уж, кто из нас, например, был лучше, но он был хороший летчик. Да, ну и, конечно, ему сильно везло, видимо.

А.Д. Что я имею в виду: Хартманн был очень молод и неопытен по сравнению с другими летчиками JG 52, и пришел намного позже других, в конце 1942 года, а начал одерживать большое количество побед только летом 1943 года. А ведь в JG 52 было много других опытных летчиков, у которых также было много воздушных побед. Например, Баркхорн. Но Хартманн стал наиболее результативным. И это странно.

А.Г. Тогда, в 1943 году, в России лучшие пилоты JG 52 либо

были сбиты, либо направлены в ПВО Германии, на Запад. Грассмук, Фулльграбе, Эрнст Зюсс… А он был начинающим лейтенантом.

Вот такие пирожки с котятами получаются. Довольно странно, что Д. Хазанов не упоминает об одной мелкой лжи Хартманна, которую он повторял даже после войны в интервью. Дело в том, что летчик говорит, будто за всю войну потерял только одного ведомого – Гюнтера Капито, сбитого в марте 1945 года. Бывший пилот-бомбардировщик так и не смог переучиться на истребителя, в книге об этом детально рассказывается. Интересно, что в этой истории тоже имеются неясные моменты. Хартманн утверждает, что Капито был сбит «Аэрокоброй», которая, в свою очередь, была сбита им самим. Потом на земле возле города Бунцлау были найдены обломки «кобры», на фюзеляже которой было нарисовано 25 звезд. Д. Хазанов пишет, что это, судя по всему, был самолет Героя Советского Союза капитана С. Лазарева.

Начнем с того, что на момент гибели С.И. Лазарев был всего лишь старшим лейтенантом. 31 января командир 5-го авиакорпуса полковник Мачин действительно представил Лазарева к воинскому званию «капитан», но официального приказа к моменту гибели летчика еще не было. И причина гибели по документам несколько иная. Считается, что его самолет в туче столкнулся с пикировщиком Пе-2. Существует также версия, будто он протаранил немецкий истребитель, хотя официально она не признана.

Но Капито был вторым ведомым, которого потерял Хартманн. 30 ноября 1944 года советские зенитки сбили унтер-офицера Генриха Таммена. Да, зенитка все-таки не истребитель, и воздушного боя не было, но ведомый-то все равно сбит!

В сумме же в статье Д. Хазанова собственно анализу посвящено всего 4 страницы из 11, поэтому не следует удивляться тому, что финальный вывод звучит так: «Его реальный результат можно оценить как 70 или 80 самолетов». Вот так: можно оценить. Я согласен, что придется остановиться на оценке, так как даже тщательный анализ советских и немецких документов не позволит установить истину по упомянутым выше причинам. И далее появляется прелестный пассаж: нацистский режим нуждался в героях, потому и появился Эрих Хартманн.

Но хотите рассказ об откровенной фальшивке, сочиненной в годы «холодной войны», только уже советскими пропагандистами? Помните рассказ о двух «Мустангах», якобы сбитых Кожедубом над Берлином перед самым Днем Победы? Он-де пытался отогнать «мессеры», атакующие американские

«Летающие крепости», но сам был атакован «Мустангами», два из которых он сбил. Пилотом одного из самолетов был «здоровенный негр», успевший выпрыгнуть с парашютом.
Начнем с того, что дата этого происшествия плавает в достаточно широком диапазоне – с 17 по 22 апреля. Далее, «здоровенный негр» мог летать только в составе 332-й истребительной группы, которая входила в XV Воздушную армию, базировавшуюся в Италии, и никак не могла оказаться над Берлином. Сегрегация в американских вооруженных силах в то время была совершенно жесткой, и негры никак не могли попасть в состав белых частей. Последний налет на Берлин «Крепости» VIII Воздушной армии совершили еще 10 апреля и с тех пор над германской столицей не показывались. 16 апреля генерал Карл Спаатс, командующий американской стратегической авиацией в Европе, объявил о прекращении стратегических бомбардировок и предложил генералу Эйзенхауэру использовать его самолеты на фронте для поддержки войск. И наконец, гуляющие кадры фотопулемета, где запечатлен этот эпизод. Во-первых, на них совершенно четко видно, что американский истребитель не сбросил подвесные баки. С таким грузом воздушные бои не начинают. Далее, кадры растянуты по вертикали, тогда как кадры советских фотопулеметов горизонтальные. И наконец: почему на кадрах совершенно ясно видна фабричная марка «Цейсс»? Вот вам и «официально подтвержденный результат».

В заключение следует сказать пару слов о путанице в моделях советских самолетов, ведь никогда в природе не существовали Лагг-5 и тому подобные. Немцы, следуя своей привычке, так называли Ла-5, ведь сами они не считали замену мотора водяного охлаждения на мотор воздушного охлаждения достаточной причиной для смены обозначения самолета. Вот и появился Лагг-5. Кстати, наши летчики тоже сбивали фантастические самолеты, вроде никогда не существовавшего истребителя Не-113. Или первоначальная путаница с Ме-109F, который заметно отличался от «рубленого «Эмиля». Правда, самый блестящий пример путаницы имел место на Тихоокеанском театре. Американские летчики не раз доносили об уничтожении «истребителей типа «Мессершмитт». Я сам в свое время посмеялся над этим, но хорошо смеется тот, кто смеется последним. В Интернете появились справочники американских ВВС военного времени, где совершенно официально упоминался такой самолет, оказавшийся на самом деле вполне реальным истребителем Ki-61 «Хиен». Так что не стоит цепляться к пилотам, которые неправильно называли тип атакованного самолета. Впрочем, еще более наглядный пример давали нам наши

танкисты, когда каждый подбитый немецкий танк объявлялся обязательно «Тигром», а самоходное орудие всегда становилось «Фердинандом», хотя их-то было выпущено всего 90 штук.

И каково же резюме? Эрих Хартманн – выдающийся пилот, который сбил очень много самолетов. Сколько именно? Неизвестно, и никогда не станет известно, потому что даже самый скрупулезный анализ документов обеих сторон все равно даст разброс порядка 20–30 побед, однако такой анализ не проведен и вряд ли будет проведен, потому что он требует слишком много времени, сил и денег. В лучшем случае будет разобрано еще три-четыре эпизода, и на том все закончится. А по столь ограниченным результатам нельзя делать вывод по всей военной карьере пилота. Как сказали бы математики: «Это нерепрезентативная выборка». Сколько самолетов сбил Хартманн? Явно не 352. Разобранные Д. Хазановым эпизоды это все-таки доказывают, хотя анализ был проведен небрежно и предвзято. Ну а точную цифру пусть каждый определяет сам для себя.

Все примечания в книге принадлежат авторам.

Предисловие

Когда мои друзья полковник Раймонд Ф. Толивер и Тревор Дж. Констебль попросили меня написать предисловие к биографии Эриха Хартманна, я был счастлив, причем по нескольким причинам. Прежде всего я был горд тем, что могу отдать должное лучшему асу всех времен, который служил под моим командованием в годы Второй мировой войны. Кроме того, мы с Буби Хартманном подружились после того, как он освободился, проведя десять лет в советских лагерях. Мы с ним согласились, что, если бы он принял мое предложение и в 1945 году перешел в JV-44, вся его жизнь сложилась бы иначе. Его решение вернуться в свое подразделение на Восточном фронте стало для него личной трагедией, так как он на десять лет угодил в лапы к русским.

Во-вторых, меня особенно радует то, что биографию Эриха Хартманна решили написать два американских автора, которых мы, немцы, уважаем за прямоту и честность. Благодаря их предыдущим двум книгам достижения немецких летчиков-истребителей в годы Второй мировой войны стали известны всему миру. Я верю, что боевой счет Эриха Хартманна – 352 подтвержденные победы – и другие его достижения будут хорошо описаны в этой книге.

В-третьих, биография Эриха Хартманна описана очень аккуратно, так как мои американские друзья посвятили целые годы утомительным исследованиям. Мы увидим не только отчеты о том, как Хартманн выработал свою уникальную тактику, но и описания человеческой трагедии. Мы встретим не только еще одного летчика и солдата, но также человека, чей характер прошел испытания десятью с половиной годами одиночества, в течение которых он был лишен всех прав солдата. Также мы увидим историю любви, длившейся всю жизнь, ведь именно такие нужны нашему беспокойному миру.

Я верю, что это самая замечательная книга, написанная о летчике-истребителе, особенно ценная тем, что это лучший ас всех времен, прошедший через неслыханные испытания. Я считаю эту книгу замечательным вкладом в историю авиации и полагаю, что авторы сделали серьезный вклад в укрепление международного взаимопонимания и доброй воли.

Я должен сказать авторам: «Пожалуйста, примите наши благодарности. Мы, бывшие летчики-истребители Люфтваффе, ценим то, что вы сделали».

Генерал-лейтенант Адольф Галланд,

командующий Ягдваффе в 1941–1945 гг.

Глава 1 Масштаб героя

Мир – это постоянный заговор против смелого.

Генерал Дуглас МакАртур

Через восемь лет после окончания Второй мировой войны истощенные немецкие солдаты в лагере Дегтярка на Урале почти не сохранили надежды на жизнь. Похороненные в глубинах России мстительным русским правительством, лишенные всех прав солдата и человека, наполовину забытые дома, они были совсем пропащими людьми. Их отношение к жизни редко поднималось выше стоической апатии в обычной тюремной действительности. Однако октябрьским утром 1953 года пролетел слух о прибытии одного немецкого пленного, который возродил проблеск надежды.

Майор Эрих Хартманн имел особые душевные качества, которые снова смогли воспламенить сердца униженных и нуждающихся пленных. Это имя шепотом повторяли в бараках Дегтярки, его прибытие стало значительным событием. Самый лучший ас-истребитель всех времен, Эрих Хартманн получил Бриллианты к своему Рыцарскому кресту Железного креста, высшую награду Германии. Но это исключительное проявление героизма мало значило для пленных. Для них Хартманн был героем других, более долгих битв, которые он уже много лет вел с советской секретной полицией. Он был символом сопротивления.

Истинное его значение как человека и лидера раскрылось после его прибытия в Дегтярку. Все заключенные этого каторжного лагеря выбежали из бараков и прижались к проволоке, когда тюремный грузовик, подняв облако пыли, въезжал в ворота. Когда это облако рассеялось, вновь прибывшие начали выходить наружу под бдительным присмотром вооруженной охраны. Жилистый человек среднего роста с копной соломенных волос и пронзительными голубыми глазами стоял в группе оборванных пленников, одетый в такую же, как у всех, бесформенную робу.

– Это он! – крикнул один из пленников, стоящих у колючей проволоки. – Это Хартманн!

Грязная толпа за оградой разразилась приветственными криками. Они вопили и махали руками, как болельщики на футбольном матче. Белокурый мужчина улыбнулся и тоже

помахал им рукой, вызвав новый припадок восторга. Разнервничавшиеся часовые поспешили загнать Хартманна и его товарищей за барьер из колючей проволоки. Вооруженные русские тоже слышали о Хартманне. Как и лишенные всего немецкие пленные в Дегтярке, они знали, что прибыл подлинный лидер, один из самых дорогих пленников Советского Союза, в то же время создавший и массу проблем.

Эрих Хартманн был образцом непримиримого сопротивления. Несколько раз это приводило его на грань смерти, когда он устраивал голодовки. И в прошлом году его сопротивление увенчалось прямым мятежом в Шахтах. Бывшие германские солдаты, названные военными преступниками, были превращены в рабов в русских угольных шахтах. Эрих Хартманн отказался работать, и это привело к мятежу в лагере, который потом воодушевлял всех немцев, находящихся в России.

Это была история особого рода. Такие любят заключенные, которые не могут бежать, чья жизненная энергия истощается ежедневным сопротивлением процессу дегуманизации. Русский комендант и охрана в Шахтах были смяты заключенными, и Хартманна освободили из одиночной камеры его товарищи. Он возглавил движение за улучшение невозможных условий жизни в лагере. Он хладнокровно разубедил многих немецких пленных от попыток бежать. Вместо этого Хартманн потребовал прибытия международной комиссии для обследования рабского лагеря в Шахтах.

Взбешенные русские не осмелились убить Хартманна, однако они бросили его в одиночку в другом лагере, в Новочеркасске. Некоторые его товарищи по мятежу в Шахтах были отправлены в Дегтярку и принесли туда историю этого мятежа. Лагерь строгого режима в Дегтярке жил по суровым законам, но все-таки заключенные сумели криками приветствовать Хартманна.

Расположенная на Урале вблизи Свердловска, Дегтярка имела блок специального режима, тюрьму внутри тюрьмы, где содержались важные немецкие пленные. Там находилось 12 немецких генералов, представители знаменитых немецких фамилий и «военные преступники» вроде Эриха Хартманна. В глазах русских этот блондин, которому устроили такой шумный прием обитатели особого блока, не был солдатом, исполнявшим свой долг согласно законам своей страны и общим военным традициям и кодексам. Его неутомимое сопротивление советской секретной полиции привело к «осуждению» в качестве военного преступника шутовским советским судом.

Эрих Хартманн был передан русским в 1945 году американским танковым подразделением, которому он сдался

вместе со своей группой (Gruppe) в составе 52-й истребительной эскадры Люфтваффе. Он постоянно отказывался работать на русских или сотрудничать с их марионетками из Восточной Германии. Его сопротивление продолжалось 6 лет, несмотря на угрозы, обман и попытки подкупа. Он даже отказался от крайне соблазнительного предложения немедленно вернуть его в Западную Германию к семье, если только он согласится стать советским шпионом. Через 6 лет Советы поняли, что Хартманн никогда не согласится сотрудничать с ними. Тогда его отдали под суд как военного преступника и осудили на 25 лет каторжных работ. В ответ он попросил расстрела.

Эрих Хартманн

Советское заключение – это долгое и ужасающее испытание человеческого характера. Буквально на каждом шагу немцы подвергались разъедающим душу унижениям, и многие сломались. Америка сегодня получила собственный опыт кошмаров подобного заключения, когда множество ее сынов были

аналогичным образом превращены в «военных преступников» коммунистами-азиатами. Даже выглядевший несокрушимым Эрих Хартманн имел свой предел прочности. Те, кто провел в советских тюрьмах много лет, единодушно утверждают, что любой человек имеет свой предел выносливости в подобных условиях.

Старшие генералы в России оказались не сильнее рядовых. А когда они ломались, это было еще более жалкое зрелище. Офицеры не показали никакого превосходства над рядовыми в борьбе с НКВД. Возраст, опыт, семейные традиции или образование – традиционные факторы, определяющие развитие характера и интеллекта, – не давали почти никакой защиты от нравственного уничтожения. Тот, кто перенес эти страдания лучше и в течение более долгого периода, были людьми, которые черпали силу в одном или двух источниках.

Религия становилась для людей в русском плену крепким личным бастионом. Религиозный человек мог сопротивляться тюремщикам вне зависимости от природы его веры – осознанные убеждения или слепой фанатизм, это не имело значения. Так же могли сохранить внутреннюю целостность те, кто наслаждался абсолютной семейной гармонией, поэтому они непоколебимо верили в то, что дома, в семье, их ждут. Эти люди отковали броню из своей любви. Эрих Хартманн принадлежал ко второй группе.

Его жена Урсула, или Уш, как он ее называл, была источником духовных и моральных сил, когда он находился в кандалах у Советов. Она была светом его души, когда черный занавес советской тюрьмы скрыл его от всего остального мира. Она никогда не подводила Эриха, всегда была частью его самого. Без нее он не выдержал бы 10 лет в советских тюрьмах, без нее он не возродился бы к новой жизни.

По общему признанию своих товарищей по плену, Эрих Хартманн был не только самым сильным человеком, попавшим в лапы Советов. Он принадлежал к элитной группе подлинных лидеров. Когда Германия лежала в руинах, а все воинские кодексы были отброшены в сторону, немецкие пленные признавали только тех лидеров, которые сами выдвинулись из их среды. Обычно это были лучшие из лучших.

Звания и награды здесь не имели значения, так же как возраст и образование. Не проходили никакие хитрости и уловки. В русских тюрьмах сидели предатели-генералы и великолепные сержанты, несгибаемые рядовые стояли плечом к плечу с продажными офицерами. Однако те лидеры, которые проявили себя, относились к лучшим представителям германской нации с

точки зрения характера, силы воли и выносливости.

Эриху Хартманну едва исполнилось 23 года, когда он попал в лапы русских. И он оказался на самой вершине, несмотря на свою молодость. Он смог сам выдержать все испытания и в течение 10 лет заключения в невыносимых условиях служил примером стойкости для своих соотечественников. Очень редко в древней истории и просто никогда в современной можно найти столь длительные попытки сломить героя. Поведение Хартманна в нечеловеческих условиях лучше подтверждает его героизм, чем все его награды.

Истоки силы Эриха Хартманна лежали вне досягаемости НКВД. Этими источниками служили его семья, воспитание в духе свободы, естественное мужество, усиленное неумирающей любовью прекрасной женщины – его жены. В Эрихе сочетались лучшие черты его родителей. Его отец был спокойный, благородный мужчина, достойный пример европейского доктора старых времен, которого отличали искренняя забота о ближнем и практическая мудрость, почти совершенно пропавшие у современных людей. Его мать, которая была жива, когда писалась эта книга, была в юности чутким экстравертом, веселой, энергичной, предприимчивой искательницей приключений.

Доктор Хартманн любил пофилософствовать за бокалом пива, отдыхая от дневных забот своей многотрудной профессии. А его непоседливая блондинка-жена летала на самолетах задолго до того, как общественное мнение Германии решило, что это занятие тоже благопристойно для женщины. Готовность рискнуть и твердое осознание пределов допустимого – вот ключевые элементы того, что позволило Эриху Хартманну стать лучшим пилотом всех времен. И он прямо унаследовал эти черты от своих родителей. Такое счастливое наследство наложилось на его собственные выдающиеся качества и дало в результате исключительный талант.

Его воля в преодолении препятствий была почти яростной. Его прямота мыслей и слов ошарашивала собеседника, превращала робких и колеблющихся в неколебимых. Он был несгибаемым индивидуалистом в эпоху массового подчинения и конформизма. Он был пилотом-истребителем до мозга костей не только в том смысле, что стал лучшим асом, но и по отношению к жизненным испытаниям.

Вилять вокруг чего-то было для него немыслимо, даже если от этого зависела его жизнь. Он был абсолютно непригоден к дипломатической службе с его привычкой рубить наотмашь, зато он был отличным спортсменом и приверженцем честной игры. Честный человек мог совершенно не бояться его. В эпоху, когда

честная игра считается чем-то непонятным и даже анахроническим, Эрих был готов протянуть руку поверженному противнику, как это делали рыцари прежних времен.

В воздушных боях в качестве солдата он убил множество вражеских пилотов, однако в повседневной жизни был просто не способен причинить кому-нибудь боль. Он не был религиозен в формальном смысле слова, хотя восхищался и уважал немцев, которые претерпели такие мучения в России. Его религией была совесть, являвшаяся продолжением его сердца бойца. Как однажды заметил Джордж Бернард Шоу: «Есть определенный тип людей, которые считают, что некоторые вещи просто нельзя делать, независимо от того, чего это будет стоить. Таких людей можно назвать религиозными. Или вы можете назвать их джентльменами». Кодекс поведения Эриха Хартманна – его религия, можно сказать, – заключался в том, что он не мог делать то, что искренне считал неправильным. И он не желал делать то, что считал неправильным.

Этот образ мышления был следствием его черно-белого восприятия мира, которое почти не допускало полутонов. Он веровал в моральные принципы прошлого. Возможно, это привил ему отец. Он особенно остро чувствовал Истину, что принесло ему восхищение современных молодых немецких пилотов. В русских лагерях его духовные силы сосредоточились на создании идеального образа его возлюбленной Уш. Его убеждение, что дома все будет хорошо, мысленные картины, которые Эрих видел, тоже стали своего рода религией. Его вера в Уш никогда не поколебалась и была тысячекратно вознаграждена.

Был ли поэтому Эрих Хартманн замкнутым эгоцентристом, сосредоточенным только на самом себе и своей Уш? Конечно, нет. В действительности у него даже не было необходимости попадать в русскую тюрьму. Перед самым концом войны генерал Шейдеманн приказал ему вылететь из Чехословакии в Центральную Германию. Ему были приказано сдаться англичанам. Генерал Шейдеманн знал, что русские отомстят своему самому страшному воздушному противнику. Приказ лететь в безопасное место был последним приказом, полученным во время войны Хартманном от вышестоящего штаба.

Молодой светловолосый майор сознательно отказался выполнять этот приказ. Тысячи немецких гражданских беженцев – женщин, детей и стариков – сопровождали его группу. Большая их часть так или иначе была связана с его подчиненными. Для военного приказ – это все, он должен быть выполнен. Вместо этого Эрих поступил так, как, по его мнению, диктовал кодекс чести офицера и порядочного человека. Он остался с

беззащитными беженцами. Это решение стоило ему десяти лет жизни.

Скромность была такой же неотъемлемой чертой этого человека, как его голубые глаза и русые волосы. Он не сообщил авторам о приказе генерала Шейдеманна за все 12 лет знакомства, которые предшествовали подготовке этой книги. Они узнали о приказе из других источников. Когда его прямо спросили об этом, Хартманн только усмехнулся.

Безжалостно жесткий к самому себе, он всегда мог найти в своем сердце оправдание товарищу, который не выдержал давления Советов. Каждый человек имеет свой предел прочности, кто-то ломается раньше, кто-то позже – так думал Эрих Хартманн. Когда психика его товарищей сдавала, не выдержав такого испытания, как развод с женами, оставшимися в Германии, он старался вернуть им душевные силы. Он мог мягко говорить с ними или резким шлепком вернуть к действительности. Его крестный путь был его собственным. Другие люди могли следовать за ним, только если они сами добровольно делали такой же выбор.

Когда в 1955 году канцлер Аденауэр добился его освобождения из русского плена, в России еще оставалось множество немецких пленных. Многие пленные были освобождены раньше него, и, когда он вернулся в Западную Германию к своим родным, это стало праздником для бывших пленных и их семей. На вокзале в Херлехсгаузене, где он впервые ступил на свободную землю, его встретили шум и радостное возбуждение. Ему сообщили, что планируется еще более пышная встреча в Штутгарте, возле его родного городка Вель-им-Шёнбух. Ассоциация военнопленных организовала торжества, ожидалось прибытие важных персон.

Худой и изможденный, Хартманн был явно потрясен. Затем он огорошил встречающих настоятельной просьбой не организовывать такого приема. Он не мог принимать участия в подобных празднествах. Газетчики спросили его, почему он отказывается принимать самые сердечные приветствия от жителей Штутгарта.

«Потому что русская точка зрения на жизнь отличается от нашей. Они вполне могут решить, прослышав о подобном празднестве, больше не освобождать немецких пленных. Я знаю русских достаточно хорошо, чтобы опасаться подобного решения относительно моих соотечественников, оставшихся в плену в России.

Когда ВСЕ они вернутся домой, тогда мы и должны будем праздновать. А сейчас мы не имеем права успокаиваться, пока

последний немецкий пленный не будет репатриирован из России».

Его 10-летняя схватка с русской секретной полицией обострила врожденную прямоту Эриха. Он не терпел уверток и, если сталкивался с ошибками, заявлял об этом громко и прямо. Даже рейхсмаршал Геринг в то время, когда нацисты были у власти в Германии, не смог переубедить молодого аса Эриха Хартманна, который протестовал, решив, что Геринг действует неправильно.

В январе 1944 года Эрих посетил свою мать, жившую недалеко от Ютеборга. В этот период ПВО рейха страдала скорее от нехватки пилотов, чем нехватки самолетов. Он сел на базу истребительной авиации возле Ютеборга, когда погода ухудшилась. Эриху было всего 22 года, но его поразила молодость пилотов, базировавшихся на этом аэродроме. Ему не нравилась молодость пилотов, приходивших в его эскадрилью на Восточном фронте, но эти пилоты вообще выглядели старшеклассниками.

Когда он вернулся после визита к матери, то обнаружил, что его эскадрилья была отправлена в полет в скверную погоду. Ветер поднялся за несколько часов до того, как он сам сел на аэродроме. Задачей летчиков был перехват американских бомбардировщиков. Ограниченная тренировка и еще более скромный опыт привели к тому, что 10 молодых пилотов разбились, даже не встретив американские самолеты. Взбешенный Белокурый Рыцарь сел и написал личное послание рейхсмаршалу Герингу:

...

« Герр рейхсмаршал!

Сегодня с этого аэродрома по вашему приказу в отвратительную погоду были подняты истребители, чтобы попытаться найти и сбить американские бомбардировщики. Погода была настолько плохой, что я сам не хотел бы лететь. Истребители, которые вы отправили в воздух, не нашли бомбардировщиков, и 10 молодых пилотов и самолетов были потеряны, не сделав ни единого

выстрела по врагу.

Некоторые из молодых пилотов, с которыми я разговаривал в этой эскадрилье и которые сейчас погибли, имели менее 80 часов налета. Если мы не можем сбивать бомбардировщиков в чистом небе, посылать этих юнцов умирать в плохую погоду граничит с преступлением.

Мы должны дождаться, пока небо очистится и снова появятся бомбардировщики. И тогда нужно послать всех, чтобы одновременно атаковать врага с определенными шансами на успех. Просто позор так тратить жизни молодых солдат, как это было сделано сегодня.

Искренне ваш
капитан Э. Хартманн,
52-я истребительная эскадра
».

Эрих Хартманн отправил это письмо прямо Герингу, использовав обычную почту, и указал свой адрес. Тон и содержание этого послания были достаточны, чтобы командование наказало даже выдающегося аса. Но следующее послание, которое он получил от Геринга, было поздравлением самому удачливому пилоту-истребителю. Возможно, сам рейхсмаршал не видел письма Хартманна. Однако оно было написано и отправлено именно для того, чтобы Геринг его прочитал.

В жизни Эриха Хартманна было более чем достаточно страданий, так же как и славы. Однако он был бойцом в дни мира и в дни войны, и второстепенные черты его характера не были отражены в ограниченном числе публикаций о нем. Он был очень жизнерадостным, унаследовал от матери веселость и чувство юмора. На встречах с друзьями, старыми товарищами и молодыми пилотами новых германских ВВС старый воздушный тигр превращался в котенка. Внутри каждого мужчины не слишком глубоко сидит мальчишка. А Эрих был мальчишкой, который любил поиграть.

Его мальчишеское поведение принесло ему кличку «Буби», когда он в 1942 году попал на Восточный фронт. По-немецки это

означает мальчик или парень. Тогда он был полон радости, и его товарищи по оружия, а также ставший личным другом на долгие годы Вальтер Крупински рассказывали, что Буби откалывал штучки, даже попав в замороженный воздух ставки в Берхтесгадене, когда получал награду из рук Гитлера.

Четыре лучших аса 52-й истребительной эскадры 3 марта 1944 года прибыли в Берхтесгаден, «Орлиное гнездо» Гитлера, чтобы получить награды. Этими асами были Герхард Бакгорн, Иоханнес Визе – «Кубанский лев», Вальтер Крупински – «Граф Пунски», и Буби Хартманн. Карьера этих людей была самым тесным образом переплетена с карьерой Хартманна. В тот раз Бакгорн должен был получать Мечи к своему Рыцарскому кресту, вторую по значимости награду в Германии. Трое остальных должны были получить Дубовые листья, непосредственно предшествовавшие Мечам.

Эта четверка встретилась в поезде, и по пути из Зальцбурга они крепко подружились с кондуктором. Его привлекли пилоты, так как все четверо имели на шее Рыцарские кресты, все были молоды, веселы и дружелюбны. Кондуктор обеспечил им бесконечный поток всяческих припасов из своего купе, в основном жидких – шнапса, пива, вина, коньяка. Как только он доставлял новую бутылку, веселая четверка тут же выпивала ее содержимое.

Когда кондуктор ссадил их с поезда всего в нескольких милях от «Орлиного гнезда», они были совсем не в состоянии встречаться с фюрером. Когда пилоты ввалились в здание вокзала, их встретил высокий светловолосый майор фон Белов, адъютант Гитлера от Люфтваффе. Воспитанный на старых порядках, дворянин фон Белов едва не упал, когда увидел четверых небрежно одетых пилотов в таком неописуемом состоянии. Они должны были встретиться с фюрером менее чем через два часа.

На улице стояла типичная альпийская весна. На земле еще лежали три дюйма снега, пронизывающий ветер срывал с ближайших вершин снежную крупу, которая занудно сыпала с неба, покрытого плотными серыми облаками. Температура была 25° по Фаренгейту. Фон Белов приказал шоферу ожидавшего «Мерседеса» опустить брезентовый верх и прокатить с ветерком четырех посетителей «Орлиного гнезда».

Они прокатились по холодку, а потом фон Белов заставил их выйти из машины и немного погулять на свежем воздухе. И только после этого, за несколько минут до церемонии, они были допущены в «Орлиное гнездо». И все-таки пилоты были еще отнюдь не трезвыми.

Когда они вошли в фойе прекрасного здания, Хартманн увидел на вешалке фуражку. Заметив на ней какие-то галуны, он сказал: «Ага, вот и моя фуражка». Хартманн подошел к вешалке и быстро водрузил фуражку себе на голову. Когда он повернулся, чтобы покрасоваться перед товарищами, те взорвались от смеха. Фуражка съехала ему на уши. Размер 7 1/4 был явно не к месту на голове 6 3/4.

Однако фон Белов не присоединился к веселью. Перепуганный адъютант, который должен был проводить посетителей Гитлера через протокольные дебри, бросился к Хартманну и сдернул фуражку у него с головы.

– Отдай! Это фуражка **фюрера** !

Во время церемонии награждения все четверо пилотов сумели устоять на ногах, однако и по сей день попытка Эриха Хартманна утащить фуражку фюрера остается предметом шуток, если эти четверо встречаются. Так как Хартманн занимался не самым веселым делом, а потом пережил просто печальные испытания, его чувство юмора осталось неизвестным широкой публике. Тем не менее оно остается неотъемлемой чертой его характера, и он никогда не стал бы таким, каков он есть, если бы не его юмор.

В анналах военной истории не так много героев, сравнимых с Хартманном. А в истории авиации их еще меньше. Его 352 подтвержденные воздушные победы остаются непревзойденным достижением. Его ближайший соперник, Герд Бакгорн, имеет на 51 победу меньше. Белокурый Рыцарь Германии сбил в четыре с лишним раза больше самолетов врага, чем бессмертный барон Манфред фон Рихтгофен, лучший ас Первой мировой войны.

Даже в испытывавших огромную нагрузку Люфтваффе мало найдется пилотов, которые провели больше воздушных боев, чем Эрих Хартманн. Он совершил не менее 1400 боевых вылетов и вступал в бой более 800 раз. Его физическая и духовная выносливость были таковы, что он выдержал, не показав признаков усталости, почти непрерывную череду боев с конца 1942-го по май 1945 года.

Он не получил ни одной раны. И его способность наносить противнику тяжелейшие потери, но при этом самому оставаться невредимым, не была следствием слепого везения. Он был удачлив, как все выдающиеся пилоты-истребители, однако создал свой особенный стиль ведения воздушного боя, который представлял новое слово в тактике. Он отвергал воздушную карусель. После войны его бывший адъютант Виль Ван де Камп сказал, что своими успехами Хартманн обязан своему особенному

методу атаки. Он всегда стрелял только в упор.

После войны Виль Ван де Камп как-то сказал Уш Хартманн, что, если бы все пилоты-истребители в мире использовали эту тактику, Эрих не стал бы лучшим асом. Ван де Камп считал, что успехи Эриха пришли потому, что он резко порвал с тактическим наследием прошлого. Белокурый Рыцарь создал свою собственную тактику, которую мы детально опишем в этой книге.

Хартманн был человеком со множеством недостатков, которые были следствием его характера. Аналитический ум в сочетании с интуицией позволял ему сразу вникнуть в суть любой проблемы и найти верное решение. Приняв решение, Эрих неукоснительно выполнял его. В бизнесе эти качества могли бы сделать его магнатом, но и в военном деле они принесли ему большие дивиденды.

В юности его прямота выливалась в порывистое, часто рискованное поведение. В годы зрелости он тоже показывал потрясающее отсутствие такта. В современной культуре, склонной видеть героя нерешительным и колеблющимся, он кажется живым анахронизмом. Его живой гибкий ум позволил ему сохранить юность в сердце. И сердце тигра по-прежнему бьется в груди старого кота. В сегодняшнем Хартманне адский ас-истребитель, небрежно одетый, неизменно романтический искатель приключений, находится слишком близко к поверхности для человека, которому стукнуло 60 лет.

Этот человек сохранял исключительное хладнокровие в напряженных обстоятельствах и просто не знал, что такое нервы. Часто он сближался с противником менее чем на 100 футов, перед тем как открыть огонь. Это была крайне опасная дистанция, где буквально волосок отделял победу от столкновения в воздухе. Хартманн пережил 14 вынужденных посадок на Восточном фронте, но каждый раз он снова поднимался в воздух, как только появлялся новый самолет. Несмотря на юные годы – ему было всего 22 года, когда он получил Бриллианты, – он не потерял скромности и сдержанности.

Люди, гораздо более старые, чем Эрих Хартманн, в вооруженных силах стран всего мира часто не выдерживали груза мантии героя, теряли достоинство и уважение нации. Лучший ас американского корпуса морской пехоты полковник Грегори Бойнгтон однажды сказал: «Покажите мне героя, и я тут же покажу вам говнюка». Для многих героев ядовитое определение Бойнгтона было более чем справедливо. Множество героев военного времени не выдерживали испытания миром. Эрих Хартманн сумел сохранить чистоту не только перед лицом наград, врученных ему восхищенной нацией, но и перед лицом

режима, который вынудил его вести тяжелые, опустошающие душу, бои в одиночку в течение 10 лет «холодной войны».

Хартманн играл теми картами, которые ему сдавала судьба и в дни войны, и в дни мира, с невозмутимостью, которая восхищала абсолютно всех, но подражать которой никто даже не надеялся. Когда в 1955 году он вернулся в Германию, ему пришлось испить еще не одну чашу горечи. Его сын, Петер-Эрих, умер в 1947 году, и Белокурый Рыцарь никогда не видел мальчика. Его любимый отец тоже скончался. Его мальчишеские надежды унаследовать отцовскую профессию врача были развеяны в прах возрастом и долгим отлучением от мира медицины. Почти треть жизни он провел в русских лагерях.

Старые воздушные тигры дней его славы убеждали его поступить в новые германские ВВС. Они развернули настоящую кампанию по возвращению Хартманна на военную службу. Так как все остальные перспективы были достаточно туманными, он начал заново строить свою жизнь на основе опыта пилота-истребителя, то есть той вещи, которую он отлично знал, профессии, которой владел в совершенстве.

Он прошел переподготовку в США на новых реактивных истребителях, начал новую семейную жизнь, у него родилась любимая дочь. И тогда начался процесс его возрождения. Эрих был единственным человеком в вооруженных силах Германии, который в годы Второй мировой войны получил Бриллианты к Рыцарскому кресту. Его старая слава позволила дальновидному и серьезному командующему ВВС генералу Каммхуберу назначить Хартманна командиром первой эскадры реактивных истребителей германских ВВС. Она получила название «Эскадра Рихтгофен», что напоминало о славной истории. Хартманн стал одним из самых уважаемых офицеров в Германии.

Однако не дремали и его враги. Противниками Белокурого Рыцаря были не только вражеские пилоты в годы войны или офицеры НКВД в годы мира. Врагами его были мелкие людишки, усевшиеся в высокие кресла в новых германских ВВС. Эти шестерки на больших должностях ненавидели Эриха Хартманна и стремились любой ценой испортить его карьеру. Через несколько лет один такой человечек в генеральском мундире попытался выбить Эриха из своего кабинета, что мы еще опишем детально. Эрих пережил и этот удар.

Белокурый Рыцарь с честью пронес свой изрубленный щит, а его герб сияет по-прежнему ярко. Немногие прославленные герои могут сказать о себе то же самое. Пришло время рассказать историю этого благородного рыцаря, описать его подвиги на турнире, глубину страданий в оковах и незабываемый роман с

прекрасной дамой.

Глава 2 Становление мужчины

Истоки мужества кроются в мальчишестве.

Поговорка

Первая страница приключений в жизни Эриха Хартманна была открыта в 1925 году, когда вместе с семьей он отправился из Германии в Китай. Эрих родился 19 апреля 1922 года в Вейссахе в Вюртемберге. Он был крепким светловолосым мальчиком, уже успевшим показать свою силу воли, когда вместе с матерью поднялся на борт парохода, идущего на Дальний Восток. Отец Эриха, доктор Альфред Хартманн, нашел условия послевоенной Германии трудными и сулящими мало выгоды. Врач германской армии в годы Первой мировой войны, он вернулся с фронта только для того, чтобы начать борьбу с новыми врагами – инфляцией, нехваткой продуктов, политическим и экономическим хаосом.

Когда двоюродный брат доктора Хартманна, который служил германским консулом в Шанхае, вернулся домой и увидел руины фатерланда, он убедил отца Эриха поехать вместе с ним и заняться медициной в Китае. Консул уверил брата, что там у него будет огромная практика среди китайцев. Доктор Хартманн любил приключения, и перспектива работать по специальности за границей просто заинтриговала его. Однако сначала он весьма скептически отнесся к радужным перспективам, нарисованным его кузеном-дипломатом. Консервативный и осторожный человек, особенно если сравнивать с увлекающейся и восторженной женой, доктор Хартманн один отправился в Китай на разведку. Он с трудом поверил тому, что увидел.

По сравнению с конвульсирующей и голодной Германией Китай казался просто раем. Доктор Хартманн обнаружил, что китайцам нужна его помощь. Они охотно платили деньги и оказывали ему всяческое уважение. Он был единственным доктором-европейцем в городе Чанша, находящемся в 600 милях от моря вверх по течению Янцзы. Доктор послал за своей семьей. Он имел приятный домик в Чанша, а позднее купил островок посреди реки, где построил новый дом.

Первые жизненные воспоминания Эриха связаны с деревянным островком, который стал его игровой площадкой, девственной красотой и таинственными пещерами. Остров был самым подходящим местом для игры буйной детской фантазии.

Однако восточная идиллия не затянулась слишком долго. Через несколько лет началась первая китайская революция. Китайцы начали выступать против западных империалистов и «чужеземных дьяволов». Начались беспорядки.

Доктор Хартманн имел два источника защиты, когда агитация приняла более резкие формы. Прежде всего он считался уважаемым человеком как врач. Во-вторых, ему повезло в том, что он был немцем, так как в 20-х годах Германия в Китае не имела никакого веса и не являлась частью колониальной структуры.

Тем не менее даже эти условия могли обеспечить только временную безопасность семье Хартманна. К 1929 году уличные беспорядки стали всеобщими. Нападения на английских, французских и бельгийских дипломатов становились все чаще. У доктора Хартманна было несколько друзей-англичан. Один из них имел дом в Чанша, недалеко от больницы. Однажды утром, направляясь в больницу, доктор Хартманн с ужасом увидел отрезанные головы троих англичан, насаженные на колья вокруг британского консульства.

Мягкий немецкий доктор отреагировал немедленно. Фрау Хартманн, 5-летний Эрих и его брат Альфред, который был на год моложе, были отправлены в Германию. Несколько недель они пересекали Россию по ужасающей Транссибирской магистрали. В Москве поезд должен был простоять целый час, и Элизабет Хартманн вышла, чтобы купить продукты для своих детей.

Она сказала старшему сыну:

– Эрих, присматривай за Альфредом. Не слезайте с сидений. Я вернусь через несколько минут.

Потом мать исчезла в людском водовороте Московского вокзала. Но не успела она вернуться, как поезд тронулся. Альфред Хартманн, который сегодня работает доктором в Вейль-им-Шёнбухе, ясно помнит, как они оцепенели от ужаса:

«Я был перепуган и вскоре ослеп от слез. Эрих был спокойнее. Он пытался утешить меня, убеждал не плакать и быть смелее. Мне это не удалось, и я продолжал вопить. Поезд мчался в Германию, как мне казалось, с ужасной скоростью. Люди в вагоне пытались выяснить, что с нами случилось. Эрих попытался как можно спокойнее объяснить наше положение. К несчастью, в то время мы по-китайски говорили лучше, чем по-немецки. Это вызывало еще большую путаницу и приводило меня в совершенный ужас.

После целого часа ужасных мучений, когда Эрих был моим утешителем, переводчиком и сиделкой, открылась дверь купе и появилась моя мать. Ее белокурые волосы были растрепаны, но на губах играла улыбка. При ее появлении не выдержал и отважный

Эрих. Слезы потекли у него по щекам, и он обвиняюще ткнул в меня пальцем. «Я говорил ему не плакать», – прохныкал он, когда мать обняла нас обоих».

Вейль-им-Шёнбух

Через несколько лет причина странного отсутствия Элизабет Хартманн стала семейной шуткой. Она покупала продукты, стоя в очереди, когда услышала, что ее поезд отправляется. Он простоял гораздо меньше часа. И сразу после этого прозвучали свистки отправления. Побросав все покупки, почтенная немецкая мать помчалась по платформе вдогонку за набирающим скорость поездом. Схватившись за поручни последнего вагона, она лихо запрыгнула на подножку, как в голливудском боевике.

В то время русские железные дороги были безумно далеки от западных, никаких роскошных магазинов на колесах не было и в помине. А этот конкретный поезд не имел даже внутреннего коридора в вагонах позади того, в котором ехала фрау Хартманн со своими сыновьями. Эти вагоны напоминали австралийские автобусы с мостками вдоль всего шасси. Она была вынуждена пробираться вперед, проходя вагон за вагоном, наконец добравшись до закрытого купе, где ее ждали Эрих с братом.

После возвращения из Китая Элизабет Хартманн устроилась в Вейль-им-Шёнбухе возле Штутгарта и начала ждать известий от своего мужа. Через 6 месяцев он написал, что обстановка

успокоилась. Гражданские беспорядки завершились. «Возвращайся в Китай и привози мальчиков», – написал он.

Однако независимая фрау Хартманн решила, что провела более чем достаточно времени на Дальнем Востоке. «Я не вернусь в Китай, – написала она мужу. – Я уже начала подыскивать тебе клинику возле Штутгарта, где ты сможешь заниматься медициной, не подвергаясь опасностям». Доктор Хартманн вернулся на родину. Семья переехала в уютный старый сельский дом возле Вейля, и через три года они сумели построить дом и клинику на Бисмаркштрассе в Вейль-им-Шёнбухе. Именно там Эрих Хартманн провел последние юношеские годы перед войной.

С самых первых дней в Вейле Эрих просто помешался на авиации. Начала проявляться его отвага, выразившаяся в первой попытке полететь. Он соорудил из бамбука каркас планера и обтянул его старыми покрывалами. Держа над собой эту конструкцию-снаряд, он спрыгнул с крыши летнего домика. Приземлился Эрих в специально выкопанной яме с мягкой землей. Он остался совершенно цел, но сразу понял свою беспомощность как инженера и благоразумно оставил попытки строительства летательных аппаратов.

Интерес Эриха к авиации получил новый толчок, когда его непоседливая мать сама занялась спортивными полетами. Жизнь в Вейле была приятной, однако для такой натуры, как Элизабет Хартманн, она была слишком пресной. Она вступила в летный клуб при аэродроме Боблинген – в те дни это был гражданский аэропорт Штутгарта. Он находился всего в 6 милях от дома доктора Хартманна в Вейле.

Одаренный пилот, мать Эриха быстро получила лицензию на управление легким самолетом «Клемм-27». В 1930 году счастливая семья Хартманнов стала совладельцем двухместного самолета, который они приобрели вместе с директором метеостанции аэродрома Боблинген. Тяга Эриха к самолетам и полетам стала постоянной и неодолимой.

Сегодня аэропорт Боблинген не действует. Однако в начале 30-х годов каждый солнечный выходной мальчики Хартманнов и их мать летали на крошечном «Клемме» или хлопотали над ним. После экономического краха в 1932 году любимый самолет пришлось продать. Эта потеря стала для них тяжелым ударом.

В следующем году к власти пришел Гитлер, и началось возрождение германской авиации. Гитлер желал, чтобы германская молодежь полюбила авиацию. Решение этой задачи он возложил на планерные клубы. В 1936 году фрау Хартманн создала такой клуб для местных мальчиков, в основном сыновей фермеров, в Вейль-им-Шёнбухе. Она сама стала инструктором.

Горечь потери крохотного «Клемма» улетучилась, так как полет на планере обладал своей притягательностью. Субботы и воскресенья снова приобрели смысл.

Клуб имел два планера. «Цоглинг-38» предназначался для первичной подготовки. Для опытных пилотов имелся «Грюнау бэби». Каждый выходной Эрих вместе с матерью посещал занятия клуба. Он ждал своей очереди вместе с остальными мальчиками. Тяжелая задача запуска в воздух планеров с помощью резиновой катапульты была превосходной точкой приложения кипучей энергии мальчишек. По восемь крепких немецких парней брались за резиновую полосу с обеих сторон и пускались бегом, волоча за собой планер.

Очень часто планер подскакивал на несколько метров в воздух, только чтобы шлепнуться обратно на траву, к отчаянию бурлаков. Тяжелая работа начиналась сначала. Чтобы научиться летать, мальчикам приходилось серьезно потрудиться. Но затем раздавались волшебные слова:

«Эрих, твоя очередь, залезай в кабину. Мы попытаемся запустить тебя».

Его брат Альфред отлично помнит, как Эрих летал на планере: «Он был превосходным пилотом, одаренным с самого начала. Я очень хотел бы летать так же, но между нашими возможностями была огромная пропасть».

В 14 лет Эрих уже имел лицензию планериста и был опытным пилотом. В конце 1937 года он уже сдал экзамены на категории планериста «А» и «В». Имея категорию «С», Эрих стал инструктором в планерной школе Гитлерюгенда. Спустя 40 лет Эрих Хартманн так вспоминает эти дни:

«Планеризм был прекрасным спортом, даже чем-то большим. Он дал мне прекрасное ощущение полета. Тонкий, но ощутимый шелест ветра вокруг тебя, который держит тебя и несет куда-то твой планер, помогает тебе слиться с окружающим. Ты становишься в подлинном смысле воздушным человеком. Полеты на самолетах, которыми я занимался в Люфтваффе, были мне знакомы Я видел, как летают моя мать, мой брат, мои друзья. Поэтому я залезал в кабину самолета с теми же чувствами, что в салон автомобиля.

Раннее знакомство с самолетом, которое я получил в клубе, помогает мне до сегодняшнего дня. Если я сижу в самолете и что-то ломается, я просто физически чувствую это. Я ощущаю это еще до того, как приборы покажут на какую-то неполадку. Нет никакого сомнения, что чем раньше вы начнете заниматься летным делом, тем острее будут все ваши ощущения, связанные с самолетом».

Брат Эриха Альфред сегодня работает врачом в том же самом семейном доме в Вейле, который построил его отец. Он добрый и мягкий человек, который по своему характеру и взглядам сильно напоминает отца. Пролетав недолгое время стрелком на пикировщике Ju-87 в Северной Африке, он попал в плен и провел 4 года в британских лагерях. Более мягкий во всех отношениях, чем его знаменитый брат, Альфред так вспоминает эти годы:

«Он был сильнее меня во всех отношениях. Эрих был атлетом, увлеченным спортсменом. Практически во всех видах спорта он добивался хороших результатов, стоило ему только чем-то заняться. Он был прирожденным спортсменом с отличной координацией, он отлично плавал, нырял и бегал на лыжах. Особенно великолепен был в гимнастике.

В своей среде мальчики выбирают естественных лидеров, и Эрих был как раз таким лидером. Его спортивные доблести были только одной стороной врожденной способности лидерства. Он также был сильным, умным и практичным – изобретательный мальчик. Кроме того, он обладал и другими качествами, которые его последующая слава могла скрыть. Он был честным и ласковым, особенно со мной, так как он знал, что сильнее меня.

Эрих никогда никого не обижал. Он был защитником маленьких мальчишек. Я пользовался его славой, говоря всем старшим задирам, что пожалуюсь Эриху, если они меня ударят. Обычно они сразу оставляли меня в покое».

Даже в сонном маленьком Вейле, население которого не превышало 3000 человек, мальчики группировались в шайки. Эрих и Альфред принадлежали к планерной шайке вместе с группой мальчиков из планерного клуба фрау Хартманн. Соперничающая шайка имела совсем иные интересы и потому называлась велосипедной. Между этими двумя группами черная кошка пробежала. Они любили задирать друг друга, как обычно бывает у мальчишек. Готовность Эриха в любой момент броситься в бой открылась во время одного из столкновений.

Возвращаясь домой вечером из кино, Альфред с одним мальчиком отстали метров на сорок от Эриха и основной группы планерной шайки. Члены велосипедной шайки поджидали, спрятавшись в тени. Они схватили Альфреда с товарищем и утащили прочь. Еще один член планерной шайки шел сзади и видел это похищение. Он проследил за похитителями, а потом побежал за своей шайкой, зовя на помощь:

«Велосипедная шайка схватила Альфреда! Они потащили в старый сарай и собираются отлупить!»

Хороший бегун, Эрих быстро обогнал свою компанию, бросившись на выручку брату. Он с разбега врезался в дверь сарая

и с треском распахнул ее. Ворвавшись в сарай, он обнаружил там всю велосипедную шайку – 14 человек. Они привязали Альфреда и его товарища к столбу. Эрих схватил с пола рычаг домкрата и начал размахивать им:

– Вон! Вон отсюда! Все! Или я перебью вас!

Его голубые глаза полыхали огнем, когда он наступал на врагов, описывая рукоятью широкие круги в воздухе. Велосипедная шайка не выдержала и бросилась наутек, спасая свои шкуры. Торжествующий и раскрасневшийся, Эрих отвязал благодарного брата. Позднее такая же неудержимая отвага еще не раз вспыхивала в Эрихе, помогая ему одержать победу над численно превосходящим противником. Это был мальчик, который всю жизнь шел напролом.

В середине 30-х годов Эрих с братом стали учениками национальной школы в Роттвейле. Порядки этой школы не слишком гармонировали с формирующимся характером Эриха. Он любил свободу. А эта школа жила по канонам строгой казарменной дисциплины, которая регулировала все стороны жизни учеников. Это основывалось на идеях национал-социализма, а в результате устав определял даже способы отдыха учеников. Выходные, которые Эрих проводил дома в Вейле, казались ему освобождением из тюрьмы.

До настоящего времени он сохраняет неприятные воспоминания о Роттвейле:

«Каждый учитель был богом, а мы были рабами. Однажды на уроке физики нам было приказано растереть в порошок древесный уголь и серу. Когда настало время завтрака, мы свалили порошок на железный лист. Нам сказали не играть с этой смесью во время завтрака.

Когда учитель вышел из класса, мы быстро собрались вокруг кучки порошка, превосходно зная о его взрывчатой силе. Пара наиболее смелых мальчиков начали чиркать спичками рядом с порохом, однако мы не собирались поджигать его. Каждый хотел, чтобы спичкой в порох ткнул кто-то другой. Кое-кто начал меня подзуживать, и это было ошибкой. Я взял спичку и сунул ее прямо в порох. Вспышка и взрыв загнали нас под парты, из помещения повалил дым.

Через несколько секунд примчался учитель, явно взбешенный. Никто не признавался, что это именно он играл с порохом, поэтому я поднял руку и сказал, что я поджег его. В порядке наказания меня заставили во время уроков чистить приборы. Я занимался этим три дня, пока случайно не уронил тяжелый железный штатив в ящик с песком, разбив несколько реторт.

После этого между мной и учителем началась открытая война. Он так и не забыл эту выходку и не простил ее. Он использовал каждый шанс, чтобы наказать меня. Эта вендетта была типичной для нездоровых отношений между учениками и учителями в Роттвейле».

Эрих чувствовал себя неуютно в этой школе и как-то сказал об этом родителям. Весной 1937 года доктор Хартманн перевел сыновей в школу-интернат в Корнтале возле Штутгарта. Эта школа имела спальные помещения, и братья Хартманны жили там всю неделю. Старый учитель Эриха в Корнтале, профессор Курт Буш, вспоминает, как учился лучший в мире ас:

«Школа Корнталя действовала по совсем иным принципам, чем милитаризованная школа Роттвейля. Я помню, как Эрих говорил мне, что, по его мнению, дисциплина в Роттвейле слишком строгая и всеохватывающая. Мы позволяли больше свободы и поощряли дружеские отношения между преподавателями и учениками. Все было подчинено задаче успешного получения знаний.

Альфред Хартманн с сыновьями – Альфредом и Эрихом

В особенности свобода должна была развивать в них чувство ответственности и прививать совесть. Эти парни не были ангелами, в том числе и Эрих. Иногда они злоупотребляли своей свободой, но глубоко прочувствовали ее значение. Для подростков это значит очень много, и я думаю, что Эрих был счастлив в старшей школе Корнталя».

И через 30 лет профессор Буш без труда вспомнил Эриха

Хартманна, которого учил в 1937–1939 годах:

«Это был мальчик, который нравился с первого взгляда. Прямой, открытый и честный, он сочетал эти качества с некоторой импульсивностью. Однако он не оскорблял ничьих чувств и никого не задирал. Он рвался побеждать и наслаждался победами, считая это совершенно правильным. Тем не менее он всегда был очень терпимым и никогда никому не завидовал. Он просто радовался жизни и наслаждался ее солнечными сторонами. К учителям он относился вежливо и уважительно. Я очень высоко ценю его скромность и аккуратность».

Профессор Буш, брат Альфред и даже мать сходились в том, что Эрих не был умником. Он был средним учеником, который проходил школьный курс без трудностей, но и без претензий. Он прилагал только те усилия, которые требовались для сдачи экзаменов. Вся его энергия была направлена на спортивные занятия, которые он любил.

Родители Эриха – Альфред Хартманн и Элизабет Махтхольф

Частью спортивных занятий в школе Корнталя были еженедельные лыжные походы по горам. Во время этих походов профессор Буш не раз мог видеть, что Эрих ревниво относится к любому вызову, в то же время находя возможность побаловаться. Однажды профессор оказался даже слишком близко к месту действия. Когда утром он вышел из своего шале, его приветствовал дикий свист и лавина снега. Эрих спрыгнул на лыжах с крыши шале с высоты 18 футов над головой профессора.

Запрещать Эриху бегать по крутым склонам или прыгать с высоты было бесполезно. Тихий самоуверенный смешок и счастливая улыбка позднее стали характерными чертами Эриха. Но это был всего лишь признак того, что он собирается ринуться

в новое опасное приключение. Альфред Хартманн вспоминает, как они отправились на лыжные состязания, которые завершались прыжками с трамплина:

«Эрих до сих пор ни разу не прыгал с такого большого трамплина. Однако он просто сообщил, что завтра сделает это. Я сказал ему, что он дурак. Когда подошло время, именно я стоял и дрожал от страха, в то время как Эрих взобрался на вершину горы, холодный как лед. Громкоговорители выкрикнули его имя. Он помчался вниз, потом взмыл в воздух. Мое сердце замерло. Но Эрих выполнил идеальный прыжок на 98 футов и спокойно приземлился. Он был слишком отважен, хотя в этом не было ничего показного. Он не делал ничего, чтобы выделиться. Для него совершить такой прыжок было самым обычным, нормальным поступком. Он просто принял вызов. А когда все успешно завершилось, он был скромным, как обычно».

Его прямолинейный заход на любое препятствие во время гимнастических состязаний принес Эриху мальчишеское прозвище «Дикий кабан». Профессор Буш считал это совершенно естественным: «В этой кличке не было ничего оскорбительного. Она просто характеризовала бьющую через край энергию и отвагу – те качества, которые принесли ему всеобщее уважение». Именно эти качества позднее помогли ему завоевать место в истории и пройти такие испытания, которые мирные жители Вейль-им-Шёнбуха до войны не видели даже в кошмарных снах.

Первый и единственный любовный роман Эриха развивался так же прямолинейно. В старшей школе Корнталя он встретил девушку, которую полюбил на всю жизнь – Урсулу Петч. Уш Петч была симпатичным темноволосым подростком, сразу привлекавшим взгляд. Эрих говорил, что влюбился в нее с первого взгляда в тот же день, когда впервые увидел. И, приняв решение, он начал действовать. В октябре 1939 года Уш со своей подругой возвращалась домой из школы, когда к ним на велосипеде подлетел Эрих. Спрыгнув с велосипеда и отбросив его в сторону, он посмотрел Уш прямо в глаза и робко сказал: «Я Эрих Хартманн». Так началась любовь, которая потом пережила самые страшные испытания.

Родители Эриха были озабочены тем, что он внезапно увлекся девушкой, ведь ему было всего 17 лет. Еще больше встревожились супруги Петч, так как Уш едва исполнилось 15. «Мы знали, что Эрих был захватчиком», – сказала тогда фрау Петч. Отец Уш, специалист по производству шахтного оборудования, сначала тоже был против, но быстро понял, что не может повлиять на молодежь. Когда Эрих показал, что не намерен отступаться, герр Петч просто прекратил неравную борьбу. «Я

умываю руки», – заявил он.

Мать Уш пыталась переубедить свою дочь, но это оказалось нелегко. Однажды Уш сказала, что пойдет в кино со своей подругой. Так, собственно, и было. Но в кино ее ждал Эрих. Потом он отправился провожать Уш домой, и она опоздала. Фрау Петч наложила трехмесячный запрет на кино, несмотря на все призывы и просьбы светловолосого юноши, который сам приходил к ней каяться. Уш приняла наказание с необычным смирением, и только через пару месяцев выяснилось почему.

Чтобы стать типичной благовоспитанной фрау, Уш посещала уроки танцев в Штутгарте. Два раза в неделю она прилежно посещала класс. Но в той же самой школе и в том же самом классе учился и ее светловолосый приятель Эрих. Они просто не могли друг без друга. Вскоре все окружающие поняли, что они предназначены стать парой один другому. Но пока их родственники восхищались первой любовью, политические тучи в Европе начали сгущаться.

Еще до того как Эрих смог назвать Уш своей подругой, ему пришлось убрать соперника. Обаяние Уш было замечено долговязым черноволосым юнцом, который был старше Эриха и на голову выше его. Годы спустя Уш, улыбаясь, называла его Казановой, этаким немецким вариантом героя-любовника с пошлыми бачками. Когда Эрих сказал Уш, что хочет, чтобы она стала его девушкой и гуляла только с ним, она ответила, что Казанова звонит ей по телефону и назначает свидания.

– Я займусь этим, – пообещал Эрих.

Он позвал Казанову, который возвышался над ним. Казанова неприязненно выслушал Эриха.

– Уш теперь моя девушка, и я не хочу, чтобы ты назначал ей свидания. Я думаю, ты понимаешь.

Казанова беспечно усмехнулся, повернулся на каблуках и ушел, даже не показав, что понял вежливый ультиматум Эриха. Через несколько дней Казанова снова позвонил Уш и пригласил ее в кино. Когда она сказала об этом Эриху, его лицо немного потемнело, и он пообещал, что разберется.

А через пару дней он натолкнулся на Казанову.

– Я предупреждал тебя, чтобы ты держался подальше от Уш, – сказал Эрих. И, не откладывая дела в долгий ящик, подкрепил свои права парой ударов – один по носу, второй – в солнечное сплетение. Казанова бежал, наголову разбитый. Больше он не осмеливался оспаривать руку Уш.

С осени 1939 года Эрих и Уш постоянно думали друг о друге. Тепло юношеской любви согревало их жизнь. Они старались провести вместе каждую минуту, равнодушные ко всему

окружающему. В сентябре 1939 года в Европу пришла война, однако до весны 1940 года она оставалась для Эриха и Уш чем-то далеким и нереальным. Но после окончания Эрихом старшей школы Корнталя ему предстояло принять важнейшее решение относительно своего будущего.

Он намеревался стать доктором, и эти планы радовали сердце его отца, хотя Эрих совсем не чувствовал душевной склонности к профессии врача. Когда он закончил высшую школу Корнталя за несколько недель до своего 18-летия, он понял, что военная служба для него стала просто неизбежной. А это для Эриха могло означать только одно – Люфтваффе.

Начавшаяся война открыла Эриху Хартманну сложный и дорогостоящий мир авиации. Любительские полеты в довоенной Европе были большой редкостью, так как купить и содержать самолет было очень накладно. Спортивные полеты оставались недосягаемой мечтой для множества молодых людей. Но в преддверии войны многие юноши становились военными летчиками. Государство брало на себя все расходы по обучению их летному мастерству.

К 1940 году успехи германской истребительной авиации начали производить впечатление на народ. Газеты пестрели статьями, рассказывающими о наиболее выдающихся пилотах. Вернер Мёльдерс, прославившийся как лучший пилот легиона «Кондор» во время войны в Испании, снова воевал с большим успехом. Иоханнес Штайнхоф и Вольфганг Фальк стали героями битвы над германской бухтой, отражая налеты бомбардировщиков Королевских ВВС на Германию. Воображение Эриха было захвачено эффектными подвигами пилотов-истребителей. Он решил поступить на службу в Люфтваффе.

Семья Хартманнов в Китае

Его отец, имевший гуманитарное образование, был разочарован выбором сына. Однако Эрих считался свободным человеком, и ему было позволено выбирать свое будущее самому. Мать Эриха понимала его желание летать, так как именно она в детстве подтолкнула сына в этом направлении. Уш была несчастна, так как предстояла разлука с Эрихом. Однако уже тогда она с пониманием отнеслась к его желанию.

Доктор Хартманн считал, что война закончится поражением Германии и что этот конфликт не принесет ничего хорошего фатерланду. Однако между собой они нашли разумное объяснение желаниям Эриха. Всеобщее убеждение, что война не затянется, помогло им согласиться с желанием Эриха стать пилотом. Они полагали, что сын может выучиться на профессионального летчика, а после ожидаемого завершения короткой войны у него останется еще достаточно времени переучиться на врача.

Военная жизнь оказалась совершенно чужой психологически для Эриха. Он был свободолюбивой юной душой, которая искала свободы в воздухе. Школа в Роттвейле уже показала полную антипатию Эриха к военной жизни. Теперь эта жизнь стала горькой пилюлей, подслащенной радостью полетов. Его природное отвращение к военной дисциплине полностью подорвало потом его карьеру в ВВС, как в военное время в Люфтваффе, так и после войны в БундесЛюфтваффе. Однако он каким-то чудом сумел сохранить независимый дух в атмосфере всеобщего подчинения.

15 октября 1940 года, когда самые напряженные дни Битвы за Британию уже остались позади, свежевыбритый Эрих Хартманн появился в казармах 10-го учебного полка ВВС в Нойкирхене, расположенном примерно в 10 милях от Кенигсберга. Полеты полностью завладели его мыслями. Он станет пилотом, даже если ему придется ради этого спуститься в ад.

В это время программы подготовки пилотов-истребителей для германских ВВС не испытывали давления чрезвычайных обстоятельств. Тяжелые потери в летчиках во время Битвы за Британию не взволновали штаб Люфтваффе. Поэтому практически ничего не делалось для ускорения выпуска пилотов из летных школ, а заводы не смогли восполнить потери в самолетах, понесенные за время Битвы за Британию, даже к марту 1941 года. Именно в этом месяце Эрих отправился в Высшую летную школу Берлин-Гатов для получения летной подготовки.
С октября 1940 года его учили военной дисциплине, строевой подготовке и ружейным приемам, что его совершенно не интересовало. Однако курсанты проходили и теоретические

курсы специальных авиационных дисциплин – историю авиации, теорию полета, тактику, конструкцию самолета, устройство моторов, сопротивление материалов, аэродинамику, метеорологию. Эти предметы Эриха очень интересовали, что помогло ему приспособиться к новой жизни. Перспектива полетов оказалась настолько сильной приманкой, что он прошел через школу первичной подготовки довольно легко.

Эрих и Альфред за шахматами

Летная подготовка, которую он проходил в школе Берлин-Гатов, должна была длиться почти год. Это ясно показывало, что Люфтваффе никуда не торопятся и их ничто не волнует. Позднее на Восточном фронте в эскадрилью Эриха приходили молодые пилоты, которые имели за плечами менее 100 часов налета, и их сразу бросали в бой. Эрих совершил свой первой полет на военном учебном самолете 5 марта 1941 года. Это был самолет BT-NB. Инструктором летел сержант Кольберг. 24 марта 1941 года Хартманн совершил первый самостоятельный полет.

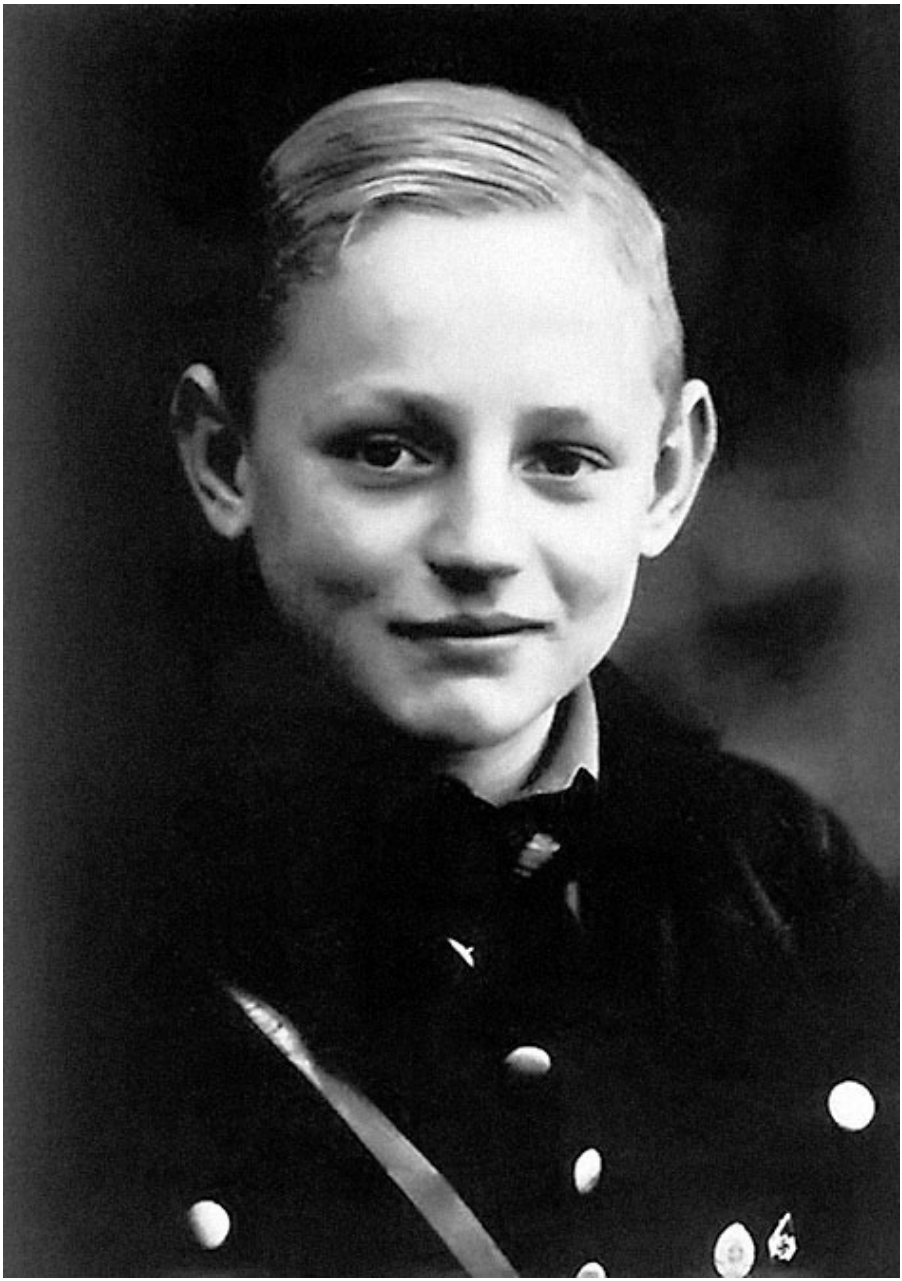
Когда Эрих приземлился после этого вылета, это была его 74-я посадка на самолете, хотя на планере он совершил сотни полетов.

Основной курс летной подготовки завершился 14 октября

1941 года, он был готов начать курс высшей подготовки. Его инструкторы в летной школе уже определили, что Эрих будет пилотом-истребителем. Этот курс занял время с 15 октября 1941-го по 31 января 1942 года. После этого Эрих был отправлен в школу истребительной авиации в Цербст-Ангальт. В Цербсте он познакомился с самолетом, который принес его к славе – «Мессершмиттом-109».

Эрих уже летал на 17 различных типах самолетов и был готов встретиться со сложным Ме-109. Каждый молодой германский пилот мечтал летать на этой легендарной машине. Желанный Ме-109 (в школе Цербста курсанты летали на Ме-109-Е4). Он имел мотор Даймлер-Бенц DB-601A мощностью 1150 ЛС и развивал скорость 357 миль/час. Истребитель был вооружен двумя – 7,9-мм пулеметами и двумя – 20-мм пушками в крыльях имел мощный мотор, и летать на нем было одно удовольствие. Одним из инструкторов Эриха в Цербсте был лейтенант Хогаген, бывший чемпион Германии по пилотажу. Он научил своих курсантов многим секретам высшего пилотажа. Эти знания Эрих использовал в далеком будущем и совершенно неправильно применил в будущем ближайшем. Обучившись тактическому маневрированию и управлению самолетом, в июне 1942 года он приступил к самому важному для военного летчика курсу – стрельбе.

То, что Эрих Хартманн был снайпером от природы, не подлежит сомнению. Тем не менее существует расхождение между его собственной скромной оценкой своей воздушной стрельбы и мнением современников. Он говорил, что никогда не умел стрелять на большой дистанции, тогда как опытные асы вроде Крупински, которые видели Эриха в бою на Восточном фронте, говорили, что в такой стрельбе он был непревзойденным мастером. В самом начале своего боевого пути Эрих отказался от стрельбы с больших расстояний в пользу атак с минимальной дистанции. Поэтому его меткость в стрельбе с большого расстояния редко испытывалась. Но в летной школе его снайперские способности проявились сразу.



Эрих в форме Юнгфольк

30 июня 1942 года, во время первой учебной стрельбы, Эрих сделал по конусу 50 выстрелов из 7,62 мм пулемета с Ме-109D и добился 24 попаданий. Любой, кто знаком с подготовкой летчиков, признает это достижение замечательным. Многие лучшие асы Люфтваффе тратили месяцы, чтобы добиться чего-то подобного. Друг Эриха Вилли Батц, который завершил войну с 237 победами, потратил несколько лет, пытаясь научиться

стрелять. Снайперский глаз – самая важная составляющая успехов пилота-истребителя. Эрих Хартманн был одним из тех редких людей, которые одарены талантом сразу. Им не требуется долгое и мучительное подползание к цели.

Полный курс обучения пилота-истребителя был долгим и трудным. Когда 31 марта 1942 года Эрих получил звание лейтенанта, он полагал, что полностью заслужил его. Он даже решил снова отрастить волосы, как мальчишка, отпущенный из школы на каникулы.

24 августа 1942 года, все еще находясь на высших курсах воздушной стрельбы в Глейвице, Эрих полетел в Цербст и продемонстрировал над аэродромом некоторые трюки лейтенанта Хогагена. Он выписывал мертвые петли и восьмерки, а когда прилетел обратно в Глейвиц, то от возбуждения завершил воздушное шоу номером из приключенческого фильма. Он пролетел над аэродромом Глейвица на высоте 30 футов колесами вверх. Зрители стояли, выпучив глаза от ужаса и восхищения.

Однако командир базы в Глейвице уже ждал Эриха, когда тот сел. Его хорошо отлаяли и посадили на неделю под домашний арест, а также оштрафовали на 2/3 жалования за 90 дней. Так что воздушное шоу дорого ему обошлось. Эта рискованная выходка показала, что импульсивность, с которой не смогли справиться школьные учителя, не была полностью вытравлена и военной дисциплиной. Эта безумная акробатика говорила о некоторой незрелости, что заставляло командиров на фронте не спешить возлагать на Хартманна слишком большую ответственность.

Однако это наказание (так как арест предшествовал отправке на Восточный фронт, многие офицеры Люфтваффе решили, что он был отправлен туда в порядке наказания; здесь мы рассказываем настоящую историю этого эпизода) имело и положительную сторону. Сегодня Эрих вспоминает этот инцидент без сожаления:

«Неделя домашнего ареста спасла мне жизнь. Я должен был проводить учебные стрельбы после обеда. Когда я был арестован, самолет вместо меня взял мой товарищ по комнате. Вскоре после взлета по пути к полигону у него отказал мотор. Пилот был вынужден совершить аварийную посадку возле железной дороги Гинденбург – Катовице. При посадке он погиб».

Импульсивность Эриха имела две стороны, и мы должны смотреть на нее правильно. Сначала она серьезно тормозила его военную карьеру. Когда Эрих закончил курс обучения, на всех фронтах не хватало пилотов-истребителей. Он смог провести три дня отпуска дома в Вейль-им-Шёнбухе по пути на Восточный фронт.

В честь отбытия Эриха на фронт была устроена прощальная вечеринка. Друзья родителей Эриха собрались, чтобы попрощаться с юным пилотом. Отец и остальные мужчины скрывали свою гордость и уверенность, а матери только тихо плакали. Эрих больше никогда в жизни не имел таких тихих вечеринок. Для всех, кто собрался, он был героем, отправляющимся в бой. Зато его внутреннее чувство говорило, что он совершает самоубийство, неприятное и почти трусливое ощущение, которое раньше не посещало его.

Урсула Петч

В тот же вечер состоялось и прощание двух влюбленных.

– Я хочу жениться на тебе, Уш, когда война закончится. Ты будешь меня ждать?

– Да, Эрих. Я буду ждать.

Темноволосая Уш действительно ждала. Она ждала гораздо дольше, чем собирается ждать любая женщина. На следующий

день Эрих на поезде отправился в Краков, находящийся в 145 милях южнее Варшавы. Там находилась крупная тыловая база Люфтваффе, обеспечивавшая Восточный фронт. Уже оттуда Эрих должен был направиться в свою часть – 52-ю истребительную эскадру, JG-52. Он был горячим юнцом, который рвется в бой. Однако русские холода остужали и не таких пылких. Но в этом холоде закалился его опыт, который позволил Эриху стать лучшим пилотом в мире.

Глава 3 На войну

«Самая важная вещь для молодого пилота-истребителя – добиться первой победы без слишком больших потрясений».

Полковник
Вернер Мёльдерс

Командир базы снабжения Люфтваффе на Восточном фронте, расположенной в Кракове, оторвался от кучи требований и поднял голову. Посмотрел на четверых зеленых лейтенантов, направленных в JG-52.

– У меня нет требований на запасные самолеты для JG-52, поэтому вы не сможете полететь в Майкоп на Me-109. У меня есть несколько Ju-87, которые нужно перегнать в Мариуполь на северном берегу Азовского моря. Оттуда вы легко доберетесь до Майкопа.

Лейтенанты Хартманн, Вольф, Штиблер и Мерчат глянули друг на друга и кивнули в знак согласия. Эрих никогда не летал на пикирующем бомбардировщике Ju-87, но любой самолет есть самолет. Он не боялся подняться в воздух ни на Ju-87, ни на любой другой «птичке». Через несколько минут Эрих уже карабкался в незнакомую кабину пикировщика.

Основные органы управления были, в общем, теми же, что и на Me-109. Самолет был крупнее и медленнее, немного отличались приборы. Эрих запустил мотор и все проверил. Вольф, Штиблер и Мерчат сделали то же самое и остались довольны. Эрих повел Ju-87 к взлетной полосе.

Руководитель полетов находился в маленькой деревянной хижине возле зоны старта. Эриху нужно было обогнуть эту хижину. Он нажал левый тормоз, чтобы объехать вокруг центра управления полетами. Самолет не отреагировал. Эрих ударил по рукоятям обоих тормозов. Снова ничего. Пикировщик продолжал катить прямо на хижину, пока Эрих проклинал неисправные тормоза. Он увидел, как офицер пулей вылетел из хижины, и тут же в нее въехал самолет.

По всему аэродрому разлетелся резкий треск, когда пропеллер Ju-87 начал перемалывать хижину на щепки. Полетели растерзанные бумажки и обломки дерева. Воздушная струя закинула их в кабину, как хлопья снега во время метели. Эрих выключил мотор и, пристыженный, выпрыгнул из кабины, чтобы

уточнить размеры повреждений.

Половина пропеллера пикировщика исчезла. Торчали два расщепленных огрызка длиной сантиметров по сорок. Центр управления полетами стал вдвое ниже. Документы и журналы превратились в мелкое конфетти. Ошеломленный руководитель полетов уныло сидел среди обломков.

Офицеры и солдаты, во главе с мертвенно-бледным командиром базы, выскочили из помещений, чтобы посмотреть на происшедшее. В полуобморочном состоянии Эрих стоял с багровыми ушами, безвольно опустив руки. Когда командир базы подошел к нему, он был готов к разносу, но тут его спас один из юных товарищей.

Второй из четырех пикировщиков, отправленных в Мариуполь, пошел на посадку с заклиненным мотором, волоча за собой хвост дыма. Прямо под носом взбешенного командира базы Ju-87 коснулся земли, подпрыгнул… И тут неопытный пилот слишком сильно нажал на тормоза. Самолет клюнул носом да так и замер, задрав хвост в небо. Второй упавший духом молодой пилот выбрался из самолета и непонимающе уставился на него. Перепуганный погромом, который учинили эти сопляки, командир базы решил, что им следует лететь на фронт в Майкоп на транспортном самолете Ju-52, которым будет управлять кто-то другой.

Говорить внутри Ju-52 было невозможно из-за шума моторов, поэтому Эрих устроился в хвосте среди ящиков с боеприпасами, запасными частями и канистрами с бензином, чтобы прочитать берлинскую газету двухдневной давности, которую он нашел среди груза. Сообщения с фронтов были оптимистичными. Ленинград находился в осаде. Германские войска продолжали штурм Сталинграда. Они развивали наступление на Кавказе, куда сейчас направлялся и Эрих, и вскоре должны были захватить Баку с его неисчерпаемыми запасами нефти. По крайней мере, это обещал доктор Геббельс. Сообщения о воздушных боях на Восточном фронте показывали, что бои в воздухе ведутся на глубине по крайней мере 750 миль над советской территорией.

Вернувшиеся с Восточного фронта пилоты с восторгом рассказывали о JG-52 и ее лучших асах. Истребительная эскадра, куда направлялся Эрих, заслужила большую славу. Так как Эрих еще ни разу не встречался с противником в бою и авария на Ju-87 свежей занозой сидела в памяти, он особенно остро ощущал свою неопытность. Его нервное напряжение усилилось, когда Ju-52 пошел на посадку в Майкопе, который находился в 250 километрах северо-западнее Эльбруса. В Майкопе находился штаб JG-52.

Адъютант эскадрильи уже ждал молодых пилотов. Капитан Кюль был невысоким крепышом в отглаженном мундире и сверкающих ботинках. Он олицетворял понятие «штабной офицер». Кюль зачитал список фамилий.

– Все вы пойдете со мной, – сказал он. – Вы должны встретиться с полковником Храбаком, командиром эскадры, перед тем как отправитесь по своим эскадрильям, которые базируются на других аэродромах.

Капитан Кюль повел их в подземный бункер. Штаб JG-52 был просто огромной лисьей норой. На одной стене висела карта фронта. Два ящика из-под бомб служили столами, на которых стояли телефоны. За этими столами сидели дежурный офицер и два солдата. В углу помещения сидели два радиста. Один оператор заполнял журнал текущих радиопереговоров эскадры, другой следил за переговорами русских. В качестве стульев служили ящики от 20-мм снарядов.

Обстановка была мрачной и деловой. Все здесь крутилось вокруг невысокого коренастого человека с редеющими светлыми волосами, полковника Дитриха Храбака. Эрих сразу заметил разницу между командиром эскадры и его адъютантом. Мундир Храбака был мятым и грязным, на брюках виднелись пятна масла. Ботинки покрывала засохшая грязь, они давно не видели щетки. Эрих до сих пор не видел таких полковников. В тылу, на учебных базах, полковники казались полубогами и обычно носили идеальные мундиры. Храбак был совсем другим полковником, и не только в отношении мундира.

Храбак говорил и двигался мягко и неторопливо. Его пронизывающие голубые глаза глядели прямо на каждого из молодых пилотов, когда он пожимал им руки. Эрих ощутил немедленно возникшую внутреннюю связь с Храбаком. Как только командир эскадры объяснил цель командования, Эрих увидел, что полковник вовсе не строевик старых времен, а опытный и умный профессионал. Это был именно тот тип офицера, который можно встретить на фронте, настоящий старый воздушный тигр. (Понятие «старый» среди пилотов-истребителей было весьма относительным. Храбак был всего на 7,5 года старше Хартманна, однако по меркам истребительной авиации он был уже «стариком».) Эрих понял, что ему понравится служить рядом с таким человеком.

– Начать прогрессировать в Люфтваффе, – сказал Храбак, – значит как можно скорее научиться летать с помощью головы, а не мускулов.

Командир эскадры имел около 60 подтвержденных побед, у него на шее висел Рыцарский крест Железного креста. То, что он

говорил сейчас Эриху и его товарищам, они в летных школах не слышали.

– До сих пор все ваше обучение сосредотачивалось на управлении самолетом в полете, то есть на том, чтобы заставить ваши мускулы подчинить вашей воле летящий самолет. Чтобы выжить в России и стать удачливым пилотом-истребителем, вы должны совершенствовать свое мышление. Конечно, вы должны всегда действовать агрессивно, иначе вы не добьетесь успеха. Однако агрессивный дух следует укрощать размышлением, рассуждением и оценкой. Летайте головой, а не мускулами…

Вдруг ожил громкоговоритель, соединенный с рацией. И перед Эрихом развернулась типичная фронтовая драма пилота-истребителя.

– Очистите полосу. Меня подбили. Я вижу аэродром и буду садиться сразу…

Мгновенно в блиндаже воцарилось напряжение. Затем снова заговорила рация:

– Проклятье! Я надеюсь, что дотяну. Мой мотор горит…

Эрих, Храбак и остальные пилоты-новички выскочили из бункера, как раз когда дежурный офицер выпустил красную ракету, чтобы очистить аэродром. На посадку заходил Ме-109, волочащий за собой длинный хвост густого дыма. Шасси истребителя было выпущено, и пилот, дернув ручку на себя, заставил подбитый самолет мягко сесть. Машина прокатилась несколько ярдов, но тут шасси подломилось и отлетело прочь. Горящий и дымящийся Ме-109 завалился влево и врезался в землю со страшным взрывом.

– Это Крупински! – крикнул кто-то.

Аварийная команда бросилась тушить пожар, но тут начали взрываться боеприпасы «Мессершмитта». Трассирующие пули и пушечные снаряды засвистели в разные стороны. Эрих стоял как вкопанный. Его захватил ужасный спектакль. Вдруг прямо из клубов дыма появился пилот, вырвавшийся из этого ада. Его спасение выглядело подлинным чудом. Грузовик аварийной партии примчал его туда, где стоял командир эскадры.

Эрих Хартманн в форме Гитлерюгенда в 1939 г.

Пилот оказался рослым молодым человеком. Он широко улыбался, когда подходил к Храбаку, хотя его лицо было бледным.

– Я нарвался на зенитки над этими проклятыми Кавказскими горами, – сказал он Храбаку.

– Крупински, сегодня вечером мы отпразднуем ваш второй день рождения, – ответил командир эскадры.

Храбак повернулся к новым пилотам, которые стояли, разинув рты. Вид Крупински внушал им ужас, а его чудесное избавление от гибели заставляло трепетать.

– Каждый раз, когда что-то идет не так, – сказал Храбак, – пилот проходит через это. И тогда мы празднуем его день рождения, так как он родился заново.

– А что происходит, если пилот погибает? – спросил Эрих.

– Тогда мы пропиваем его шкуру, чтобы побыстрее забыть все.

На Эриха огромное впечатление произвела встреча с двумя воздушными тиграми истребительной авиации Люфтваффе. Ему нравилась неформальная манера и прямота, с которой они себя вели. Через два дня, 10 октября 1942 года, он был приписан к III/JG-52 (аббревиатура III/JG-52 означала III группу 52-й истребительной эскадры. Каждая эскадра обычно состояла из трех

групп. 7-я эскадрилья III группы обозначалась 7.III/JG-52. В состав III/JG-52 входили 7, 8 и 9-я эскадрильи), штаб которой находился в маленькой деревне Солдатская, на берегу реки Терек. Он снова забрался в транспортный самолет Ju-52, чтобы проделать последний отрезок своего путешествия на войну. Авария Крупински и наставления Храбака навсегда запечатлелись в его памяти.

Пока транспортник летел на юг, Эрих восхищался красотами Эльбруса, видневшегося справа. Его снежная вершина ослепительно сверкала на солнце. Поднимающийся более чем на 18 000 футов Эльбрус выглядел внушительным часовым на восточном берегу Черного моря. Слева, насколько хватало глаз, тянулись плоские равнины. Когда тяжелый самолет пошел на посадку, Эрих заметил аэродром на северо-востоке от крошечной деревушки. Ее окружали бесконечные поля подсолнухов и дынь. Прекрасное местечко, подумал Эрих. О войне здесь говорили только мрачные силуэты примерно 60 Ме-109 на аэродроме, который был не больше чем полоской травы с рядами палаток для пилотов и техников.

Штаб группы III/JG-52 размещался в Солдатской в таком же подземном блиндаже, как и штаб эскадры. Когда Эрих вошел в бункер вместе с остальными пилотами пополнения, их встретил высокий человек с зачесанными назад темными волосами. Он осмотрел прибывших и осклабился.

– Привет, невинные детишки! – сказал он. – Я командир группы майор фон Бонин. Хартманн и Мерчат направляются в 7-ю эскадрилью, Штиблер и Вольф – в 9-ю. Ну-с, и какие новости вы принесли мне из дома?

Эрих немедленно распознал еще одного старого воздушного тигра. Люди такого сорта не встречаются в летных школах. Снова мундир был измятым, брюки неглаженными и запачканными, а ботинки довели бы до инфаркта любого унтер-офицера. Фон Бонин также высказывал идеи, которым не учили в летных школах.

Это был ветеран истребительной авиации. Начав летать в составе легиона «Кондор» в Испании, фон Бонин сбил там 4 самолета. Еще 9 он сбил в Битве за Британию, летая в составе JG-26. Более 40 самолетов он уничтожил на Восточном фронте. Ему было 32 года, и он считался очень умным командиром истребительного подразделения. Эриху понравилось то, что он говорил:

– Здесь считаются только воздушные победы, а не звания и тому подобная ерунда. На земле мы соблюдаем строгую военную дисциплину. Однако в воздухе каждое звено ведет пилот,

имеющий больше побед, обладающий большим опытом и умением. Эти правила применяются ко всем без исключения, в том числе ко мне самому. Если я полечу с унтером, имеющим больше побед, ведущим пары будет он. Это устраняет все вопросы пилотов относительно того, кто полетит ведущим. Правило не обсуждается. Засчитываются только победы.

В воздухе, в бою, вы будете говорить такие вещи, даже ругань, которые никогда не осмелитесь повторить на земле, особенно старшему офицеру. В напряженной обстановке боя это просто неизбежно. Однако все, что проходит без комментариев в воздухе, следует немедленно забыть, как только вы приземлились.

Вы, молодые лейтенанты, будете летать в основном с унтер-офицерами. (В американской авиации в годы Второй мировой войны пилотами были только офицеры. Многие остальные страны использовали в качестве пилотов также унтеров.) Они будут в воздухе вашими ведущими. И не дай бог, я узнаю, что вы ослушались их приказа в воздухе только из-за разницы в званиях.

Фон Бонин отлично понимал, что говорит. В следующем месяце Эрих услышал по радио переговоры лейтенанта Гриславски, удачливого и умелого пилота, со своим ведомым майором фон Бониным. Они вели тяжелый бой с группой И-16. Гриславски волновался, а фон Бонин не отвечал на его приказы.

– Если ты не желаешь меня слушать, поцелуй мою задницу, – вопил Гриславски в микрофон.

Никакого ответа.

– Ты, проклятый сукин сын… – продолжал облаивать своего командира группы лейтенант.

Когда они сели, майор фон Бонин, улыбаясь, объяснил Гриславски, что слышал его инструкции, однако не мог ответить, потому что у него отказал передатчик.

– А теперь, когда мы на земле, ты, наверное, согласишься, что твоя задница слишком грязная, чтобы я ее целовал.

Все пилоты весело заржали, а Гриславски принялся извиняться перед своим командиром, однако это не требовалось. Фон Бонин жил по установленным им же самим правилам.

Когда он окончил вводную лекцию, Эриху фон Бонин показался больше похожим на старшего брата, чем на старшего офицера. Он распространял ощущение уверенности, поддержки и товарищества. Это не были пустые формальности или хитрая уловка командира. Эрих понял, что готов последовать за майором фон Бонин даже в ад.

Когда молодые пилоты прибыли в 7-ю эскадрилью, Эрих встретил маленького черноволосого человека, которому был обязан всю оставшуюся жизнь, – обер-фельдфебеля Эдуарда

«Пауля» Россманна. Россманн был совершенно невероятным типом человека для летчика-истребителя. Артистический темперамент, исключительная доброжелательность и прекрасный голос настоящего певца. Лейтенанту Хартманну предстояло летать ведомым Россманна.

На земле Россманн был записным весельчаком, шутником и плейбоем. Его темперамент постоянно бросал его от бабских рыданий по поводу смерти товарища до дикого хохота над сальными шутками. По утрам, поднимаясь с постели, он пел песни. Частенько Россманн пел и на ночь. А в промежутках он улаживал ссоры между пилотами, снимал напряжение веселыми шутками. Он был настолько далек от хрестоматийного образа бойца-пилотажника, насколько это вообще было возможно для пилота. Как Эрих обнаружил, Россманн НЕ БЫЛ пилотажником. Однако весельчак Россманн, поднявшись в воздух, превращался в строгого спокойного учителя. Те вещи, которые Эрих узнал от своего маленького учителя, позволили ему взобраться на самую вершину очень скользкой лестницы.

Когда остальные пилоты эскадрильи, старые бойцы и грубияны по большей части, услышали, что Эрих определен ведомым к Россманну, они весело стучали Хартманна кулаками по спине:

– Пауль отличный человек, Хартманн. Он снайпер, имеющий более 80 побед, и он всегда приводит домой своего ведомого. Ты будешь в безопасности вместе с Паулем.

В течение двух дней Эрих только и слышал на всех углах, какой замечательный человек Россманн. Он услышал это также от другой замечательной личности, чья работа была составной частью успехов Эриха как пилота-истребителя. Так говорил и командир его группы механиков унтер-офицер Гейнц Мертенс. Эрих встретил Мертенса вскоре после прибытия в 7-ю эскадрилью, и между ними сразу установилась тесная связь.

Коренастый темноволосый Мертенс был ярко выраженным индивидуалистом. При встрече он посмотрел Эриху прямо в глаза. Тому понравился уверенный механик, как и механику понравился пилот. Вот как сегодня вспоминает эту встречу с 22-летним блондином счастливый житель Дюссельдорфа Гейнц Мертенс:

– Я не мог представить более симпатичного молодого летчика-истребителя. Весь личный состав, и я в том числе, очень любил его. Его первые слова, с которыми он обратился ко мне при встрече, были: «Теперь мы будем каждое утро встречаться за завтраком». Он сказал, что мы будем планировать наш день и постараемся этот план выполнять. Он казался совершенным

мальчишкой с юным личиком, однако имел деловую хватку. С этого дня я не позволял никому даже прикасаться к его самолету, кроме как под моим личным наблюдением. И мы были вместе с этого дня до самого конца войны.

Мертенс частенько использовал словечко «Gebimmel», если что-то шло не так. Эрих нашел очень забавным, что его старший техник так привязался к нему, и прозвал Мертенса «Биммель». Кличка прилипла. На Эриха произвели огромное впечатление встречи с Храбаком и фон Бониным, вдохновляющий пример Крупински, теплые отношения с Биммелем и Россманном. Он отчаянно рвался в воздух, чтобы показать себя. И 14 октября 1942 года Хартманн отправился в первый боевой вылет ведомым Россманна.

Едва пара истребителей успела взлететь, чтобы провести поиск между Грозным и Дигори, как ожила рация:

– Семь истребителей и три Ил-2 обстреливают дорогу возле Прохладного. Перехватить и атаковать!

Весь напряженный, Хартманн следовал за Россманном на высоте 12 000 футов, когда они летели вдоль русла Терека к Прохладному. Вот как он сам рассказывает историю своего первого воздушного боя:

«После 15 минут полета в наушниках затрещал голос Россманна: «Внимание, 11 часов, ниже. Бандиты. Держаться рядом со мной, и мы атакуем». Я поглядел вниз, чтобы увидеть самолеты, о которых говорил Россманн. Я ничего не увидел. Тогда я подошел ближе к лидеру, на расстояние около 100 футов сзади, и мы начали пикировать.

Я все еще не видел вражеских самолетов. Снизившись на 5000 футов, мы выровнялись, и на большой скорости я впервые увидел два темно-зеленых самолета перед собой и чуть выше. Они находились примерно в 1000 футов от нас.

Мое сердце подпрыгнуло. Моей первой мыслью было попытаться сбить свой первый самолет. «Сейчас!» – эта мысль овладела мною. Я дал полный газ и обогнал Россманна, чтобы раньше него выйти на огневую позицию. Я быстро сближался с противником и с расстояния 300 ярдов открыл огонь. Я был потрясен, когда увидел, что мои трассы проходят выше и левее. Никаких попаданий. Ничего не происходило. Цель росла так быстро, что я лишь в последний момент успел отвернуть, чтобы избежать столкновения.

Внезапно я оказался со всех сторон окружен темно-зелеными самолетами, и все они разворачивались на меня, чтобы сбить… МЕНЯ!

Я впал в отчаяние. Я потерял своего ведущего. Я рванул вверх

и пробил тонкий слой облаков. Наверху приятно светило яркое солнце, и я оказался совершенно один. Я почувствовал себя немного лучше. Затем в наушниках раздался спокойный и ободряющий голос Россманна: «Не волнуйся. Я слежу за тобой. Я потерял тебя, когда ты пробил облака. Спускайся вниз, под них, и я тебя подберу». Этот спокойный голос был просто чудесным. Я толкнул ручку вперед и спустился сквозь слой облаков.

Когда я оказался внизу, то увидел самолет примерно в 1500 ярдах от себя, который шел на меня. Я запаниковал. Я пошел вниз и повернул на запад вдоль реки, сообщив Россманну, что меня преследует неизвестный самолет. Мне ответил спокойный уверенный голос: «Поворачивай направо, чтобы я мог сблизиться с тобой».

Я повернул направо, но неизвестный самолет перерезал мне курс и опасно сблизился. Я снова ударился в панику. Я ударил по газам. Вниз, к вершинам деревьев, и на полной скорости на запад. Я мог слышать Россманна по радио, но его слова был искаженными и неразборчивыми. Я с шумом несся назад, втянув голову в плечи и съежившись за бронеспинкой сиденья. Меня поразил смертельный ужас. Я ждал удара вражеских снарядов и пуль о мой истребитель.

Когда я осмелился оглянуться, этот самолет все еще гнался за мной. Я продолжал удирать еще несколько минут и, к своему облегчению, обнаружил, что оторвался от преследователя. Я снова услышал неясный голос Россманна, но я почти ничего не соображал от радости, что избавился от погони. Немного поднявшись, я попытался определиться. Один ясный ориентир – гора Эльбрус – находился слева от меня. Но было уже слишком поздно. Красное мигание лампочки указателя топлива сообщило мне, что бензина осталось всего на пять минут полета.

Это были самые короткие пять минут в моей жизни. Потом мотор зачихал, закашлял и умолк. Самолет пошел вниз. Я находился на высоте 1000 футов. Я мог видеть узкую дорогу, по которой двигались военные колонны. Самолет начал падать, как камень. Я выровнял его и посадил на брюхо в чудовищном облаке пыли. Потом я открыл фонарь, и менее чем через две минуты меня окружили немецкие пехотинцы. Я приземлился примерно в 20 милях от своей базы в Солдатской, куда меня доставили на грузовике».

Эриху пришлось выдержать шумную и ядовитую нотацию майора фон Бонина. Опытный Россманн прочитал Эриху лекцию об элементарной тактике, пока фон Бонин кисло морщился. Во время своего первого боевого вылета лейтенант Хартманн нарушил буквально все правила. Он совершил следующие

тактические ошибки:

1. Оторвался от ведущего без приказа.
2. Выскочил на линию огня ведущего.
3. Поднялся сквозь слой облачности.
4. Ошибочно принял ведущего за вражеский самолет. «Противник», которого он обстрелял, спустившись вниз сквозь облака, был Россманн.
5. Не сумел выполнить приказ Россманна и присоединиться к нему.
6. Потерял ориентацию.
7. Погубил свой самолет, не причинив противнику никакого вреда.

Потом майор фон Бонин сказал обескураженному Эриху, что он должен проработать три дня механиком в качестве наказания за эти нарушения летной дисциплины. В результате следующие три дня кающийся юный грешник провел с мотористами и оружейниками. Достаточно бесславное начало для будущего аса из асов.

Первые полеты. Планер и самолет Клемм-Даймлер L20

Он совершил еще несколько полетов с Россманном, который ранее был ранен в руку и просто не мог подобно остальным тиграм JG-52 вертеть воздушную карусель. Изобретательный Россманн создал свою собственную тактику. Эрих сразу увидел, что она гораздо лучше, чем утомительная и опасная воздушная карусель. Россманн был истребителем, который «летал головой». Его коньком стали неожиданные атаки. Эрих подметил, как Россманн выжидает перед тем, как атаковать. Он должен был увидеть своего противника и сделать небольшую паузу, чтобы быстро оценить ситуацию. Решение атаковать Россманн принимал, только если был уверен, что добьется неожиданности. Остальные старые тигры не могли сдержаться, если замечали противника. Они немедленно бросались на врага. Эрих видел, как Россманн постоянно добивается побед, не получая ни царапины. Когда Эрих говорил о тактике Россманна с другими пилотами, они не понимали, что это такое – «увидеть и решить» **до** атаки. Но Эрих знал, что Россманн был прав.

Он также сумел изжить боевую слепоту новичка и неспособность видеть другие самолеты, как это стряслось с ним во время первого вылета с Россманном. Эрик описывает этот недостаток неопытного пилота так:

«Боевая слепота может все спутать. Ведущий по радио призывает тебя хранить бдительность, так как на час находятся 5 неизвестных самолетов. Ты смотришь в этом направлении, обшаривая взглядом небо. Ты ничего не видишь. До того, как ты приобретешь опыт, в это трудно поверить.

Позднее ты выработаешь проницательность воздушного боя. Управление самолетом больше не отвлекает тебя от всего на свете. Чувства словно обостряются, и ты замечаешь вражеский самолет вместе со своим опытным ведущим. Но если человек, вместе с которым ты совершаешь первые вылеты, не дает тебе шанса выработать эту проницательность, чтобы ты превратился в боевого летчика, – тебя наверняка собьют.

В ходе войны это случалось раз за разом. И оставалось все меньше и меньше хороших лидеров, которые заботились о новых пилотах. Большая часть новичков, попавших на фронт в 1943 году и позднее, получила только часть тех тренировок, которые получил я сам. В истребительной эскадре встречаются разные люди. Я не раз сталкивался с грубыми бойцами, которые говорили: «Я собью противника, и к черту моего ведомого».
Для молодого неопытного мальчишки потерять своего ведущего во время первого боевого вылета – просто страшный удар. То же самое, что получить ведущего, который совершенно не будет о тебе заботиться. Неопытность приводит к панике, а паника служит источником ошибок.

Если бы я получил другого ведущего, не обладающего качествами и умением Пауля Россманна, возможно, я пошел бы по другому пути. Я получил бы иное образование и, вероятно, не продержался бы так долго. В обучении пилота-истребителя важно ПЕРВЫМ показать то, что поможет ему выжить. И только потом ставить его вровень с новыми товарищами.

Когда я стал командиром звена, а позднее командиром эскадрильи и группы, я делал все, что в моих силах, чтобы научить новичков этим важным вещам в первых вылетах. Я сделал это правилом своей жизни после того, как сам полетал с Россманном. Я был зеленым мальчишкой, слепым, как котенок. Предположим, я получил бы грубого и безжалостного ведущего. Я просто ужасаюсь при мысли, что со мной могло случиться, если бы не успокаивающее присутствие Россманна. Он не только провел меня через этот критический период, но также обучил меня основам внезапной атаки, без которых, я убежден, я стал бы просто еще одним пилотажником. Это в случае, если бы меня самого не сбили раньше».

5 ноября 1942 года Эрих взлетел с обер-лейтенантом Треппе, адъютантом командира группы в составе звена из 4 самолетов. Боевое зрение Эриха оказалось отличным, и он первым заметил противника. Быстро пересчитал вражеские самолеты: 18 штурмовиков Ил-2 под прикрытием 10 истребителей Лагг-3. Численное неравенство было велико, однако немецкие пилоты уже привыкли к этому. Советская авиация с лета 1942 года

превосходила германскую.

Как ни странно, опытный лейтенант Треппе на сей раз не заметил противника. Он приказал Эриху возглавить пару и атаковать. Немцы разделились на две пары, одна над другой. Они атаковали русских сзади в пологом пике. Главной задачей истребителей было сорвать атаку штурмовиков против германской колонны.

Эрих и Треппе прорвались через заслон истребителей красных, обстреливая по пути все, что попадалось на прицел. Выровнявшись на высоте 150 футов, Эрих увидел отдельный Ил-2 на левом фланге строя. Приблизившись со скоростью молнии, он открыл огонь с дистанции менее 100 ярдов. Попал! Попал!

Он мог видеть, как снаряды и пули попадают в штурмовик. И все они отскакивали! Черт бы побрал эти броневые плиты. Все старые тигры предупреждали о броне Ил-2. Штурмовик был самым прочным самолетом в небе. Он вспомнил, что ему рассказывал об Ил-2 Альфред Гриславски, пока наблюдал, как рикошетят его пули. Гриславски научил его, как следует поступать, и Эрих решил испытать его метод на практике. «Попытайся, Эрих, попытайся!» – он кричал сам себе, перекрывая треск пушек.

Взяв вверх, Эрих отвалил в сторону и выполнил новый заход на Ил-2. Он снижался пологим пике, пока не оказался в нескольких футах над землей. На сей раз он не стрелял, пока до Ил-2 не осталось всего 200 футов. Очередь его пушек немедленно заставила задымиться маслорадиатор Ил-2. Потом показался язык пламени, который тут же превратился в настоящий факел. Русский самолет быстро превратился в костер.

Поврежденный Ил-2 повернул на восток и покинул строй. Эрих следовал за ним, убрав газ почти до предела. Оба самолета медленно снижались. Под крылом Ил-2 мелькнула вспышка пламени и грохнул взрыв. Обломки штурмовика полетели прямо в самолет Эриха. Его Ме-109 вздрогнул от глухого взрыва под капотом мотора. Дым быстро наполнил кабину и потянулся за самолетом.

Эрих быстро осмотрелся. Высота: слишком мала, чтобы чувствовать себя спокойно. Место: над германской территорией. Хорошо. Он начал готовиться сажать самолет на брюхо. Убрать газ, перекрыть подачу топлива, выключить зажигание. И вовремя. Как раз в этот момент из-под капота показались языки пламени. Посадка сопровождалась оглушительным грохотом рвущегося металла. Туча пыли заполнила всю кабину. Эрих долго чихал, когда самолет остановился.

Облако пыли погасило пламя. Когда Эрих откинул фонарь, то смог увидеть последнее смертельное пике своего противника. Примерно в миле восточнее Ил-2 врезался в землю, волоча за собой хвост огня и дыма. Охваченный пламенем штурмовик взорвался с оглушительным грохотом. Он буквально исчез в огненном смерче, поднявшемся в небо.

Эрих Хартманн одержал свою первую воздушную победу. Подтвердить ее было очень просто. Лейтенант Треппе кружил в воздухе, следя за посадкой Эриха. Когда он увидел, что победитель остался цел, то покачал крыльями и улетел. Прибежавшие пехотинцы подобрали ликующего Эриха и отправили обратно в часть.

А через два дня Эрих подцепил лихорадку и провел четыре недели в госпитале в Ессентуках. У него было достаточно времени, чтобы поразмыслить над всем происшедшим. Он не повторил катастрофический результат первого вылета три недели назад. Он не нарушил летную дисциплину, лучше стрелял, второй заход на Ил-2 послужил отличным уроком: «Сближайся перед тем, как открыть огонь».

Его первая победа имела и другой важный аспект, который Эрих анализировал, лежа в госпитале. Он потерял свой самолет не в результате паники, глупости и неопытности, как это произошло в первом бою. Он должен был отваливать гораздо быстрее. Стремительный отрыв помог бы ему остаться в воздухе. Тогда он не попал бы под шквал обломков взорвавшегося Ил-2.

В последующие несколько месяцев Эрих окончательно отточил четырехзвенную формулу атаки. «Увидел – решил – атаковал – оторвался». Основной урок такого способа атак он получил во время первой победы. Ему очень повезло, что первый полет с Паулем Россманном не только помог ему остаться в живых, но и заложил основу совершенно особенной тактики воздушного боя, которую он позднее отработал до мельчайших деталей. Эта тактика принесла ему совершенно беспрецедентный успех. Именно таким образом он превзошел достижения самых выдающихся асов-пилотажников прошлого.

Глава 4 Посвящение в рыцари

На войне, если вы не способны победить противника в его собственной игре, просто необходимо принимать атакующие варианты…

Уинстон Черчилль, 1916 г.

Когда Эрих снова появился в эскадрилье, оправившись после болезни, то обнаружил, что сумел излечиться от своей прежней лихорадочной агрессивности. Он понял, что в рамках отпущенного времени можно все спокойно доводить до конца. Эрих также решил, что ни один самолет противника не собьет Пауля Россманна, пока он прикрывает его. Пауль показал ему, как должен вести себя хороший ведущий звена, как следует стрелять. Восхищение Эриха внезапными атаками Россманна и его снайперской стрельбой с большого расстояния продолжало расти. Однако настало время, когда Эриху пришлось летать с другими асами 7-й эскадрильи. Его изучение премудростей воздушного боя продолжалось.

Опытные летчики с длинным списком побед, получившие Рыцарские кресты, настоящие асы, в большинстве своем использовали иную тактику боя, чем Россманн. Тот летал с помощью головы и не пытался использовать мускулы в маневренном бою. Аналитические способности Эриха сразу позволили ему уловить эту разницу. Наблюдения и интуиция подсказывали, что метод Россманна лучше. Однако каждый из трех закаленных воздушных бойцов, с которыми ему привелось летать, научил Эриха чему-то важному.

Первым был унтер-офицер Даммерс, коренастый, крепкий ветеран, которому исполнилось 33 года. Он получил свой Рыцарский крест в августе 1942 года. Даммерс был примером летчика «мускулов», агрессивный любитель воздушной свалки, который легко мог довести своего противника до изнеможения перед тем, как сбить его. Висение на хвосте у Даммерса ясно показало Эриху все минусы воздушной карусели, в том числе уязвимость для остальных самолетов противника и потерю обзора.

Альфред Гриславски во время полетов полагался на голову больше, чем Даммерс, однако и он в достаточной степени использовал мускулы. Он тоже получил Рыцарский крест

прошлым летом. Именно Гриславски показал Хартманну уязвимый маслорадиатор под брюхом Ил-2. Гриславски имел аналитический склад ума и был агрессивным пилотом. Он являлся одним из самых грозных истребителей Ил-2 в составе JG-52. Немного позднее он подорвался на мине на Черноморском побережье и получил тяжелые ранения. Однако Гриславски выжил и завершил войну, имея 133 победы и Дубовые листья к своему Рыцарскому кресту.

Обер-лейтенант Йозеф Цвернеманн летал 50 на 50 – мускулы и голова. Ему было 26 лет, когда Эрих стал его ведомым. Цвернеманн имел более 60 побед. Он погиб в бою 8 апреля 1944 года в Италии возле озера Гарда.

Один из американских пилотов подло расстрелял его, когда он выпрыгнул с парашютом из подбитого истребителя.

Эти три опытных воздушных тигра все делали иначе, чем Россманн. Они сближались, чтобы открыть огонь. Их стрельба с короткой дистанции сначала была для Эриха неожиданностью, так как ему казалось очень простым перенять умение Россманна сбивать самолет противника издали. Тем не менее не было никаких сомнений в способности Даммерса, Гриславски и Цвернеманна сбивать своих противников. Эрих помнил, что и свою первую победу он одержал, атаковав Ил-2 с короткой дистанции. Он задавал себе вопрос: а не будет ли лучшей тактикой сочетание внезапной атаки Россманна со стрельбой в упор?

Летая в качестве ведомого у таких специалистов, Эрих редко получал возможность проявить себя. Держаться на хвосте у колдуна уже само по себе сложно. Более того, постоянные передислокации 7-й эскадрильи с аэродрома на аэродром не позволяли Эриху осмотреться и привыкнуть. В январе 7-я эскадрилья перебралась из Минеральных Вод в Армавир, чтобы прикрыть отступающие германские войска. Однако уже через несколько дней наступление Красной Армии вынудило ее покинуть эту базу. С сожалением Эрих смотрел, как взрывают девять новеньких Ме-109, так как погода не позволяла им взлететь.

Эскадрилье пришлось поочередно оставить базы в Краснодаре, Майкопе, Тимошевской. После недолгого базирования в Славянской 7-я эскадрилья наконец перебралась в Николаев, где соединилась с III группой. Это был сложный период для молодого неопытного пилота, но всем было ясно, что далее условия будут только ухудшаться.

Когда 10 февраля 1943 года капитан Зоммер, командир 7-й эскадрильи, одержал свою 50-ю победу, он уже не получил

Рыцарский крест. В прошлом 50 побед на Восточном фронте хватило бы для этой награды, но теперь требования были значительно повышены. В январе и феврале 1943 года Рыцарский крест казался Эриху просто несбыточной мечтой.

27 февраля 1943 года он одержал свою вторую победу. Вскоре в 7-й эскадрилье появилась новая кипучая личность. Именно этот офицер дал первый толчок продвижению Эриха к высшим достижениям. Обер-лейтенант Вальтер Крупински заменил капитана Зоммера на посту командира эскадрильи. Крупински оставался все тем же улыбающимся тигром, который едва уцелел во время аварии в Майкопе. Новый командир эскадрильи немедленно принялся орудовать в своей типичной манере, заслужив немедленное уважение Эриха.

Октябрь 1940. Эрих в форме кадета летной школы

Как только Крупински прибыл на Тамань, чтобы попробовать себя в качестве командира эскадрильи, он немедленно потребовал исправный истребитель. Он взлетел, тут же был сбит и приземлился с парашютом. На аэродром Крупински доставил автомобиль. Он тут же потребовал новый Ме-109, взлетел, сбил 2 русских самолета и благополучно приземлился. Ни у кого не возникало сомнений, что новый командир эскадрильи был настоящим тигром. Ему не требовалась строгая дисциплина, чтобы заставить повиноваться своих подчиненных. Эрих

немедленно полюбил Крупински.

Следующим требованием нового командира эскадрильи было выделить ему ведомого. Его слава сорвиголовы летела впереди него, и все унтер-офицеры дружно открещивались от обязанности прикрывать его. Пауль Россманн пошел к Эриху в качестве представителя унтер-офицеров:

– Не согласишься ли ты летать ведомым Крупински, Эрих?

– Почему? Разве унтера не хотят этой должности?

Россманн выглядел немного смущенным.

– Старики говорят, что он грубиян, но летать умеет, – сказал Пауль. – Они полагают, что всем будет лучше, если ведомым у него будет офицер.

Эрих не смог отказать Россманну. Он согласился встретиться с Крупински. Эриха совсем это не радовало. Многие из сержантов были заслуженными ветеранами, имели много наград и легко различали хорошего пилота и плохого. Эрих чувствовал себя, как ягненок, идущий на бойню. Ослиное упрямство Крупински делало задачу Эриха еще сложнее.

К весне 1943 года Крупински был уже одним из самых известных пилотов Люфтваффе. Брызжущий энергией пилот прославился и как плейбой. Вальтер Крупински был полностью сформировавшейся личностью, который выглядел и действовал – по крайней мере в качестве офицера – не по возрасту. Крупински провел 6 месяцев в Трудовой службе рейха, а 1 сентября 1939 года в звании фаненюнкера поступил в Люфтваффе.

Пройдя курс обучения, он в конце 1941 года получил офицерское звание. Одно время Крупински летал ведомым знаменитого Макки Штайнхофа. Он был удачливым и известным пилотом. Когда Эрих Хартманн предложил ему свои услуги в качестве ведомого, Крупински уже имел более 70 побед. К концу войны Вальтер Крупински стал пятнадцатым асом мира и имел 197 побед. В день капитуляции он служил в элитной эскадрилье Адольфа Галланда JV-44 и летал на реактивном истребителе Ме-262.

Приключения Крупински принесли ему репутацию, которая прибыла на Тамань раньше него. Он имел привычку загонять себя в невозможные положения, получал раны, выпрыгивал с парашютом, совершал аварийные посадки. Однажды он сел на брюхо на берегу Кубани на лугу, который заминировала немецкая пехота. Пока самолет скользил по траве, он взорвал несколько мин. Крупински решил, что его обстреливает артиллерия.

Первым порывом летчика было выскочить из самолета и укрыться где-нибудь. Спас ему жизнь пехотный сержант, которого привлекли взрывы. Крупински уже собирался спрыгнуть на

землю, когда окрик остановил его. Пехотинцам понадобилось два часа, чтобы вызволить пилота. Им пришлось двигаться к самолету с миноискателями в руках. Вся карьера Крупински была полна подобных эпизодов. Венцом ее в конце войны стали несколько приятных месяцев, проведенных в Центре отдыха пилотов истребительной авиации в Бад Висзее. По настоянию Штайнхофа Крупински с большой неохотой расстался с огромной бочкой коньяка, которую там держали для летчиков, и отправился дослуживать в JV-44 Галланда. Аварийная посадка Крупински в Майкопе, когда его горящий истребитель начал плеваться во все стороны пулями, еще была свежа в памяти Эриха, когда он предстал перед этой замечательной личностью.

– Герр обер-лейтенант, меня зовут Хартманн. Я буду вашим ведомым.

– Ты здесь давно?

– Нет, всего три месяца.

– Победы?

– Две.

– С кем ты до сих пор летал?

– В основном с Россманном, но также с Даммерсом, Цвернеманном и Гриславски.

– Это хорошие летчики. У нас все будет нормально. Спасибо.

Вальтер Крупински ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта и сейчас живет в Нойкирхене-Зеельшейде в Западной Германии. Его воспоминания о первой встрече с Эрихом Хартманном свидетельствуют о крайней юности Эриха:

«Он показался мне просто ребенком. Он был так молод и полон жизни. Когда он уходил после нашей первой встречи, я еще подумал: «Какое молодое лицо».

Урсула Петч

То же самое впечатление Эрих Хартманн оставил и у капитана Гюнтера Ралля, который стал командиром III группы 52-й истребительной эскадры вместо фон Бонина. Это назначение совпало с назначением Крупински на пост командира 7-й эскадрильи. Позднее Эрих ближе сойдется с одним из лучших асов JG-52 Гюнтером Раллем, но первые впечатления того от знакомства с Эрихом полностью совпадают с мнением Крупински:

– Я впервые увидел Эриха на собрании 7-й эскадрильи и только подумал: «Какой молодой мальчик. Просто ребенок». Он едва вышел из детства, но уже привлекал внимание, как

отличный снайпер.

На следующий день Эрих и Крупински поднялись в воздух, хотя у обоих осталось неприятное впечатление от первой встречи. Эрих был уверен, что летит с диким тигром, который не умеет летать, а Крупински думал, что получил в ведомые сосунка. Но первый же боевой вылет изменил мнение Эриха о своем ведущем. Новый командир эскадрильи бросался на врага, как скандалист в баре. Он оказался агрессивным и бесстрашным пилотом, который не только летал, как демон, но и сохранял в бою холодную голову. Разрекламированное неумение Крупински летать было чистой клеветой. Однако Крупински стрелял плохо, и большая часть пуль у него уходила «за молоком». (Плохо стрелял Крупински или нет, однако к концу войны он сбил 197 самолетов, проведя 1100 боевых вылетов.) Но слабость Крупински была исправлена меткой стрельбой Эриха. Хартманн был снайпером от бога, с того дня, когда продырявил первый конус в летной школе. Вместе Крупински и Эрих образовали опасную пару.

Снова вместе после двух лет разлуки

Эрих держался поближе к ведущему, когда они выходили на дистанцию стрельбы. Потом он сбрасывал скорость и ждал, когда ведущий отвалит. Это давало ему несколько секунд, чтобы дать очередь и «заполнить дырки, которые оставил Круппи». Таким образом Эрих одержал еще пару побед. Вскоре они поняли, что зависят друг от друга. Крупински начал работать с Эрихом, и вскоре они буквально читали мысли друг друга в бою. В результате эта пара стала лучшей в истории истребительной авиации.

Когда Крупински выходил в атаку, Эрих оставался «сидеть на жердочке», прикрывая хвост ведущего и сообщая ему, если

появлялся новый самолет противника. Во время атаки Эриха Крупински держался выше и подсказывал Эриху, как лучше сманеврировать или оторваться. Эрих слышал голос Крупински в наушниках, который раз за разом повторял один приказ:

– Эй, Буби! Сближайся. Ты открыл огонь слишком рано.

Эрих пытался подражать Россманну, атакуя с большой дистанции. Процент его попаданий приводил в восторг мазилу Крупински, однако было ясно, что лучше бы Эриху подходить поближе к цели. Как заметил Крупински: «У нас было так много молодых пилотов, которые в воздухе не могли попасть вообще ни во что, что Эрих со своей меткой стрельбой с большой дистанции резко выделялся среди них».

Так как Крупински в воздухе постоянно называл Эриха «Буби», эта кличка прилипла и сопровождала Хартманна до конца. Вся эскадрилья скоро начала называть его «Буби».

Постоянные замечания Крупински «Буби, подходи ближе» подтолкнули Эриха сократить дистанцию атаки. Чем ближе он подойдет к своей мишени, тем сокрушительнее будет его огонь. Мимо пройдут считаные пули. Очень часто под огнем нескольких пулеметов с короткой дистанции вражеский самолет переворачивался. Но еще чаще вражеская машина просто взрывалась в воздухе. Когда самолет сбивают таким образом, он никогда не возвращается.

Вскоре Эрих четко сформулировал тактику воздушной схватки, от которой он не отступал более ни на шаг. Эта магическая формула звучала так: «Увидел – решил – атаковал – оторвался». В более развернутом виде ее можно представить так: если ты увидел противника, реши, можно ли его атаковать, захватив врасплох; атакуй его; сразу после атаки отрывайся; отрывайся, если он заметил тебя до того, как ты нанес удар. Выжидай, чтобы атаковать противника в удобных условиях, не позволяй завлечь себя в маневренный бой с противником, который тебя видит. Строжайшее следование этим принципам сделало Эриха Хартманна лучшим в мире асом.

Успешное взаимодействие в воздухе с Крупински привело к установлению теплых дружеских отношений между ними. Прозвище Крупински «Граф Пунски» не отражало его поведения в воздухе. Оно родилось после его многочисленных побед на амурном фронте. Граф Пунски брал от жизни ВСЕ, что позволяла его здоровая, выносливая, отважная натура. В воздухе оставались клыки и рыканье, на земле это был милый, обаятельный благовоспитанный пилот.

Первым требованием Крупински было дать ему ведомого. Вторым требованием стало создание бара в расположении

эскадрильи. Все немецкие девушки на 30 миль вокруг принадлежали пылкому Крупински. Сегодня Эрих говорит: «От Графа Пунски я охотно перенял и множество скверных привычек. Он был похож на Фрэнка Синатру, такой же обаятельный, грубоватый и влюбчивый. «Преступник-джентльмен» в воздухе и на земле, после войны он стал гораздо серьезней. Но внутри он остался тем же Круппи – беззубый тигр, вроде меня».

Под руководством Крупински Эрих к 24 марта 1943 года довел свой счет до 5 побед. Это были:

5 ноября 1942 – 2 вылета – 1 Ил-2

27 января 1943 – 2 вылета – 1 МиГ-1

9 февраля 1943 – 2 вылета – 1 Лагг-3

10 февраля 1943 – 5 вылетов – 1 Дуглас «Бостон»

24 марта 1943 – 2 вылета – 1 У-2

Пятая победа Эриха принесла ему первую награду – Железный крест второго класса. Однако он еще не получил почетного звания аса. В это время немцы подняли планку Первой мировой войны до 10 побед.

В конце апреля 1943 года, совершив 110 вылетов в качестве ведомого, Эрих был произведен в лидеры пары (Rottenfuhrer). Когда он получил пару, то имел уже 8 побед. К ним Эрих прибавил еще три победы 30 апреля 1943 года. Летая с Крупински, Эрих получил неоценимый опыт. Однако у него были собственные соображения относительно тактики, основанные на первых полетах вместе с Россманном. Они были подкреплены десятками вылетов вместе с закаленными бойцами-пилотажниками. В качестве командира пары Эрих уже мог действовать так, как сам считал нужным.

Эрих уже выработал свою четырехчленную формулу смертоносной атаки. И еще он держал в голове одну обязанность командира, которую он решил никогда не изменять. Как и методу атаки, этому его научил Пауль Россманн. «Никогда не теряй ведомого».

За все годы знакомства с Эрихом Хартманном и в течение долгих часов совместной работы над книгой авторы выяснили, что есть одно достижение в его военной биографии, которым он безусловно гордится. Это была способность даже в тяжелейших условиях воздушной войны на Восточном фронте выполнять установленное им же самим правило: «Никогда не теряй ведомого». Свою длинную цепь побед, награды всех сортов вплоть до Бриллиантов, даже моральный триумф выживания после 10,5 года в русских тюрьмах он может обсуждать детально, спокойно и объективно. Однако его способность сохранить жизнь своему молодому неопытному ведомому – и не потерять ни

одного из них! – остается для него достижением, которым он просто гордится.

Только один из ведомых лучшего аса всех времен был сбит. Однако и он совершил посадку, не получив ранений. Это был майор Гюнтер Капито, бывший пилот бомбардировщика. Его прислали в группу Хартманна перед самым концом войны, и он не прошел курса переподготовки. Капито исполнилось уже 32 года, и он стал летчиком-истребителем слишком поздно. Однако для него это был единственный способ остаться в живых. Сам Капито заметил: «Приспособиться было нелегко».

Реакция этих двух человек при встрече еще аукнулась в новых германских ВВС в 50-х и 60-х годах. Капито так описывает свою первую встречу с Хартманном в 1945 году:

«Мое первое впечатление от Буби Хартманна оказалось совсем не потрясающим. Передо мной стоял неряшливый покачивающийся молодой человек с исключительно светлыми волосами под замызганной фуражкой. Говорил он медленно, растягивая слова. Я решил, что прозвище ему очень подходит, и мысленно спросил себя: «И это мой будущий командир?»

Эрих

Хартманн 28 февраля 1942 г. после окончания летной школы

В течение следующий нескольких дней это впечатление не улетучилось, хотя и обнаружилось, что он имеет некое подобие темперамента. Когда он говорил о полетах, летчиках и боях, он оживал. Речь становилась громкой и четкой. И тогда становилось понятно, что это нормальный человек, молодой и потому совершенно неиспорченный. Однако я не видел в нем командира, и впечатление сохранилось у меня до конца войны».

Профессиональный военный и вообще слишком старый человек, чтобы переучиваться, Капито был вдобавок пилотом бомбардировщика. Он чувствовал себя не в своей тарелке, попав в истребительную эскадрилью. Неформальные отношения истребителей-фронтовиков, которые так понравились Эриху и которые так соответствовали его характеру, шокировали Капито.

Тем не менее отставной бомбардировщик рвался летать ведомым Эриха и каждый день просил его об этом. В ответ Эрих пытался переубедить Капито. Война шла к концу, и бывший пилот бомбардировщика просто подвергает себя ненужному риску, садясь на Ме-109. Капито продолжал упрашивать.

Наконец лучший в мире ас сдался. Он попытался втолковать бывшему бомберу особенности пилотирования истребителя. Особенно он подчеркнул необходимость держаться вплотную к ведущему. Эрих предупредил Капито, что крутые виражи – это главная особенность воздушного боя истребителей.

В воздушном бою с «Аэрокобрами» Хартманн и Капито были атакованы сверху двумя звеньями русских истребителей. Эрих сам опишет последовавший бой:

Майор Герд Баркгорн

«Я позволил русским истребителям подойти на дистанцию выстрела, приказав Капито держаться рядом со мной. Это была как раз та ситуация, о которой я говорил ему совсем недавно. Когда русские открыли огонь, я заложил крутой вираж по горизонтали и пошел на них. Однако Капито не сумел удержаться за мной. Он выполнил стандартный **бомбардировочный** разворот. В результате он и атакующие «кобры» оказались прямо передо мной.

Я приказал ему круто отвернуть, чтобы я мог стрелять по русским, однако он выполнил второй бомбардировочный разворот и был подбит. Я увидел это и приказал ему идти в пике и выбрасываться с парашютом. К своему огромному облегчению, я увидел, как он покинул самолет и раскрылся купол его парашюта. Однако я был зол, что он не смог выполнить мои приказы.

Я пристроился сзади за «Аэрокобрами», сблизился, и после короткой очереди вражеский истребитель пошел вниз. Он взорвался на земле всего в двух милях от места приземления Капито и примерно в миле от нашей базы. Я был счастлив, что сбил «Аэрокобру», однако ругал сам себя, что не послушался интуиции, которая не советовала мне лететь с Гюнтером Капито».

Эрих сел на аэродроме, взял автомобиль и подобрал смущенного Капито. Вместе они поехали к разбившемуся русскому истребителю. Пилот был капитаном. При ударе о землю его выбросило из кабины, и он погиб. При нем оказалась большая сумма немецких денег, что-то около 20 000 марок. Это был единственный случай на 1400 вылетов Эриха Хартманна, когда его ведомого постигло несчастье.

Майор фон Бонин

Гюнтер Капито остался совершенно цел. Он ушел в отставку в звании полковника из новых германских ВВС. Вот как он описывает свои ощущения после того, как его сбили:

«Я чувствовал себя ужасно неловко и понимал, что мне следует стоять на коленях. Даже визит к месту гибели моего противника не смог поднять моего настроения. Русский имел 25 побед, я стал его 26-й жертвой. Поэтому мой победитель не был таким беспомощным кроликом, как я сам. Только вечером на

традиционной пирушке по случаю «дня рождения» пилотов, переживших смерть, я начал приходить в себя».

Полковник Капито попал в плен в конце войны вместе с Эрихом Хартманном и тоже был передан американцами русским. Он находился в русских тюрьмах до 1950 года. Сегодня он живет в Тройсдорфе возле Бонна.

Хотя шансы Эриха добиться победы возросли, когда весной 1943 года он стал командиром звена, то был полон решимости сохранять своих ведомых. Прошел какой-то период, пока он привыкал к роли командира. Он совершенствовал свой метод атаки и в то же время постоянно следил за ведомым. Какое-то время можно было заметить явное влияние стиля Крупински на методах командования Эриха. Это подражание было естественным и бессознательным, так как молодой пилот восхищался старшим товарищем, особенно его командирскими способностями. События, опыт и новая ответственность быстро заставили Эриха отказаться от попыток копировать Крупински.

Майор Гейнц Бэр

Он не мог походить на других и оставался сам собой. Как человек, всюду идущий своей дорогой, Эрих выработал собственный стиль командования, и люди охотно следовали за ним. Преданность Биммеля была примером этого на земле. В воздухе его желание сохранить ведомого не только помогало сдерживать импульсивные порывы, но также принесло ему уважение и преданность тех, кого Эрих водил в бой. Он всегда приводил их обратно.

К 25 мая он добавил еще 6 побед. Эрих взлетел на рассвете и буквально через пару минут натолкнулся на группу советских Лагг-9. Выходя из атаки, он пошел с набором высоты на солнце и, наполовину ослепший, столкнулся в воздухе еще с одним Лагг-9. Умелое пилотирование и старые навыки планериста помогли ему

дотащить поврежденный Ме-109 до занятой немцами территории. Там он совершил свою пятую аварийную посадку. Его нервы были совершенно расшатаны, и врач порекомендовал отправить его в краткосрочный отпуск домой. Храбак отдал соответствующий приказ, и скоро Эрих уже мчался в Штутгарт.

Возвращение в Германию после трудностей и лишений на Восточном фронте помогло Эриху быстро оправиться. Уш выглядела еще более влюбленной, чем раньше. Можно было сесть в глубокое мягкое кресло, а кровать была застелена чистыми простынями. Пропало постоянное напряжение, витавшее на фронте.

Однажды ночью Эрих проснулся и вскочил с кровати с криком. Ему почудился голос ведомого: «Отрывайся! Отрывайся!» Обругав себя, Эрих лег досыпать. Война бушует в сотнях миль отсюда. Но так ли это далеко? Лежа в темноте, он вспоминал последние события.

Обер-лейтенант Герман Граф

До весны 1943 года налеты бомбардировщиков союзников на Германию причиняли мало хлопот. Немецкие ночные

истребители действовали успешно, и эффективность ночных налетов КВВС не вызывала тревоги. Тем не менее противник с каждым днем становился все сильнее, сбрасывал все больше бомб, и налеты принимали все более широкие масштабы. Когда город атаковал сразу 1000 бомбардировщиков, разрушения становились серьезными. Налет КВВС на Кёльн прошлой весной открыл серию таких атак.

Германская пропаганда пыталась принизить результаты налетов союзников, особенно последней атаки КВВС против дамб Мён и Эдер в Руре. Целые деревни были сметены водяным валом, хлынувшим из разрушенных водохранилищ. Часть Касселя была затоплена. Британское радио обещало усиление воздушных налетов на Германию. Для летчика-истребителя, воевавшего на русском фронте, одна только мысль, что бомбардировщики союзников летают над Германией днем и ночью, причиняла боль.

На следующий день Эрих вместе с родителями в гостиной слушал по радио речь рейхсмаршала Геринга. Его отец слушал болтовню Геринга с кислой гримасой. Потом он убавил громкость и посмотрел прямо в глаза Эриху:

– Слушай, мальчик. Сегодня в храме поют осанну, а завтра распнут на кресте. Никогда, **никогда** мы не выиграем эту войну. Это ужасная ошибка.

Доктор Хартманн хорошо знал. Его богатый жизненный опыт и знание человеческой натуры помогали ему не поддаваться лживой пропаганде. Он говорил все это Эриху начиная с 1939 года. Тема разговоров была только одна – окончательное поражение Германии. Заверения Геринга не стоили ни гроша. Слухи о массированных налетах союзников расползались по Германии, и практика доктора Хартманна, как и других врачей, постоянно росла.

Впервые Эрих ощутил беспокойство за гражданское население Германии. Его родители беспокоились о его собственной безопасности. Уш не могла скрыть, что она несчастна. Последние дни его пребывания дома были отравлены нескрываемой тревогой родных. Однако Эрих все-таки оправился за время отпуска и ринулся в бой с новой энергией. 5 июля 1943 года за 4 вылета он сбил 4 истребителя Лагг-5. До сих пор за один день он столько еще не сбивал. Однако его триумф был омрачен новым происшествием с Крупински, за которого Эрих сильно переживал.

Во время дикой свалки прямо над аэродромом 7-й эскадрильи самолет Крупински получил серьезные повреждения – был разворочен хвост, пробит маслорадиатор. Используя остатки рулей, Крупински пошел на аварийную посадку. Повреждения

самолета полностью исключали какие-то круги над аэродромом. Уже подходя к земле, он увидел, что ему наперерез поднимается дежурное звено. Крупински бросил поврежденный самолет вниз, надеясь, что не врежется в землю и не столкнется со взлетающими самолетами.

В результате попытки избежать столкновения самолет занесло, и Крупински слишком сильно ударил по тормозам. Истребитель встал на нос, а сам Крупински ударился головой о прицел. Наполовину оглушенный, он повис на привязных ремнях. Аварийная партия освободила его уже через две минуты. Перемазанный кровью и облитый бензином, Крупински впал в истерику, так как решил, что его одежда пропитана кровью. Аварийная партия вытащила его из кабины и отдала на попечение медиков. У него был пробит череп, и летчик вышел из строя на шесть недель. Его отсутствие стало тяжелым ударом для эскадрильи и для Эриха, который беспокоился о своем товарище.

Эрих летал очень часто. Каждый день гибли его товарищи. В тот же день, когда разбился Крупински, погибло еще 5 пилотов, или треть эскадрильи. Однако война на этом не завершилась. Через два дня пулеметы Эриха срезали еще 4 Лагг-5 и 3 Ил-2, то есть 7 самолетов за один день. Теперь он имел 22 подтвержденные победы, а общий счет 7-й эскадрильи вырос до 750.

На следующий день были сбиты еще 4 Лагг-5. Перед Эрихом больше не стоял вопрос, какой метод атаки наиболее эффективен. «Увидел – решил – атаковал – оторвался». Его стрельба продолжала улучшаться с каждым боем. Он намеренно подбирался все ближе и ближе к противнику перед тем, как открыть огонь. В тот момент, когда большинство пилотов считало, что пора отваливать, Эрих полагал, что расстояние слишком велико, чтобы открывать огонь. Он сумел подавить естественный страх подойти к противнику слишком близко. Чем ближе он оказывался к неприятелю, тем более сокрушительным выходил залп его пушек.

К 1 августа 1943 года он имел 46 подтвержденных побед. Через два дня в 18.30 вблизи Харькова рухнул вниз горящий Лагг-5, который стал 50-м самолетом Эриха. Еще недавно этого было бы достаточно для награждения Рыцарским крестом, но теперь требовалось больше. Он сумел избавиться от юношеских недостатков и стал многообещающим лидером.

Гюнтер Ралль, который командовал III группой 52-й истребительной эскадры, внимательно следил за успехами Эриха. Иногда бывали случаи, когда он мог дать Эриху эскадрилью, однако Ралль не желал слишком быстро двигать новичка.

В августе 1943 года Ралль решил, что теперь Эрих может справиться с эскадрильей, и назначил его командиром 9-й эскадрильи, после того как ее командир, лейтенант Кортс, погиб в бою. (Лейтенант Кортс большую часть августа пробыл в отпуске. 29 августа он был награжден Рыцарским крестом, но пропал без вести вместе со своим звеном в тот же день.) 9-я эскадрилья была бывшей эскадрильей Германа Графа, человека, который первым одержал 200 побед, и имела славные боевые традиции.

На Эриха обрушился груз более серьезной ответственности. Русское наступление на юге Восточного фронта набирало силу, и четыре вылета в день были самым обычным явлением. 5 августа 1943 года Эрих довел свой счет до 60 побед. В последующие три дня он добавил к ним еще десять. 17 августа 1943 года он имел 80 побед, повторив рекорд лучшего пилота Первой мировой войны барона Манфреда фон Рихтгофена.

К концу сентября 1943 года Эрих уже имел 115 побед. Он превзошел результат легендарного «Папы» Вернера Мёльдерса, который первым из пилотов сбил в боях 100 самолетов противника. В воздушных силах любой другой из воюющих стран Эрих Хартманн стал бы настоящим героем. На русском фронте 100 побед были достаточно обычным явлением. Чтобы получить рыцарские шпоры, юный пилот должен был уничтожить 150 самолетов врага. Однако молодой командир эскадрильи шествовал и далее победной поступью. Его счет рос все быстрее, по мере того как он обретал уверенность. Однако русские пилоты тоже набирались опыта, и сопротивление становилось все упорнее.

29 октября 1943 года лейтенант Эрих Хартманн одержал 150-ю победу. Он почти догнал Крупински, который одержал 150-ю победу 1 октября 1943 года. Однако Крупински начал воевать еще в 1939 году. С 27 февраля 1943 года, всего за 8 месяцев, Эрих сбил 148 самолетов, что было совершенно выдающимся достижением.

Это достижение принесло Эриху Хартманну Рыцарский крест Железного креста, который был желанным призом для любого пилота-истребителя Люфтваффе. Когда новость о награждении достигла штаба эскадрильи, Биммель Мертенс пришел в восторг. Он потряс руку своего молодого командира.

– Если ты будешь и дальше двигаться таким темпом, то станешь величайшим из всех истребителей. Никто не угонится за тобой.

Энтузиазм Биммеля не знал границ. Однако Эрих, когда его поздравляли, спокойно осознал, чем он обязан своему верному товарищу.

– Биммель, – сказал он, – ты просто спятил. Но если я и стану лучшим истребителем, то лишь потому, что мой самолет никогда не подводил меня. Благодаря тебе.

29 октября 1943 года Эрих официально вступил в братство Рыцарей Воздуха. Он стал одним из примерно 1300 летчиков Люфтваффе, награжденных Рыцарским крестом. Его эмблемой стало большое красное кровоточащее сердце, нарисованное на борту самолета. На сердце было написано «Уш», и его пронзала стрела. В воздухе его позывным был «Карая-1» («Возлюбленная-1»), а на шее теперь висел Рыцарский крест. Белокурый Рыцарь заслужил свои шпоры, а вместе с ними и награду, которую ценил гораздо больше: две недели дома рядом с Уш.

Глава 5 В медвежьих лапах

Погиб только тот, кто считает себя погибшим.

Аноним

Грохот русской артиллерии ночью 19 августа 1943 года был достаточно сильным, чтобы разбудить Эриха. В этот день он выполнил свой трехсотый вылет и чертовски устал. Однако раскаты орудийных залпов не дали ему спать. Началось большое наступление красных. В предрассветных сумерках по аэродрому 7-й эскадрильи в Кутейниково, Донецкий бассейн, пронеслись плохие новости. Русские прорвали фронт, и большой немецкой армии грозило окружение.

Эрих скатился с кровати и торопливо оделся, пока эскадрилья спешно собиралась. Он успел наслушаться самых разных сплетен, пока заспанные пилоты выбирались из палаток. База ожила, когда загрохотали запускаемые моторы истребителей. После аварии Крупински в июле Эрих стал временным командиром 7-й эскадрильи. Он побежал в хижину, где полковник Дитрих Храбак, командир JG-52, отдавал приказания.

Спокойный и точный, как всегда, Храбак обрисовал Эриху ситуацию:

«Ваша эскадрилья, Хартманн, выполнит первое задание. Вы будете патрулировать в воздухе весь день, чтобы отгонять русские истребители-бомбардировщики. – Палец Храбака указал район на карте. – Основной прорыв здесь. Пикировщики Руделя зададут им жару. Защита пикировщиков и уничтожение русских истребителей-бомбардировщиков являются вашей главной задачей. Если вражеские самолеты не покажутся, обстреливайте Красную Армию. Ступайте. Hals und Beinbruch». (Этот термин используют немецкие летчики, лыжники и другие спортсмены для характеристики опасной работы. Буквально он значит «переломайте себе кости», но на самом деле означает пожелание удачи. Примерный аналог русского «ни пуха ни пера».)

Эрих собрал своих семерых пилотов и коротко проинструктировал их. Они полетят в разомкнутом строю.

– Если я отдам приказ атаковать, каждый ведомый должен буквально приклеиться к лидеру своей пары. Если я отдам приказ атаковать, каждый ведущий пары начинает бой самостоятельно со своей парой. Цель номер один – бомбардировщики и

истребители-бомбардировщики. Если я атакую первым, вторая пара остается наверху. Когда я пойду вверх, вторая пара атакует, а я слежу сверху. Если мы налетим на большие массы самолетов, каждая пара атакует самостоятельно. Я надеюсь, что никто не опозорит меня, нарушим дисциплину в воздухе. Hals und Beinbruch!

Через несколько минут Эрих столкнулся с Биммелем, нетерпеливо ждавшим его. Карая-1 был готов к вылету.

– Все в порядке? – спросил Эрих.

Биммель кивнул. Эрих знал, что у его старшего механика всегда все в порядке. Возможно, Биммель поднялся еще пару часов назад и все это время колдовал над самолетом. Уже взобравшись в кабину и запихивая под себя парашют, Эрих подумал, как ему крупно повезло, что за самолет отвечает исполнительный Биммель. Эрих потрогал привязные ремни, однако оставил их свободно лежать на плечах. Так ему будет свободнее в тесной кабине. Он начал проверку.

Открыл подачу топлива… сектор газа на одну треть… прокачка три, четыре, пять раз… закрыть водяной радиатор… пропеллер на автомат… включить зажигание… Все шло нормально, и два механика принялись крутить стартер. Раздался свистящий гул.

«Свободен!» Крик механика сообщил, что пропеллер свободен.

Эрих выжал сцепление, и пропеллер начал вращаться. Мотор немедленно завелся, ожил и наполнил воздух глухим грохотом.

Эрих проверил давление масла, уровень топлива, зарядку аккумулятора, системы охлаждения, затем по очереди оба магнето. Мотор набирал обороты. Начав рулежку на старт, он показал Биммелю поднятый палец, немая благодарность пилота за отлично подготовленный самолет. Эрих в последний раз все проверил. Его птичка была готова взлететь. Затянув привязной ремень, он развернул «Мессершмитт» против мягкого ветерка, и самолет побежал по траве. Чуть потянув ручку на себя, он поднялся в воздух как раз, когда первые лучи солнца коснулись высоких облаков.

Шасси самолета поднялось и легло на место с легким толчком. Он проверил закрылки и снял пулеметы с предохранителя. Электрический прицел и рация действовали. Теперь его «птичка» была готова к бою. Удаляясь от аэродрома с набором высоты, Эрих разворачивался на восток, навстречу кровавому восходу. Черные столбы дыма, поднимающиеся в небо на северо-западе, указывали на место боя. «Не более 10 минут лета, Эрих». Он громко разговаривал сам с собой. Затем снова

оглянулся, разыскивая остальные самолеты эскадрильи.

Быстро пересчитал их. Его собственный ведомый лейтенант Пульс. Лейтенант Ори Блессин вел вторую пару. Его ведомым был сержант Юргенс. Второе звено тоже шло отлично. Ведущим был лейтенант Иоахим Биркнер, который недавно летал ведомым Эриха. Биркнер имел голову летчика и отличный глаз. Фельдфебель Бахник вел вторую пару, его ведомым был лейтенант Вестер. Готовые к бою и уверенные в себе 8 истребителей Ме-109 во главе с Белокурым Рыцарем мчались на встречу с пикировщиками Руделя.

Столбы дыма и мерцающие вспышки разрывов над обширным районом показывали, что бой идет жаркий. Когда Эрих со своей эскадрильей приблизился к полю боя, они увидели около 40 штурмовиков Ил-2, бомбящих немецкую пехоту. Каждый штурмовик сопровождал истребитель. Таким образом, над полем боя кружило около 40 Ла-5 и Як-9.

Эрих начал пикировать сквозь строй истребителей, обстреливая все, что попадало на прицел. Затем «Мессершмитты» обрушились на идущие на малой высоте «илы». Каждый из этих ненавистных бронированных самолетов, который они собьют, облегчит положение их товарищей из пехоты.

Выйдя на высокой скорости на огневую позицию позади Ил-2, Эрих начал тщательно следить за дистанцией. 200 ярдов… 150 ярдов… 100 ярдов… Расстояние сокращалось стремительно. Черная туша штурмовика заполнила все лобовое стекло Эриха, когда до него осталось 75 ярдов. Короткая очередь из всех пушек. Пламя сильного взрыва рвануло из русской машины вниз, и ее левое крыло отвалилось. Эрих немедленно отвернул и на большой скорости бросился на следующий штурмовик.

Второй штурмовик был занят наземными целями. Не подозревая о присутствии Эриха, он поливал огнем немецкую пехоту. Карая-1 снова зашел в хвост противнику. Эрих опять не стрелял до последнего момента. Дистанция менее 100 ярдов. «Недостаточно близко, Эрих. Этот Ил-2 – самая крепкая «птичка» в воздухе». На дистанции 50 ярдов Эрих нажал гашетки и дал очередь из всех пушек.

Штурмовик вздрогнул, закачался и вспыхнул от винта и до хвоста. Эрих проскочил прямо над ним, готовый развернуться, чтобы атаковать остальные «илы», обстреливающие пехоту. Серия взрывов прогремела как петарды под фюзеляжем Караи-1. Эрих увидел, как отлетела одна из крышек его капота и завертелась в воздушной струе. Едкий синий дым пополз в кабину.

Он снова заговорил сам с собой:

– Какого черта, что случилось, Эрих? Зенитки, огонь с земли,

шальной снаряд в воздушном бою? Что? Не имеет значения! Прежде чем этот чертов самолет грохнется… – Он выполнил широкий разворот на запад и рванул сектор газа. Отключил зажигание и подачу топлива. – Хорошо, он еще летит. Но куда? Вот там поле, достаточно большое, с подсолнухами… туда. Прижимай его… прижимай, Эрих… как планер, на котором мать учила тебя летать.

Истребитель легко сел и со скрежетом пробороздил землю. Сейчас Эрих отсюда уберется. Он отстегнул парашют и приготовился покинуть исковерканную машину. Нагнувшись к приборной панели, он начал отвинчивать бортовые часы. Строгий приказ требовал, чтобы все пилоты, пережившие аварийную посадку, забирали с собой этот ценный прибор. Бортовых часов не хватало.

Сражаясь с заржавевшими винтами, держащими часы, Эрих почувствовал, как его оставляет напряжение боя. «Проклятье, Эрих. Ты сегодня даже не позавтракал». Он оборвал монолог, так как краем глаза уловил какое-то движение сквозь запыленное стекло. Показался немецкий грузовик. Он почувствовал облегчение. Он не знал, как далеко пролетел на запад до посадки на брюхо, но германский грузовик узнал безошибочно. О пилотах Люфтваффе, которые совершали посадку на русской территории, мало кто слышал снова. Он возобновил борьбу с часами и поднял голову, только когда скрипнули тормоза. То, что он увидел, его перепугало.

Два огромных солдата, выпрыгнувшие из кузова грузовика, были одеты в странную форму. Германские пехотинцы носили серо-зеленые мундиры. Мундиры этих солдат были желто-серыми. Когда эти люди повернулись к разбившемуся истребителю, Эриха пробрал мороз, едва он увидел их лица. Это были азиаты.

Русские захватили германский грузовик и сейчас собирались прихватить и немецкого летчика. Эрих покрылся холодным потом, когда двое русских приблизились. Если он попытается бежать, они его пристрелят. Единственный выход – оставаться на месте. Он может притвориться раненым. Он попытается убедить их, что получил контузию во время вынужденной посадки.

Он притворился потерявшим сознание, когда русские вспрыгнули на крыло и заглянули в кабину. Один из них просунул ему руки под мышки и попытался вытащить Эриха наружу. От русских отвратительно воняло. Эрих вскрикнул, как от боли, и продолжал кричать и всхлипывать. Русский отпустил его.

Два человека о чем-то переговорили между собой, потом

обратились к Эриху:

– Камерад, камерад. Война финиш. Гитлер капут. Не волнуйся.

– Я ранен, – простонал Белокурый Рыцарь, показывая правой рукой на живот. Потом он прижал к животу обе руки. Через прикрытые веки он увидел, что уловка удалась.

Русские осторожно помогли ему выбраться из кокпита. Эрих стонал и всхлипывал, как настоящий актер. Он опустился на землю, словно ноги не держали его. Русские побежали к грузовику, сняли старый навес и положили «раненого» пилота на сложенный брезент. Они потащили его в кузов, как кучу мокрого белья, и осторожно подняли в кузов.

Солдаты пытались заговорить с Эрихом и держались достаточно дружелюбно. Они торжествовали, так как эта ночь принесла им большую победу. Эрих продолжал постанывать и хвататься за живот. Встревоженные русские, которые не могли унять его боль, привезли его в свой штаб в соседнюю деревню.

Появился доктор. Он знал несколько немецких слов и попытался провести осмотр. От доктора пахло одеколоном. Каждый раз, когда он дотрагивался до Эриха, тот вскрикивал. Поверил даже доктор. Схватившие его солдаты принесли несколько яблок. Эрих сделал вид, что заставляет себя есть. Затем он снова вскрикнул, словно все его тело пронизила ужасная боль после того, как он проглотил несколько кусочков яблока.

Этот театр продолжался два часа. Затем те же самые два солдата положили его на брезент и понесли обратно к грузовику. Так как они направились на восток, дальше в русский тыл, Эрих понял, что ему нужно смываться. И как можно скорее. Иначе он проведет весь остаток войны в советском плену. Он оценил ситуацию. Грузовик уже проехал две мили в глубь русской территории. Один солдат сидел за рулем, второй находился в кузове, охраняя раненого немецкого пленного. Мысли Эриха мчались галопом. Но тут на западе показался характерный силуэт пикировщика Ju-87.

Немецкий пикировщик пролетел низко над землей. Грузовик затормозил и едва не свалился в канаву. Часовой в кузове испуганно уставился в небо. Тут Эрих вскочил на ноги и ударил его кулаком. Часовой ударился головой о кабину и рухнул на дно кузова.

Откинув задний борт, Эрих выпрыгнул в поле, заросшее высокими подсолнухами, по которому шла дорога. Как только он нырнул в заросли, скрип тормозов показал ему, что бегство замечено. Пригнувшись, он побежал дальше в поле. Эрих слышал треск винтовочных выстрелов и свист пуль над головой. Часовые

стреляли по колеблющимся стеблям, которые показывали, где он бежит.

Выстрелы быстро остались позади и больше не представляли опасности, однако Эрих продолжал свой забег еще по крайней мере пять минут. Он не бегал со времен школьных состязаний по легкой атлетике. Каждый шаг между ним и врагами означал новый шаг к безопасности. Запыхавшийся, он выскочил с поля и оказался в маленькой долине, напоминавшей сказочный уголок.

Деревья, зеленая трава и полевые цветы окружали небольшую речку. Сцена более чем соответствовала возвращению к жизни. Он упал на траву и принялся жадно глотать холодный воздух воспаленными губами. Отдышавшись, Эрих начал размышлять над тем, как ему пробраться на немецкую территорию.

Эрих Хартманн после награждения Рыцарским крестом. 29 октября 1943 г. он сбил 148-й самолет во время 386-го боевого вылета

Он поднялся и зашагал на запад. По положению солнца Эрих

определил, что сейчас около девяти утра. Получасовая прогулка по сельской местности, почти приятная летним утром, вывела его на дорогу, ведущую в маленькую деревушку. Укрывшись в кустах, он начал присматриваться, чтобы не попасть в ловушку.

На другой стороне дороги он заметил нескольких людей в шерстяных пальто. Присмотревшись повнимательней, он понял, что это русские. Теперь не было никаких сомнений, что он оказался на другой стороне фронта. Осторожно пройдя около полумили вдоль дороги, он увидел вдалеке холм. Солдаты рыли на нем блиндажи и укрытия. Это означало, что линия фронта совсем недалеко, возможно, на другой стороне холма.

Ледяное спокойствие, которое всегда помогало ему в бою, очистило голову. Он подавил желание немедленно двинуться дальше и уже днем обойти холм и русских. Германская армия может находиться на другой стороне холма, однако он не слышит стрельбы. Более того, днем он может налететь на русских солдат или крестьян где угодно. Он спокойно заговорил сам с собой, как делал всегда в трудные минуты: «Ясно одно, Эрих. Здесь ты никогда не пройдешь днем, тебя схватят. Иди назад в долину и дождись темноты».

Он постарался запутать следы, чтобы не привести русских к своей волшебной долинке с ручьем и деревьями. Он нашел небольшую промоину возле реки, насыпал песка и камней, чтобы получше укрыться. После этого Эрих улегся за этой жалкой стеной и заснул. Он проснулся в начале вечера, совершенно готовый к ночному броску.

Биммель ждал на аэродроме, после того как Эрих поднялся в воздух. Он всегда ждал. Остальные механики разошлись и пили кофе или сидели кружком и перекидывались в картишки, пока истребители находились в полете. Биммель предпочитал в одиночку ждать на поле, не сводя глаз с неба. В то утро командир Биммеля не вернулся вместе с остальными. Огорченный и встревоженный, он метался по аэродрому, вглядываясь в восточный горизонт, пытаясь заметить или услышать возвращающийся Ме-109.

Еще несколько часов после того, как в самолете Хартманна кончилось топливо, Биммель ожидал Эриха, теряя рассудок прямо на глазах. Никто из вернувшихся пилотов не знал точно, что произошло. Лейтенант Пульс видел, как самолет пошел вниз, волоча хвост дыма. Однако в этот момент его атаковали русские истребители, и он больше не мог следить за Эрихом. Остальные пилоты тоже были слишком заняты, так как вели бой более чем с 80 самолетами красных. Они не видели, что произошло с Эрихом.

Биммель уже просто бегал по полю. Все чаще и чаще он

заходил в штабной блиндаж, чтобы узнать новости. Ничего. Остальные механики из его команды видели, как сержант Мертенс зашел в свою палатку, засунул одеяло и немного продуктов в ранец.

– Куда ты собираешься, Биммель?

– Я пойду за линию фронта. Я хочу найти своего командира.

– Тебя пристрелят или схватят».

– Я говорю по-русски. Люди помогут мне найти Эриха.

Биммель Мертенс не спрашивал разрешения отлучиться и не просил увольнения. Он просто взял винтовку и пешком отправился в направлении линии фронта. Если его командир остался жив, он найдет его и приведет назад. Между Белокурым Рыцарем и его верным начальником наземной команды существовали тесные узы, идущие из глубины сердца. Поэтому когда широкоплечий Биммель уходил, остальные механики только качали головами.

Вспышки орудийных выстрелов мерцали в ночи, трассирующие пули и осветительные снаряды метеоритами мелькали в небе, когда Эрих пробирался к линии фронта. Треск пулеметных очередей и винтовочных выстрелов звучал совсем рядом, когда он подобрался к холму с окопами, который видел утром. Он поднялся на холм, осторожно пробираясь между окопами. По противоположному склону он спустился в широкую долину, поросшую цветущими подсолнухами.

Эрих пробирался между подсолнухами, держа курс на запад и стараясь как можно меньше трясти стебли. Частые остановки сослужили ему хорошую службу. Он сохранял силы и мог прислушиваться к передвижениям врага. Прошагав более часа через подсолнухи, он устроил себе большой отдых. Металлический лязг амуниции пехотинцев заставил его насторожиться.

Прижавшись к земле, Эрих проследил, как русский патруль из 10 человек шел сквозь подсолнухи. Он решил, что, скорее всего, это разведывательная группа. Они должны знать, где находятся германские позиции, или у них есть какие-то дела вблизи передовой. Эрих взвесил шансы и решил последовать за патрулем.

Держась на почтительной дистанции сзади, Эрих следил, как в темноте колышутся верхушки подсолнухов, отмечая передвижения патруля. Через несколько минут русские вывели его к краю поля подсолнухов. Прижавшись к земле, он следил, как 10 солдат пересекают луг и проходят мимо двух маленьких домиков, виднеющихся справа.

Потом русские поднялись на следующий холм и через

несколько мгновений исчезли в тени деревьев. Эрих рванул через луг и укрылся за бревенчатой стеной домика. Он пролежал там, пока патруль не поднялся на холм и не исчез во мраке.

Тишину разорвал треск автоматных очередей и разрывы гранат. Остатки патруля, крича и ругаясь, скатились вниз с холма. Неуклюжие фигуры русских исчезли среди подсолнухов. Эрих следил за всем этим с большим облегчением. Германские передовые линии должны быть на вершине следующего холма.

Он побежал вверх по склону. Приближаясь к вершине холма, Эрих начал насвистывать немецкую песенку. Он не хотел, чтобы его срезала следующая пулеметная очередь. Через несколько минут он стоял на вершине. Там не было немцев, не было укреплений, вообще никаких признаков жизни. Его ботинки зазвенели по куче гильз. Сейчас он находился на месте боя, который видел. По прикидкам Эриха, сейчас было около полуночи.

Эрих снова двинулся на запад. Через два часа он спустился в следующую долину, окруженную холмами. Он начал подниматься по ее западному склону, почти валясь с ног от голода и усталости. Вдали гремели пушечные выстрелы. Единственным звуком, который он слышал кроме них, было его собственное дыхание. Тишина была почти мертвой.

– Хальт!

И сразу за предостерегающим криком раздался винтовочный выстрел с близкого расстояния. Эрих почувствовал, как пуля пронизала его штанину.

– Проклятый дурак! – вскрикнул он. – Не стреляй по своим!

– Не двигайся!

– Проклятье! Я немецкий пилот. Ради бога, не стреляй.

Часовому повезло, что, стреляя с расстояния не более 20 метров, он промахнулся. Он оказался плохим стрелком, так как был почти парализован страхом. Когда Эрих осторожно подошел поближе, то увидел, что солдат буквально трясется от страха. Он был испуган гораздо больше Эриха, который чувствовал дуновение воздуха, когда пуля продырявила его брюки.

Эрих громким голосом закричал куда-то за спину часового:

– Я германский пилот, который был сбит. Я рад оказаться здесь. Я шел несколько часов из русского тыла. Ради бога, позвольте мне пройти.

– Пропусти его! – Короткий приказ из тыла прозвучал для Эриха как избавление.

Держась подальше от часового, юный ас прошел мимо него на голос. Часовой не расслаблялся ни на минуту. Оказавшись позади

Белокурого Рыцаря, он направил ствол винтовки ему в спину. Эрих почувствовал, как у него по спине ползет холодная струйка. Один шорох, одно неверное движение, и этот лунатик выстрелит ему в спину. Часовой проводил его до вершины холма.

Пехотинцы, занимавшие высотку, прятались в блиндажах. Командовавший взводом лейтенант начал допрашивать уставшего как собака Эриха. У него не было документов. Русские очистили его карманы. Он назвал подозрительному германскому офицеру свое имя и звание, указал примерно, где его сбили вчера утром. Сейчас было два часа ночи, и он не мог обвинить пехотинцев в излишней подозрительности.

– Пожалуйста, лейтенант, позвоните в мой штаб.

«Вайсс-2» перед взлетом. Пилот в кабине, два механика проверяют самолет в последний раз

Офицер поверил, однако у него не было телефона. Он не мог покинуть позиции ночью. Лейтенант также объяснил причину нервозности и подозрительности.

– Два дня назад появились 6 человек. Все они превосходно говорили по-немецки. Они сказали, что бежали из лагеря военнопленных. Когда соседний взвод позволил им спуститься в окопы, они выхватили из-под шинелей автоматы и убили и ранили 10 человек.

Эрих сполна увидел всю тяжесть и жестокость войны, которую вела пехота, так как ему пришлось провести остаток ночи прямо на линии фронта. Его соотечественники накормили его, и он тут же уснул в блиндаже. Ему показалось, что прошла всего минута или две, когда один из пехотинцев потряс его за руку и разбудил:

– Пошли со мной. Тревога.

Эрих посмотрел на светящийся циферблат наручных часов: 4.00.

Он последовал за солдатом в окоп, где был установлен пулемет. Его внутренности сжались в комок. Над холмом летели крики и пение. Эрих выглянул через бруствер. Он с трудом смог различить группу русских солдат, которые, покачиваясь, брели по склону холма. Они выглядели вдребезги пьяными. Болтая и переговариваясь, русские шли вперед. Артиллерия молчала, танки не сопровождали их. Они или перепились, или здесь крылась какая-то ловушка.

Истребитель Bf. 109G-7 с тремя пушками

Молодой лейтенант, командовавший немцами, отдавал последние приказания:

– Ждать. Не стрелять, пока я не прикажу. Позвольте им подойти так близко, что вы уже не сможете промахнуться.

Эрих подумал, что тактика пехотинцев сильно напоминает ту, что он сам применял в небе.

Русские поднимались по холму, крича и горланя русские песни. Немцы в окопах скорчились, стараясь подавить нервную дрожь. Теперь русские находились всего в 60 футах от окопов. Пьяные или трезвые, но через несколько секунд они увидят своих противников.

– Огонь!

Загрохотала каждая винтовка немецкого взвода. Свистящая струя свинца и стали сбивала русских с ног. Склон холма покрылся трупами. Пьяные или трезвые, они не имели ни малейшего шанса. Чудовищная бойня длилась всего полминуты. Не уцелел ни один русский.

Это был первый случай, когда Эрих воочию увидел жестокость сухопутной войны в России. Жуткие воспоминания навсегда отпечатались в его памяти. Даже через 25 лет, вспоминая об этом эпизоде, он вздрагивал. Война кажется очень различной пехотинцам и летчикам.

После столкновения, как только рассвело, ефрейтор отконвоировал Эриха в штаб роты. Там имелись радио и телефон, и командир роты быстро связался с полковником Храбаком в Кутейниково. Личность Эриха была подтверждена, и его на грузовике отправили обратно на базу. Рассказав свою историю Храбаку, Эрих отправился на поиски Биммеля.

Эрих был потрясен, когда узнал о том, что его старший механик сбежал из части, чтобы разыскать своего пилота. Биммель все еще не вернулся. Крупински уже вернулся из госпиталя за время отсутствия Эриха. Он так описывает возвращение Хартманна в 7-ю эскадрилью:

«Тот день, когда Буби Хартманн вернулся из своих странствий по русским тылам, я запомнил навсегда. Он был безумно счастлив вернуться в свою эскадрилью целым и невредимым. Однако он был ужасно напуган пережитым. Его глаза оставались широко раскрытыми, и он был сильно истощен.

Он прошел через испытания, которые пережил мало кто из наших летчиков. Мне показалось, что за считаные часы он страшно постарел».

Последнее облако тревоги, омрачавшее жизнь Эриха, рассеялось, когда он узнал о возвращении Биммеля. На следующее утро все увидели характерную плотную фигуру Мертенса, шествующую по аэродрому. Глаза Биммеля были обведены черными кругами, а щеки запали. Он едва не падал от усталости, когда вернулся на базу. И тут он увидел Эриха.

Измученное лицо Биммеля расплылось в улыбке. Его командир вернулся домой. Когда Белокурый Рыцарь побежал ему навстречу, Биммель заметил, что он не ранен. Два человека крепко обнялись. Это было молчаливое выражение тех нерушимых уз, которые возникают между мужчинами, готовыми отдать жизнь за друга. Биммель Мертенс говорит, что это был самый счастливый момент в его жизни – увидеть Белокурого Рыцаря целым и невредимым после того, как он был сбит над русской территорией.

Печальный опыт Эриха в то же время оказался очень полезным. Его инстинкт подсказал ему правильное решение – выдать себя за раненого, что наверняка спасло его от плена или даже смерти. Русские попались на его уловку и поверили в сильную внутреннюю контузию, после чего ослабили бдительность. Это помогло ему бежать. Опыт других немецких пилотов, попавших в руки русских, показывает, что те, как правило, бдительно стерегли летчиков. Каждого сопровождали по двое-трое вооруженных часовых. Большинству сразу связывали руки.

Способность быстро соображать является одним из важнейших преимуществ пилота-истребителя. Именно это качество помогло Белокурому Рыцарю не закончить свою карьеру в августе 1943 года, когда он имел всего 90 побед. Он охотно делился своим опытом, приобретенным в русском плену, с молодыми пилотами, которыми позднее командовал в Люфтваффе и спустя много лет в эскадре «Рихтгофен» в новых германских ВВС. Эрих Хартманн так оценивает свои приключения:

«Я всегда говорил своим людям, что если им посчастливилось бежать из плена, то передвигаться следует только по ночам. Никогда не двигайтесь днем. Вы можете неожиданно столкнуться с противником. Существует возможность, что вас заметит спрятавшийся враг. Вам придется столкнуться со множеством неожиданностей днем.

Когда вы передвигаетесь по ночам, вас нельзя застать врасплох. У вас все преимущества. Вы знаете, что вы здесь чужой, а все люди вокруг – враги. Если вас окликнут на любом языке – немедленно прыгайте в темноту. По ночам большинство врагов отсыпается, поэтому найдется не слишком много глаз, чтобы заметить вас, и не слишком много рук, чтобы помешать вам. Вас будет провожать не слишком много стволов.

Я всегда подчеркивал своим людям, которыми командовал во время войны и после нее, что самое главное – держать себя в руках и не пытаться бежать днем. Это правило огненными буквами врезалось в мою память в тот день, когда я лежал на сыром речном песке. Не спешите. Дождитесь ночи. Темнота – ваш друг».

Этот эпизод является одним из самых замечательных в неподражаемой карьере Белокурого Рыцаря. Когда в августе 1943 года он попал в плен к русским, то мог полагаться только сам на себя. Он сумел спастись, использовав все свое хладнокровие, сообразительность и чутье. Когда в 1945 году американцы второй раз отдали его в лапы медведя, у него не было никаких шансов. Соглашение между правительствами обрекло Белокурого Рыцаря на 10,5 года в русских лагерях.

Глава 6 Дубовые листья

Война не совсем похожа на страхование жизни.

Полковник Ханс-Ульрих Рудель

Когда осенью 1943 года Эрих достиг 150 побед, его слава начала стремительно расти по обе стороны фронта. Германское радио начало часто повторять его имя. Иногда его фотография появлялась в газетах, обычно среди других лучших пилотов JG-52. Для русских он стал известен как Карая-1, по своему позывному. Позднее для русских он приобрел мрачную известность как Черный Дьявол Юга.

Легенда родилась, когда Эрих пересел на самолет с черным носом. Его истребитель имел характерный рисунок, что-то вроде лепестков тюльпана. Поэтому Эриха было очень легко отличить в бою, и советские пилоты быстро поняли, что пилотирует этот самолет пилот, с которым лучше не встречаться. Он никогда не промахивался. Русские назвали этого внушающего ужас, но пока еще неизвестного противника Черным Дьяволом Юга.

Советы имели свою службу радиоперехвата и прослушивали переговоры Люфтваффе, как делали и немцы, чтобы собрать информацию о противнике. Из этих переговоров русские узнали, что Карая-1 и Черный Дьявол, которого они так боялись, – одно лицо. Он легко прорезал строй русских, и большая часть жертв Черного Дьявола были одноместными истребителями. Русские назначили цену в 10 000 рублей за голову Черного Дьявола. Русский пилот, который сумел бы сбить его, заслужил бы известность, славу и богатство.

Однако этих мотивов оказалось недостаточно. Красные пилоты, столкнувшиеся в воздухе с Черным Дьяволом и узнавшие характерную раскраску его самолета, поспешно удирали с места боя. Эрих обнаружил, что его черная раскраска и мрачный образ в умах советских пилотов работают против него. Его счет перестал расти, так как противник не принимал боя. Он был рад успеть провести хотя бы одну атаку, прежде чем противник разбегался. Удача отвернулась от звена, в котором летал Эрих.

Сначала Эрих передавал свой самолет с черным носом неопытным ведомым. Эти юнцы и мечтать не могли о лучшей защите. Красные пилоты предпочитали избегать встречи с машиной, отмеченной характерным черным тюльпаном. Как

только в воздухе появлялись черные лепестки, красные немедленно удирали. Эрих решил, что черному тюльпану пора исчезнуть.

Биммель Мертенс этому только обрадовался. Ему приходилось постоянно возиться с черной краской, чтобы поддерживать в порядке рисунок, а это механику совсем не нравилось. Кроме того, Биммель тоже умел считать. Он знал, что с тех пор, как на машине его юного шефа появился этот рисунок, количество трофеев начало сокращаться. Поэтому Биммель закрасил черный тюльпан, и для красных пилотов Эрих снова стал самым обычным летчиком. В увеличении счета были заинтересованы не только Эрих с Биммелем, но и вся эскадрилья. Победы снова посыпались как из рога изобилия, когда Эрих врезался в строй красных никем не узнанный.

В январе и феврале 1944 года Карая-1, казалось, успевал повсюду. И всегда он выходил из боя победителем. За 60 дней Эрих добился 50 побед – в среднем по одной победе в день. В действительности он сбивал по два самолета в день. Плохая погода была почти таким же серьезным противником, как ВВС красных, хотя германские пилоты узнали достаточно много и об этом неприятеле от советских летчиков.

Немцы были сильно удивлены в России, когда видели красные истребители, кружащие над своими аэродромами в утренние холода, когда они сами не могли запустить моторы своих машин. Когда эскадрилья Эриха захватила русского летчика, он с характерной советской прямотой показал им, как русские ВВС поддерживают боеспособность своих частей при температурах до 40 градусов ниже нуля.

Этот пленный был горд тем, что знает нечто не известное немцам. Он потребовал канистру с половиной галлона бензина. Затем он подошел к стоящим на земле «Мессершмиттам» и, к ужасу наземного персонала JG-52, залил бензин в масляный фильтр самолета. Немцы отбежали ярдов на двадцать. В тот момент, когда Dummkopf попытается включить зажигание и запустить мотор, последует взрыв.

Осторожные германские механики начали проворачивать мотор вручную, а германский пилот забрался в кабину. После того как бензин смешался с замерзшим маслом, он включил зажигание. Мотор завелся. Взрыва не последовало. Огромный «Даймлер-Бенц» работал надежно. Через переводчика русский летчик объяснил немцам, что при низких температурах масло густеет и стартер не может провернуть мотор. Бензин разжижает масло, а когда мотор прогревается, он испаряется. Единственной предосторожностью были более частые замены моторного масла,

когда при низких температурах в него добавляют бензин.

Эрих также проследил, как другой русский демонстрирует уловки по запуску мотора в условиях низких температур. Вот как он рассказал эту историю своими словами:

«Русский потребовал лоток для запасных частей. И снова он потребовал бензин. Биммель и остальные следили, как русский подошел к соседнему Ме-109 и поставил лоток под моторным отсеком. Он до краев наполнил лоток бензином. Затем поджег спичку и отпрыгнул назад.

Бензиновые пары сразу вспыхнули, несмотря на низкую температуру. Широкий язык пламени лизнул снизу открытый моторный отсек. Пламя горело минут десять.

Когда огонь погас, один из механиков сказал, что электрической системе конец. Изоляция просто сгорела. Но русский просто ответил: «Запускайте». Низкий ровный гул мотора убедил всех. Теперь истребители могли летать и при отрицательных температурах, мы научились этому. Мы все чувствовали себя обязанными этим опытом красным ВВС, которые сами помогли нам подниматься в воздух каждое утро, чтобы встретить их утренние налеты».

Тот же русский пленный показал изумленным немцам, как заставить оружие действовать в условиях отрицательных температур. Наставления Люфтваффе требовали тщательной смазки оружейных механизмов. В суровых условиях русского фронта смазка застывала, и механизм замка оказывался замороженным. Русский взял германский пулемет и окунул его в котел с кипящей водой. Он смыл масло и смазку с оружия. Освобожденное от предписанной смазки оружие исправно действовало до температуры минус 40. Благодаря советам русских немцы смогли не только летать, но и стрелять. Была решена проблема, мешавшая частям Люфтваффе первые две зимы в России.

Использование этих и других уловок Биммелем позволило Эриху в январе – феврале 1944 года добиться впечатляющих успехов. Он летал на истребителе с обычным камуфляжем. Единственным отличительным знаком было кровоточащее сердце на фюзеляже. Тем не менее русские научились с помощью службы радиоперехвата опознавать его самолет. Это привело к тому, что однажды утром Эриха выследил русский, решивший сбить его.

Эрих летел со своим ведомым лейтенантом Вестером далеко от линии фронта над своей территорией в Румынии. Здесь вероятность встречи с русскими самолетами была не слишком высока, но штаб JG-52 получил сообщение об атаке русских. Эрих получил приказ произвести поиск.

Проведя более 500 боев, Эрих приобрел кое-что более ценное, чем 150 побед. Он научился интуитивно чувствовать присутствие противника. Голубое небо казалось пустынным, редкие облачка никак не могли укрыть вражеский самолет на долгое время. На земле внизу нельзя было увидеть никаких признаков разыгрывающейся там смертельной схватки. Но в голове Эриха прозвенел сигнал тревоги, который уже спасал его много раз. Он оглянулся.

На расстоянии 600 ярдов и чуть выше он увидел истребитель «як» с красным коком. Русский готовился атаковать Караю-1.

– Выходи вперед, набирай высоту и следи! – приказал Эрих Вестеру.

Пока они мчались в одном направлении, русский каждую секунду мог открыть огонь. Внимательно следя за противником, Эрих каждый раз отворачивал, пытаясь заставить русского обходить его по внешней дуге. Но русский пилот сделал то, чего Эрих от него совсем не ожидал. Сбросив скорость, он развернулся и пошел в лобовую. Эрих стрелял, русский стрелял. Никто не попал. Дважды они ходили в лобовые атаки. Никто не добился более выгодной позиции для стрельбы.

После того как он дважды едва не столкнулся с русским на огромной скорости, Эрих снова начал громко разговаривать сам с собой, как делал обычно в трудных положениях:

– Эрих, этот русский действует как сумасшедший. Вероятно, он пытается протаранить тебя. Отрывайся, уходи от него с отрицательным ускорением.

Белокурый Рыцарь толкнул ручку вперед и послал Карая-1 вниз, вместо того чтобы выполнять разворот. Одновременно он приказал Вестеру уходить пологим пике. Пока его истребитель летел вниз, Эрих следил, как русский завершает разворот. Находясь внизу, Эрих мог видеть, как сбитый с толку русский пилот выполнил пару крутых виражей. Похоже, он был сбит с толку, так как потерял своего противника. Не видя Эриха, находящегося внизу в мертвой зоне, русский повернул на восток и направился домой. Несомненно, он намеревался рассказать, как едва не прикончил проклятого Карая-1… Черного Дьявола.

Работая секторами газа, Эрих на малой высоте последовал за своим противником. Дав полный газ, он заставил свой Ме-109 через пару минут оказаться под ничего не подозревающим «яком». Оказавшись в 50 футах под русским самолетом, Эрих сбросил газ и приподнял нос своего истребителя. Вражеский самолет заполнил все лобовое стекло, и Эрих нажал гашетки.

Куски зазубренного металла полетели от русского истребителя и ударили по крыльям Карая-1. Из моторного отсека

русского показался факел, за подбитым истребителем потянулся хвост черного дыма. «Як» был готов.

Русский пилот перевернул свою машину и выпрыгнул с парашютом. Его белый купол резко выделялся на фоне утреннего неба. Русский только проводил взглядом свой пылающий самолет. «Як» врезался в землю и взорвался. Дым поднимался вверх, пока русский медленно спускался вниз. Эрих кружил вверху и видел, как русский приземлился и начал собирать свой парашют. Германская пехота из соседней деревушки уже мчалась сюда.

Тщательно запомнив место боя, Эрих помчался на базу. Выпрыгнув из Карая-1, он тут же вскочил в летучий джип эскадрильи Физелер «Шторх». Верткий маленький самолетик использовался для разведки, спасения сбитых пилотов, управления в воздухе. «Шторх» мог сесть на полянке менее 200 метров. Он поднимал трех человек, включая пилота. На базе всегда держали «Шторх» в готовности к вылету.

Лейтенант Эрих Хартманн и его ведомый обер-фельдфебель Блесин

Эрих взлетел и через несколько минут сел возле деревни, откуда германские пехотинцы бежали к русскому пилоту. Как он и был уверен, пехотинцы захватили его противника. Русский оказался капитаном с добрым лицом. Он был счастлив, что остался в живых. Пара гражданских румын, знавших немецкий и русский, помогала переводить.

Эрих поздравил русского со вторым рождением –

благополучным спасением из сбитого самолета.

– Для вас война кончилась. Вам повезло, – сказал Эрих.

Русский кивнул и счастливо улыбнулся.

– Почему вы не оглядывались после того, как потеряли меня? И почему вы летели один?

Русский объяснил, что потерял ведомого раньше в бою. А на вопрос, почему он не оглядывался, русский смог только горестно вздохнуть. Ситуация подтвердила справедливость американской пословицы: «Если ты не оглядываешься через плечо, кто-нибудь на тебя набросится».

Разговаривая с молодым русским, одетым в летный комбинезон и шлем, Эрих видел перед собой такого же пилота-истребителя, принадлежащего к этой же касте. Он был таким же беззаботным молодым человеком. При разговоре они оба руками изображали крылышки. Если бы не его язык и мундир, он мог бы быть немцем.

Эрих забрал своего пленника у пехотинцев, они вместе сели в «Шторх» и полетели на базу эскадрильи. С помощью жестов и отдельных русских слов Эрих пригласил молодого русского капитана в палатку для отдыха. Там находились молодые немцы, такие же, как он. Немцы предложили русскому шнапс и еду. К изумлению Эриха, русский рассердился. Один из немецких пилотов немного говорил по-русски и выяснил причину ярости русского пилота:

– Им говорят, что немцы расстреливают всех русских пленных!

Эрих сам передал капитану еще немного шнапса и еды. Потом он взял русского с собой и повел показывать поближе свой Ме-109. Русскому было разрешено без охраны ходить по базе, пока через два дня его не отправили в штаб эскадры для дальнейших допросов. Достаточно смелый, чтобы в одиночку сразиться с Карая-1, русский пилот даже не попытался бежать, хотя его оставили практически без присмотра.

Воздушные бои, вроде этой стычки с одиноким русским, позволили Эриху познакомиться со всеми видами воздушного боя. Он не только уверился в своих способностях, без чего пилот-истребитель просто не мог добиться успеха, но также повышал свое мастерство, набираясь нового опыта. Эрих мог заметить самолет на фантастическом расстоянии, иногда на несколько минут раньше, чем все, кто летел рядом с ним, и часто предугадывал намерения противника. Он избегал маневренного боя в пользу смертоносного скоростного удара и отрыва. Хартманн никогда не изменял последовательности «увидел – решил – атаковал – оторвался». Следовать этому лозунгу значило

гарантировать успех. Изменить ему – значило потерпеть неудачу или даже погибнуть.

Дубовые листья из рук фюрера

Для вступления в бой и выхода из него Эрих создал ряд правил, которые позволяли ему оставаться целым и невредимым, тогда как русские самолеты продолжали падать. В условиях безоблачного неба он выбирал скоростную атаку сверху. Если облачность была плотной, он предпочитал атаку снизу. В любом случае Эрих предпочитал дождаться возможности нанести один разящий удар, чем выполнять атаку не в идеальных условиях. Таков был его принцип. Внезапность была важнейшим элементом успешного удара.

Зимой, когда Карая-1 был раскрашен в белые цвета и небо закрывала низкая облачность, особенно успешными были атаки снизу вверх. Он подавил свою прежнюю привычку сбрасывать скорость при сближении. Эрих шел прямо на врага и открывал огонь с минимальной дистанции. На расстоянии 50 ярдов огневая мощь истребителя оказывалась ужасающей. Было достаточно минимального расхода боеприпасов.

Традиционную тактику вальсирования с противником Эрих отвергал. Пилотажники могли поступать, как им нравится, и большинство из них любило маневренный бой. Эрих предпочитал свои собственные методы. После короткого стремительного удара по противнику он переворачивался через крыло и пикировал примерно на 2000 футов, если позволяла высота. Потом он

второй раз атаковал противника снизу сзади, горкой набирая высоту. Из этой позиции он мог парировать любой маневр противника. После этого Белокурый Рыцарь набирал высоту для третьей атаки, если противник переживал вторую. Но каждый заход повторял принцип: «Увидел – решил – атаковал – оторвался».

В воздушных боях на Восточном фронте немцы почти всегда уступали противнику в численности. Поэтому Эрих сам часто подвергался атакам русских истребителей. Он выработал свои собственные методы защиты. Как его методы атаки позволяли ему взять верх над приверженцами старой тактики маневренного боя, так же его оборонительная тактика предохраняла его от неприятностей. Две составляющих этой тактики шли рука об руку. Прежде всего удача всегда была с Эрихом и постоянно сопровождала его в бою. Однако его выдающиеся аналитические способности сыграли гораздо большую роль, чем Госпожа Удача. Его высочайшие достижения и личная безопасность были плодом этого союза.

Когда русские атаковали его сзади сверху, Эрих выполнял крутой разворот с набором высоты, уходя с линии прицела. Если красный пилот атаковал сзади снизу, Эрих выполнял крутой вираж в сторону и шел вниз, тоже сбивая прицел противнику.

Хладнокровие Эриха стало легендарным среди тех, кто летал вместе с ним. Он научился угадывать намерения русских пилотов, когда они выходили в атаку, что позволяло ему своевременно парировать их маневры. Чтобы не поддаться желанию заложить вираж, пока противник еще не вышел на дистанцию стрельбы, нужно было иметь крепкие нервы. Идею спокойно сидеть и ждать, пока вражеский самолет несется на тебя, паля из всех пулеметов, трудно принять в теории, а еще труднее выполнять в реальном бою. Лететь строго по прямой, используя руль для небольших скольжений, и ждать противника, подставляя себя, было трудно, но возможно. Белокурый Рыцарь скоро убедился, что может избежать попаданий в таких условиях. В последние секунды перед тем, как русский пилот открывал огонь, Эрих получал важнейшую информацию.

Неопытные или плохие пилоты выдавали себя, открывая огонь преждевременно. Эрих обнаружил, что в таких условиях может изменить роли и из обороняющегося превратиться в атакующего. Однако, если красный пилот сближался, не стреляя, становилось ясно, что за штурвалом сидит опытный ветеран. Тогда была возможна дуэль.

Эрих отработал одно правило отрыва. Где только возможно, он выполнял маневры с отрицательным ускорением. Атакующий

пилот ожидает, что противник заложит крутой вираж, и тогда он его перехватит – классический бой на виражах. Атакующий пилот должен поворачивать еще круче, чтобы иметь возможность обстрелять своего противника. В результате противник на мгновение скрывается под носом атакующего. В этот момент противник может спастись, толкнув ручку от себя и ударить ногой по педалям. Моментально ускорение самолета изменялось с +5*g* до –1*g* или даже –1,5*g*. Атакующий просто не в состоянии заметить этот маневр и парировать его. Эрих не раз с успехом применял его, в результате атакующий терял все выгоды своего положения и оказывался в серьезной опасности.

Прежде всего атакующий испытывал психологическое неудобство – невесомость при отрицательных ускорениях. Его срывало с сиденья, так, что трещали привязные ремни. Он просто не мог следить за целью из-за большого отрицательного угла атаки. Наконец, когда атакующий терял обзор и управление самолетом, выбрать правильное направление преследования было более чем сложно.

Эрих сохранял этот прием на крайний случай. Во всех обычных случаях он старался вписаться в вираж противника, используя положительные ускорения. Он называл это «мои личные правила вращения». Эрих заставлял молодых пилотов вызубрить эти правила, чтобы оставаться в живых. Его тактическое мастерство и в атаке, и в защите помогло пройти более 800 боев без единой царапины. Это слишком впечатляющее достижение, чтобы списать его на голую удачу.

Когда он уяснил для себя новую тактику и проверил ее в боях, счет Эриха начал расти так быстро, что вызвал недоверие других пилотов. Его непрерывная цепь побед и внешне беззаботная жизнь сделали его центром пристального внимания в 1943 году. Многие пилоты считали, что в успехах Эриха есть нечто подозрительное.

Сержант Карл Юнгер из 7-й эскадрильи, который летал ведомым Эриха, был приглашен двумя пилотами 8-й эскадрильи на обед. Эта встреча имела серьезные последствия, породив соперничество между эскадрильями. Во время пирушки Юнгер услышал, как несколько раз было упомянуто имя Эриха Хартманна. Лейтенант Фридрих Облесер, который пришел в JG-52 примерно в одно время с Эрихом, начал свою карьеру хорошо. В то время Эрих никак не мог излечиться от нервной лихорадки и только учился трюкам Россманна и прочих пилотажников. После того как Эрих начал вырабатывать свои собственные приемы, он стремительно обошел Облесера по числу побед. Фриц выразил сомнение относительно достоверности

побед Эриха.

Юнгер в качестве ведомого Эриха сам был свидетелем множества побед. Он возмутился, услышав замечания Облесера. На следующий день Юнгер передал Белокурому Рыцарю, что о нем говорил Облесер. Эрих поблагодарил Юнгера и мгновенно решил, что следует сделать. Он пошел прямо к командиру группы майору Гюнтеру Раллю, которому подчинялись и 7-я, и 8-я эскадрильи.

– Фриц Облесер из 8-й эскадрильи говорит другим пилотам, что не верит в подлинность моих побед.

Брови Ралля взлетели вверх:

– Хорошо. Но я-то ЗНАЮ, что они подлинные. Я видел рапорты очевидцев и знаком со всеми подробностями. Что же, по-твоему, я должен сделать?

– Я прошу позволить Облесеру совершить несколько вылетов в качестве моего ведомого, герр майор. И все.

Ралль кивнул. В такой зависти пилотов не было ничего нового.

– Конечно. Я отдам нужный приказ. Прямо завтра.

На следующий день несколько ошарашенный Облесер кисло отрапортовал Эриху, что готов лететь его ведомым. Так как его временно командировали для действий в качестве наблюдателя, то с целью обеспечить лучшую видимость Облесера поставили во вторую пару звена Эриха. Он совершил два вылета и видел два кинжальных удара Эриха, завершившиеся победами. Белокурый Рыцарь взорвал самолеты своих противников.

На земле полностью убежденный Облесер подписал подтверждения двух побед в качестве официального свидетеля. Фриц признался, что был не прав, и его отпустили обратно в 8-ю эскадрилью, чтобы рассказать об увиденном. Больше никто не выражал сомнений в успехах Буби Хартманна.

Кроме тактического умения Эриха, которое доводилось до блеска во время многочисленных боев, был еще один важный талант, который определял успехи пилота-истребителя, – охотничье чутье. Он умел отыскивать противников даже во время относительной пассивности. Когда рапорты приходили в штаб группы, информационная доска Ралля показывала, что Эрих ухитряется сбивать самолеты даже тогда, когда остальные пилоты возвращаются с пустыми руками. Буби был охотником от рождения.

Эдмунд Россманн

Вечером 1 октября 1943 года Эрих был вызван к телефону. Майор Ралль хотел участвовать в завтрашней охоте.

– Когда ты намерен вылететь завтра утром? – спросил Ралль.

– В семь или около того.

– Хорошо. Я полечу во второй паре.

А теперь предоставим слово самому Эриху Хартманну, чтобы описать единственную операцию, когда два великих пилота действовали совместно:

«Ралль каждое утро летал к Запорожью, чтобы наловить червяков, но успеха не имел. Я вылетал позднее и добивался успеха, однако у меня был специальный маршрут. Я летел на малой высоте от Запорожья к Никополю, где находилась большая русская авиабаза. Я хранил свою находку в тайне и каждый день возвращался, сбив в этом районе самолет.

Утром второго октября Ралль полетел со мной. Мы направились на юг. Мы кружили над линией фронта и русла Днепра. Через 30 минут, ничего не заметив в воздухе, Ралль передал по радио: «Зачем мы здесь вертимся? Никого нет. Я намерен вести свою пару к Днепропетровску».

Командир группы так и поступил. Но уже через пару минут я заметил разведывательный самолет По-2 на высоте 18 000 футов. Его сопровождала пара истребителей «лагг». Я опасался, что Ралль еще не слишком далеко, поэтому я дождался, пока По-2 приблизится. Потом я вызвал Ралля.

– Вижу цель южнее Запорожья. Вы можете видеть ее. Поворачивайте.

Вальтер Крупински

Радио тут же принесло ответ Ралля:

«Жди! Жди! Жди, пока я не вернусь».

В этот момент я находился всего в 1500 футах от По-2. Я сблизился и сбил его, а потом сбил один из «лаггов» сопровождения. Ралль видел, как они горят.

Ралль сделал вывод, что этот парень не только отличный стрелок, но и прирожденный охотник. И этот случай показал язвительность Хартманна, которую он до сих пор умело прятал.

Пилоты русских истребителей были самыми опасными противниками в воздушных боях на Восточном фронте. Но, как мы уже говорили, самым трудным самолетом в небе был грозный штурмовик Ил-2. Русские штурмовики были не такими маневренными, как «яки», «миги», «лагги», не такими скоростными, однако они могли выдержать попадание такого количества пуль и снарядов, что германские пилоты часто не верили собственным глазам. Было видно, как пули и снаряды отскакивают от бронированного корпуса этой невероятно прочной машины.

Иозеф Цвернеманн

Штурмовик был первым самолетом, который сбил Эрих, и он сам узнал, насколько трудно отправить эту «птичку» на землю. Ил-2 летел на бреющем полете. Его уязвимый маслорадиатор был укрыт под фюзеляжем, а хвостовой стрелок отгонял истребители. Эрих выработал особую тактику для атаки этих самолетов. Он выполнял атаку под углом 15–20 градусов и стремительно сближался. Это вынуждало стрелка вертеть шкворень слишком быстро. Эрих никогда не атаковал Ил-2 прямо по курсу и всегда отворачивал после захода. Он избегал ранений и повреждений, круто ложась на крыло и ныряя под штурмовик. При этом маневре стрелок штурмовика ничем не мог угрожать ему.

Эрих нашел два способа успешно атаковать Ил-2. Это была молниеносная атака снизу. Обстрел брюха штурмовика был лучшим способом сбить «бетонный бомбардировщик». Попадание в уязвимый маслорадиатор или сбивало Ил-2, или поджигало его. Если штурмовики летели на бреющем и этот метод был невозможен, Эрих заходил сзади и старался сосредоточить огонь на корнях крыльев, избегая бронированной кабины и моторного отсека. Многочисленные попадания пушечных снарядов надламывали тяжело нагруженное крыло, и штурмовик разбивался. Двухместный вариант Ил-2 оказался уязвим для атак под углом 10 градусов снизу. Очередь в упор все-таки пробивала броню кабины.

За Ил-2 в 1944 году последовал Ил-10, еще более крепкий и скоростной самолет. Эти самолеты приходилось в буквальном смысле «разламывать на куски». Перед появлением Ил-10 в свой самый удачный период 1943 года Эрих сумел одержать свою самую необычную победу над Ил-2. Аналитические способности Эриха хорошо послужили ему перед этим боем. Он подметил, что Ил-2 заходят на цель с русской стороны фронта прямым курсом на бреющем большими группами. Часто они шли группами до 60 самолетов и очень редко поднимались выше 4500 футов.

Ведомый Хартманна Ханс-Иоахим Биркнер

Эти самолеты несли на внешней подвеске до 250 кг бомб и двигались относительно медленно. Поэтому их было очень легко догнать сзади. Эрих решил после взлета набрать высоту

15 000 футов. Оттуда он мог заметить вражеские самолеты на большом расстоянии. Заметив вражескую группу, Эрих начинал пологое пике, нацеливаясь так, чтобы пройти выше строя противника на контркурсе, имея запас высоты 8000—10 000 футов.

Русские пилоты видели германские истребители, идущие выше на восток на большой скорости. Пара Эриха никак не показывала, что видит русских. Их пилоты ошибочно решали, что остались незамеченными. Эрих двигался на восток несколько секунд, а потом выполнял полупетлю вниз с переворотом.

Изменив направление движения и набрав скорость в пике, он оказывался чуть ниже строя Ил-2. Если небо было покрыто облаками, он заходил сзади и гораздо ниже советских самолетов. Имея большое преимущество в скорости, Эрих быстро сближался для смертоносного кинжального удара, который обычно означал уничтожение самолета. Многие советские пилоты были захвачены врасплох таким маневром.

Русские раскусили эту тактику, как мы позднее узнали из мемуаров их аса Александра Покрышкина. Каждый новый тактический прием рождал какие-то ответные меры и прежде всего приводил к повышению бдительности. Когда Эрих с помощью своего излюбленного приема попытался перехватить группу Ил-2 возле Харькова, русские были готовы к этому. По крайней мере, они так считали.

Четыре штурмовика шли уступом вправо под Эрихом. Он провел свой патентованный маневр захождения. Во время пикирования скорость истребителя быстро росла. В 200 футах за хвостом четвертого Ил-2 он открыл огонь. Очередь разбила кабину русского самолета. Русский лидер заложил крутой разворот со снижением влево, два остальных самолета последовали за ним.

Этот маневр уклонения с потерей высоты имел катастрофические последствия. Бомбы, подвешенные под крыльями Ил-2, резко снижали маневренность бетонных бомбардировщиков, и перед маневром они имели высоту не более 1500 футов. Полупетля вниз съела этот запас высоты.

Четыре ужасные вспышки озарили небо, когда русские самолеты в идеальном строю врезались в землю и подорвались на собственных бомбах. Четыре столба пламени полыхнули из четырех кратеров, и четыре крутящихся столба дыма поднялись над полем боя. Эрих дал только одну очередь. Четыре победы за несколько секунд.

Легенда о Карая-1 или Черном Дьяволе рождалась именно из таких столкновений. Русские несли страшные потери в технике и

получали сильнейшие удары по боевому духу. История 7-й эскадрильи за период с 10 января по 22 февраля 1944 года так говорит об этом: «Наивысшую меткость за этот период показал лейтенант Эрих Хартманн. В один из дней он сбил 5 самолетов, в другой – 6». Несмотря на частую смену мест базирования, тактика Эриха и постоянная жажда боя привели к быстрому росту числа сбитых самолетов.

22 февраля 7-я эскадрилья перебазировалась в Умань, где истребительная эскадрилья Королевских венгерских ВВС была придана III/JG-52. Второго марта эти два подразделения были перебазированы в Калиновку, а через несколько часов отправились на базу в Проскурове, где до 7 марта одержали 15 побед. История 7-й эскадрильи рассказывает: «Из этих <15 побед> лейтенант Хартманн один сбил 10 вражеских самолетов в воздушных боях одного дня. Таким образом, он одержал свои победы 193–202. Фюрер второго марта 1944 года наградил лейтенанта Крупински и лейтенанта Хартманна Дубовыми листьями».

Обычно фюрер сам вручал Дубовые листья. Эрих и Крупински получили приказ отправиться в Берхтесгаден для награждения. Обрадованные, они сформировали элитную пару и выдрались из грязи на аэродроме Проскурова, чтобы лететь домой.

Несколько минут они кружили над аэродромом, а далее на востоке Эрих мог видеть болото из грязи и снега, в котором шла сухопутная война. Его мысли вернулись на две недели назад, когда он видел тела почти 20 000 немцев, валявшиеся в засыпанной снегом долине на Корсунском выступе. Русская кавалерия с ее саблями и русские танки перемололи окруженных немцев на куски.

Эрих содрогнулся, вспомнив это. Впереди лежали более привычные вещи. До штаба 7-й эскадрильи долетели слухи о грозящем «грязевом наступлении» русских. Ад совсем не обязательно должен быть огненным, думал Эрих, когда его мысли возвращались к условиям, в которых дралась пехота. Они сражались в ледяном чистилище, над которым он и его товарищи проносились на стремительных самолетах. Он был рад отправиться домой. Вместе с возбужденным Крупински, летевшим рядом, он повернул на запад с невыразимым чувством облегчения.

Разгульное путешествие до Зальцбурга на поезде вместе с Гердом Бакгорном, Вальтером Крупински и Ханнесом Визе, прозванным «Кубанским львом», уже было описано в главе 1. Четверка асов из JG-52 присоединилась к 12 другим награжденным на церемонии в «Орлином гнезде». Среди них

были майор Курт Бюхлинг из эскадры «Рихтгофен», сражавшийся над Ла-Маншем, и ветеран ночной ас Август Гейгер, который позднее был сбит и погиб в схватке с английским ночным асом Бобом Брахамом. Там также были два пехотных полковника. Тощий, моложавый и немного подвыпивший Эрих Хартманн оказался самым молодом обладателем Дубовых листьев и самым низшим по званию офицером.

Как лейтенант, Эрих Хартманн стоял в самом конце шеренги награжденных и выглядел долговязым подростком. Над русским фронтом он уже приобрел звание и славу совсем другого рода, чем связанная с Дубовыми листьями. Он был Карая-1, ужасный Черный Дьявол. Среди врагов его имя уже было окружено легендой. На родине он тоже принадлежал к элите, тем, кто сбил более 200 самолетов. Те немногие, кто сбил больше него, знали, что на предстоящем пятом году войны этот воздушный акробат еще покажет себя.

Глава 7 Асы истребительной эскадры 52

Среди героев выделяется только титан.

Аноним

Рьяный спорщик с самого детства, Эрих Хартманн нашел в JG-52 ту атмосферу, в которой он мог развернуться. Его восхождение к Дубовым листьям было трудным, но прогресс стимулировался горячими пилотами, которые соперничали друг с другом в каждой эскадрилье JG-52. Их постоянное соревнование привело к появлению множества исключительных асов, которые заслужили Рыцарские кресты и другие награды.

Самая результативная истребительная эскадра Люфтваффе, JG-52, за 4 года войны уничтожила более 10 000 самолетов противника. В ней сражались три лучших аса как Германии, так и всего мира – Эрих Хартманн с 352 победами, Герхард Бакгорн с 302 победами и Гюнтер Ралль с 275 победами. Среди десятков других пилотов, которым привелось служить вместе с Эрихом Хартманном в JG-52, были Вилли Батц с 237 победами, Герман Граф с 212 победами, Гельмут Липферт с 203 победами. Белокурый Рыцарь и эти его пятеро соратников имели чудовищный счет – 1580 самолетов противника.

Далеко позади этой звездной шестерки находилась группа асов, которые сбили от 100 до 200 самолетов. Все они провели большую часть войны в составе JG-52. Сюда входили майор Вальтер Крупински со 197 победами, майор Иоханнес Визе со 133 победами, обер-лейтенант Фридрих Облесер со 120 победами, обер-лейтенант Вальтер Вольфрум со 126 победами. К концу войны Германия имела десятки таких пилотов. В ходе войны шло постоянное соперничество внутри эскадрильи, группы, эскадры. Наивысший результат часто переходил из одних рук в другие, такое состязание заставляло каждого пилота проявлять свои лучшие качества.

Стремление быть лучшим являлось движущей силой всех удачливых летчиков. Соперничество было острым, но дружеским, своего рода спортом. По ночам пилоты собирались послушать новости и увидеть, как изменились цифры на доске с наивысшим счетом. Успехи и постоянно растущее число отметок держали боевой дух пилотов на высоком уровне. Они играли ключевую

роль в том, что немцы удерживали превосходство в воздухе в России до конца, даже когда их Ме-109 стал технически устаревшим самолетом, погребенным под роями советских самолетов.

JG-52 повезло в том смысле, что хорошие командиры тоже стали частью традиций. Когда Эрих Хартманн впервые попал в огонь, командиром эскадры был полковник Дитрих Храбак. Командиром группы являлся майор Губертус фон Бонин. Среди других выдающихся командиров, вписавших свои имена в летопись эскадры, были ветеран легиона «Кондор» Герберт Иленфельд, Гюнтер Ралль и Иоханнес Штайнхоф.

Штайнхоф отличился в качестве командира эскадрильи, а потом и командира группы. Он проявил исключительный талант пилота и командира, поэтому не удивительно, что он стал генерал-лейтенантом в составе новых германских ВВС. В феврале 1940 года он начал службу в JG-52 в качестве командира эскадрильи. Через два года он стал командиром группы II/JG-52. Несколько лучших германских пилотов прошли через подразделения, которыми командовал Штайнхоф. Среди них был бессмертный капитан Ханс-Иоахим Марсель (этот пилот сбил самое большое число самолетов западных союзников – 176), который летал в составе эскадрильи Штайнхофа во время Битвы за Британию. Майор Вилли Батц был адъютантом Штайнхофа в России, а Вальтер Крупински летал ведомым Штайнхофа в начале своей карьеры. Сам Штайнхоф имел 176 побед. Большую часть этих самолетов он сбил в JG-52.

Такие блестящие командиры, постоянные успехи в боях с врагом и непрерывные воздушные бои воодушевляли молодых пилотов JG-52 и подстегивали их. Они добились неслыханных успехов, беспрецедентных в истории воздушной войны. И в этом споре высочайших асов Буби Хартманн вышел на первое место, опередив на 51 самолет своего ближайшего последователя Герда Бакгорна.

Чтобы точнее передать уникальные человеческие отношения, которые позволили Хартманну добиться таких успехов, мы приведем несколько характеристик его товарищей-асов. Так как в эскадре имелись десятки блестящих асов, эти наброски будут отражать качество пилотов JG-52, хотя они совершенно типичны для лучшей истребительной эскадры Люфтваффе. В конце главы приведен список асов JG-52.

Эрих Хартманн редко беспокоился о своих старых товарищах. Исключением был его друг и соперник Герд Бакгорн: «Герд был одним из тех командиров, за которых люди охотно дают убить себя. Отец, брат, товарищ, друг, он был лучшим из всех, кого я

встречал». Такое неприкрытое восхищение было типичным примером тех чувств, которые вызывало имя Бакгорна среди его товарищей в годы Второй мировой войны. Его личность и характер производили более глубокое впечатление, чем его 301 победа.

В Герде Бакгорне было больше от средневекового рыцаря, чем в любом другом асе, которых встречали авторы. Он был рыцарственным, честным и благородным, сильным, милосердным и великодушным – подлинный отважный джентльмен. Бакгорн был на четыре года старше Хартманна. В свои лучшие годы он был привлекательным мужчиной с густыми темными волосами, оливковой кожей и пронзительными голубыми глазами, вроде тех, что имел Хартманн. Бакгорн имел рост 5 футов 9 дюймов. Он ушел в отставку в 1975 году в чине генерал-майора. Вместе со своей женой Христль он погиб в автокатастрофе в 1983 году. Дочь Бакгорна Урсула живет возле Нью-Йорка.

Генерал-лейтенант Штайнхоф сказал о Бакгорне: «По моему мнению, это лучший из пилотов-истребителей Второй мировой войны. Стойкий, надежный, хороший командир. Он никогда не претендовал на победу, которая не имела подтверждений». Для старых асов КВВС, с которыми подружился Бакгорн, а также для офицеров НАТО, с которыми он служил, он был живым напоминанием о днях рыцарства.

Когда Эрих Хартманн превзошел его по числу побед, Герд только порадовался. Его характер был таков, что Бакгорн радовался успехам друзей, как своим собственным. В бою его рыцарский дух выражался в том, что он часто проявлял позабытое другими качество – милосердие. Хартманн и другие пилоты рассказывали о попытках Бакгорна убедить пилотов подбитых им советских самолетов выпрыгивать с парашютом. Он пристраивался с боку и жестами подсказывал, чтобы летчики прыгали. Герд Бакгорн никогда не терял человечности даже в жестоких боях на Восточном фронте.

Майор Иоханнес Визе вместе с Хартманном получал Дубовые листья в Берхтесгадене. Он же был и одним из товарищей по JG-52. Русские называли его «Кубанским львом» за успехи в тяжелейших боях над Кубанью. Визе был профессиональным военным. Он начал службу в Люфтваффе в 1936 году.

Летом 1941 года он попал в JG-52 в качестве адъютанта группы II/JG-52 после длительной службы в качестве инструктора и пилота-разведчика. Он стал специалистом по уничтожению штурмовиков Ил-2. Его пушками было уничтожено около 70 этих тяжело бронированных самолетов. В свой звездный час в 1943 году Визе сбил в районе Орла – Курска 12 самолетов. Но за

этот же день он совершил 5 вынужденных посадок. Он завершил свою службу в JG-52 на посту командира группы I/JG-52. В конце 1944 года Визе был назначен командиром JG-77 вместо Штайнхофа.

Его военная карьера завершилась на Руром в бою против «Спитфайров». «Кубанский лев» был вынужден прыгнуть с парашютом, но поврежденный парашют раскрылся плохо. В результате страшного удара о землю Визе сильно пострадал. После капитуляции он попал в плен к американцам.

Когда в сентябре 1945 года американцы освободили Визе и он вернулся домой, его узнали сочувствующие коммунистам немцы. Профессиональный офицер, имевший все высшие награды и сражавшийся против коммунистов, стал жертвой послевоенных политических интриг. Полиция схватила его и передала советскому правительству.

Визе присоединился к Эриху Хартманну в русской тюрьме и был освобожден в 1950 году. В 1956 году он переехал в Западную Германию и поступил в новые германские ВВС. В 1959 году он попал в новую «Эскадру Рихтгофен», где служил под командованием бывшего товарища по JG-52 и русскому плену Эриха Хартманна.

Карьера подвижного Гюнтера Ралля оказалась переплетенной с карьерой Хартманна с того дня, когда осенью 1942 года Эрих прибыл на русский фронт неопытным юнцом. Профессиональный офицер, в годы войны Ралль добился блестящих успехов не только как ас и командир, но и как человек несгибаемой воли и отваги. Он летал в Битве за Британию, Битве за Францию, Балканской кампании, Битве за Крит, на Восточном фронте, в последних воздушных боях над рейхом против англо-американских самолетов.

Как сардинки в банке – Эрих Хартманн и Гейнц Мертенс в кабине истребителя

Больше всего товарищи Ралля запомнили его поразительную меткость. Ралль мог уничтожить противника с невероятной дистанции под немыслимым углом. Подполковник Гейнц Бэр, сбивший 225 самолетов, в том числе более 120 английских и американских, был великолепным специалистом и одним из величайших асов Люфтваффе. Перед своей безвременной гибелью на легком самолете в 1957 году Бэр сказал авторам, что считает Гюнтера Ралля величайшим воздушным снайпером, превосходящим даже легендарного Ханса-Иоахима Марселя. Агрессивный летчик, прекрасный командир и превосходный организатор, Гюнтер Ралль и сегодня остается энергичным и дружелюбным человеком, несмотря на свои 60 лет. Он ушел в отставку из новых германских ВВС в чине генерал-лейтенанта. Возможно, он был самым умным среди лучших германских пилотов и долгое время держался на первой строчке. Ралль мог кончить войну величайшим асом, если бы дважды счастье не изменило ему.

Хартманн и его верный «Биммель»

Следя в сумерках за горящим русским самолетом, он на мгновение забыл о ведомом русского и через несколько секунд сам падал в Ме-109 с заклиненным мотором. В последовавшей посадке на брюхо Ралль сильно повредил себе спину. Когда германские пехотинцы через несколько часов вытащили его из самолета, одна сторона тела у Ралля оказалась парализована. Доктора запретили ему летать, но Ралль выиграл эпическую битву у собственного организма с помощью прекрасной молодой докторши, на которой потом женился.

Воображение Ралля распалял выросший за время его лежания в госпитале счет фронтовых приятелей. Ралль отмел все возражения докторов и заставил свою спину заработать после почти года неподвижности. Летая с подушкой под ногой и второй подушкой под спиной, он начал стремительно набирать победы. К апрелю 1944 года Ралль стал лучшим летчиком-истребителем Люфтваффе. Но ему пришлось покинуть элитное подразделение, где он заслужил свое имя.

Переведенный на Западный фронт, Ралль на прощание пожал руку Эриху Хартманну. Эскадрилья устроила прощальную вечеринку.

– Теперь, Буби, – сказал Ралль, – я больше не буду стоять на твоем пути. Ты будешь лучшим пилотом.

– Все в руках судьбы, – ответил Хартманн.

События доказали правоту Ралля. Они больше не виделись до возвращения Хартманна в 1955 году из России.

Вскоре после перевода из JG-52 Ралль потерял большой палец в бою с американскими «Тандерболтами» над Берлином. И ему пришлось вести битву совсем другого рода. Противником была инфекция. Потребовалось 9 месяцев, чтобы залечить палец, и все это время ему снова угрожал паралич. Эрих Хартманн и Герд Бакгорн обошли Ралля, пока он лежал в госпитале. Однако Ралль об этом не жалеет: «Потери пилотов на Восточном фронте стали ужасными. Если бы я продолжал летать, то погиб бы. Я рад, что загноившийся палец спас меня».

Пока Эрих сидел в русском концлагере, Ралль служил в новых германских ВВС. Когда Белокурый Рыцарь начал исполнять обязанности офицера тактической оценки на авиабазе Ванн возле Кёльна, генерал Ралль стал его начальником. Ралль отличается от Хартманна, так как с самого начала вся его жизнь была посвящена военной карьере. Он представляет собой превосходный образец офицера, умного, энергичного и высоко профессионального. Этим он отличается от Хартманна, который со школы невзлюбил обычную военную жизнь.

Когда осенью 1942 года Эрих попал на Восточный фронт, Гюнтер Ралль уже был зрелым, опытным офицером с огромным боевым опытом. Мальчишество Эриха, естественное при его возрасте, проходило медленно и трудно. Раллю приходилось принимать сложные решения, касающиеся Эриха, но эти два человека стали друзьями на долгие годы. Генерал Ралль вникал в проблемы Эриха Хартманна на протяжении всей его жизни. Уже в новых германских ВВС Ралль стал одним из защитников Хартманна, когда после 1959 года вокруг аса закипели склоки.

Ралль, Бакгорн и другие лучшие асы рвались победить в состязании пилотов-истребителей. Они задавали темп гонки. Но их подпирали снизу приходящие на фронт молодые пилоты. Среди менее известных, но талантливых юнцов JG-52 был Ханс-Иоахим Биркнер, который осенью 1943 года летал ведомым Хартманна.

Пытаясь скопировать стиль ведения боя у Хартманна, Биркнер сбил свой первый самолет 1 октября 1943 года. Через год он уже имел 100 подтвержденных побед и получил Рыцарский крест. Ему предстояла блестящая карьера. Биркнер стал командиром эскадрильи со 117 победами. Однако в середине декабря 1944 года лейтенант Биркнер разбился во время испытательного полета в Кракове.

Некоторые пилоты просто наслаждались самой атмосферой боя. Может, им везло, а может, они были умелыми пилотами и хитрыми тактиками. Чаще всего это было сочетание умения и везения. Эрих Хартманн признавался, что он был везунчиком.

Однако то, что он прошел более 800 воздушных боев, говорит о его тактической зрелости, а не о затянувшемся везении. Он тщательно планировал свои действия, чтобы остаться живым и невредимым.

Еще одним пилотом, которого в ожесточенных боях сбивали много раз, но при этом он не получил ни царапины, был капитан Гельмут Липферт. Он закончил войну с 203 подтвержденными победами и сегодня работает школьным учителем вблизи Кёльна. Липферта сбивали 15 раз: два раза русские пилоты и 13 раз смертоносные русские зенитки.

Гельмут Липферт появился в JG-52 вскоре после Эриха Хартманна, и они летали вместе в течение двух следующих лет. Первой победы Липферт добился в январе 1943 года. За следующие 27 месяцев Липферт довел свой счет до двух сотен и получил чин капитана и Дубовые листья к своему Рыцарскому кресту.

Молодым современником Хартманна и сослуживцем по JG-52 был обер-лейтенант Вальтер Вольфрум, который позднее сыграл большую роль в жизни Эриха и Уш Хартманн. Вольфрум начал службу в самой смертоносной истребительной эскадре Люфтваффе через 90 дней после Белокурого Рыцаря. Темноволосый и стройный Вольфрум испытывал серьезные проблемы с ведущим глазом и в первые 6 месяцев после прибытия на фронт не сбил ни одного самолета.

Майор Гюнтер Ралль

Но с июля 1943-го по июнь 1944 года Вольфрум увеличил свой счет до сотни. Через месяц он был сбит и получил тяжелую рану. Вынужденный покинуть фронт на 6 месяцев для поправки, он отстал от других пилотов. К концу войны Вольфрум имел 137 побед. Он был среди тех пилотов, с которыми летал Эрих Хартманн. Вольфрум рассказывал, что Хартманн поражает цель с огромных дистанций, когда с ней нельзя сблизиться. Вальтер Вольфрум был командиром эскадрильи в группе Эриха на день капитуляции. Он попал в заключение к русским вместе со своим командиром, хотя был ранен незадолго до конца войны. Через месяц русские освободили Вольфрума из-за ранения. Он вынес письмо Эриха из лагеря, зашив в подкладку пальто. Это был первый неофициальный контакт Эриха и Уш после захвата Белокурого Рыцаря русскими. Сегодня Вольфрум процветающий западногерманский ювелир и имеет собственный легкий самолет. Он один из лучших воздушных акробатов Германии.

Полковник Иоханнес Штайнхоф

Даже самый краткий перечень пилотов JG-52 будет неполным без майора Вильгельма Батца, чьи 237 побед делают его четвертым асом в мире. Эрих Хартманн некоторое время командовал эскадрильей в группе Батца, и они стали друзьями на долгие годы. Батц, по его собственному признанию, несколько лет был «вошебойкой». Однако время, проведенное в госпитале, превратило голубка в ястреба, и он добился одного из самых впечатляющих результатов в этой войне.

Капитан Вилли Батц

Батц был профессиональным пилотом Люфтваффе еще в мирное время. Проведя многие тысячи часов в воздухе в качестве инструктора, в декабре 1942 года Батц попал на фронт. Прошло 11 месяцев, прежде чем он сбил первый самолет. Атмосфера JG-52 его угнетала, он испытывал комплекс неполноценности. Батц добавил на свой счет еще несколько самолетов за месяц или два, что тоже не впечатляло. А потом попал в госпиталь с какой-то инфекцией. В строй пилот вернулся возрожденным. В течение года, с марта 1944-го по март 1945 года, он добился 222 побед. Ни один другой пилот в истории не имеет такого достижения.

Майор Иоханнес Визе

Закончил войну Батц в чине майора на посту командира II/JG-52, имея 237 побед и Мечи к своему Рыцарскому кресту. Проявив исключительную предусмотрительность, он вывел свою группу с Восточного фронта. Этим он спас людей от страданий в русских лагерях.

Самым знаменитым человеком в военный период в JG-52 был подполковник Герман Граф, чьи несчастья делали его героем пропагандистских листовок Геббельса. Граф был кузнецом и в июле 1942 года оказался в испытанной 9-й эскадрилье JG-52. Через 8 месяцев он имел Рыцарский крест, Дубовые листья, Мечи и Бриллианты.

В течение 17 дней ожесточенных боев он добился 47 подтвержденных побед. А в октябре 1942 года – когда мальчишка Эрих Хартманн пришел в JG-52 – Герман Граф стал первым пилотом в истории, сбившим 200 самолетов. Переведенный на Западный фронт, Граф в октябре 1944 года вернулся в JG-52 командиром. Он был вместе с Эрихом

Хартманном, когда остатки некогда гордой JG-52 сдались американцам в Чехословакии. Граф и Хартманн попали в советские лагеря одновременно, когда американцы через неделю после капитуляции JG-52 выдали их русским.

Здесь приводится список лучших асов JG-52. Этот впечатляющий список показывает, какие долгие и тяжелые бои вела эскадра, чтобы заслужить свое место в истории воздушной войны. Он также показывает и то окружение, в которое попал Эрих Хартманн.

Герхард Бакгорн – 301
Вильгельм Батц – 237
Ханс-Иоахим Биркнер – 117
Губертус фон Бонин – 77
Адольф Борхерс – 132
Ганс Даммерс – 113
Адольф Дикфельд – 136
Петер Дюттманн – 152
Отто Фённекольд – 136
Адольф Глунц – 71
Герман Граф – 212
Карл Гратц – 138
Альфред Гриславски – 133
Герхард Хоффманн – 125
Дитрих Храбак – 125
Герберт Иленфельд – 130
Герхард Кёппен – 85
Бертольд Кортс – 113
Вальтер Крупински – 196
Гельмут Липферт – 203
Рудольф Митиг – 101
Фридрих Облесер – 120
Гюнтер Ралль – 275
Гейнц Заксенберг – 104
Франц Шалль – 137
Гейнц Шмидт – 173
Леопольд Штайнбатц – 99
Иоханнес Штайнхоф – 176
Генрих Штурм – 158
Рудольф Тренкель – 138
Ганс Вальдман – 134
Иоханнес Визе – 133
Вальтер Вольфрум – 137
Иозеф Цвернеманн – 126

Глава 8 Слава и мечи

Чем опаснее вызов человеку, тем прекраснее ответ.

Арнольд Тойнби

Непосредственно перед награждением Дубовыми листьями в Берхтесгадене Эрих и другие пилоты были предупреждены, чтобы они не смели говорить с Гитлером о положении на фронте, оружии, тактике и других опасных предметах. «Здоровье фюрера оставляет желать лучшего» – таким было объяснение запрета сообщать Гитлеру неприятные вещи. Эрих быстро убедился, что эта тщательная изоляция дала свои плоды – германский лидер совершенно не представлял истинного положения дел.

После вручения наград фюрер провел полчаса с белокурым лейтенантом из Штутгарта и другими пилотами. Мощная аура власти, исходящая от Гитлера, быстро рассеяла остатки праздничного настроения, сохранившиеся после поезда, и Эрих ощутил себя мальчишкой, пока слушал диктатора. Когда Гитлер вошел в огромный зал в «Орлином гнезде», он излучал энергию, которая приковала внимание Эриха. Даже такие сильные личности, как генерал Гейнц Гудериан, поддавались магнетическому влиянию Гитлера, не говоря уже о простых офицерах. Он управлял ими, подавляя свой силой воли. И теперь Эрих, которому исполнился всего 21 год, получил незабываемую возможность ненадолго испытать на себе влияние личности Гитлера.

Фюрер обнаружил детальное знание ситуации в воздухе на Восточном фронте. Но на 1942 год! Он знал все о превосходстве Ме-109 над советскими самолетами. Но моделей лета 1941 года! Тогда большинство русских машин было устарелых образцов и имело плохие характеристики. Гитлер знал все о системах вооружения и помнил множество технических характеристик. Однако это были вчерашние знания.

Эрих был разочарован, когда стало очевидно, что Гитлер, вполне способный правильно оценивать факты, тем не менее не представляет истинного положения Люфтваффе на Восточном фронте. Были приняты особые меры предосторожности, чтобы оставить его в неведении под предлогом заботы о здоровье. Эрих задал себе неизбежный вопрос: «Если Гитлеру намеренно подают неверную информацию, то зачем?»

Когда Гитлер завершил свой разговор о положении на

Восточном фронте, он спросил собранных пилотов, что они думают об атаке строя американских бомбардировщиков? Фюрер болезненно воспринимал слабость германской ПВО. Курт Бюхлиген и другие асы, которые сражались на Западном фронте, считали, что необходимо дальнобойное оружие, например ракеты, чтобы сражаться с тяжело вооруженными «крепостями». Они также просили увеличить число истребителей, чтобы получить возможность отгонять многочисленные американские истребители сопровождения.

Гитлер внимательно слушал. Он сказал, что производство истребителей быстро увеличивается. Создаются и улучшаются ракеты. Затем он так охарактеризовал общую военную обстановку собравшимся фронтовым офицерам:

«Когда англо-американцы откроют свой второй фронт, мы устроим им второй Дюнкерк. Подводные силы получают новые лодки, которые перережут атлантические коммуникации. На Восточном фронте мы строим прочные оборонительные позиции. Русские истекут кровью, штурмуя их».

Фюрер говорил спокойно и уверенно. Магнетическое влияние его личности ощущалось почти физически. Эрих обнаружил, что его охватывает таинственное излучение, несущее с собой уверенность, которую излучает фюрер. Когда он обменялся рукопожатием с Гитлером, перед тем как покинуть Ставку, Эрих решил, что видит оптимиста, окруженного низкими лакеями и оппортунистами. То, что фюрер огражден от реальности стеной лжи, было очевидно. Такое положение не могло удовлетворить фронтовика. Однако Эрих был не единственным, кого беспокоил ход войны.

В Штутгарте он нашел свою возлюбленную встревоженной и испуганной, несмотря на очевидную радость новой встречи. Любимое лицо Уш мрачнело каждый раз, когда разговор касался войны, этого жестокого тирана, который держал их в разлуке, ограничивая счастье несколькими днями встреч, в перерывах между которыми Эрих играл со смертью.

– Эрих, война идет все хуже и хуже для Германии, – сказала она. – Даже пропаганда не может скрыть правду. Американцы прилетают днем, а англичане – ночью. Даже Берлин бомбят все чаще и чаще.

Эрих попытался успокоить ее:

– Фюрер говорил нам о новом оружии, которое уже создано и испытывается. Возможно, оно повернет события и позволит закончить войну.

Эрих говорил все это, сам не веря своим словам. И Уш чувствовала это.

– Эрих, мы не знаем, как она закончится. Может, нам пожениться сейчас, пока у нас есть возможность? Кто знает, что с нами может случиться дальше.

Эрих отчаянно хотел сказать «да». Однако воспоминания о мясорубке Восточного фронта были слишком свежи в памяти. Там постоянно сбивали хороших пилотов, которые либо погибали, либо попадали в плен. Он мог стать следующим. Это было бы плохим началом совместной жизни – оставить Уш вдовой или, что еще хуже, женой искалеченного отставного пилота. Когда он взял ее лицо в ладони, то почти был готов сдаться. Но все-таки кое-как сумел сказать то, что считал правильным.

Награждение Мечами 24 июля 1944 г.

– Уш, дорогая, мы ДОЛЖНЫ подождать. Возможно, через пару месяцев все переменится. – Эриху было всего 22 года, и это пока еще сильно влияло на его решения.

Однако Эрих не сумел изобразить такой же уверенный оптимизм перед своим отцом. Когда он вошел в свой дом, мать с восхищением уставилась на Дубовые листья, висящие у него на шее.

– Смотри, отец, какую красивую награду получил твой сын!

Тень гордости промелькнула на лице доктора Хартманна, когда он смотрел на Эриха и улыбающуюся жену. Он коротко глянул на Дубовые листья, пробормотал, что они действительно симпатичны, и сел в свое кресло-качалку. И потом помрачнел.

– Все, что ты делаешь как пилот, Эрих, просто прекрасно. Однако ты должен понимать, что Германия уже разгромлена. Необратимо разгромлена. – Доктор Хартманн поднял городскую газету. – Даже эти фантастические сказки Геббельса больше не могут скрыть правду.

– Но, папа, фюрер говорил…

– Эрих, начиная с 1933 года фюрер наговорил много чего. Большая часть сказанного оказалась неправдой. По словам Геббельса, наши армии в России «наступают» к собственным границам. Неужели ты не веришь собственным глазам, когда пролетаешь в России над линией фронта?

Эрих поднял руки:

– Ты прав, папа. Мы отступаем повсюду.

– Тогда будь готов, что все это закончится. Я готовлюсь помочь тебе начать изучать медицину в Тюбингене, так как я не верю, что эта ужасная борьба затянется. Человечество сошло с ума.

Две недели в Штутгарте промелькнули быстро. Когда Эрих попрощался со своими родителями и Уш, то впервые подумал, что впереди осталось не так уж много полетов. Когда он вернулся на Восточный фронт в III группу JG-52, слова отца и Уш боролись в его голове со слепой верой в предсказания фюрера. Он не мог выбрать между оптимизмом и пессимизмом, но, когда сел на аэродроме 9-й эскадрильи под Лембергом, все нравственные терзания завершились. Дело прежде всего.

Истребитель Bf. 109G-6 «Гельбе-1», который нес Хартманна от победы к победе

Он вернулся на фронт 18 марта и сразу же получил хорошую новость. Как только Эрих откинул фонарь кабины, к нему тут же подскочил адъютант эскадрильи. Эрих вылез из самолета и отдал

его на попечение Биммеля. Адъютант потряс ему руку:

– Добро пожаловать, Буби, и поздравляю.

– С чем?

– Ты теперь обер-лейтенант Хартманн. Кроме того, получено официальное подтверждение твоих 201-й и 202-й побед.

На ночной пирушке по случаю нового звания Эрих обнаружил, что грустный осадок от последнего отпуска отравляет праздник, хотя пилоты пили за его здоровье и удачу. Дружеская болтовня на помогала. Пилоты обсуждали тревожащую их способность американских истребителей летать над Германией, прикрывая свои бомбардировщики. Опасения пилотов относительно этого предмета были более серьезными, чем их собственные дела на Восточном фронте. До Эриха долетали обрывки разговоров:

– Я хотел бы схватиться с «Мустангами»… Тогда мы увидим, действительно ли они так хороши…» – «Ралль говорит, что они быстрее «Спитфайров» и более живучи…» – «Ты знаешь, что «Мустанги» сбили Мюнхельберга над Северной Африкой?» – «Да, и еще я слышал, что Оэсау попался возле Аахена…» Разговор тянулся бесконечно. Наконец произнесены последние тосты и выпита последняя бутылка. Пилоты сквозь дождь побрели к своим палаткам отсыпаться. Сегодня полетов не будет, даже если над аэродромом появятся те самые «Мустанги».

На рассвете взлетная полоса представляла собой массу залитых водой канав и скользкой, грязной травы. Условия были просто идеальными для аварий Ме-109, который имел узкое шасси и был достаточно трудно управляем на взлете. По крайней мере, 6 месяцев 7-я эскадрилья действовала в условиях предельного напряжения, постоянно меняя базы под давлением Красной Армии, в плохих погодных условиях, испытывая проблемы со снабжением. За последние 4 месяца 1943 года эскадрилья сменила не меньше 13 баз. Дневник JG-52 так описывает положение в Лемберге весной 1944 года:

«12 марта – 22 марта 1944 года.

– Из-за плохой погоды поле очень мокрое. Так как гусеничные тягачи не могут двигаться, самолеты приходится тащить к пунктам заправки вручную. Это сильно влияет на боеготовность. Масляные радиаторы приходится постоянно отмывать водой, чтобы не допустить перегревания.

И позднее:

«22 марта группа должна была перелететь в Каменец-Подольский. Однако это оказалось невозможным по погодным условиям. Штабное звено попыталось вылететь, однако было вынуждено вернуться из-за сильной метели. Перебазирование

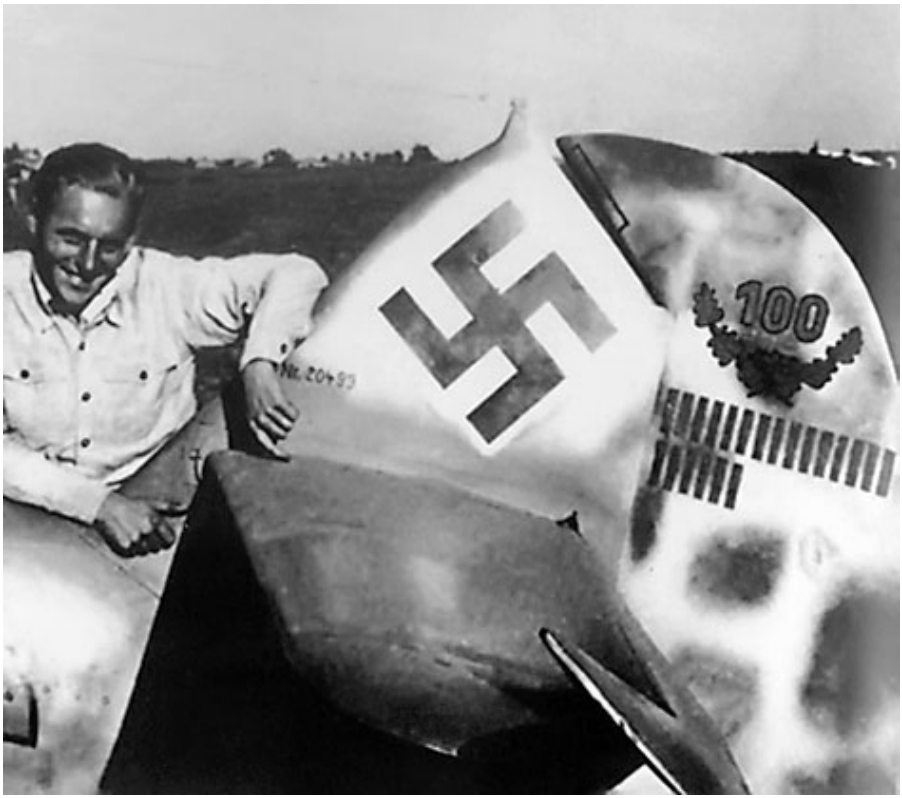
было выполнено 23 марта в сильную метель при потолке облачности всего 100 метров. Тем временем противник подошел так близко, что наша артиллерия развернулась прямо на аэродроме».

Такими были условия действий на Восточном фронте, которые часто описывают, как легкую прогулку для летчиков-истребителей.

Спорадические операции продолжались весь март. Основная нагрузка выпала III группе. 21 марта это подразделение добилось 3500-й победы. К концу марта вся группа покинула советскую территорию и присоединилась к 9-й эскадрилье в Лемберге. Там Эрих сбил еще несколько самолетов после своего возвращения на фронт 18 марта.

Подполковник Храбак (в центре) в штабе JG-52

Крошечный аэродром Лемберга был вынужден принять гораздо больше истребителей, чем позволяли его скромные технические возможности и единственная взлетная полоса. Долгая рулежка и ожидание взлета значительно сокращали оперативный радиус и вынуждали возвращаться из полета значительно раньше, чем обычно. Эрих часто был вынужден возвращаться, проведя в районе охоты всего несколько минут, так как представлял положение на аэродроме. Ему приходилось болтаться в воздухе по 10–15 минут, ожидая своей очереди на посадку. Если не считать самой полосы, весь остальной аэродром Лемберга представлял собой просто предательское болото.



Успехи Хартманна растут, как видно по отметкам на киле

Положение в воздухе на Восточном фронте было уже сложным в феврале – марте во время отступления немцев. Оно стало просто тяжелым в начале апреля. Американские четырехмоторные тяжелые бомбардировщики начали налеты на румынские нефтяные месторождения. Командир JG-52 полковник Храбак давно предвидел это и с тревогой посматривал на южный фланг. Он знал, что появление американских самолетов с баз в Италии просто неизбежно. Американское наступление привело к приказу JG-52 перебазироваться в Румынию.

Привыкшие к пожарным перебазированиям Эрих и его 9-я эскадрилья сначала смотрели на перевод в Румынию как на дежурный перелет. 9-я эскадрилья должна была разместиться в городе Роман. Перелет истребителей оказался простым, зато перебазирование наземного персонала и техники вылилось в длинное и опасное приключение. Когда Ju-52 с оборудованием попытался перелететь через Карпатские горы, машина обледенела и разбилась. В результате остальным Ju-52 пришлось добираться через Вену, Белград и Бухарест, сражаясь с плохой погодой.

Положение окончательного хаоса, которое воцарилось в Люфтваффе, лучше всего иллюстрирует очередное решение Верховного командования. Послав III группу JG-52 в Роман,

командование тут же приказало ей перелететь в Крым. Была совершена последняя попытка остановить наступление русских на юге и обеспечить защиту отступающих немецких войск от орд русских самолетов.

Действуя из Зарнешти возле Цилистеа с середины апреля 1944 года, эскадрилья Эриха сразу начала наносить красным ВВС тяжелые потери, несмотря на все сложности со снабжением. Нагрузка на Эриха возросла еще больше, когда Верховное командование приказало отправить всех пилотов, имеющих пять и более побед, в авиацию ПВО рейха. На их место приходили зеленые пилоты, некоторые из них имели менее 100 часов налета. Их отправляли в бой при соотношении сил 1: 30. Однако Эрих и здесь оставался на высоте, не потеряв ни одного ведомого.

Эти молодые пилоты попадали на фронт, имея недостаточную летную подготовку. Хуже того, они были обучены старым методам маневренного боя. Эриху приходилось в кратчайшее время попытаться передать им основы собственного опыта:

«Если вы видите вражеский самолет, вы совсем не обязаны тут же бросаться на него и атаковать. Подождите и используйте все свои выгоды. Оцените, какой строй и какую тактику они используют. Оцените, имеется ли у противника отбившийся или неопытный пилот. Такого пилота всегда видно в воздухе. Сбейте его. Гораздо полезнее поджечь только одного, чем ввязываться в 20-минутную карусель, ничего не добившись. Все вражеские пилоты увидят сбитый самолет, что окажет серьезное психологическое воздействие.

Однако есть несколько вещей, которые гораздо важнее для общей картины, чем отдельные победы. Русские ВВС уже имеют численное превосходство, и оно растет с каждым днем. Если вы добились победы, но потеряли своего ведомого, вы **проиграли** бой. Всякий, кто допустит такое, больше не поведет звено. С того самого дня, как вы совершите свой первый боевой вылет, вы должны думать. Думать, как никогда в жизни. Летайте головой, а не мускулами. Это самый лучший совет, какой я могу вам дать».

Этот совет, когда ему следовали, спас жизни многим молодым немецким пилотам.

18 апреля 1944 года из штаба Галланда пришел приказ перевести Гюнтера Ралля и Вальтера Крупински в авиацию ПВО рейха. Это были два лучших пилота JG-52 и самые грозные истребители. Ралль все еще имел на 50 побед больше, чем Эрих, однако его лучшие дни были уже позади. В качестве командира JG-11 на Западном фронте он добился еще нескольких побед, доведя свой счет до 275 сбитых самолетов, однако новое ранение

и последовавшая болезнь окончательно вывели его из строя.

Это было его прощание с Эрихом. Казалось, Ралль интуитивно предчувствовал, что динамичный юнец скоро достигнет вершины. Ралль оказался прав. Лейтенант Вилли Батц принял командование группой у Ралля, а Эрих был временно переведен в другую группу для действий в Крыму. Это принесло ему еще несколько побед.

В апреле 1944 года Эрих одержал очередные 9 побед. 3, 4 и даже 5 вылетов в день были делом совершенно обычным. Это продолжалось и в мае. В период с 10 апреля по 10 мая Эрих со своим бывшим ведомым обер-фельдфебелем Иоахимом Биркнером сбил 21 самолет. Однако успехи Эриха не ослепляли его. Отступление из Крыма было неизбежным. JG-52 убывала, оставив позади себя 8 самолетов. Эрих входил в состав этого арьергарда. Однако к 9 мая 1944 года непрерывные атаки Советов привели к тому, что уцелел всего один Ме-109. Нужно было спешить с эвакуацией.

Ме-109 показал себя надежной рабочей лошадкой в трудных условиях. Несколько подбитых истребителей еще могли летать. С них сняли радиостанции и бронеспинки за сиденьем пилота. Техники выполнили эти спешные модернизации, а потом заползли в тонкие, как карандаш, фюзеляжи истребителей, по два человека в самолет, полагаясь на искусство Эриха и других пилотов 7-й скадрильи. (Хартманн, Ралль и Крупински подтвердили, что удалось запихивать по два механика в самолет. Это спасло ценный технический персонал от захвата русскими.)

Эрих Хартманн так вспоминает об этой эвакуации:

– После снятия радиостанции и бронеспинки вы получали багажное отделение длиной 4–4,5 фута. Маленький человек мог заползти туда, прижав свою голову к голове пилота.

Во время спешной эвакуации Крыма я запихивал по два человека в фюзеляж, чтобы их не захватили русские. После снятие панели управления радиостанции образовалось достаточно большое отверстие, которое позволяло человеку залезть внутрь.

Если люди лежали один на другом, то на самом деле в фюзеляже Ме-109 могло поместиться по 4 человека. Проблем с мощностью мотора не возникало, оставался достаточно большой запас. Я нес пару контейнеров с 30-мм пушками под крыльями и двух человек. Если бы имелось хоть немного больше места, я полагаю, что сумел бы забрать и 5 или 6 человек».

Эрих привел свою эскадрилью в Цилистеа. I группа действовала в районе Зарнешти, чтобы прикрыть пехоту от атак вездесущих штурмовиков. К 18 мая 1944 года крымская эпопея

германской армии завершилась. Эскадрилья Эриха получила приказ снова лететь в Роман в Румынию, где передовая команда готовила базу. Из Романа начались операции против B-17 и B-24, наносивших удары по целям в Румынии, чтобы вывести эту страну из войны.

К концу мая Эрих имел еще 32 подтвержденные победы, кроме 9 побед в апреле. Во время одного из майских вылетов интуиция спасла его от гибели при атаке агрессивного русского пилота. По оценкам разведки Люфтваффе, севернее Ясс против потрепанных эскадрилий JG-52 действовало примерно 375 русских истребителей и 370 штурмовиков.

29 мая Эрих провел удачный вылет и возвращался на свою базу в Романе в сопровождении ведомого лейтенанта Ори Блессина. Эрих немного устал и позволил себе мысленно отвлечься, размышляя о пирушке, которую они запланировали на ночь вместе с лейтенантом Батцем, новым командиром группы. Вилли за три вылета сбил 14 самолетов. Хороший товарищ, Вилли несколько лет не мог найти себя как пилота, однако сейчас дела у него пошли.

Находясь над своей территорией, Эрих лениво размышлял о вечеринке и отдыхе. Будет шнапс, песни и румынские девочки. Вечеринка будет отдыхом от изматывающего напряжения боев. Хотя наступившие дни, как считал Эрих, давали все меньше и меньше оснований для праздников.

Только всегдашняя интуиция отвлекала Эриха от приятных размышлений подобно удару электричества. Эрих обернулся, чтобы убедиться, что ведомый следует за ним. Блессин находился на месте, где ему и положено. Однако позади него виднелся непрошеный третий – истребитель красных, который готовился сбить ведомого Эриха.

– Вправо! Вправо и крутое пике! – закричал Эрих в микрофон.

Лейтенант Блессин был сообразительным молодым пилотом. Он немедленно выполнил маневр уклонения, и трассирующие пули русского пронизали воздух там, где секунду назад находился истребитель Блессина. Русский пошел вниз за пикирующим немецким истребителем. Эрих заложил правый вираж и погнался за русским. Все три самолета на полном газу мчались к земле. Пока Эрих сближался с русским, этот пилот не оглядывался и не выполнял никаких маневров. Он сосредоточил все свое внимание на цели. Русский так сильно хотел сбить Блессина, что совершенно забыл о своем хвосте.

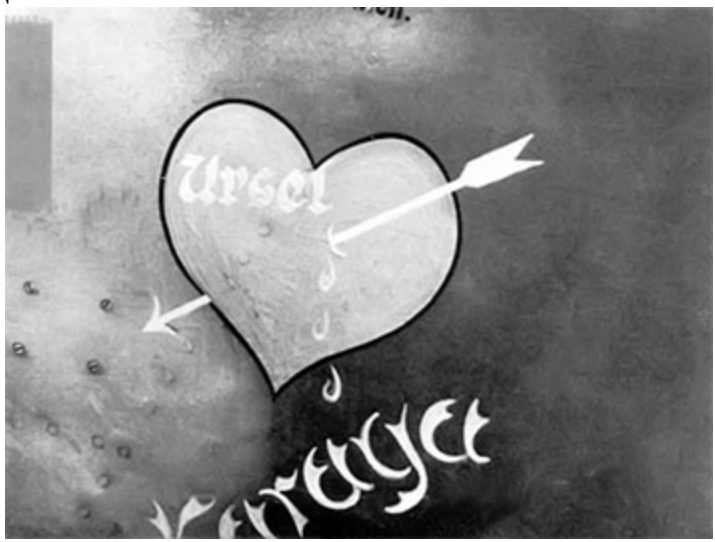
Эрих понимал, что может сбить русского, если правильно сманеврирует. Блессин должен был следовать его приказам.

– Карая-2. Ручку на себя. Широкий разворот вправо, чтобы я

мог сблизиться с врагом.

Блессин повиновался. Эрих довернул, чтобы перехватить выполняющий вираж русский самолет, и скоро приблизился к нему вплотную справа сзади.

– Посмотри назад, Карая-2. Ты увидишь, что происходит, когда не следишь за хвостом.



Знаменитое сердечко «Карая» с надписью «Урзель»

Эрих нажал гашетки, и пушка и пулеметы выплюнули струю огня. Снаряды и пули обрушились на русский истребитель. Взрыв заставил машину русского подпрыгнуть, и она закувыркалась вниз, разбрасывая горящие обломки и сильно дымя. Видя последний взрыв на земле, Эрих покачал головой. Как легко все могло обернуться иначе! Он сам и Карая-2 вполне могли сейчас быть этим самым костром. Русский мог сбить и его, и Блессина точно таким же образом. Однако интуиция предупредила его, заставив вовремя оглянуться. А ведь дым сейчас мог подниматься от погребального костра Эриха Хартманна. Они вернулись в Роман более ошарашенные, чем обрадованные.

К концу июня 1944 года Эрих имел 247 побед, которые он одержал в течение 12 месяцев участия в боях. Он был более известен русским, чем большинству товарищей по Люфтваффе. Эриху предстояло сбить 250 самолетов, чтобы вступить в группу «бессмертных». 1 июля 1944 года Эрих Хартманн добился этого, а вместе с 250-й победой пришла и настоящая слава. И еще раз в биографии Белокурого Рыцаря появился прочный штурмовик.

Летя над слоем рваных облаков, Эрих заметил три штурмовика Ил-2, которые обрабатывали позиции германской артиллерии. Русские намеревались спокойно уничтожить свою цель. Они кружили на малой высоте, обстреливая батарею. И они

полностью забыли о своих хвостах.

Толкнув ручку вперед, Эрих пошел в пологое пике, оказавшись сзади и ниже штурмовиков. Он не стрелял, пока расстояние не сократилось до 50 ярдов. Первый русский взорвался сразу, и Эрих отвернул, чтобы атаковать второй Ил-2. Он дал очередь в упор, и русский, загоревшись, пошел вниз. Новый заход на третий штурмовик, очередь, и еще один взрыв. Уходя с места боя, Эрих с удовлетворением оглянулся на три столба дыма, отметившие места падения штурмовиков.

Белокурый Рыцарь стал вторым пилотом JG-52, добившимся 250 побед. Первым был Гюнтер Ралль. Лишь небольшая горстка асов добилась такого же результата. Майор Вальтер Новотны, который вскоре погиб на реактивном Ме-262 в бою с американскими тяжелыми бомбардировщиками, был первым. Следующим был Ралль, за ним шли Герд Бакгорн и Отто Киттель из JG-54. Всего лишь пять пилотов. Эрих стал последним. Больше в этот клуб не вступил никто.

Биммель Мертенс и остальные техники похлопали своего молодого командира по спине и занялись самолетом. Остальные пилоты эскадрильи потащили счастливого Белокурого Рыцаря в столовую. Пирушка шла полным ходом, когда ворвался Биммель. Выражение его лица моментально погасило ликование собравшихся.

– Что случилось, Биммель? – спросил Эрих.

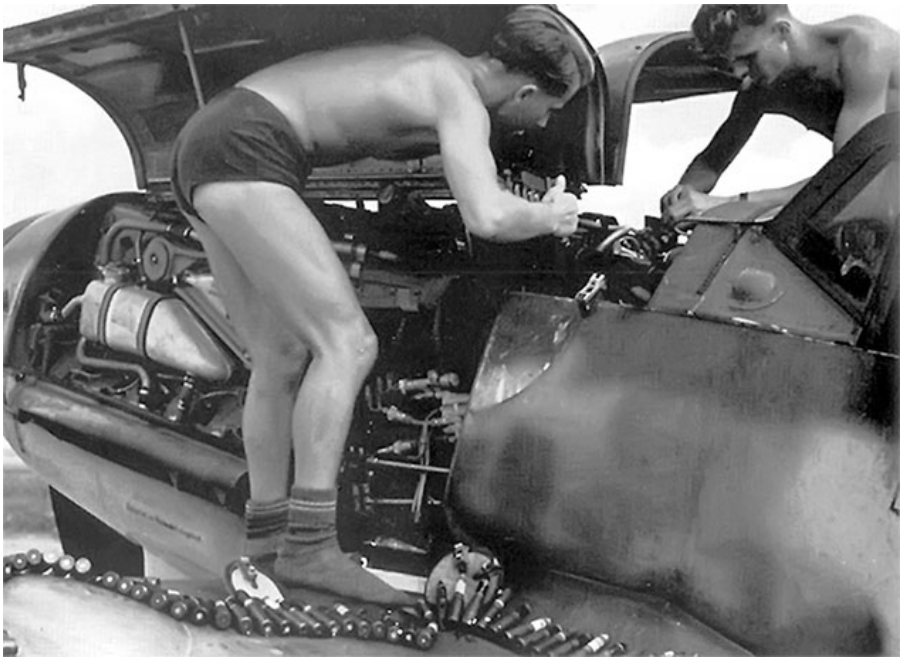
– Оружейник, герр лейтенант.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке. Просто вы сделали всего 120 выстрелов на три сбитых самолета. Мне кажется, вам нужно это знать.

Шепот восхищения пробежал среди пилотов, и шнапс снова полился рекой. Вилли Батц, хотя и был командиром группы, праздновал вместе с ними. Когда пирушка начала тускнеть, принесли сообщение из Ставки Гитлера, что обер-лейтенант Эрих Хартманн награжден Мечами к своему Рыцарскому кресту. Это была следующая за Дубовыми листьями степень Железного креста.

До сих пор только один обер-лейтенант был награжден Мечами. 18 мая 1942 года Мечи получил командир эскадрильи в JG-52 обер-лейтенант Герман Граф. Это случилось два года назад. Пилоты-истребители Люфтваффе, награжденные Мечами, были живыми легендами – классические герои Галланд, Мёльдерс, Лютцов, отважные дьяволы Генц Бэр и Оэсау, умелые лидеры Ралль, Илефельд, Бакгорн, известные на весь мир Марсель и Новотны.



Оружейники перезаряжают пулеметы после вылета

Награждение Мечами ставило Эриха в ряд самых известных солдат Германии. Эта потрясающая новость дала новый толчок пирушке. Пилоты подняли Эриха на плечи и потащили его вокруг зала.

– Карая-1! Карая-1! Schwerten (Мечи) для Карая-1!..

Смех и песни больно били Эриха по голове. Временами он словно уплывал из зала, где люди чествовали его. Все происходящее казалось ему почти нереальным. Его мысли обратились к преданному Биммелю, который сейчас торчал на аэродроме, обихаживая Карая-1, верный самолет, который еще ни разу не подвел Эриха. Затем его мысли полетели в Штутгарт, где его сердце могло найти отдых от всех жизненных треволнений.

Получить Мечи было здорово. Это означало еще один короткий отпуск, который он мог провести рядом с Уш. Эта война была настоящим безумием. Ему приходилось день за днем играть в кошки-мышки со смертью. Успех означал побрякушки, лесть и попойки. Он гонялся за русским парнями и убивал их, а они мечтали убить его. Это было безумие. Единственное, чего он желал, – находиться рядом с Уш.

Это война

Все, кто в ту ночь праздновал в баре, видели Эриха Хартманна каким-то рассеянным и отсутствующим. Изредка появлявшаяся на его лице улыбка была достаточно счастливой, но глаза оставались печальными. Когда молодые пилоты праздновали награждение Эриха второй по значению наградой рейха, он был рядом с ними, но не вместе с ними. Мечи получали генералы и фельдмаршалы, а также горстка отважных фронтовых бойцов. Это была огромная честь, но Эрих давно перестал быть восторженным юнцом, который получал Рыцарский крест и Дубовые листья. И его визит в Ставку Гитлера в Растенбурге, Восточная Пруссия, тоже принес ему мало радости. 3 августа 1944 года Эрих оказался в деревянном бараке, где Гитлер пережил 20 июля взрыв бомбы. Само здание еще сохранило следы взрыва. Стены были изрешечены, а на полу виднелись следы огня. Однако Гитлер принял десятерых героев Люфтваффе именно здесь. (Вместе с Эрихом получил награду майор Генц-Вольф Шнауфер, лучший ночной ас Германии. Он закончил войну, имея 121 ночную победу.)

Это война

Гитлер двигался медленно. Эрих был просто потрясен его неуклюжестью. Когда они обменивались рукопожатиями, Гитлер протянул левую руку, а правая осталась безвольно висеть. После взрыва он оглох на правое ухо, и фюреру теперь приходилось поворачиваться левым боком к собеседнику. Он превратился в тень человека, которого Эрих видел в Берхтесгадене. Однако он все-таки сумел произнести речь перед своими фронтовиками. Больше всего Хартманну запомнились следующие слова:

«Никогда я не верил, что германский офицер может оказаться подобным предателем. Просто невероятно, что он подложил бомбу, чтобы убить меня, а сам попытался спастись. Любой офицер, находившийся вместе со мной в тот день, мог вытащить пистолет и застрелить меня в упор. Я никогда не шарил по карманам германских офицеров.

Мне жаль, что я пережил этот предательский акт, тогда как много хороших людей погибло или было ранено. Бог спас меня. Прежде всего я выловил этих предателей. Я обнаружил, что мой Генеральный штаб не говорит мне правды. Большинство моих генералов, исключая Шернера, Моделя и Роммеля, не понимает своих обязанностей. Они прибегают ко мне, крича о тяжелых боях и потерях, однако я ни разу не видел, чтобы эти генералы умирали или получали раны рядом со своими солдатами.

Я смотрю в будущее с оптимизмом. Я ожидаю, что высадка англоамериканцев обернется вторым Дюнкерком. Мы имеем новое оружие неслыханной мощи, которое, я полагаю, изменит ход всей войны. Именно поэтому, я уверен, бог сохранил мне жизнь 20 июля. Он хочет, чтобы я руководил Германией в этот решающий период».

Эрих покинул «Волчье логово» подавленный мрачными предчувствиями. Фюрер, с одной стороны, был предельно

раздражен, с другой – он был полон надежды, хотя ситуация выглядела совершенно безнадежной. Его речь была медленной и спокойной, но не внушающей уверенности. Фюрер уже не мог заставить вас поверить во что-то иное, что вы видели собственными глазами. Разрушительные силы явственно сказались на Гитлере, Германии и даже Люфтваффе.

Эрих знал, что Мечи принесли ему славу. Однако он не был рад новым достижениям, слишком глубоко на него действовали картины разрушений в Германии. Он чувствовал, что за прошедшие годы стал старше и мудрее. И он знал, что ему понадобится вся его выносливость, чтобы преодолеть испытания, ждущие впереди.

Глава 9 «Сталинские соколы»

Ищите противника! Не спрашивайте, как он силен, спрашивайте, где его найти.

Девиз сталинских летчиков-истребителей

Достаточно быстро в самом начале карьеры Эрих Хартманн превзошел достижения лучших британских и американских асов. Как мы уже видели, многие из товарищей Хартманна по JG-52, воевавших на Восточном фронте, сбили более 100 вражеских самолетов. Так как германские методы подсчета и проверки побед были очень точными и надежными, приходится сделать вывод, что Хартманн и другие асы Восточного фронта встречали достаточно слабого противника – и в самолетах, и в пилотах. Это заключение может быть оправданным лишь отчасти, так как многие аспекты действий истребителей на Восточном фронте остались мало известны на Западе. Если принять отсталость русских пилотов и самолетов за универсальное объяснение, придется просто не заметить значительные достижения советской промышленности и русских асов-истребителей. Следует отрешиться от неприятия идеологии или режима, когда речь идет о фактах из истории советской авиации.

Немцы, американцы и англичане, все вместе, долго разделяли роковое заблуждение относительно достижений Советов. Серия катастроф, обрушившихся на немецкий народ начиная с 1941 года, была прямым следствием недооценки германским руководством советского колосса. Для американцев космическая гонка потеряла смысл захвата Америкой всеобщего превосходства над Россией. Советский Союз представляет странное сочетание низкого уровня жизни с блестящими техническими достижениями, что противоречит обычным западным понятиям и приводит к огромному количеству ошибок при оценках.

Оценивая воздушную войну на Восточном фронте и достижения Эриха Хартманна, можно легко совершить ошибку, убедив самого себя, будто он отправился на охоту пострелять уточек. Противник мог отбиваться и делал это. Часто его самолеты первой линии превосходили Ме-109. Некоторые из этих

машин пилотировали лучшие асы союзников – русские пилоты превзошли по количеству побед англичан и американцев. Поэтому честный и беспристрастный анализ побед Эриха Хартманна должен прежде всего начаться с рассмотрения качества русской авиации, как машин, так и пилотов.

Опубликованные данные, которые говорят о плохих качествах русских самолетов, могут служить ложным объяснением высоких результатов германских пилотов. С самого начала русско-германского конфликта русские имели по крайней мере один истребитель, превосходящий по большинству характеристик Ме-109. С течением времени советская авиационная промышленность не только создала другие типы самолетов, превосходящие более поздние варианты Ме-109, но также развернула массовое производство самолетов, оставив германскую промышленность далеко позади.

Авторы в своей книге «Асы-истребители Люфтваффе» рассмотрели только воздушную войну на Восточном фронте и ее коренные отличия от воздушной войны на Западе. Существует естественная тенденция в западных странах считать англо-американское воздушное наступление на Германию главной воздушной битвой войны. На самом же деле Советский Союз потерял примерно в два раза больше самолетов, чем англо-американская авиация. Самые крупные воздушные сражения разыгрались на Восточном фронте.

Советские ВВС в 1939 году были выделены из состава Красной Армии и реорганизованы. Ранее их развитию мешал контроль со стороны пехотных командиров, задававших тон в армейском руководстве. После реорганизации самым крупным подразделением стала авиационная дивизия. Каждая авиадивизия состояла из трех-шести авиационных полков, каждый из полков имел четыре-шесть эскадрилий. Немцы считали, что в момент начала войны советские ВВС имели от 40 до 50 авиадивизий или 162 авиаполка. Их общая численность была определена в 10 500 самолетов.

Истребительные части красных в начале войны были оснащены И-16 «Рата» или его более поздними вариантами И-151 и И-153. «Рата» был одноместным бипланом с крылом «чайка», впервые появившимся на поле боя в Испании. К 1941 году «Рата» устарел, и его заменяли истребителями МиГ-3 и ЛаГГ-3, когда немцы напали на СССР. Русские успели перевооружить не более четверти своих эскадрилий, когда Люфтваффе огнем прошлись по выстроенным по линейке самолетам на приграничных аэродромах. Полное устранение советской авиации как организованной силы в первые 90 дней

боев было самым замечательным триумфом Люфтваффе.

После реорганизации в 1939 году тактическая поддержка сухопутных сил стала главной задачей советской авиации. В результате почти все имеющиеся самолеты, в том числе истребители, были приспособлены для несения бомб. В первых боях превосходные германские истребители, сопровождавшие бомбардировщики и истребители-бомбардировщики Люфтваффе, нанесли чудовищные потери несущим бомбы советским истребителям, которые пытались перехватывать немцев. В результате советским пилотам истребителей, несущих бомбы, было запрещено вступать в бой с германскими истребителями. Поэтому русские часто отказывались принимать бой. Немцы приписывали это недостатку агрессивности, пока допросы сбитых русских пилотов не открыли истину.

Советский Союз во многих отношениях был лучше подготовлен к войне, чем Британия в 1939 году или Соединенные Штаты в 1941 году. В России велась специальная подготовка резерва обученных пилотов. Аналогичные меры по развертыванию массового производства самолетов уже в 1941 году продвинулись настолько далеко, что русские смогли быстро оправиться от сокрушительных потерь июня – июля этого года. Русские добились устойчивого выпуска пилотов из своих авиашкол, что обеспечило летчиками все самолеты, построенные на советских авиазаводах.

В ходе всей войны русские несли тяжелые потери, но мастерство их летчиков-истребителей постоянно росло, в то время как качество подготовки пилотов Люфтваффе постоянно падало. То, что Германия не располагала четырехмоторными стратегическими бомбардировщиками, позволило русским развернуть множество заводов и летных школ за пределами досягаемости тактических бомбардировщиков Люфтваффе. В результате немцам приходилось иметь дело с их продукцией, когда она поступала на фронт.

С конца 1942 года русская воздушная мощь превратилась в неодолимый воздушный поток, который набирал силу с каждым месяцем. К середине 1944 года русские господствовали в воздухе над всем Восточным фронтом. В тактическом отношении они значительно превосходили уровень 1941 года. Несмотря на эти факты, все еще бытует легенда, будто русский фронт был чем-то вроде легкого пикника для немцев. Ее рассказывали так часто, что она почти превратилась в исторический факт. Однако подлинные факты опровергают такое легковесное заключение.

Эрих Хартманн уподобляет истребительные бои на Восточном фронте сражениям с армадами бомбардировщиков на Западном.

Град свинца и стали, заполняющий воздух, делал совершенно неизбежным для любого пилота однажды оказаться на пути такого смертоносного шквала. «Часто мы сражались вдесятером против трех сотен русских. Это было чертовски трудно. Опасность столкновения в воздухе была так же велика, как опасность быть сбитым. Нам приходилось планировать атаки против этих орд исключительно тщательно, иначе у нас не было бы шанса уцелеть».

Что касается качества русских пилотов, то опыт германских асов на Восточном фронте крайне противоречив. Постоянные операции в течение долгого периода говорили о техническом и психологическом превосходстве немцев. Это особенно справедливо в отношении лучших германских пилотов. Тем не менее это совершенно не так, если говорить о гвардейских авиационных полках, элите советской истребительной авиации. Русские заслужили уважение немцев.

Лучшие советские пилоты были собраны в гвардейских авиаполках. Это были настоящие летчики-истребители, агрессивные, тактически умелые, бесстрашные. Они летали на лучших самолетах, которыми располагали русские. Эти операции отмечены тем же неугасимым боевым духом, который был характерен для бессмертных «Немногих» в Битве за Британию.

Агрессивное поведение этих советских пилотов показывает примечательный случай возле Орла, который произошел с юным «сталинским соколом» лейтенантом Владимиром Лавриненковым. Этот ас, имевший на своем счету 30 побед, сбил Ме-109. Он видел, как германский пилот посадил свой самолет на брюхо в поле, выскочил из кабины и побежал прятаться в соседний овраг, заросший деревьями и кустарником.

Лавриненков кружил низко над землей и видел, что красноармейцы, скорее всего, не найдут германского пилота, который сможет спастись. Молодой русский лейтенант посадил свой истребитель рядом с разбившимся Ме-109 и сам повел пехотинцев в заросли. Лавриненков нашел спрятавшегося немца, набросился на него и задушил голыми руками. Русский ас вернулся к своему истребителю и взлетел в облаке пыли, оставив мертвого противника валяться у ног пехотинцев, разинувших рты от удивления.

Гвардейские полки дали лучших асов союзников во Второй мировой войне. Желание принижать все русское, руководствуясь соображениями идеологии, сослужило плохую службу историографии. Существует широко распространеное и иррациональное предубеждение против попыток считать воздушную войну на Восточном фронте сравнимой с войной на

Западе. Однако факты говорят обратное. Никогда в истории пилоты-истребители не сталкивались с такими трудностями, как немцы на Восточном фронте. Аналогично выдающиеся советские асы заслуживают гораздо большего внимания военных историков. Лучшие русские пилоты, которые сбили в полтора раза больше самолетов противника, чем лучшие английские и американские пилоты, почти четверть века оставались неизвестны.

Все ведущие германские асы на Восточном фонте не раз были либо сбиты, либо совершали вынужденные посадки. Фактор риска для этих пилотов был самым высоким в истории. Возьмем в качестве примера Эриха Хартманна. Он совершил около 1400 вылетов и провел примерно 800 боев, большей частью против численно превосходящего противника. Совершенно неизбежно в ряде столкновений он оказывался в тактически невыгодном положении. Он сам считает, что примерно 200 раз находился на прицеле советских истребителей. Хотя Хартманн, Ралль, Бакгорн и другие лучшие германские асы были самыми искусными пилотами-истребителями всех времен, численное неравенство обращалось против них. Элементарная теория вероятности приводила к тому, что их сбивали так или иначе.

Там, где действовали гвардейские авиаполки, Люфтваффе неизбежно нарывались на жесткое сопротивление. Массы русских пилотов уступали гвардейцам в мастерстве, но тоже брали свою плату с немцев в долгой борьбе на истощение. Лучший советский ас, генерал-майор Иван Кожедуб, одержал 62 победы в боях против Люфтваффе. Еще семь советских пилотов сбили больше самолетов, чем лучший из англо-американских асов майор Ричард И. Бонг, который добился 40 побед на Тихоокеанском театре.

Иван Кожедуб родился в 1920 году на Украине. Он был сыном заводского рабочего. В 30-х годах Кожедуб научился летать в одном из многочисленных авиационных клубов. Его служба в рядах гвардейского авиаполка принесла ему три Золотые Звезды Героя Советского Союза. Эта награда примерно соответствует Медали Почета американского конгресса.

Сообщают, что Кожедуб командовал северокорейской авиадивизией в 1951–1952 годах во время Корейской войны. Его части имели на вооружении реактивные истребители МиГ-15, которые были легче американских F-86E и F-86F «Сейбров», с которыми сражались. Летал Кожедуб в Корее или нет – остается неизвестным и 20 лет спустя. Однако это вполне возможно, так как в это время ему исполнился всего 31 год. Американские военные совершенно твердо уверены, что опытные русские пилоты участвовали в боях и что Кожедуб добавил еще несколько

самолетов к своим 62 победам в годы Второй мировой войны.

Автобиография Кожедуба «Я атакую» была опубликована в 1956 году в Восточной зоне Германии. То, что могло и должно было стать интереснейшей исторической работой, оказалось напыщенной и пустой книжонкой. А главным событием в жизни Кожедуба было вступление в КПСС. Все детали его жизни, с первых школьных дней до награждения высочайшими орденами своей страны, показаны через красную призму, которая искажает даже цвета его блестящей карьеры летчика.

Самым знаменитым советским асом-истребителем был полковник Александр Покрышкин. Его гвардейский полк часто противостоял JG-52. Саше Покрышкину приписывают 59 подтвержденных побед. За время войны он также заслужил три Золотые Звезды. Карьера Покрышкина имеет много общих деталей с биографиями многочисленных германских и союзных асов. Интернациональное братство старых асов хранит много подобных историй. Несмотря на мундир, который носит человек, и знамя, под которым он служит, многие пилоты-истребители точно так же проходили через те же испытания.

Покрышкин вырос в Сибири, и в детстве на него произвели большое впечатление подвиги русского пионера авиации Валерия Чкалова. Он покинул родной Новосибирск, чтобы искать счастья в авиационной школе. Однако его энтузиазм сильно поугас, когда он обнаружил, что авиационная школа готовит только механиков, а не летчиков.

Каждые полгода он подавал рапорты о переводе в летную школу, но его успехи в учебе на механика были так велики, что начальство регулярно отвергало его просьбы. Однако Покрышкина было совсем не просто сломить. Он поступил в Краснодарский авиационный клуб, который действовал в системе ОСОАВИАХИМа. Как и Эрих Хартманн в Германии, Покрышкин выучился летать на планере. Он также совершил несколько прыжков с парашютом, после чего перешел на курсы летчиков. В октябре 1937 года Покрышкин совершил первый полет на трескучем У-2.

Покрышкин продолжал служить авиамехаником и совершенствовался как пилот. Наконец он сумел сдать экзамены. Он продолжал подавать регулярные рапорты о переводе в летчики и в конце концов достал своим упрямством начальников. Его рапорт был удовлетворен.

Покрышкин поступил в школу пилотов-истребителей в Каче и вскоре после этого был переведен в регулярную эскадрилью Красной Армии. Формально после революции в Советском Союзе царило всеобщее равенство. Но Покрышкин вскоре после

зачисления в истребительную эскадрилью получил жестокий удар. Он все еще носил эмблемы механика на петлицах, и другие пилоты просто не разговаривали с ним. В их глазах он, как бывший механик, оставался парией среди законных пилотов.

Отважный Покрышкин быстро доказал, что он не просто механик-выскочка. Он отличался блестящим пилотированием и доскональным знанием конструкции самолета и устройства мотора и быстро обогнал остальных пилотов. Тогда они приняли его как равного, однако его уровень знаний тут же превратил Покрышкина в инструкторы.

Избежать этой участи Покрышкину помог его характер и живой интерес к тактике воздушного боя. Он заслужил благодарность историков тем, что вел дневник, куда заносил все свои новые идеи, как только они рождались. Его библией была книга знаменитого аса Первой мировой войны Рене Пауля Фонка «Мои воздушные бои», в которой досконально описывалась тактика действий истребителей в то время. Фонк был лучшим асом союзников и сбил 75 самолетов.

Серьезный, решительный и любознательный Покрышкин на практике реализовал теорию Фонка, его маневры в воздушных боях, развил и усовершенствовал их, чтобы применять на истребителях нового поколения. Он также изобрел и несколько новинок. Как механик, Покрышкин отлично знал математику, что позволяло ему вычислять решения тактических задач, просчитывая маневры свои и противника. Он сохранил эту привычку в течение всей своей карьеры.

Тенденции развития послереволюционной морали в России привели к созданию массовой психологии и подавлению индивидуальности. Индивидуализм рассматривался как нечто дурное и буржуазное. Такие взгляды стали основой мировоззрения целого поколения молодых людей, которые сражались в Красной Армии в годы Второй мировой войны. А это привело к скверному результату. Те качества, которые могли принести успех в воздушном бою – инициатива, самостоятельность, быстрота решений, – подавлялись в миллионах русских юношей. Обычной заменой им становились стальные нервы. Опыт немцев, которым приходилось сражаться с русскими, подтверждает, что русские пилоты большей частью преодолевали этот психологический барьер, гораздо более сложный, чем проектирование современных самолетов. Русские перепрыгнули второй и сломали первый.

Покрышкин родился в 1913 году, и потому его детство завершилось раньше, чем советская система образования успела бесповоротно изуродовать его. Он стал великим асом потому, что

с самого начала понимал значение индивидуализма в воздушном бою. С помощью своих бесконечных чертежей и постоянного анализа маневров он мог увидеть, как превосходный пилот на плохом самолете может нанести поражение менее умелому противнику на отличной машине. Это убеждение укреплял полученный Покрышкиным опыт воздушных учебных боев.

Как и Эрих Хартманн, Покрышкин был сторонником внезапных, стремительных и яростных атак. Его первым учителем в создании теории таких атак стал старый пилот-истребитель Соколов, который служил в первой эскадрилье, куда попал Покрышкин. Соколов считал, что внезапная решительная атака немедленно выигрывает психологическую схватку, так как вражеский пилот пугается и психологически готов быть сбитым. Покрышкин записал в своем дневнике: «Ключ к победе – это маневр и огонь!»

Сам Покрышкин занимался в основном высшим пилотажем и маневрами. Когда он обратил свое внимание на то, что действительно отправляет вражеский самолет вниз, на стрельбу, то обнаружил, что ему еще нужно многому учиться. Саша стрелял слишком плохо, даже чтобы спасти самого себя. Когда он проводил стрельбу по буксируемой мишени, то выполнял один заход за другим, пока не расходовал боеприпасы полностью. Сотни пуль улетали в небо, чтобы всего три или четыре пробили буксируемый конус.

Озадаченный Покрышкин никак не мог понять причин, по которым он не может попасть в мишень. Его заход на цель был совершенным, он пунктуально следовал наставлениям ВВС по стрельбе. Чтобы найти ответ, он снова обратился к математике.

Он сел за стол и начал вычислять траектории, скорости пуль, вероятности попадания. Покрышкин покрывал множество страниц сложными формулами и вычислениями, чертил десятки графиков. Эта работа привела его к выводам, которые Эрих Хартманн сделал в настоящих боях несколько лет спустя. Обрадованный Покрышкин пишет: «Успех зависит от стрельбы с малой дистанции».

Убежденный, что остается проблема найти подходящую позицию для атаки в упор, Покрышкин снова чертит диаграммы маневрирования и следующий день проводит в лихорадочном ожидании. Вот как он описывает свой эксперимент:

«Секрет был в следующем. Я заходил на конус под определенным углом и атаковал, нажимая гашетки как раз в тот момент, когда по всем наставлениям я должен был отворачивать. Для молодого пилота это был огромный риск. Самая малая неточность, и я всажу очередь в самолет-буксировщик вместо

конуса».

«Когда мы сели, пилот, который тащил мишень, был в бешенстве. «Какого черта ты налетел на меня? Ты мог убить приятеля и другим способом!» Но ни глаз, ни рука не изменили мне. Я продолжал стрелять с короткой дистанции со смертоносной меткостью. Это было именно то, что требовалось в воздушном бою».

Покрышкин с помощью математического анализа нашел ту же самую тактическую формулу, к которой много лет спустя интуитивно пришел Эрих Хартманн. Сходство концепций и приемов просто поразительное. И оба подтвердили справедливость своих догадок в настоящих боях.

Покрышкин совершил более 600 вылетов и сбил 59 самолетов, ни разу не усомнившись в точности своих довоенных идей. Когда в 1941 году Германия вторглась в Россию, Покрышкин был полноправным пилотом-истребителем и служил на Украине. Через два дня после германского вторжения он полетел на разведку к Яссам. Именно там истребители JG-52 не раз встречались с истребителями Покрышкина во время службы Хартманна. Покрышкин, вместе со своим ведомым лейтенантом Семеновым, заметил 5 Ме-109. Три находились ниже, два выше русского звена. Покрышкин рванул ручку на себя и начал подъем к верхнему немецкому звену.

Пилот ведущего германского истребителя сделал горку, и Покрышкин сумел разворотом зайти ему в хвост. Сблизившись вплотную, Саша нажал все гашетки. Германский истребитель загорелся и полетел вниз, волоча за собой хвост дыма.

Обрадованный первой победой, молодой русский пилот совершил ошибку, которая стоила жизни множеству пилотов-истребителей. Он следил, как его жертва кувыркается вниз, захваченный прекрасным зрелищем. Ведомый сбитого немца налетел на забывшегося Покрышкина. Саша оторвался от восхитительного зрелища, когда пушечная очередь в клочья разорвала его левое крыло, и светящаяся трасса пролетела мимо кабины.

Покрышкин бросил свой МиГ-3 в пике у самой земли и съежился за бронеспинкой. Точь-в-точь как Эрих Хартманн в своем первом боевом вылете. На бреющем он пошел домой. Его первый триумф едва не был омрачен. Такие замечательные асы, как Адольф Галланд и Гюнтер Ралль, едва не попались в ту же самую ловушку, не в силах пропустить столь волнующее зрелище, как гибель вражеского самолета. Галланд был ранен и едва не погиб. Ралль завершил бой вынужденной посадкой, которая чуть не стоила ему жизни. Таким образом, Покрышкин отделался

легче, чем два знаменитых германских пилота.

Отважный Покрышкин, который опробовал в бою свой метод атаки, тем не менее до осени 1941 года не получал возможности вести воздушные бои. Он совершил множество разведывательных вылетов, но редко схватывался с германскими истребителями. Он не прекращал изучать искусство воздушных маневров и в последующих боях обнаружил, что его ответ на вражескую атаку быстрый и правильный. Теперь он выполнял маневры и контрманевры совершенно инстинктивно. И в результате остался жив.

Нововведения Покрышкина помогли советской авиации отказаться от смирительной рубашки маневров в горизонтальной плоскости, к которой до войны была привязана вся советская доктрина действий истребителей. Приученные маневрировать и сражаться в горизонтальной плоскости, советские пилоты в 1941–1942 годах быстро переучились. Улучшенные характеристики самолетов и появление монопланов с низкорасположенным крылом открыло эру вертикального маневра в боях истребителей, и Покрышкин был среди тех, кто внес наибольший вклад в разработку этой тактики.

Для уклонения он использовал восходящую спираль. Игнорируя советы более консервативных товарищей, Покрышкин часто использовал бочку, чтобы гасить излишек скорости. Этот маневр заставлял германские истребители проскакивать вперед, и из охотника они становились жертвами. Его качества лидера, знание техники, учительские способности ставят его в первый ряд среди русских пилотов-истребителей.

То, чему Покрышкин учил других, он сам вынес из огня войны. Его фотографическая память позволяла ему воспроизводить мельчайшие детали маневров в бою. Он фиксировал все эти детали на схемах и покрывал стены своей землянки диаграммами, графиками и таблицами данных. Как и лучшие германские пилоты, с которыми он встречался, Покрышкин был сбит много раз. Он совершил много вынужденных посадок, и его товарищи часто изумлялись, в каком полуразбитом состоянии возвращался его самолет после боев с истребителями Люфтваффе.

Стремление Покрышкина лучше узнать противника было неуемным. Он не только детально регистрировал их маневры, но также летал на захваченных германских истребителях, тщательно отмечая их недостатки. Он ставил себя на место германского пилота, выполняя различные маневры, и записывал сильные и слабые стороны Ме-109. Он считал, что лучшие советские самолеты превосходят испытанную германскую «птичку».

Над Кубанским полуостровом, где его полк долгое время сражался с JG-52, Покрышкин выработал основную формулу воздушного боя, отлив все свои знания и опыт в четыре слова: «Высота, скорость, маневр, огонь».

Имея хорошие самолеты и таких лидеров, как Покрышкин, гвардейские авиаполки никого не боялись в воздухе. Много раз приемники JG-52 начинали слушать радопереговоры русских, ведущиеся на частотах немцев. Русские бросали перчатку вызова немцам:

– Слушайте, фрицы. В воздухе Покрышкин!

Такой высокий боевой дух был исключением в общей массе русских, но совершенно обычным для гвардейских авиаполков. Они раскрашивали свои самолеты в яркие цвета, предпочитая ярко-красный, и во всех прочих отношениях напоминали элитные истребительные подразделения других стран.

Покрышкин напоминал Эриха Хартманна еще в одном. Он считал, что тщательное руководство молодыми пилотами поможет им выжить. И это было его основной чертой как командира. Именно так Покрышкин превращал их в асов, используя свой опыт и таланты учителя. Он делал все возможное, чтобы преподать им искусство пилотирования, используя свои любимые схемы. Покрышкин обучал молодых пилотов искусству снайперской стрельбы, и множество лучших русских асов обязано своими успехами этой школе. Александр Клубов, одержавший 50 побед над германскими летчиками, прошел эту школу. Он получил две Золотые Звезды.

Во многом тактические взгляды лучшего русского аса Александра Покрышкина совпадали со взглядами Эриха Хартманна. Тем не менее Покрышкина следует скорее сравнивать с полковником Вернером Мёльдерсом, чем с каким-то другим асом или командиром истребительных частей Люфтваффе. Русский был ровесником Мёльдерса. Его тактические выдумки и изобретательность в создании новых приемов сильно напоминали эти же черты Мёльдерса, который также немало потрудился, чтобы освободить Люфтваффе от кандалов тактического наследия Первой мировой войны.

«Дед» Мёльдерс обладал тем же научным складом ума, что и Покрышкин. Его внимательная опека молодых пилотов, как они теперь сами признаются, позволила им пережить войну и насладиться жизнью в процветающей сегодня Германии. Пропагандистская война не должна заставить нас замазать достижения Покрышкина как аса, командира и военачальника. Его слава более чем заслуженна, и совершенно справедлив рассказ о нем в этой книге, так как он часто сражался против

JG-52, где служил Эрих Хартманн.

Нет твердых свидетельств, что Александр Покрышкин и Эрих Хартманн встречались в воздухе, но точно так же нет никаких оснований отрицать такую возможность. Проведя более 800 воздушных боев, многие из которых велись против эскадрилий Покрышкина, вполне возможно, Белокурый Рыцарь сталкивался со знаменитым русским асом. Этого никто не скажет твердо. Оба аса бывали сбиты много раз.

В качестве исторической справки авторы приведут список советских асов, имеющих 30 и более побед. На ноябрь 1967 года этот список считается самым точным.

...

Советские асы Второй мировой войны

Кожедуб Иван Никитич – 62

Покрышкин Александр Иванович – 59

Речкалов Григорий Андреевич – 58

Гулаев Николай Дмитриевич – 57

Евстигнеев Кирилл Алексеевич – 52

Глинка Дмитрий Борисович – 50

Клубов Александр Федорович – 50

Пилипенко Иван Маркович – 48

Ворожейкин Арсений Васильевич – 46

Кубарев Василий Николаевич – 46

Скоморохов Николай Михайлович – 46

Костылев Георгий Дмитриевич – 43

Моргунов Сергей Николаевич – 42

Попков Виталий Иванович – 41

Алелюхин Алексей Васильевич – 40

Голубев Виктор Федорович – 39

Голубев Василий Федорович – 38

Луганский Сергей Данилович – 37

Пивоваров Михаил Евдокимович – 37

Гультяев Григорий Капитонович

– 36

Долгих Анатолий Гаврилович – 36

Кузнецов Николай Федорович – 36

Колдунов Алесандр Иванович – 36

Бабак Иван Ильич – 35

Камозин Павел Михайлович – 35

Лавриненков Владимир Дмитриевич – 35

Павлушкин Николай Сазонович – 35

Гнидо Петр Андреевич – 24

Кочетков Александр Васильевич – 34

Лукьянов Сергей Иванович – 34

Шутов Иван Никитич – 34

Числов Александр Михайлович – 34

Голубков Федор Михайлович – 34

Боровых Андрей Егорович – 32

Зеленкин Михаил Михайлович – 32

Комельков Михаил Сергеевич – 32

Краснов Николай Федорович – 32

Рязанов Алексей Константинович – 32

Степаненко Иван Никифорович – 32

Головачев Павел Яковлевич – 31

Кирилюк Виктор Васильевич – 31

Амет-Хан Султан – 30

Архипенко Федор Федорович – 30

Бобров Владимир Иванович – 30

Глинка Борис Борисович – 30

Лихобабый Иван Дмитриевич – 30

Лихолетов Петр Яковлевич – 30

Макаров Валентин Николаевич – 30

Покрышев Петр Афанасьевич – 30

Хлобыстов Алексей Степанович – 30

Глава 10 300 сбитых и Бриллианты

Если я сражаюсь за законного короля, тогда монархи мне ровня.

Аноним

Когда Эрих на третьей неделе июля 1944 года вернулся на русский фронт, он обнаружил, что численное превосходство русских ВВС возросло еще больше. Численность английских и американских самолетов, поставленных по ленд-лизу, осталась прежней, но орды «яков», «лаггов», «илов» и «мигов» множились с ужасающей скоростью. Пилоты русских истребителей научились драться еще лучше. Раскрашенные красным самолеты гвардейских авиаполков были укомплектованы блестящими талантами. Лучшие из гвардейцев, такие как Кожедуб, Покрышкин, Речкалов и другие, имели по 50 и более побед над пилотами Люфтваффе. Это были исключительно опасные противники.

Агрессивный германский пилот летом 1944 года на Восточном фронте мог найти цель прямо у своего порога. Самолеты красных встречались уже через 15 минут после взлета, что означало многочисленные схватки. Успехи Эриха продолжали расти. С 20 июля по 22 августа 1944 года он сбил еще 32 самолета. Теперь на его счету было 282 победы, он в одиночку уничтожил более 15 эскадрилий советских самолетов. Единственным его соперником за титул самого результативного аса был Герд Бакгорн. Ненадежная связь и задержки официальных подтверждений побед несколько недель держали Эриха и Герда (человека, которым он восхищался больше других) ноздря в ноздрю.

Великий пилотажник, Бакгорн был приверженцем того, что немцы называли «воздушным цирком». Постоянный и быстрый рост счета Бакгорна был обусловлен его снайперской стрельбой. Как и Ралль до него, Бакгорн получил ранение, которое надолго приковало его к земле. В июне 1944 года в боях с американцами над Плоешти Герд был тяжело ранен. Теперь он занимался изучением потолка госпитальной палаты, тогда как Эрих продолжал истреблять самолеты красных.

23 августа 1944 года стало для Эриха большим днем. В трех вылетах он сбил восемь самолетов и довел свой общий счет до 290 побед. Он обошел Герда Бакгорна и стал самым результативным асом не только Люфтваффе, но и вообще за всю

историю воздушной войны. Когда вскоре после этого Бакгорн был переведен в систему ПВО рейха, его соперничество с Хартманном за первенство завершилось. Но впереди лежал новый рубеж.

Лихорадочное возбуждение завладело товарищами Эриха по эскадрилье, когда приблизилась неслыханная цифра 300 сбитых самолетов. До этого рубежа оставалось полшага, но какой-нибудь везучий Иван или несчастный случай могли помешать Эриху сделать этот шаг. Напряжение в эскадрилье возрастало все больше и больше.

Всего четыре года назад полковник Вернер Мёльдерс первым превзошел рекорд Рихтгофена – 80 побед. Затем он же первым одержал 100 побед. В Германии это восприняли с гордостью и недоверием. Но теперь эти 100 побед казались замшелой исторической диковиной. Эрих Хартманн вплотную приблизился к отметке 300 побед.

Когда блестящий, но недооцененный Гордон Голлоб 29 августа 1942 года поднял достижение Мёльдерса до 150 самолетов, это стало еще одной исторической вехой. Однако такие асы, как Оэсау, Лютцов и другие, дышали в спину Голлобу. В блеске славы на Восточном фронте Герман Граф побил следующий рекорд, одержав 200 побед. Однако достаточно быстро и другие пилоты достигли этого рубежа. Вальтер Новотны из JG-54 поднял планку до 250 побед, но и его обошли Гюнтер Ралль, Отто Киттель, Герд Бакгорн, Эрих Хартманн. Магическая цифра 300 притягивала и завораживала. Хартманну оставалось всего 8 самолетов, чтобы достичь ее.

К счастью, это состояние высочайшего напряжение осталось зафиксированным на бумаге. Обер-фельдфебель Карл Юнгер, одно время летавший ведомым Белокурого Рыцаря и долгое время бывший его товарищем, сохранил достаточно благоразумия, чтобы записать на бумаге свою версию событий того дня, когда Эрих добился величайшего триумфа.

Карл Юнгер по праву считался асом в JG-52. Агрессивный, высокий, черноволосый подвижный пилот одинаково охотно рвался в бой и развлекаться. Хартманн вспоминает один случай в Кракове, когда после чудовищной трехдневной пьянки эскадрилья получила приказ перебазироваться в Варшаву. Юнгер лежал на своей койке, не в силах поднять головы. Он был совершенно гол, если не считать темных очков на носу. Он просто не мог выполнить приказ, и эскадрилья улетела без него.

Через два часа Юнгер появился в Варшаве в одиночку на своем Ме-109. Эрих и остальные пилоты следили, как он заходит на посадку. Как раз перед тем, как он должен был сесть, на травяном поле показался польский фермер, погонявший лошадей

с двумя большими возами сена.

Юнгер с оглушительным треском врезался в эту буколическую процессию. Все заволокло огромное облако пыли и сена, из которого пулей вылетела перепуганная лошадь. Громкий треск все еще звучал, пока пилоты бежали к облаку пыли. Когда они подбежали к месту катастрофы, все, что осталось от истребителя, – это куча исковерканного металла, в которой никто не признал бы самолет. Эрих уже собрался было вслух пожалеть, что Юнгер погиб так глупо, как из-под кучи обломков раздались ругательства. Юнгер выполз из кучи хлама и поднялся на ноги. Темные очки все еще торчали у него на носу. Он сказал: «Слава богу, я опять на земле». На следующий день он уже совершил боевой вылет.

Карл Юнгер позднее послал историю, которую записал 24 августа 1944 года, Уш Хартманн. Он хотел, чтобы Уш сохранила об Эрихе хоть какую-то память, так как было совершенно не ясно, вернется ли он живым из советских лагерей.

...

«НА ПЕРЕДОВОМ АЭРОДРОМЕ
24 августа 1944 г.
Записано обер-фельдфебелем
Карлом Юнгером

Вчера для нас был великий день. День, не имеющий аналогов в истории воздушной войны. Мой командир, обер-лейтенант Эрих Хартманн, обладатель Дубовых листьев с Мечами, в ходе двух вылетов сбил 11 вражеских самолетов. Таким образом число его побед достигло 301. Он первый перешел отметку 300 и потому стал лучшим пилотом-истребителем в мире.

Еще вчера добрые знамения начали витать над аэродромом. У всех на устах был только один вопрос: «Достигнет отметки 300 сегодня? Сделает ли это Буби?» Все мы были полны возбуждения и ожидания. За день до этого наш командир послал в преисподнюю восьмерых «Иванов» и достиг цифры 290 побед. Вчера утром погода была плохой. Только к полудню развиднелось, что сократило время полетов до половины дня. После завтрака пилоты совершили первый вылет, и наш командир не упустил своего шанса. Сразу после того, как он со своим ведомым взлетел, мы начали считать минуты.

«Гельбе-1» садится после 300-й победы

Ровно через час на горизонте появились два самолета и пошли к аэродрому. Ме-109 в знакомой раскраске нашего 22-летнего «Старика» покачал крыльями, развернулся и выполнил второй заход, снова покачав крыльями. Затем еще и еще… пять и шесть раз. Все хлопали в ладоши и кричали от радости. Наш командир теперь имел 296 побед. Осталось всего четыре. Hals und Beinbruch!

Мы с трудом дождались, пока механики подготовят два самолета к новому вылету. Заправка и перевооружение, казалось, никогда не закончатся. Тем временем среди нас начались споры. Сделает он это сегодня или нам придется ждать следующего дня? Внезапно поступил приказ взлетать. Все разбежались по машинам, белокурый командир занял место в головной.

Он легко прыгнул в кабину и сам застегнул ремни, спокойный и уверенный, как всегда. Его лицо совершенно не отражало никаких эмоций. Только легкая тень улыбки играла в уголках губ. Очень холодная. Спокойно и методично он начал проверку приборов перед решающим и историческим вылетом, который поставит его впереди всех остальных пилотов. Для тех, кто это видел, такое зрелище было уникальным опытом.

На лице пилота только усталость

По его знаку техники начали запускать моторы. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стартеры набирали обороты. Потом легкий толчок, раскручивающий пропеллер, и наконец мотор начинает работать. Техники отбежали, и командир начал рулить на взлетную полосу. Ведомый следовал за ним. Они притормозили, развернувшись против ветра. Грохот моторов больно ударил по ушам. Наконец они пошли на взлет. Пыльные вихри поднимались с высушенной солнцем земли, когда истребитель мчался вперед и легко взмывал в воздух. Две машины взяли курс на восток. Что принесет следующий час? Вместе с репортером мы поехали на передовой КП, где все уже тряслись, как в лихорадке. Мы помчались к радисту, сидевшему в наушниках. Он слушал радиопереговоры между самолетами. Он дал нам наушники, мы подключились и слушали…

Репортером, сопровождавшим Карла Юнгера в тот исторический день, был военный корреспондент Гейнц Эккерт, который сам слушал рацию и потом написал отчет:

«Переговоры между самолетами в воздухе, с помощью которых пилоты обмениваются информацией, очень кратки. Говорится только самое важное. Здесь все слова имеют особый смысл. Часто одно слово может означать целое предложение. Иногда в диалогах следуют долгие перерывы, иногда вопросы и ответы следуют пулеметной очередью. Голоса поднимаются до драматического крещендо, когда в течение нескольких минут вражеские самолеты один за другим летят вниз. Затем два слова, иногда одно, характеризуют случившееся, однако слушатели на земле целиком поглощены захватывающим дыхание возбуждением.

Теперь все собрались вокруг радиста и двух плохих приемников головных телефонов. Это могло случиться в любой

момент. Радист нажимает кнопки на своей установке… Он немного нервничал, так как боялся пропустить сообщение о победе.

15.44. Хартманн – земле: «Видите ли вы противника?» – «Нет». – «Какого черта они погнали нас?»

15.50. Земля – Хартманну: «Вражеские самолеты приближаются к Сандовцу».

15.51. «Восьмая эскадрилья, следить!.. «Аэрокобры»… проклятье!..

16.00. «В яблочко!»

16.03. «В яблочко!»

16.06. «Следите сзади и сверху! «Кобры» справа! В яблочко!»

16.07. «Следите сверху!»

16.09. «Мы прикончим этого!»

16.10. «Внимание! В яблочко!» Вызов ведомого: «Поздравляю с тремя сотнями!»

Земля – Хартманну: «Поздравляем!»

Следующие пять минут радист не может принять ни одного сообщения. В эфире все смешалось. Он не может понять ни единого слова из-за шипения и треска. Потом прорывается:

16.15. «Шесть километров западнее Сандовца. 6 легких бомбардировщиков, высота 2000 метров, кружат… А-а… здесь еще эшелон. Это Пе-2».

16.17. «Восемь километров восточнее Островца, высота 3000 метров, группа истребителей… Мы не можем перехватить их, проклятье!»

16.19. «Задайте им!..

16.20. «В яблочко! Взорвался!»

16.23. Ведомый – Хартманну: «Смотри, два самолета позади нас слева. С ними 1 истребитель».

16.27. «Одиночный самолет слева! Это твой…»

16.29. «Смотри назад!» – «Принял».

16.35. Ведомый – Хартманну: «Поздравляю!»

16.37. «Идем на посадку, я качну крыльями пять раз».

Всего час назад он сидел с нами перед палаткой, расстегнув рубашку и подставляя грудь освежающему ветерку. Он задумчиво смотрит вдаль, о чем-то мечтает, пока мы говорим о его невесте. Ее фотография стоит на столе. Он смотрит вниз на свою грудь и смеется счастливым смехом беззаботной юности.

Он говорит: «На моей груди появился волосок. Я становлюсь мужчиной!» В этот момент его вызывают к самолету, чтобы он отправился в свой исторический вылет. Приподнялся уголок занавеса над его внутренним «я».

Теперь снова обратимся к отчету обер-фельдфебеля Карла

Юнгера, чтобы описать поднявшуюся на аэродроме суматоху:

«Новость о трехсотой и триста первой победах все восприняли с облегчением. Каждый тут же оказался ужасно занят. В последние минуты перед возвращением командира были спешно сплетены гирлянды. Щиты раскрашены, надписи сделаны, развешаны грубые знамена. Все наземные команды кружатся, как рой пчел, а Биммель гордый и прямой среди них.

Вскоре должны были вернуться самолеты. Все, кто мог бросить свой пост, побежали к месту парковки самолета командира. Майоры, капитаны и лейтенанты смешались в одну массу с механиками и техниками, объединенные общим желанием выразить свое уважение. У меня под мышкой были зажаты бутылка шампанского и два стакана.

Чтобы не опоздать в этой суматохе, я сорвал проволоку с горлышка бутылки. Пробка хлопнула и взлетела в небо по высокой дуге. Я быстро прикрыл ладонью горлышко. Не потерять ни капли. Внезапно я обнаружил, что один печален в толпе. Все радовались. У меня осталась только одна мысль: «Я надеюсь, мой командир скоро вернется. Я надеюсь, он скоро вернется».

Он словно послушался моего мысленного приказа. Карая-1 прогрохотал над аэродромом. На сей раз лейтенант Хартманн пять раз качнул крыльями. Лишь немногие могли понять, какой энергии и концентрации потребовало это от него.

После пятого захода лейтенант Хартманн рванул машину вверх и под радостные крики толпы товарищей совершил идеальную посадку. Он легко отвел машину на стоянку, а мы с нетерпением ждали момента, когда он выключит мотор. Однако он не спешил порадовать нас. Он несколько раз снова запускал мотор. Так как фонарь был откинут, воздушная струя била ему прямо в лицо. Единственный, кто смог пожать ему руку и поздравить в этот момент, был Биммель Мертенс, командир его наземной команды. Остальные стояли и ждали разрешения.

Когда грохот мотора перешел в ворчание и пропеллер дернулся в последний раз, перед тем как остановиться, все уже не могли сдерживаться. Временный командир группы Вилли Батц прыгнул на крыло. Командир JG-52 полковник Дитер Храбак оказался рядом с ним. Они трясли руку командира. Мы вытащили его из кабины, как только он откинул фонарь, и теперь он сидел на плечах двоих товарищей. Одним из них был гордый Биммель Мертенс.

Ему на шею надели свитый в последнюю минуту венок. Тут подскочили репортеры и принялись его фотографировать. Они снимали командира со всех сторон, и мы начали терять терпение, хотя знали, что это не надолго.

Командир попросил спустить себя со своего высокого сиденья. Как только его ноги коснулись земли, вся толпа бросилась пожимать ему руку, хлопать по спине или старалась по крайней мере перехватить его взгляд. Никто из присутствующих не забудет этих минут. Когда возбуждение немного улеглось, толпа чуть поредела, и мы пошли к своим палаткам.

Тем временем притащили столы и стулья, и мы без ограничения уселись вокруг командира. Это был его день. Полковник Храбак сидел рядом с ним и радостно чокался с командиром. По настоянию полковника командиру пришлось рассказать о последних мгновениях его воздушного боя. Все слушали очень внимательно, сдерживая волнение, пока он рассказывал.

После необычного пира начались приготовления к празднику. Командир хотел устроить особую вечеринку с техниками и механиками. Все алкогольное, что только попалось нам на глаза, было уложено на лед. Возле палатки шефа полукругом разложили кучи соломы. В середине развели костер. В назначенное время собрались все. Наступила глубокая темная ночь. Зрителями были только луна и звезды. Зажгли костер. Его прыгающий свет придавал лицам особое выражение.

Бутылки пошли по кругу, и мы пили вместе с командиром за полночь. Когда последние поленья обратились в пепел, мы поднялись, глубоко потрясенные происшедшим. Мы пожелали командиру спокойной ночи и отправились спать. Так завершился этот исторический день, который не забудет никто из нас».

На следующий день Эрих был вызван в палатку Храбака. Между ними установились дружеские отношения с того дня, как Эрих прибыл на фронт. Когда пришел случай Храбаку одержать несколько дополнительных побед, чтобы заслужить Дубовые листья, которые сейчас висели у него на горле, Эрих был горд тем, что летал ведомым командира эскадры. Сохранение такого прекрасного товарищества было выражением предельного доверия истребителей своему командиру. Теперь события описали полный круг. Расплывшийся в улыбке Храбак поднялся и потряс руку Эриха:

– Буби, поздравляю. Поздравляю! Фюрер наградил тебя Бриллиантами. Тебе приказано послезавтра прибыть в «Волчье логово» в Инстербург, чтобы получить награду из рук фюрера.

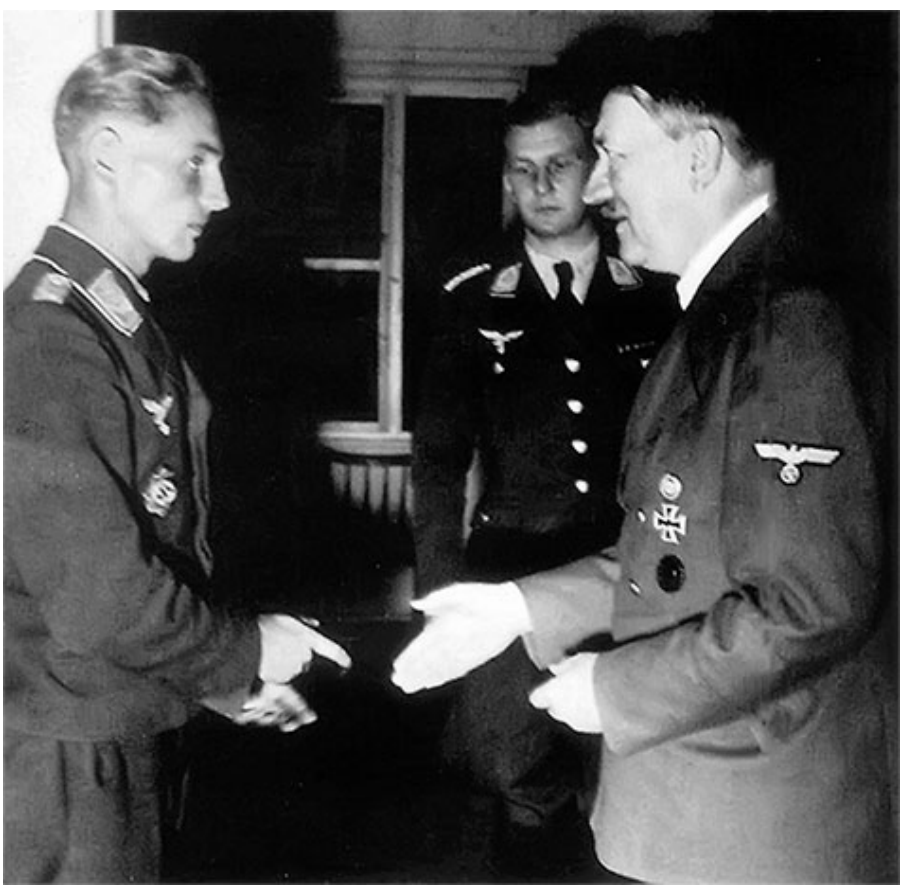
Эрих, как и все остальные, знал, что если он достигнет 300 побед, то будет награжден Бриллиантами. Мысленно он был готов к этой высокой награде, однако официальное извещение из ставки фюрера обрушилось на него подобно удару грома. Храбак все еще говорил:

– Только семь пилотов-истребителей (Мёльдерс, Галланд, Голлоб, Граф, Новотны, Марсель (посмертно) и Хартманн) награждены Бриллиантами за всю войну…

Слова Храбака смешались с водоворотом, бурлящим в мыслях Эриха. Однако одна мысль одолевала все остальные. Он снова увидит Уш, так как получит отпуск домой после визита в «Волчье логово.

– … до тебя, Эрих. Конечно, мы должны хорошо отпраздновать твои Бриллианты. Это огромная честь, и JG-52 гордится тобой.

Храбак еще раз пожал руку Эриху, и тот вышел из командирской палатки. Два года назад Эрих и подумать не мог, что превзойдет всех величайших воздушных героев Германии за такой короткий срок. Он вспомнил о бедном Пауле Россманне, который сейчас томился в лапах русских. Пауль был частью его успеха. А Биммель? Что Эрих делал бы без него? Но лишь один человек получает награду за работу многих. Таков путь военных.



Рукопожатие фюрера

Праздничная вечеринка проходила шумно, так как пилоты мобилизовали все запасы алкоголя покупкой, обменом и кражами. Еще одну веселую ночь летчики провели вокруг костров. Голова Эриха все еще гудела, когда он на следующий день забирался в кабину своего Ме-109 и пытался выяснить по картам, где же находится этот проклятый Инстербург, куда ему следует лететь. Когда его истребитель поднялся в воздух, обрадованные товарищи летели рядом, охраняя одинокий Ме-109, пока линия фронта не осталась далеко позади. Они покачали крыльями на прощанье и повернули обратно, воевать. А Эрих помчался на запад, к «Волчьему логову».

После провалившегося покушения 20 июня фюрер постарался как можно быстрее ликвидировать всех заговорщиков и тех, кто был даже косвенно с ними связан. Начатый Гитлером террор отразился в изменившейся атмосфере «Волчьего логова». Эрих отметил это, когда прибыл туда получать Бриллианты. Страх и подозрительность были видны повсюду. Служба безопасности просто свирепствовала. Помощники фюрера разделили ставку на три зоны. В третью, внутреннюю, зону было запрещено входить с оружием. Чтобы получить Бриллианты, Эрих должен был зайти именно в третью зону.

Большинство солдат, прибывших получить высшие награды из рук Гитлера, охотно подчинились требованиям службы безопасности и отдали свои пистолеты. Эрих почувствовал себя оскорбленным. Он решил, что будет просто унизительным подчиниться правилам, продиктованным болезненной подозрительностью. Постаравшись подавить волну гнева, поднимающуюся внутри, Эрих холодно сказал офицеру СС из службы безопасности:

– Пожалуйста, передайте фюреру, что я не желаю получать Бриллианты, если он не верит в честность фронтовых офицеров.

Офицер службы безопасности побелел.

– Вы хотите, чтобы я передал, что вы отказываетесь получать Бриллианты? Из-за приказа снять пистолет?

– Да. Передайте ему, что я сказал.

– Пожалуйста, подождите, Хартманн. Я поговорю с полковником фон Беловым.

– Хорошо.

Адъютант Гитлера от Люфтваффе полковник фон Белов уже встречался с Хартманном ранее. Он уже был вынужден приводить в себя Белокурого Рыцаря, когда тот в прошлом году прибыл в Зальцбург полупьяным. Он встречался с Эрихом перед вручением тому Мечей. Многострадальный фон Белов имел богатый опыт общения с молодыми пилотами-истребителями. И теперь для

этого белокурого отважного юнца старому офицеру пришлось изменять требования безопасности. Если Хартманн откажется получать Бриллианты, Гитлер придет в бешенство.

VORLÄUFIGES BESITZZEUGNIS

DER FÜHRER
UND OBERSTE BEFEHLSHABER
DER WEHRMACHT
HAT

DEM Oberleutnant Erich H a r t m a n n

DAS EICHENLAUB
MIT SCHWERTERN UND BRILLANTEN
ZUM RITTERKREUZ
DES EISERNEN KREUZES

AM 25. August 1944 VERLIEHEN.

Hauptquartier d.Ob.d.L., DEN 13. Oktober 1944
Der Chef der Personellen Rüstung und
Nationalsozialistischen Führung der Luftwaffe

Generaloberst

Диплом о награждении Бриллиантами

Высокий белокурый полковник фон Белов вышел в помещение службы безопасности с крайне утомленным видом:

– Хартманн, вы можете оставить себе пистолет, если настаиваете. Входите и получайте свои Бриллианты.

Эрих почувствовал, как остывает, когда входил в приемную

фюрера. Как обычно, он снял фуражку и портупею с кобурой и передал их сопровождающим. Вошел Гитлер и не заметил отсутствия оружия. Эрих отметил, что фюрер стал выглядеть гораздо хуже. Его правая рука безвольно висела.

Глаза Гитлера были тусклыми и полузакрытыми. Его лицо было изможденным и крайне усталым. Этот усталый старик, который держал в страхе и покорности весь мир, вручил Эриху Бриллианты. Белокурый Рыцарь отметил, что рука фюрера трясется.

– Я хотел бы, чтобы у нас было побольше таких, как вы и Рудель, – сказал Гитлер.

После чашки кофе и короткой беседы о семье Эриха фюрер сказал, что они должны перейти в соседнее здание для завтрака. Эрих пересек комнату и снова надел портупею с пистолетом. Фюрер не сказал ничего. Вместе они перешли в другое здание, где находилась столовая. Они сели, и Гитлер начал обсуждать ход войны. На сей раз он использовал совсем другие выражения, чем во время двух предыдущих встреч с Эрихом.

– С военной точки зрения война проиграна, Хартманн. Вы должны знать это. Однако существуют такие крупные политические разногласия между союзниками – англичанами и американцами, с одной стороны, и русскими – с другой, что мы должны держаться и ждать. Скоро русские будут сражаться с англичанами и американцами так же, как сейчас они дерутся с нами. Это единственная альтернатива для нас. Иначе нас захлестнут большевистские орды, и вы знаете, что это будет значить для фатерланда.

Фюрер слышал много историй о действиях партизан на Восточном фронте.

– Партизаны, Хартманн, партизаны. Мои генералы говорят, что они повсюду и причиняют огромный вред. Что вы думаете об этом?

– Когда я служил на Восточном фронте, я дважды садился в лесистой местности, отмеченной на наших картах, как партизанская зона. Но оба раза я выбрался, никого не встретив.

– Я вижу. Может, мои генералы неверно информируют меня?

– Возможно, мой фюрер. Я не знаю. Партизаны не беспокоят нас постоянно. Я знаю только, что однажды в Румынии склады Люфтваффе были разбомблены американцами, но выдали это за диверсию партизан.

– Как вы узнали об этом, Хартманн?

– Все в нашей группе знали об этом.

– Все знали? Хм-м. Теперь я более, чем раньше, уверен, что мои генералы НЕ дают мне точной информации.

Гитлер резко перевел тему беседы на воздушную войну над Германией.

– Вы летали только на Восточном фронте, Хартманн. Но что вы думаете о бомбардировках Германии англо-американцами?

– Из того, что я увидел и услышал, следует, что мы неправильно подходим к этой проблеме. По крайней мере, по моему мнению.

– Почему?

– Рейхсмаршал Геринг приказал нам взлетать каждый раз при появлении бомбардировщиков – днем, ночью при хорошей видимости и плохой, в хорошую погоду и плохую.

– И это неверно, Хартманн?

– По-моему, да, мой фюрер. Мы совершенно напрасно теряем много пилотов, вынуждая их взлетать и садиться в такую погоду, что аварии просто неизбежны. Чтобы превратить пилота в эффективный инструмент, требуется очень много времени – по крайней мере год. Поэтому я считаю, что нам следует ограничиться попытками перехватывать американцев только днем, в хорошую погоду. Мне кажется, что мы сможем помешать бомбардировкам. (Хартманн не знал, что практически это же самое высказал Герингу командующий истребительной авиацией генерал Галланд. Он утверждал, что следует проводить массированные атаки истребителей в хорошую погоду. Эта тактика принесла огромные успехи, когда Галланд получил разрешение применить ее.)

Фюрер поспешно прикончил свой завтрак.

– Скажите мне, Хартманн, вы считаете подготовку наших пилотов-истребителей недостаточной?

– Я думаю, что она недостаточна. Я в России получил в свою эскадрилью множество молодых пилотов, имеющих налет менее 60 часов, причем на Ме-109 они летали менее 20 часов. Им приходилось совершать боевые вылеты, имея только основную подготовку. Это приводит к тяжелым потерям истребителей на Восточном фронте.

Гитлер слушал с отсутствующим выражением. Тогда Хартманн перешел к собственной истории:

– Эти юноши приходят к нам, и их практически немедленно сбивают. Они приходят и уходят, подобно волнам прибоя. Это преступление, мой фюрер, я думаю, здесь виновата наша пропаганда.

На сей раз Гитлер выпрямился и проявил какие-то признаки жизни.

– Как? – спросил он.

– Они знают, что не готовы к боевым вылетам. Они едва

могут благополучно поднять Ме-109 в воздух и посадить его обратно, даже без боя. Однако они попадают на фронт фанатически настроенные. Они требуют привлекать их к операциям, хотя это самоубийство.

Гитлер выглядел невероятно усталым, он обмяк в своем кресле.

– Хартманн, все, что вы говорите, может быть правдой. Но сейчас это слишком поздно. Я уже сказал, что с военной точки зрения война проиграна. Со всех сторон ко мне каждый день приходят люди и предлагают новые ракеты, танки, орудия, подводные лодки, новые операции, наступления, отступления, всякие безумные изобретения. Я единственный, кто должен решать. Но больше у нас нет времени…

Фюрер резко замолчал, и Эрих понял, что беседа подошла к концу. Рукопожатие Гитлера было слабым. Когда 25 августа Эрих покидал «Волчье логово», он знал, что больше не увидит Гитлера.

Он прилетел обратно в Россию, и его товарищи столпились вокруг него, чтобы рассмотреть прекрасную награду и еще раз поздравить его. Отважное веселье этих боевых пилотов не могло отвлечь Эриха от мысли, что фатерланд гибнет и что окончательное поражение неотвратимо.

На следующий день пришло разрешение на 10-дневный отпуск. Он полетел назад в Берлин для встречи с генералом Галландом, а оттуда отправился в Штутгарт в отпуск. В огромном брюхе Ju-52 Эрих просто потерялся. Огромные моторы грохотали, неся его к дому. До встречи с Уш оставалось всего несколько часов. Он имел 301 победу. Уш должна была стать триста второй победой. Они поженятся, и пропади пропадом эта война!

Глава 11 Триста вторая победа

Предвидение будущего – это вызов жизни.

Капитан Эдди Рикенбакер

Встреча Эриха с командующим истребительной авиацией генералом Адольфом Галландом была краткой. Галланд хотел перевести Эриха в Испытательную команду, летавшую на Ме-262. Это подразделение сочетало летные испытания двухмоторного реактивного истребителя с ограниченными боевыми операциями. Пилотажное искусство Эриха и его боевые достижения несомненно делали его отличной кандидатурой для решения задач Галланда. Однако Белокурый Рыцарь отказался от перевода.

Эрих объяснил Галланду, что глубоко привязан к своим товарищам по JG-52 и убежден, что лучше всего послужит своей стране, сражаясь на Восточном фронте. Завершил свою речь Хартманн прямым отказом от перевода. Галланд был прирожденным командиром и легко угадывал потаенные мотивы тех или иных поступков подчиненных. Просьба Эриха показалась ему справедливой. Галланд считал войсковое товарищество важнейшей составляющей боевого духа истребительной авиации, и он уважил просьбу Хартманна. Генерал отменил перевод Эриха на реактивные истребители, а также отменил приказ, отстранявший Белокурого Рыцаря от полетов после получения им Бриллиантов. После этого Галланд отдал приказ временно причислить Эриха к Центру отдыха пилотов истребительной авиации (Jagdfliegerheim) в Бад Висзее для восстановления перед возвращением на Восточный фронт. Эрих покинул штаб Галланда с чувством глубокого облегчения, уверенный, что останется в JG-52. И еще: больше, чем когда-либо, он хотел встретиться с Уш.

Эрих отправился на поезде из Берлина в Штутгарт. Все ранние планы относительно женитьбы он отбросил в сторону. Год назад они были официально помолвлены. Тогда он и Уш решили, что поженятся только после того, как Эрих получит звание капитана. В прошлом месяце они решили пожениться на Рождество. Но теперь все изменило военное положение и получение Эрихом Бриллиантов к своему Рыцарскому кресту.

Уш ждала Эриха на перроне в Штутгарте. Он, улыбаясь, обнял ее и поцеловал.

– Уш, дорогая, мы поженимся сейчас, во время этого отпуска.

Мы не можем больше ждать.

Будущая фрау Хартманн удивленно посмотрела на него:

– Но, Эрих, мы ведь решили подождать до Рождества…

– Я знаю. Но многое переменилось. В моей группе служит много женатых летчиков. Они будут первыми получать отпуска на Рождество. Возможно, я просто не смогу попасть домой.

– Но, Эрих, у меня даже нет свадебного платья.

Уш казалась немного несчастной.

– Ты можешь купить его, Уш. Прямо сегодня, если хочешь. Но мы должны пожениться, пока я в отпуске и у нас есть такая возможность. Награждение Бриллиантами все изменило.

Пока они шли к автомобилю, Эрих объяснил, что они могут пожениться в Бад Висзее в Центре отдыха. Ему приказали отправиться туда, а это значит, что они могут пожениться в Вейле или Штутгарте. Эрих заметил, что лицо Уш помрачнело еще больше. Путешествие по Германии становилось все более трудным и опасным. Чувствуя ее огорчение, Эрих наклонился к ней и поцеловал.

– Ты будешь моей триста второй победой, – прошептал Эрих.

Лицо Уш помрачнело:

– И это ты всем говоришь, Эрих Хартманн? Что Уш только очередная твоя победа?

– Нет, не только очередная победа. Единственная…

Эрих снова поцеловал Уш. Теперь он знал, что она поедет с ним в Бад Висзее и они там поженятся.

Последовали два суматошных дня. Эриху устроили торжественный прием во Дворце спорта в Вейле, а потом он отправился в Центр отдыха пилотов в Бад Висзее. Он оставил Уш, лихорадочно готовящуюся к самому торжественному дню в ее жизни. Свадьба должна была состояться в следующую субботу. В пятницу Уш должна была приехать в полдень поездом через Мюнхен. Это дало бы им время завершить последние приготовления вместе. Однако планы – одно дело, а реальность – совершенно другое.

Для Эриха все шло гладко. Центр отдыха пилотов был уютным зданием с большим банкетным залом – превосходное место для праздника. В нем отдыхало достаточно много пилотов-истребителей, чтобы создать товарищескую атмосферу. Каждый уик-энд проводились танцы. Лихие молодые летчики собирали туда всех окрестных дам. Подстриженные клумбы и соседнее озеро с яхтами дополняли идиллическую картину, которая помогала забыть о войне. Бад Висзее был самым подходящим местом для медового месяца.

Устроившись в Центре отдыха пилотов, Эрих начал

подготовку. Он отправился в местную ратушу и выправил брачное свидетельство и все необходимые документы. Были сделаны все приготовления к вечеринке – закуска, шампанское, общее угощение, оркестр для танцев. Эрих по уши погрузился в подготовку свадьбы, что повлекло немалые расходы. Серьезно обеспокоенный, он позвонил отцу:

– Все готово, папа. Все приготовления закончены. Уш должна приехать.

Голос доктора Хартманна был, как всегда, спокоен.

– Конечно, она приедет, – заверил он.

– Папа, я хочу, чтобы ты убедился, что она сядет на поезд в Штутгарте в пятницу. Можешь ты позвонить уполномоченному Люфтваффе и все объяснить? Может, он поможет ей добраться до вокзала?

– Конечно, я так и сделаю, мой мальчик. Не беспокойся об этом. Лучше позаботься встретить ее.

Когда Эрих звонил по телефону, он отметил твердую и спокойную, как всегда, помощь отца.

Уш была полна решимости приехать в Бад Висзее, так как Эрих настаивал на этом путешествии. Возможно, нерешительная женщина и не справилась бы с теми трудностями, которые встретила Уш во время путешествия. Вокзал Штутгарта был разрушен бомбами. Просмотрев расписание, Уш обнаружила, что должна выехать рано утром на поезде из Корнвестхайма на севере Штутгарта, чтобы в полдень прибыть в Бад Висзее. Люфтваффе любезно прислали за ней мотоцикл с коляской к 9.00, но в это время темноволосая невеста уже направлялась в Мюнхен, чтобы добраться до Гмюнда, ближайшей к Бад Висзее железнодорожной станции.

Когда поезд прибыл в Мюнхен, завыли сирены воздушной тревоги. Уш пришлось бежать в ближайшее бомбоубежище, как только она сошла с поезда. Три часа, проведенные в бункере, полностью сломали ее график. Для новобрачной накануне свадьбы эта нервотрепка была особенно мучительна. Тем временем в Центре отдыха пилотов жених с Бриллиантами на шее мучился другими проблемами.

«Ночь Эльфов» – старинный германский праздник, подобные предсвадебные обряды существует во всех западных странах. Друзья жениха стараются напоить его до потери сознания, чтобы отметить последнюю холостую ночь. Затем все бьют старые горшки и чашки, чтобы на следующий день жених и невеста, превратившиеся в мужа и жену, выполнили первую домашнюю работу – прибрали столовую. «Ночь Эльфов» началась для Эриха довольно рано.

Незадолго до полуночи Эрих поехал на вокзал Гмюнда вместе с доктором Альфредом Россбахом, врачом из Центра отдыха пилотов. Доктор пользовался неслыханной по военным временам роскошью – он имел маленький автомобиль. Расплывшийся в улыбке, сжигаемый нетерпением, Эрих промчался вдоль всего поезда, разыскивая Уш. Прибывшие пассажиры вскоре покинули вагоны, но среди них Уш не было. Когда поезд просвистел отправление, Эрих еще раз быстро проверил вагоны, купе за купе. Уш не было.

– Может быть, Уш не успела на пересадку? – предположил он.

Доктор Россбах спокойно согласился:

– Она приедет следующим поездом. Давай посмотрим, когда он прибывает.

Следующий поезд приходил через два часа. Эрих расстроился. Он расстроился еще больше, когда попытался позвонить в Штутгарт. Бомбардировки нарушили телефонную связь, и он не смог дозвониться. Доктор Россбах попытался успокоить его, прописав новое лекарство.

– Давай вернемся в Центр отдыха пилотов и выпьем, – сказал он.

Эрих кивнул в знак согласия, и они отправились по проселку обратно в Бад Висзее. Когда они добрались до дома, для Эриха началась «Ночь Эльфов». Доктор Россбах так вспоминает это:

«Ночь Эльфов» началась рано вечером в моей комнате. Очень быстро мы все нагрузились. Потом мы ненадолго прервали выпивку, чтобы доехать до вокзала Гмюнда и встретить Уш на следующем поезде. Уш снова не приехала. Проблема была решена с помощью большого количества шампанского и коньяка. После их приема все казалось не таким серьезным, как до курса лечения.

Прибыли еще два поезда, которые мы внимательно осмотрели, однако невесты не было. Настроение «Ночи Эльфов» стало еще более критическим. Вальтер Крупински сказал: «Она лучше подумала об этом, Буби, и вернулась». На какой-то момент Эрих, казалось, поверил ему».

После полуночи прибыл последний поезд. Эрих почти оставил надежды, однако на сей раз невеста приехала. Уш была измучена, но счастлива. Они отправились назад в Бад Висзее. Несколько летчиков сквозь алкогольные пары с удивлением смотрели на Уш, которая быстро скрылась в соседней гостинице. Она была рада упасть в кровать и оставить своего сияющего жениха на милость эльфов.

На следующее утро Эрих чувствовал себя не слишком хорошо, однако он мужественно преодолел все испытания и

надел лучший мундир на церемонию свадьбы. Собрались свидетели и друзья, и кортеж двинулся в ратушу. Присутствовали товарищи Эриха по JG-52 Герд Бакгорн, Вилли Батц и Вальтер Крупински. Батц так вспоминал этот день:

«Герд Бакгорн и я были свидетелями на свадьбе. Мы все построились. Жених и невеста шли впереди, Бакгорн слева, а я справа. Мы вступили в церковь. Когда мы выходили из церкви, то с изумлением увидели на паперти строй офицеров Люфтваффе в парадной форме с обнаженными саблями. Они образовали арку, через которую прошли жених с невестой и я с Бакгорном. Сегодня я могу сказать, что это была памятная и удачная свадьба».

Простая гражданская церемония увенчала большую любовь. По германскому обычаю Эрих и Уш должны были немедленно отбыть в церковь и повторить венчание там, но в Бад Висзее не было протестантской церкви. Церковную церемонию пришлось немного отложить. Правда, это «немного» изрядно затянулось. Эрих провел 11 лет в русских лагерях, прежде чем обвенчался в церкви.

Через пару часов свадебная процессия направилась в Центр отдыха пилотов. На деньги доктора Хартманна было выпито море шампанского, что пилотам понравилось больше всего. Маленький оркестр играл танцевальные мелодии, но бурный день и «Ночь Эльфов» сказались на Эрихе. Белокурый Рыцарь и его новобрачная пожелали гостям доброй ночи и уединились в роскошных апартаментах, которые были отведены им в соседней гостинице. Пока они спали, веселящиеся пилоты до самого утра праздновали триста вторую победу Эриха.

Медовый месяц в идиллической деревне возле Бад Висзее сделал войну невообразимо далекой, пока наступление в Арденнах не вселило в немцев новую надежду. Газеты пестрели победными заголовками, войска союзников откатывались под напором германской армии. Радио Берлина рассуждало о возможности второго Дюнкерка, намереваясь на сей раз сбросить в море американцев вместе с англичанами.

Однако даже волшебство медового месяца было разбито хорошими новостями. Обмазанные патокой плохие новости были обычной пищей в Германии. Как боевой летчик Эрих знал, в каком сложном положении оказался фатерланд, однако и он с радостью воспринял новость о наступлении в Арденнах. Он желал слышать подобные новости. Такие успехи могут изменить жизнь человека.

Эти мысли неслись в голове Эриха, когда он вошел в комнату доктора Россбаха, чтобы услышать по радио последние известия.

Доктор Россбах был встревожен:

– Эрих, в такое время было бы умнее подождать обзаводиться семьей…

– Нет, я не буду ждать, доктор. Ни дня. У меня будет семья.

Эрих все еще был импульсивным мальчишкой и не владел собой. Через 8 дней после свадьбы, когда они покинули Бад Висзее, чтобы вернуться в Вейль, Уш была беременна, а наступление в Арденнах пополнило список немецких неудач. Счастливая встреча с семьей дома была омрачена неминуемым возвращением Эриха на русский фронт. Со временем он становился все более нервным.

– Эрих, в чем дело? Что тебя беспокоит?

Уш знала Эриха лучше, чем он сам себя знал.

– Моя группа на фронте, Уш. Я продолжаю думать о них все время. Я чувствую, что не имею права оставаться здесь, когда они сражаются. Я должен вернуться.

Лицо Уш помрачнело:

– Но, Эрих, у тебя еще остались две недели отпуска!

– Я знаю. Но я должен вернуться. Разве ты не понимаешь?

Слезы навернулись у нее на глаза, но Уш кивнула и с трудом улыбнулась:

– Делай, что считаешь нужным, Эрих. Я помогу тебе собраться.

Через несколько часов Эрих уже забирался в кабину «Шторха» в аэропорту Боблингена. Он отвел маленький самолет на край поля, где много раз взлетал на планере и двухместном «Клемме» свой матери. Развернул «Шторх» против ветра и поднял в воздух одним движением ручки. Внизу промелькнуло любимое лицо Уш, он помахал крыльями, и потом она пропала. Эрих взял курс на Краков, где его ждал Ме-109, чтобы умчать на фронт. В душе он проклял войну.

На Рождество 1944 года новобрачные не увиделись. Как и опасался Эрих, он не смог отлучиться с фронта. Но так как женатики, имевшие детей, вернулись в часть после Рождества, он получил краткосрочный отпуск на Новый год. Эрих был безумно счастлив, но, когда он прибыл в Штутгарт, завыли сирены воздушной тревоги, и ему вместе с Уш пришлось мчаться в укрытие в Вегенбург-тоннеле. Они успели лишь обняться второпях.

Эрих впервые ощутил, что тиски войны на два фронта сжимают Германию. Бомбы грохотали на улицах Штутгарта. Уш выглядела хорошо, но было ясно, что она испытывает серьезное напряжение. Она была на третьем месяце беременности и жила в доме Хартманнов в Вейле под отеческим присмотром доктора Хартманна. Однако это не могло полностью устранить причин

для тревоги. Сон стал для всей семьи недостижимой вещью. Каждую ночь им приходилось прятаться в погреб. Рев самолетов, грохот бомб, тявканье зениток не давали спать. Сам Вейль не бомбили, но Боблинген и Штутгарт подвергались налетам почти каждый день. Вейль-им-Шёнбух находился в 20 милях от Штутгарта, но бомбардировщики не трогали крохотный городок.

Эти печальные события омрачили радость их встречи. Они покинули убежище в тоннеле и отправились домой в Вейль. Эрих был глубоко взволнован и молчал. Уш прервала его грустные размышления:

– Как долго ты пробудешь здесь, Эрих?

Его лицо просветлело:

– Десять дней. Целых десять дней. Это будет чудесно.

Менее чудесной была телеграмма, пришедшая через четыре дня. Эриху было приказано пройти специальный курс слепых полетов в Кёнигсберг Ноймарке. Прощаться в такое время было особенно трудно, всего лишь после четырех дней свидания. Эрих утешал себя перспективой нового отпуска после учебы, но наступление русских в Венгрии разбило все мечты.

Через день после того, как он прибыл в Кёнигсберг Ноймарк, пришел приказ срочно возвращаться в JG-52. Его группа оказалась в гуще боев над Венгрией. Полеты вслепую совсем не требовались, чтобы сбивать орды русских самолетов, поддерживавших наступление. В наступивших днях сумасшедших боев Белокурый Рыцарь довел свой счет до 336 побед, намного опередив Герда Бакгорна, своего ближайшего преследователя. В марте JG-52 вела тяжелые бои, когда Эрих получил новую срочную телеграмму:

– Прекратить полеты и немедленно прибыть в Лехфельд для переучивания на реактивный Ме-262.

Свадьба!

Когда Эрих летел обратно в Лехфельд, он был убежден, что война безнадежно проиграна. Он видел поток людей и техники Красной Армии, который грозил захлестнуть Германию. В нем поселился настоящий страх, когда он думал о русских ордах, которые заполонят Германию. Доставить Уш в безопасное место, по крайней мере куда-то, где будет безопаснее, чем в Штутгарте, – вот что было его самым горячим желанием. Скоро должен был родиться ребенок.

Он рассказал о своих опасениях адъютанту капитану Вилю Ван де Кампу, чья семья жила в сельском имении в Шонгау, южнее Лехфельда. Ван де Камп немедленно предложил, чтобы Уш переехала к ним сразу после рождения ребенка. Эрих с

благодарностью принял предложения адъютанта.

Доложившись в Лехфельде, Эрих взял «Шторх» и полетел в Боблинген. С помощью отца он сумел нанять старый грузовик, который сам повел к дому Уш в Роттенбухе. Закатав рукава, лучший ас всех времен таскал мебель и вещи в грузовик. Он привез Уш и все их немудрящие пожитки в дом Ван де Кампа в Шонгау. Это был очаровательный сельский замок. Наступающие войска вряд ли окажутся здесь, так как он находится в стороне от дорог.

Сельская местность и ощущение безопасности, которое внушал старый замок, помогли Уш спокойно дождаться рождения ребенка. Эриха сжигало беспокойство с того самого дня, как семья Ван де Кампа приютила Уш в своем доме. Беспокойство о ее безопасности заставляло его больше нервничать, чем наступление Красной Армии.

Когда они сказали «прощай» немецкой деревне, Эрих был гораздо счастливей, чем когда он покидал фронт. Жизнь в Шонгау напоминала неожиданно вернувшиеся счастливые довоенные годы. Цветущая зелень окружала их. На несколько мгновений они почувствовали себя беззаботными влюбленными детьми, исключая то, что сейчас их сердца были полны мыслями о ребенке. Эрих нежно поцеловал Уш.

– Будь смелой, Уш. И не беспокойся обо мне, – сказал он.

Больше его губы не касались жены десять с половиной лет. Когда его сияющая любимая исчезла вдали, Эрих снова вернулся мыслями к дожидающемуся его в Лехфельде реактивному истребителю Ме-262, на котором ему в ближайшие несколько недель предстояло научиться летать.

Аэродром в Лехфельде был не тем местом, где можно было спокойно себя чувствовать, хотя здесь находились самые быстрые в мире истребители. Базу бомбили каждое утро, и полеты не начинались, пока аэродромный персонал не расчищал взлетные полосы. Обычно это происходило к 10.30. Полеты можно было проводить только полтора часа, потому что ежедневно в 12.30 прибывала большая группа американских «Лайтнингов». Проносясь на высоте верхушек деревьев, они поливали базу огнем своих пулеметов.

Иногда за ними следовали истребители-бомбардировщики «Москито», которые вываливали 10–15 тонн взрывчатки. По ночам новые группы «Москито» наполняли воздух приглушенным, но ужасным грохотом своих моторов «Мерлин». «Птички» КВВС обстреливали любой огонек, который замечали на земле возле базы в Лехфельде.

За выполнение программы переучивания на реактивные

истребители во всем этом хаосе отвечал один из величайших воздушных героев Германии подполковник Гейнц Бэр по прозвищу Прицль. Прицль был не так известен немецкой публике, как Эрих Хартманн, Герман Граф или Адольф Галланд. Однако, по оценке других летчиков, он не уступал никому. Темноволосый мужчина среднего роста с ястребиным лицом, Гейнц Бэр был героем среди героев. Он носил на шее Мечи, хотя давно заслужил Бриллианты. В это время он имел 204 победы. Бэр сражался на всех фронтах, где германские истребители встречались с врагом. На Ме-262 он сбил еще 16 английских и американских самолетов (подполковник Бэр был лучшим реактивным асом Второй мировой войны со своими 16 победами. Он был последним командиром эскадрильи специалистов JV-44, сформированной Адольфом Галландом) и таким образом к концу войны имел 220 подтвержденных побед. Из них 120 самолетов принадлежали западным союзникам. Только бессмертный Марсель сбил больше англо-американских самолетов. Теперь задачей Бэра было переучить лучших пилотов Люфтваффе, чтобы использовать Ме-262 в бою в качестве истребителя.

Целое созвездие талантливых пилотов было собрано в JV-44. Эту эскадрилью реактивных истребителей, сформированную Адольфом Галландом, называли эскадрильей экспертов. Почти все пилоты, собранные в ней, имели Рыцарский крест. Шли разговоры о том, чтобы сделать его эмблемой эскадрильи. Галланд вел жестокую и утомительную битву за то, чтобы использовать Ме-262 в качестве истребителя. Ведь совершенно неразумный приказ Гитлера предписывал использовать этот самолет как бомбардировщик. У молодого генерала-истребителя в этой битве имелось множество врагов, включая Геринга и Гиммлера. Бюрократия Генерального штаба Люфтваффе тормозила любой шаг вперед.

В течение нескольких лет все стратегические и тактические идеи Галланда, отмеченные печатью гения, блокировались, расстраивались и сводились к нулю. После серии все более резких стычек он был отстранен от командования истребительной авиацией. Гитлер и Геринг дали ему разрешение сформировать эскадрилью реактивных истребителей и испытать свои идеи на практике. Они надеялись, что Галланд просто свернет себе шею.

Белокурый Рыцарь ничего не подозревал об этих политических интригах и отчаянной борьбе Галланда. Он был слишком занят боями на Восточном фронте, и драма Ме-262 осталась вне поля его зрения. Поэтому полеты на этом самолете были для Эриха просто развлечением. Неунывающий весельчак Притцль Бэр сохранял способность смеяться даже в

трудных условиях Лехфельда. В конце марта на базу прибыл Галланд и сразу вызвал Хартманна к себе.

Во время своей четвертой встречи с Адольфом Галландом Эрих нашел, что тот внешне мало переменился. Все те же пронзительные глаза, темные волосы, тонкие усики. Бывший командующий истребительными силами сохранил таинственную притягательность прирожденного лидера. Он приветствовал Эриха характерной шуточкой:

– Привет, Эрих. Я теперь командир эскадрильи, – заявил Галланд.

– Я слышал об этом, герр генерал, – ответил Эрих.

– Я подбираю пилотов, чтобы начать использовать Ме-262 в бою в качестве истребителя. Полковник Лютцов, полковник Штайнхоф, майор Крупински, майор Хогаген…

Галланд лучился энтузиазмом.

– Я хочу, чтобы ты вступил в мою эскадрилью, Эрих.

Бэр говорил Эриху, когда тот пробовал Ме-262, что Галланд, возможно, пригласит его летать в составе JV-44. Эта перспектива глубоко возмутила Эриха:

– Что я буду делать в такой эскадрилье, где собраны настоящие асы, прослужившие больше меня и имеющие более высокие звания, герр генерал?

– Как что? Летать вместе с нами, разумеется. Ты лучший в мире пилот-истребитель.

– Но, герр генерал, я не желаю снова летать чьим-то ведомым. А если я вступлю в эту эскадрилью, получится именно так.

Галланд вряд ли обратил внимание на отсутствие энтузиазма в голосе Эриха. В этот момент затрещал телефон, и молодой генерал просто махнул Эриху рукой. Встреча завершилась.

По дороге домой Эрих размышлял над идеей эскадрильи специалистов. Штайнхоф, Лютцов, Бэр… все они были старше и опытнее, чем он. Они были полковниками, подполковниками, майорами, многие из них командовали истребительными эскадрами. Он был молодым капитаном, и ему предстояло еще очень долго оставаться в этом чине. Он имел больше побед, чем другие. Это так. Но для спецов Галланда из JV-44 Эрих все равно оставался мальчишкой двадцати двух лет. И он знал это.

Эрих отбросил ногой обломок кирпича и проклял свое невезение. Он предпочел бы вернуться в свою эскадрилью I/JG-52 на Восточный фронт, где был на своем месте. Там он был командиром группы и до некоторой степени мог распоряжаться своей судьбой. Эрих сильно сомневался, что в эскадрилье специалистов дело будет обстоять так же.

На следующий день в Лехфельд пришла срочная телеграмма от Германа Графа, командира JG-52, которая сейчас действовала в Чехословакии. Граф требовал, чтобы Эрих немедленно вернулся в свою эскадрилью. Подразделение вело тяжелые бои, и телеграмма Графа сама собой разрешила все сомнения Эриха.

Через два дня полковник Гордон Голлоб нанес случайный визит в Лехфельд. Он был преемником Галланда на посту командующего истребительной авиацией и сам являлся заслуженным асом со 150 победами. Как и Эрих, Голлоб получил Бриллианты и был одним из 9 пилотов-истребителей Люфтваффе, которые имели эту награду. Голлоб очень интересовался новым вооружением и хотел посмотреть, как идет в Лехфельде программа обучения на Ме-262. Эрих знал, что у Голлоба хватит власти, чтобы отправить его обратно в JG-52. Хартманн сумел встретиться с новым командующим истребительной авиацией.

– Я хочу просить вас отправить меня обратно в мою эскадрилью в JG-52 на Восточный фронт.

– Почему? Чем вам не нравится Ме-262?

– Ме-262 прекрасный самолет. Но я должен быть вместе со своими товарищами по эскадрилье, с которыми я служил с первого своего дня на фронте. Я думаю, что принесу больше пользы там, чем здесь даже на Ме-262.

– Почему?

– Потому что на Ме-262 мы летаем очень редко из-за постоянных бомбежек и обстрелов с воздуха. Я чувствую, что ничем не могу помочь своей стране. И командир группы Граф тоже требует моего возвращения.

Голлоб кивнул. Он обладал интуицией хорошего командира. Казалось, он читает мысли Эриха.

– Хорошо, Хартманн. Вы можете вернуться в эскадрилью. Я прослежу, чтобы были отданы нужные приказы.

Через несколько часов Эрих снова сидел в кабине Ме-109 и летел обратно на Восточный фронт. В последующие годы он еще не раз проклянет свое опрометчивое желание вернуться в JG-52. В течение долгих лет заключения в лагерях Эрих не раз жалел, что не остался с Галландом в JV-44. Однако весной 1945 года эти мысли еще не мелькали у него в голове. Он был рад, что удрал из Лехфельда. Его ждала серия новых боев, в том числе с американскими пилотами на «Мустангах».

Глава 12 «Мустанги»

«Мустанги» ставили рекорды с того дня, как появились на чертежных досках.

Уильям Грин, «Знаменитые истребители Второй мировой войны»

Вернувшись назад в свою группу в Дойче Брод в Чехословакии, Эрих мысленно постоянно возвращался к своим предыдущим боям с американскими истребителями в Румынии. Р-51 был быстроходной и прочной машиной, почти такой же, как советский Як-9, или даже лучше его. На Восточном фронте использовались старые модели Ме-109. Именно их JG-52 была вынуждена в прошлом году бросить против «Мустангов» в Румынии, но эти самолеты уступали американским. Эти старые Ме-109 без впрыска метанола для повышения мощности мотора на больших высотах не могли в трудной ситуации уйти от «Мустангов», что ставило немецкие самолеты в крайне невыгодное положение.

Нескольких хороших летчиков и много самолетов потеряла JG-52, пытаясь защитить Плоешти и Бухарест. Теперь неисчислимые орды американских «Мустангов» вторглись в Чехословакию. Эрих чувствовал, что скоро ему снова придется сразиться с ними. Чем ближе он подлетал к линии фронта, тем ярче вставали в памяти первые яростные схватки с американскими истребителями.

Приказ, который привел к первому столкновению с американцами, пришел после катастрофы в Севастополе и последовавшего беспорядочного бегства из Крыма. Американская авиация выбрала именно этот момент для нанесения мощного удара Люфтваффе, начав атаки нефтяных месторождений Плоешти недалеко от Бухареста. I/JG-52 получила срочный приказ прекратить бои на Восточном фронте и перебазироваться для защиты румынских нефтяных полей. Эскадрилье Эриха было приказано действовать с грунтового аэродрома в Цилистеа, находившемся в нескольких минутах лета от Плоешти. Это произошло 23 июня 1944 года.

Эрих вместе со своей эскадрильей прилетел в Румынию,

нашел аэродром Цилистеа и повел пилотов на посадку. Наземный персонал, отправленный ранее для подготовки базы, уже ждал их. Едва техники успели заправить самолеты, как пришел приказ взлетать.

Эрих бросился обратно в кабину. Теплый мотор мгновенно запустился. Биммель не попал в первую партию, отправленную в Цилистеа, поэтому незнакомый техник махнул, показывая, что все в порядке. Звено Эриха вырулило на взлетную полосу. Ведомым Эриха был обер-фельдфебель Карл Юнгер. Вторую пару составляли лейтенант Пульс и фельдфебель Вестер. Они взлетели идеально, в воздухе к ним пристроилось второе звено. Задача эскадрильи – прикрыть остальные истребители JG-52, которые попытаются прорваться к «толстым псам» – бомбардировщикам.

Американцы проводили свои налеты на Румынию так, словно изо всех сил пытались облегчить работу германских истребителей. Американцы прилетали каждый день в одно и то же время. С 11.00 до 13.00 американские тяжелые бомбардировщики появлялись с регулярностью экспрессов на знаменитых американских железных дорогах. Командир JG-52 полковник Дитер Храбак был восхищен пунктуальностью американцев, хотя сначала отнесся к этому скептически. Он сказал Эриху: «Нам нет необходимости держать постоянные патрули. Мы можем сосредоточить максимальные силы с минимальной затратой энергии, зная их метод планирования операций».

Слова Храбака звучали в голове Хартманна, пока его эскадрилья мчалась к Плоешти. Германские зенитки грохотали, усеивая небо клубками черного дыма. Огневая завеса была плотной. Сквозь эту завесу плыли многочисленные B-17 группами по 10–15 самолетов, развернувшись по горизонтали и по вертикали. Тянущиеся к земле дымные следы показывали, что зенитки пару самолетов сбили. В 4 милях дальше с запада подходила к Плоешти вторая большая группа B-17.

Эрих находился на одной высоте с «крепостями». Он проверил альтиметр. 21 000 футов. Вражеских истребителей прикрытия не видно. Это означает, что он может спокойно заняться бомбардировщиками. Эрих взял ручку на себя, и Карая-1 с ревом пошел вверх, поднимаясь на юг к солнцу. Эрих знал, что солнце его друг, особенно когда оно находится за спиной.

Альтиметр показал 25 500 футов, когда он завершил подъем и занял идеальную исходную позицию для атаки бомбардировщиков. Короткий взгляд назад показал, что обе пары сохранили строй. Он толкнул ручку впереди и начал пикировать

на бомбардировщики.

Внезапно четыре «Мустанга» в сомкнутом строю промелькнули перед ним на 300 футов ниже. Это была слишком соблазнительная цель, чтобы удержаться.

– Атакуем истребители, – сказал он по радио.

Ме-109 обрушились на «Мустанги». Эрих тщательно рассчитал заход и быстро приближался к замыкающему американскому истребителю. Противник ничего не подозревал. Расстояние между самолетами стремительно таяло. 300 метров… 250 метров… 200 метров… – «Ближе, Эрих!» – 150 метров… 100 метров… Бело-синие опознавательные знаки, казалось, можно потрогать рукой. Его пушки грохотали две секунды.

Хартманн после 350-й победы

От американского истребителя полетели клочья и ударили по крыльям истребителя Эриха. Огонь и дым окутали американца,

когда Эрих отворачивал влево вверх. «Мессершмитт» легко отвечал на движения ручки. Новая порция обломков взорвавшегося «Мустанга» обрушилась на самолет Эриха. Быстрый взгляд назад. На месте вражеского истребителя остался только большой черно-красный шар. Дымящиеся куски крыльев и хвоста летели вниз.

Эрих снова вернулся к реальности. «Не трать время, разглядывая горящий самолет», – сказал он сам себе. Следующий «Мустанг» уже заполнил все лобовое стекло. На сей раз дистанция сократилась еще быстрее. На расстоянии 100 метров Эрих нажал гашетки. Снова он увидел, как «Мустанг» закачался, как пьяный. Взрыва не последовало. «Ничего, Эрих!» От вражеского самолета отлетел капот мотора, и внутри Эрих увидел пылающий ад. Оставляя хвост черного дыма, американский истребитель перевернулся и штопором пошел к земле. Р-51 был обречен.

Оглянувшись, Эрих увидел, как вторая его пара быстро подожгла два остальных «Мустанга». Посмотрев вниз, он увидел бесконечные ряды бомбардировщиков, но гораздо ближе описывали вираж еще два «Мустанга». Снова он находился в идеальной позиции для удара.

– Снова атакуем истребители! – приказал Эрих по радио.

Звено Белокурого Рыцаря помчалось за «Мустангами». Превосходная атака американского ведомого… сократить дистанцию… 200… 150… 100 метров. Нажать гашетку пушек, и крыло «Мустанга» исчезает в яркой вспышке. Когда подбитая машина закувыркалась вниз, Эрих увидел, как пилот выпрыгивает из кабины. «Не следить за сбитым, Эрих. Добить лидера».

Американский ведущий заметил Эриха, но было уже слишком поздно. Он свалил свой Р-51 в стандартный левый разворот. Эрих подумал было, что это очень неуклюжий маневр, но потом увидел, что американский истребитель все еще несет подвесные баки. Эрих повел свой самолет внутри левого виража «Мустанга», потом рванул истребитель вправо, как можно резче, и нажал гашетки. Р-51 повернул в другую сторону, как и ожидал Эрих, и налетел прямо на очередь. Эрих громко крикнул: «Дурак! Нужно было заложить круче влево!»

Искры попаданий пробежали по диску пропеллера «Мустанга» и уперлись в моторный отсек. Потом они прошлись по всему фюзеляжу до хвоста. Из «Мустанга» повалили огонь и дым. Через несколько секунд широкая белая струя гликоля резче подчеркнула яркие цвета.

Спикировав под противника, Эрих посмотрел вверх и увидел хвост огня длиной три метра, который тянулся за изрешеченным Р-51. Американский самолет дернулся вверх, потерял скорость и

пошел к земле. Эрих проследил за пылающей машиной, надеясь, что пилот остался жив.

– Прыгай! Прыгай! Ради бога, прыгай! – кричал Эрих, словно американский пилот мог слышать его. Фонарь «Мустанга» отлетел прочь от кувыркающегося истребителя, и пилот сумел выпрыгнуть из своего гроба. Эрих с облегчением увидел, как раскрылся парашют американца.

Эрих взглянул назад и увидел, что ведомый Карл Юнгер держится рядом с ним. Больше не было причин оставаться здесь, израсходовав боеприпасы. Выше появились инверсионные следы, подходили новые «Мустанги». Время убираться.

– Назад на базу в Роман, – приказал Эрих по радио.

Когда они, торжествуя, повернули назад, чтобы заправить и перевооружить самолеты, он спокойно сказал сам себе: «Сегодня тебе повезло, Эрих. В следующий раз ты можешь не оказаться таким счастливчиком». В Ромене Биммель уже ждал на стоянке, улыбаясь, как обычно. Выключив мотор, Эрих откинул фонарь и показал Биммелю четыре пальца левой руки.

Биммель расцвел, когда увидел сообщение о четырех победах.

– «Мустанги»? – прокричал Биммель, так как знал, что несколько минут Эрих будет почти глухим. Эрих кивнул, Биммель довольно присвистнул и начал готовить Карая-1 к новому вылету. Он залил бензобаки, проверил масло, проверил, полны ли ленты пушек и пулеметов. Потом техник протер лобовое стекло и фонарь и провел общий осмотр истребителя.

В последующие дни Эрих провел три вылета, которые были богаты боями, но бедны успехами. Американцы прилетали каждый день как по расписанию, поэтому найти бомбардировщики было проще простого. Однако атака этих сундуков была трудной задачей. Потери «Мустангов» в первой стычке насторожили американских пилотов. Теперь они были настороже, срывая все попытки Эриха атаковать бомбардировщики. Сложнейшие схватки с «Мустангами» не давали никаких результатов. Несколько самолетов в звене Эриха были повреждены, он видел попадания в противника, но подтвержденных побед не было. «Мустанги» хорошо выполняли свою задачу прикрытия бомбардировщиков. Одинокое звено истребителей Люфтваффе, выходя в атаку на целое авиакрыло бомбардировщиков, немедленно притягивало к себе не меньше эскадрильи «Мустангов» прикрытия.

Пятый вылет Эриха на перехват американцев начался, как и все остальные. Перехват должен был состояться на высоте 20 000 футов. Небо было чистым, и он повел свое звено на высоту 23 000 футов, чтобы прикрыть ударное звено, выделенное для

атаки бомбардировщиков. Следя, как четыре Ме-109 выходят в атаку, Эрих заметил свору «Мустангов», идущую на них сверху, с высоты 28 000 футов или больше. Он не заметил «Мустанги», так же как никто в его звене. Им повезло, что и американцы не заметили их, иначе немецкая группа высотного прикрытия была бы атакована и уничтожена.

«Мустанги» намеревались спикировать на Ме-109, находившиеся в 1000 футов ниже Эриха. Далеко внизу, возле бомбардировщиков, Эрих увидел пару Ме-109 из другой эскадрильи, набирающих высоту и идущих на бомбардировщики. Позади этой пары мчались четыре «Мустанга», тоже набиравших высоту. Они быстро настигали ничего не подозревающие «Мессершмитты». Эрих включил свой передатчик:

– Оглянитесь! «Мустанги»! Оглянитесь! «Мустанги»!

Идущая вверх пара истребителей не отреагировала. Они не слышали. Проклятье! Больше он для них ничего не сможет сделать. Его работа – прикрыть другое звено, которое тоже намерены атаковать «Мустанги». Толкнув ручку от себя, Эрих устремился следом за «Мустангами», атакуя их сзади сверху.

– Пикируй и прикрывай снизу, – приказал Эрих Юнгеру.

Ведущий «Мустанг» уже взял на прицел одинокий Ме-109 и открыл огонь по германскому истребителю. Еще три «Мустанга» пристроились за ним, чтобы поочередно выполнить заход. «Четверо на одного!» – Эрих разозлился. Он обрушился на американскую четверку с пикирования на максимальной скорости. Дым валил из подбитого Ме-109, когда головной американец прекратил стрельбу. От «Мессершмитта» летели обломки, которые потоком воздуха уносило вверх. Американские 12,7-мм пулеметы были смертоносными, хотя и не так, как 20-мм пушки «мессеров».

400… 300… 200… 100 метров… Дистанция сократилась в считаные секунды. «Мустанг» с его прямоугольным хвостом казался огромным, как амбар. Он заполнил все лобовое стекло Эриха, когда тот приблизился к замыкающему американскому самолету. Эрих нажал гашетки. Вспышка огня и ударная волна встряхнули Карая-1, когда Р-51 взорвался.

Эрих немедленно перенес огонь на третий «Мустанг», пилот которого словно был парализован происшедшим. «Мустанг» получил полную порцию свинца с Караи-1 и загорелся. Американцы продолжали лететь, но теперь настал черед Эриха немного вздрогнуть.

– Буби, Буби, сзади! Отрывайся! Отрывайся! – Голос сержанта Юнгера загремел в головных телефонах.

Эрих толкнул ручку вперед, переходя в крутое пике. Он

почувствовал, как глаза вылезают из орбит. Эрих едва не ударился головой о фонарь, когда отрицательное ускорение заставило затрещать привязные ремни. Крутой левой спиралью на полном газу Белокурый Рыцарь пошел вниз, и «Мустанги» висели у него на хвосте.

– Возвращайся на базу один, я вернусь самостоятельно, – приказал он по радио. Это даст Юнгеру шанс. Слишком много проклятых американских истребителей набросилось на них. Целые орды мчались за Эрихом, полные решимости не позволить одинокому «Мессершмитту» ускользнуть.

Эрих быстро глянул в зеркало и по сторонам. Проклятье! ВОСЕМЬ чертовых «Мустангов» следовали за ним. Его обратная петля на мгновение смутила противника, и он немного увеличил расстояние, но так и не оторвался. Он начал громко разговаривать сам с собой, действуя, как собственный ангел-хранитель.

«Все в порядке, Эрих, успокойся и ЛЕТИ. Лети, как ты до сих пор ни разу не летал».

Р-51 разделились на две группы по четыре самолета и попытались зажать Эриха. Они не уступали ему в скорости. Дело принимало скверный оборот.

«Крутые виражи, Эрих. Действительно крутые виражи, иначе ты наглотаешься свинца».

Он положил Карая-1 на левое крыло, и началась партия воздушного бейсбола, в которой Белокурый Рыцарь играл роль мяча. Круто вправо – очереди с двух «Мустангов»… круто влево – шквал трассеров с другой стороны… круто вправо – новая очередь.

– Тебе везет, Эрих. Они плохие стрелки. Они открывают огонь со слишком большого расстояния. Тебе снова везет, Эрих. Если бы они знали, что знаешь ты, быть бы тебе мертвым…

Круто вправо… круто влево… Во время безумных петель, когда кровь приливала к голове, он успевал и сам стрелять по «Мустангам», когда те подворачивались на прицел.

«Ты знаешь, что не попадешь в них, Эрих, но пусть они увидят трассирующие пули. Попугай их немного. Кроме того, под треск своих пулеметов как-то чувствуешь себя немного уверенней».

Восемь безжалостных американцев и одинокий немец устроили в румынском небе смертельную карусель. Раздавались американские очереди, но Эрих уворачивался от трассеров. В считаные секунды он взмок, как мышь. Накачанные адреналином мускулы пылали жаром. По лицу струился пот, словно он сидел в турецкой бане, белье и мундир промокли. Промок даже летный комбинезон. Вертеть «Мессершмитт» среди

смертоносных струй было очень тяжелой работой.

Среди периодического треска американских пулеметов и рева изнемогающего мотора Карая-1 мысли о прошлом мелькали в голове Эриха. Перед глазами промелькнули детские состязания по плаванию. «Хорошо, что ты занимался гимнастикой, Эрих. Собери все свои силы, чтобы выдержать это. Твоя координация спасет тебя».

Он сделал еще одну попытку сбить Р-51 на крутом вираже, когда тот мелькнул на прицеле. Но пушки молчали. Выписывая тысячи петель, Эрих постепенно приближался к своему аэродрому. Он понемногу отрывался от «Мустангов», выигрывая на каждом вираже буквально по волоску, увеличивая расстояние на пару метров.

Хотя американцы и проигрывали гонку, они по-прежнему висели на хвосте Белокурого Рыцаря, как приклеенные. Они не могли подобраться к преследуемому, чтобы попасть в него, однако от погони не отказывались. Они были полны решимости уничтожить этого немца, даже если придется делить победу на восьмерых.

«Продолжай, Эрих. Продолжай. Зенитки возле базы стряхнут эту нечисть с хвоста».

Эрих заложил очередной крутой вираж.

– Проклятье!

Указатель топлива предостерегающе загорелся красным. Карая-1 почти израсходовал топливо, и Эрих находился слишком далеко от базы, чтобы сажать истребитель, даже если бы он на это осмелился.

«Быстро выпрыгивай с парашютом, Эрих. Переверни самолет вверх брюхом, чтобы было легче».

Он расстегнул привязные ремни. Заложив очередной вираж, рванул рычаг аварийного сброса фонаря. Плексигласовую панель немедленно унесло воздушной струей, и ветер ворвался в кабину. Выходя из виража, Эрих изо всех сил рванул ручку управления на себя. Ме-109 с воем пошел вверх, запрокидываясь. Когда самолет перевернулся, Эрих отпустил ручку и вывалился из кабины обреченного самолета.

Небо, земля, деревья, вертящиеся «Мустанги», собственные башмаки замелькали в безумном калейдоскопе, когда Эрих полетел кувырком к земле. Он рванул кольцо парашюта. Шелест шелка и строп, потом хлопок раскрывшегося купола. Резкий толчок чуть не вывернул все суставы, когда Эрих повис на парашютных ремнях. Теперь он беспомощно болтался в воздухе, окруженный 8 взбешенными «Мустангами».

Для германского пилота было просто немыслимо

обстреливать вражеского пилота, выпрыгнувшего с парашютом. Немцы считали, что это не сражение между солдатами, а грязное убийство. Рыцарские традиции исчезли в эпоху тотальной войны, но Люфтваффе до самого конца жили по своим собственным законам. Белокурый Рыцарь размышлял, а как поступят американцы. Будет ужасно, если они будут действовать иначе. Не предстоит ли ему умереть в воздухе, чтобы упасть на землю кучей растерзанного мяса?

«Мустанг» выровнялся рядом с ним, как бы намереваясь выполнить боевой заход. Внутри Эриха все сжалось в комок. Потом американский истребитель с ревом промчался всего в нескольких ярдах от него. Угловатое лицо под бело-желтым шлемом уставилось на Эриха огромными очками-консервами, которые делали пилота каким-то ужасным чудовищем. Потом американец поднял руку, помахал Эриху, и «Мустанг» отвалил прочь. (Как правило, победившие пилоты всех стран не обстреливали выпрыгнувших с парашютом летчиков.)

Эрих был счастлив, что остался жив. Он был еще более счастлив, когда все 8 американцев пристроились за своим лидером и направились на север. Пока он медленно спускался к зеленой земле, он не переставал повторять снова и снова: «Ты счастливчик, Эрих. Ты везунчик. Слава богу, сегодня ночью ты сможешь отпраздновать второй день рождения».

Он приземлился менее чем в 4 милях от базы, и армейский грузовик доставил его назад в эскадрилью. В штабе витали только плохие новости. Почти половина самолетов группы были сбиты. Два пилота погибли, еще несколько были ранены. Без впрыска метанола старый Ме-109 не мог состязаться с «Мустангами», даже в руках опытного пилота. Высший штаб после этих тяжелых потерь приказал немедленно прекратить атаки американцев. Иначе все могло обернуться еще хуже.

Командиром группы в то время был капитан Вилли Батц, давнишний приятель и почитатель Белокурого Рыцаря. Батц в таких выражениях описал бои над Плоешти:

«Вторую половину мая мы были вынуждены сражаться на два фронта. Истребители отчаянно требовались всюду: драться против русских и прикрывать нефтяные поля Плоешти на юге Румынии от налетов американских четырехмоторных бомбардировщиков. Я отлично помню эти трудные времена не только потому, что они потребовали от нас показать абсолютно все, на что мы были способны как пилоты, но также потому, что на технический персонал упала не меньшая нагрузка.

При защите нефтяных полей Плоешти я всегда ставил Буби, как он и просил, ведущим соединения истребителей. Мы всегда

взлетали вместе, всей группой. Буби забирал свою эскадрилью и прикрывал нам хвост от «Мустангов». Он выполнял свою задачу блестяще. Пилоты Восточного фронта не сталкивались с четырехмоторными самолетами и не знали их. Но благодаря Буби мы понесли сравнительно малые потери. Он всегда успевал защитить нас, удерживая «Мустанги» поодаль и заставляя их думать о собственной шкуре. Только благодаря опыту Буби мы сумели добиться успехов против бомберов. Сегодня <в 1967 году> я не помню, сколько Буби сбил над Румынией, но я знаю, что он добился больших успехов против «Мустангов» и спас нас от тяжелых потерь».

Эрих вспоминал эти пять схваток с P-51 «Мустангами», которые имели место весной 1944 года, когда летел обратно в Чехословакию. Почти год прошел с тех пор, как он дрался с американцами над Румынией. Но теперь они будут наверняка сильнее. Когда он сел в Дойче Броде, его товарищи по I/JG-52 подтвердили эти опасения. Американские истребители регулярно появлялись в небе Чехословакии. Через несколько дней Белокурый Рыцарь снова схватился с «Мустангами».

Пришло сообщение, что группа русских бомбардировщиков направляется к Праге. Эрих получил приказ взлетать. Он должен бы вести свое звено на перехват бомбардировщиков. Биммель все приготовил в считаные минуты, и вскоре Эрих, набирая высоту, шел к Праге. На высоте 21 000 футов он выровнялся и начал осматривать небо в поисках врага.

Скоро он заметил русских. Эрих насчитал около 30 бомбардировщиков, смешанная группа из ленд-лизовских A-20 Дуглас «Бостонов» и русских Пе-2. Сверху их прикрывали около 25 истребителей Як-11 и P-39 «Аэрокобра». Русские истребители шли на высоте 12 000 футов. Эрих включил передатчик:

– Атакуем двумя парами.

Зайдя со стороны солнца, Эрих уже приготовился толкнуть ручку и спикировать вниз, на врага. Он колебался. Интуиция удерживала его. Затем уголком глаза он заметил инверсионные следы немного выше его собственного звена. Они шли вниз, надвигаясь с запада. Сначала он подумал, что это еще несколько Ме-109 подходят, чтобы участвовать в атаке. Но серия серебристых вспышек на крыльях незнакомцев подсказала, что это не свои. Истребители Люфтваффе давно потеряли полированный металл плоскостей. Все германские самолеты были покрыты камуфляжем. Они не сверкали на солнце. Полированный металл мог означать только одно – американцы. И вскоре он опознал незнакомцев. «Мустанги»!

Серебристые самолеты прошли в 300 футах ниже Эриха и его ведомого, которые удерживали высоту. «Мустанги» начали медленно кружить в 300 футах выше русских истребителей. Американцы не видели Эриха над собой. Имея за спиной солнце и преимущество в высоте, он находился в идеальной позиции для классической атаки. Русские и американцы глазели друг на друга, вместо того чтобы следить на воздухом. Совпадение было идеальным. Эрих снова включил передатчик:

– Мы делаем только один заход. Сначала «Мустанги», потом русское прикрытие, потом вниз сквозь бомбардировщики.

На полном газу пара Ме-109 устремилась вниз на верхний круг «Мустангов». Мчащийся как молния истребитель Эриха коротко вздрогнул от пушечной очереди, и замыкающий «Мустанг» так и не узнал, кто его сбил. Р-51 закрутился и полетел вниз, потеряв управление. Он волочил за собой хвост дыма и рассыпал обломки. В пологом пике Эрих помчался на следующий «Мустанг», пока тот не заполнил лобовое стекло. Очередь Эриха пробила моторный отсек американца, и тот резко клюнул носом. Кувыркаясь, подбитый «Мустанг» пролетел вниз рядом с Эрихом. Он дымился и разваливался на куски прямо в воздухе.

Мотор Эриха прямо визжал, а сам Карая-1 вздрагивал, когда Эрих продолжал пикировать на русские истребители прикрытия. Шанса обстрелять их ни малейшего. Слишком велика скорость. Теперь навстречу несутся «Бостоны». Он нажал гашетку и увидел, как от одного бомбардировщика полетели какие-то обломки. Попадания! Попадания! Однако не смертельные. Он промчался сквозь строй бомбардировщиков и взял ручку на себя. В глазах потемнело.

Болезненный удар силы тяжести заставил Эриха на мгновение ослепнуть. Он немного отпустил ручку, чтобы снова увидеть арену боя. Ме-109 выровнялись и теперь снова шли почти на одной высоте с бомбардировщиками. Эрих оглянулся. Ведомый все еще был с ним. А его вторая пара? Он осмотрел небо.

Вторая пара тоже пробила строй союзников. Горел еще один «Мустанг», но его пилот выпрыгнул с парашютом, и Эрих увидел белый шелковый купол над летчиком. Придержав свой разворот, Эрих пристроился ко второй паре, когда та выходила из пике. Все четыре Ме-109 помчались прочь. Закамуфлированные самолеты сверху были почти не видны.

Оглянувшись назад, Эрих увидел совсем неожиданные последствия своей атаки. Русские «яки» и «Аэрокобры» сражались с «Мустангами»! Русские следили за американцами, когда Эрих выполнил свою атаку. Подозрительные русские пилоты решили,

что это именно американцы обстреляли их. Паника охватила пилотов русских бомбардировщиков. Они поспешно сбросили свои бомбы куда-то в поле и развернулись на обратный курс. Свою задачу они не выполнили.

Русско-американское сражение продолжалось с возрастающей яростью. Эрих увидел, как три горящих Як-11 полетели вниз. Один «Мустанг» пошел на юг, оставляя позади себя хвост распыленного гликоля. Эрих потряс головой, не веря собственным глазам. Как союзники, русские и американцы совершенно не верили друг другу. Хартманн не мог удержаться от громкого смеха, когда развернул свой Ме-109 к базе.

Больше схваток между Эрихом и «Мустангами» не было. Конец войны был неизбежен. Американцы знали, что выиграли войну, теперь они были сильны, многочисленны и самоуверенны. Огромными стаями они летали над Европой, громя все, что попадалось на глаза. Иногда самоуверенность застилала им глаза, и они теряли бдительность, как в боях с Эрихом Хартманном.

Сегодня Эрих так описывает бдительность в воздухе, опираясь на опыт своих восьми сотен боев:

«Я могу сказать, что после первой аварии во время учебного полета до последней посадки 8 мая 1945 года, я никогда не дремал в воздухе. После взлета меня всегда одолевали дурные предчувствия, так как я никогда не был уверен, что не нарвусь в воздухе на более умелого пилота. Мои дурные предчувствия сохранялись до того момента, когда я узнавал своего врага. И после этого они сменялись чувством абсолютного превосходства.

В воздухе я всегда боялся неизвестности. Я ненавидел тучи и солнце и одновременно любил их. Сегодня я уверен, что 80 процентов моих жертв даже не подозревали о моем присутствии, пока я не открывал огонь. В этом плане мои бои были стремительными и простыми. Но один фактор всегда работал в мою пользу больше, чем остальные. Я обнаружил, что замечаю вражеские самолеты гораздо раньше товарищей. Иногда на несколько минут раньше. Это не было результатом опыта или тренировок. Просто я родился с этим. Мое правило воздушного боя было таким: «Пилот, который первым увидел противника, уже наполовину победил».

В боях с американцами Эрих Хартманн восполнял техническое несовершенство самолета умением и опытом. Он сбил 7 мощных «Мустангов», чья гибель была подтверждена. Когда ему пришлось одному драться с 8 противниками, он сумел доказать, что пилотирует самолет лучше американцев, и сорвал все их попытки сбить себя. Хартманн остался жив, потому что противники

оценили его мастерство и сражались честно. Они не опустились до грязного убийства.

Глава 13 Капитуляция

Мы все дикари в глубине сердца, и мундир цивилизованности сидит на нас довольно неуклюже.

Джордж
Бернард Шоу

К 8 мая 1945 года операции J/JG-52 подошли к концу. Сопротивление немцев в Чехословакии оказалось тщетным, и русский паровой каток двигался без малейшей задержки. Подполковник Герман Граф и штаб JG-52 базировались в Дойче Броде. Там же находилась и I Группа Хартманна. Именно Граф отправил Эриха в последний полет в ходе этой войны.

Задача: Установить, как далеко русские авангарды находятся от Дойче Брода.

Часы приборной панели Карая-1 показывали 8.30, когда Эрих взлетел со своим ведомым, набрал 12 000 футов и повернул на восток. Используя в качестве ориентира крупное шоссе, Эрих полетел к соседнему городу Брюнн (Брно), самому крупному из городов вблизи Дойче Брода. Над Брюнном, подобно огромному черному грибу, поднимался столб дыма. Возможно, противник уже захватил город.

Кружа вокруг тучи дыма, Эрих мог видеть сильные пожары в городе. Русские либо обстреливали город, либо уже захватили его. На восточных окраинах он увидел колонны русских солдат и машин, двигающихся к центру города. Эрих выпрямился на сиденье. Он заметил восьмерку Як-7, кружащих вокруг той же тучи дыма. Русские находились под ним. Увлеченные видом пожаров в Брюнне, русские пилоты не видели Эриха и его ведомого. Они кувыркались в небе, словно принимали участие в воздушном шоу.

Один Як-7, словно салютуя победоносным русским войскам, выполнил петлю прямо под Эрихом. Белокурый Рыцарь качнул крыльями, сообщая ведомому: «Атакую». Он толкнул ручку вперед, и Карая-1 вышел на огневую позицию как раз, когда русский находился в верхней точке петли вверх брюхом. Дистанция стремительно сократилась до 200 футов. «Як» заполнил все лобовое стекло, и Эрих нажал гашетки. Через секунду он уже отвалил, выполнив образцовую атаку. Короткая очередь врезалась прямо в русский истребитель. «Як» загорелся и потерял управление. Он закувыркался, извергая черный дым.

Самолет врезался в землю за пределами города, и еще один столб дыма поднялся над Брюнном. Этот Як-7 стал 352-й и последней победой Эриха.

Эрих уже собирался атаковать следующий «як», когда заметил какую-то вспышку в небе над собой. 12 самолетов летели в сомкнутом строю. Новые солнечные вспышки на их крыльях не оставили сомнения в том, кто это – «Мустанги». Эрих опасался попасть в клещи между русскими и американцами и наклонил нос самолета вниз. Вместе со своим ведомым он устремился под спасительное прикрытие дымовой завесы.

Эрих выскочил из тучи дыма на западной окраине города и на полном газу помчался к Дойче Броду. На всякий случай он оглянулся, чтобы убедиться, что оторвался от «Мустангов». Он ускользнул, зато русским повезло меньше. Снова американские и русские летчики не узнали друг друга. «Мустанги» и «яки» кружились в яростной схватке над Брюнном. Эрих не видел горящих самолетов, однако не собирался возвращаться, чтобы посмотреть, как сражаются двое союзников. Ситуация не располагала к веселью.

Когда он посадил Карая-1 на импровизированной полосе в Дойче Броде, он знал, что завершил свой последний вылет и сбил последнего врага. Всего за 2,5 года он сбил 261 одномоторный истребитель и 91 двухмоторный самолет. До конца войны I/JG-52 оставалось всего несколько часов. Когда мотор Карая-1 умолк, Эрих выбрался из кабины и услышал плохую новость от Биммеля.

– Русские обстреливают аэродром. Нам повезло, что на взлетной полосе пока нет воронок, – сказал механик.

Когда Эрих спустился на землю из своего верного Ме-109, исполнительный Биммель, как обычно, приготовился заправить и перевооружить истребитель. Эрих поймал его взгляд. Белокурый Рыцарь покачал головой. Оба знали, что Карая-1 больше не поднимется в воздух.

Когда Эрих вошел в палатку командира эскадры, подполковник Граф встретил его мрачно и напряженно.

– Русские уже захватили Брюнн, герр подполковник.

Граф кивнул.

– Я знал это, но хотел убедиться, – сказал он. – Мы здесь в клещах.

Палец Графа уперся на карте в городок Стракониц.

– Американские танковые части уже захватили Стракониц, находящийся в 100 километрах на запад. Передовые танковые подразделения уже находятся в деревушках прямо на демаркационной линии между русскими и американскими войсками, которая проходит по реке Молдау. И русские в Брюнне.

Для нас война закончилась, Буби.

– Значит, нам следует сдаваться?

– Да. Я получил приказ. Но сначала мы с тобой должны принять решение, касающееся нас одних.

Граф передал Эриху радиограмму:

...

« Граф и Хартманн должны немедленно вылететь в Дортмунд и сдаться там англичанам. Остальной личный состав JG-52 сдается в Дойче Броде русским.

Генерал Зайдеманн

Командующий воздушным флотом

».

Герман Граф оскалился в кривой усмешке. Он посмотрел прямо на Эриха.

– Генерал не хочет, чтобы ты и я попали в лапы русских. Он знает, что обладателям Бриллиантов придется скверно. – Граф потрогал орден у себя на шее. – Вместе на двоих мы сбили более 550 русских самолетов, Буби. Скорее всего, они поставят нас к стенке и расстреляют, как только увидят.

– Значит, мы должны выполнить приказ генерала Зайдеманна? – спросил Эрих.

Граф нервно заходил по палатке.

– Посмотри вокруг, Буби. Более 2000 женщин, стариков и детей, личный состав эскадры и беженцы. Все они беззащитны. Ты думаешь, я могу прыгнуть в Ме-109 и удрать в Дортмунд, бросив их здесь?

– Я согласен с вами, герр подполковник. Нехорошо бросать их. Мы не можем сделать это.

– Я рад, что ты согласился. Значит, мы забыли приказ и остались с нашими людьми. И мы забыли о сдаче русским.

Граф детально изложил план организации автомобильной колонны, которая попытается добраться до Писека в американской зоне. Там они сдадутся американской армии. Затем он возложил на Эриха обязанность проследить за уничтожением самолетов и боеприпасов.

Эрих побежал на летное поле и занялся печальным делом, поджигая то, что еще уцелело от техники JG-52. Для

«Мессершмиттов» еще оставалось достаточно бензина и боеприпасов. Однако, если они попытаются взлететь, русская артиллерия, находящаяся неподалеку, обрушит на аэродром шквал огня, от которого погибнут сотни женщин и детей, которые сейчас готовились к последнему путешествию. Их безопасность была самым главным.

– Собрать все боеприпасы в оружейной. Разбить все ящики с боеприпасами и подготовить их к взрыву. Открыть бензопроводы самолетов. Выстроить их как можно теснее. Собрать все топливо. Мы должны уничтожить абсолютно все.

Эрих отдал приказы, и техники побежали их выполнять. Ме-109 стояли, задрав длинные носы в воздух. Больше они не взлетят. Летчики поливали бензином некогда гордые истребители и готовились зажечь погребальный костер JG-52. 25 «Мессершмиттов» превратятся в огромный костер.

Эрих открыл бензобаки Карая-1. Вокруг резко запахло бензином, когда топливо было слито из всех 25 самолетов. Техники опрокидывали бочки с бензином, выливая их содержимое на землю. Эрих дождался, пока женщины и дети уйдут в сопровождении личного состава JG-52. Настал печальный момент.

Эрих прыгнул в кабину Карая-1.

– Назад, Биммель! Я хочу расстрелять патроны по деревьям.

Биммель отбежал, и Эрих нажал гашетки. Сидя в кабине, он был удивлен размерами вспышек на пушечных стволах. В суматохе боя они никогда не выглядели такими. Затем последовала огромная вспышка, когда пары бензина воспламенились от выстрелов. Через несколько секунд Карая-1 охватило пламя, и Эрих поспешно выпрыгнул из кабины. Проклятье! Он может сгореть заживо прямо на земле! Бежать! Бежать!

Биммель стоял, оцепенев, когда вспыхнул истребитель. Он рванулся было к самолету, но дымящаяся фигура Белокурого Рыцаря возникла из пламени. Поджаренные волосы и обожженные руки остались Эриху на память прощальным приветом Карая-1. Биммель бросился бежать и запрыгнул в уходящий грузовик, как только увидел, что командир жив. Эрих видел его в последний раз [1] .

Галланд, Хартманн и Геринг

Пилоты JG-52 с тяжелым сердцем смотрели, как вздымаются языки пламени, пожирающие самолеты, топливо, боеприпасы. Их любимые Ме-109 быстро превратились в костры. Тот, кто видел этих стойких парней в бою, не поверил бы собственным глазам – так дрожали их губы. У поражения всегда горький привкус.

Эрих прыгнул в ожидавший его штабной автомобиль, и в этот момент с треском начали рваться боеприпасы. Все перекрывал тяжелый грохот, когда взрывалась бочка с топливом. Столб дыма, крутясь, помчался в утреннее небо, и тяжелая черная туча повисла над аэродромом, извещая о конце пути самой удачливой истребительной эскадры Люфтваффе. Эрих бросил назад последний взгляд. Карая-1 осел на землю на подломившихся стойках шасси. Как только истребитель коснулся земли, все скрыло бушующее пламя.

Эрих пробрался в голову странной колонны. Вести это странное сборище было его последней обязанностью в качестве офицеров Люфтваффе. Он выполнял эту непривычное задание вместе с подполковником Германом Графом и майором Хартманном Грассером, командиром JG-210, который присоединился к ним со своим штабом перед тем, как они покинули Дойче Брод. Грассер внес некоторую холодную нотку

профессионализма в царившую сумятицу.

Грассер летал на всех фронтах. Во время Битвы за Британию он заслужил Дубовые листья, и на его счету числились 103 победы. Грассер еще до войны был профессиональным военным, офицером Люфтваффе. Он долгое время служил адъютантом Вернера Мёльдерса. В качестве командира JG-210 он организовал обучение русских дезертиров, которые были готовы сражаться с красными ВВС. Эти русские воздушные подразделения, воевавшие на стороне немцев, должны были поддерживать русскую повстанческую армию генерала Власова, когда-то ставшего героем обороны Москвы. В конце войны американцы немедленно вернули Власова русским. Он был повешен, унеся с собой все ценные сведения о кремлевских обитателях. Такой кретинизм царил в то время среди западных союзников.

Во второй половине дня колонна оказалась возле Писека. Эрих увидел несколько американских танков, осторожно двигающихся по дороге. Американцы немедленно остановились, когда увидели немцев, мчащихся к ним прямо по полю. Граф и Хартманн подошли к головному танку и отдали честь американскому офицеру, смотревшему на них из башни.

– Я подполковник Граф, командир 52-й истребительной эскадры германских ВВС. Это майор Хартманн, командир I группы моей эскадры. Люди, сопровождающие нас, личный состав эскадры вместе с немецкими гражданскими беженцами. Мы сдаемся армии Соединенных Штатов.

Американский офицер достал микрофон рации из башни и начал о чем-то говорить со своим штабом в Писеке. Через несколько минут позади танков появились грузовики с солдатами американской 90-й пехотной дивизии. Американские солдаты попрыгали на землю и начали сгонять немцев в поле возле дороги. Они отбирали у них оружие. Офицерам было разрешено сохранить свои пистолеты, и они были обязаны поддерживать дисциплину.

В качестве сувениров особенно высоко ценились немецкие наручные часы. Личный состав JG-52 тут же лишился этих предметов. Американцы имели свои собственные часы, и это сильно озадачило майора Грассера. Эрих слышал, как исключительно корректный Грассер разговаривал с юным американским лейтенантиком, который забрал его часы.

– Неужели в такой богатой стране, как Америка, не хватает наручных часов?

Молодой американский офицер ухмыльнулся и покачал головой:

– Конечно, хватает. Но эти будут сувенирами. Это совсем другое дело.

Пока американцы наводили порядок среди захваченных немцев, гражданские чехи и несколько американских солдат набросились на штабные автомобили. Все, имевшее хоть какую-то ценность, немедленно растаскивалось охотниками за сувенирами. Эрих потерял свой дневник, фотоальбом и другие записи. Судьба этих предметов осталась неизвестной.

Американцы бросали на немецких женщин восхищенные взгляды, однако позволили им оставаться со своими семьями. Эрих ощутил глубокое облегчение. Потеря часов и некоторых мелких вещей была совсем небольшой ценой за безопасность, так как они попали в руки американцев. В тех областях Германии, которые попали под русскую оккупацию, советские войска учиняли совершенно дикое сексуальное насилие над немецкими женщинами, не имеющее прецедентов в современной истории. Эрих порадовался, что его люди и их семьи будут избавлены от этих надругательств, так как американский офицер пообещал, что личный состав JG-52 не будет выдан Советам.

Однако Эрих не подозревал, что американские 90-я пехотная и поддерживающая ее 16-я бронетанковая дивизии выполняли неутвержденный поиск глубоко за демаркационной линией. Самой восточной целью американской 3-й Армии был Пльзень. Верховное руководство союзников назначило освободителем Чехословакии Россию. Это означало, что немцы, захваченные восточнее Пльзеня американской армией, будут переданы наступающим русским.

Позднее это соглашение получило распространительное толкование. Под него попали многие германские солдаты и летчики, которые сражались против Советского Союза. Однако прежде всего оно было направлено против профессиональных германских офицеров. Возмездие этим людям было главной целью Советов. Под хиханьки Рузвельта и Сталина на Тегеранской конференции было утверждено истребление 50 000 германских офицеров, что привело в ужас Черчилля [2] . То, что прошло как шуточка Рузвельта и Сталина в Тегеране, после войны обернулось кровавым проектом, действовавшим много лет. По ночам германских офицеров выволакивали из домов и отправляли на долгие годы в советские лагеря.

Эрих Хартманн в конце 1944 г.

Как ни странно, профессиональные германские офицеры были далеки от политики. Уставом им было запрещено вступать в любую партию, включая нацистскую. Идея передачи Советскому Союзу военнопленных, захваченных солдатами армий остальных союзников, имевшая целью их предание казни, была резким отходом от привычного порядка. Этот прецедент потом аукнулся самим американцам, когда в лапы Советов были переданы американские солдаты, захваченные в плен во время многочисленных конфликтов в Азии.

Колонна беженцев и пленных, среди которых находился Эрих, была помещена в загон за колючей проволокой возле Шюттенхофена в Западной Богемии. Туда прибывали тысячи новых беженцев и солдат из распущенных германских частей. На каждом углу лагеря торчали американские танки. В лагере под открытым небом вскоре собралось более 50 000 солдат и гражданских всех возрастов, от детей до стариков.

Условия быстро ухудшались, и санитарные проблемы приобрели серьезный характер. Временами офицеры лишь с большим трудом удерживали порядок. Американские часовые начали просто закрывать глаза на большое число «пленных», которые просто бежали на запад, пытаясь как угодно пробраться домой. Многие американцы давали советы этим беглецам, помогали им, давая карты и какой-то запас продуктов из солдатских пайков. Эти действия американцев не были следствием какого-то приказа или устного распоряжения. Просто они проявляли, как могли, свою человечность. Часовые решили, что пленникам лучше позаботиться самим о себе и постараться добраться до дома, чем умереть голодной смертью на голой земле в лагере возле Шюттенхофена.

Многие немцы сегодня говорят, что оставались в плену у американцев всего несколько дней. Поэтому ясно, что такое положение существовало не только в этом лагере, но и во всем районе. Большая часть немцев сумела пешком добраться до своих домов в течение нескольких недель. Хартманну повезло меньше.

Через неделю после сдачи прошел слух, что Хартманна и остальных его людей перевезут в тыл. 16 мая 1945 года американцы сообщили Эриху Хартманну, Герману Графу и Хартманну Грассеру, что вся колонна пленных будет отправлена в Регенсбург для расследования. Их отправят на грузовиках в 16.00. Восемь дней в руках американцев они провели, не имея еды. Приходилось довольствоваться теми жалкими крохами, которые они успели захватить с собой, и жалкими подачками дружелюбно настроенных американских солдат. Эрих был рад отправиться туда, где будет больше порядка.

Немцы сели в грузовики, и их повезли из Писека. Проехав несколько миль, колонна остановилась. Эриху и его товарищам приказали спуститься на землю. И тут в поле их окружили русские солдаты. Полные дурных предчувствий, немцы начали выбираться из грузовиков. Русские немедленно начали отделять женщин от мужчин.

Прежде чем американцы уехали, они получили представление о том, на какую участь они невольно обрекли немецких женщин и детей, единственным преступлением которых было то, что они родились в Германии. Американцы обнаружили, что их союзники способны превзойти все мыслимые и немыслимые пределы человеческой жестокости. Молодые парни из Алабамы и Миннесоты воочию увидели Медведя в действии.

Полупьяные солдаты Красной Армии, увешанные винтовками и пулеметами, построили безоружных немцев в шеренги. Другие русские начали валить на землю женщин и девочек, срывать с них

одежду и принялись насиловать свои жертвы прямо перед строем остальных русских. Немцы могли лишь молча сжимать кулаки. Американские солдаты из своих грузовиков смотрели на все это широко открытыми глазами.

Казалось, их просто парализовало это зрелище. Когда две молодые немецкие девушки, раздетые догола, с криком бросились к грузовикам и в отчаянии начали карабкаться туда, американские часовые оказались достаточно сообразительными, чтобы втащить их наверх. Русским такое благородство совсем не понравилось. Стреляя в воздух и дико крича, русские бросились к американским грузовикам. Американские солдаты поспешно взяли оружие на изготовку, и грузовики помчались по дороге. Когда исчезло последнее препятствие, русские набросились на немецких женщин.

Молодая немецкая женщина, чуть за тридцать, мать 12-летней девочки, стояла на коленях у ног русского капрала и молила бога, чтобы советские солдаты взяли ее, а не девочку. Но ее молитвы остались без ответа. Слезы текли по щекам, когда она посылали молитвы к небу. Немецкие мужчины стояли, окруженные пулеметными стволами.

Русский капрал отошел от женщины, его лицо исказила глумливая усмешка. Один из солдат изо всех сил ударил женщину сапогом в лицо. «Проклятая фашистская свинья!» – заорал он. Молодая мать упала на спину. Солдат, который ее ударил, выстрелом в голову из винтовки убил ее.

Русские хватали всех немецких женщин, которых видели. Маленькую дочь убитой женщины потащил за танк убийца ее матери. К нему присоединились другие русские. Полчаса раздавались дикие крики и стоны. Потом совершенно голая девочка, не способная держаться на ногах, выползла назад. Она скорчилась и замерла.

Однако в той общей картине зверств, которую сейчас представлял луг, страдания этой девочки не были чем-то особенным. Беспомощные немцы убеждали русских часовых позволить им помочь девочке. Взяв винтовки наперевес, русские позволили германскому медику подойти к девочке. Через час она умерла, и ее последние всхлипывания огнем жгли сердца Эриха и его солдат.

8– и 9-летних девочек раз за разом безжалостно насиловала озверелая русская солдатня. Они не выказывали никаких других чувств, кроме ненависти и похоти. Пока все изверги удовлетворяли себя среди диких криков и плача женщин, Эрих и его солдаты сидели под дулами пулеметов.

Забрызганные кровью русские, удовлетворив вожделение,

сменяли товарищей за пулеметами, принимая охрану над германскими солдатами. Матери пытались защитить своих дочерей, но их избивали до потери сознания и оттаскивали в сторону, а потом насиловали в таком состоянии. Закаленных в боях пилотов, прошедших сотни боев и получивших множество ран, просто отшвыривали в сторону. Пораженный в самое сердце тем, что увидел, Эрих нечеловеческим усилием воли подавил приступ рвоты.

Подобная оргия просто не могла тянуться долго. Похоть была насыщена, и начали появляться первые признаки жалости. Иногда ухмыляясь, иногда безразлично, иногда чуть удрученно, русские солдаты вернули женщин и девочек, над которыми кончили издеваться. Тех, кого утащили прочь от грузовиков, больше никто не видел. Остальные падали без чувств на руки потрясенных отцов и мужей. Они полной мерой хлебнули унижения и страдания, но все это еще не закончилось.

Немцы были согнаны в импровизированный лагерь на лугу. Им было позволено пройти к озеру, чтобы умыться и постирать одежду. Потом вокруг луга было выстроено кольцо из 30 танков, чтобы организовать охрану на ночь. Русские солдаты снова и снова возвращались к немцам, утаскивая женщин и девочек, которым не могло помочь присутствие мужей и отцов. Насилие продолжалось всю ночь, прекратившись только перед самым рассветом. Женщин притащили назад, как сломанных кукол, когда русские натешились. Солдатам JG-52 этой ночью пришлось сделать трудный выбор, и многие из них его сделали.

Когда первые лучи солнца упали на окруженный танками луг, множество немцев не поднялось. Те, кто проснулся, обнаружили, что находятся в ужасном царстве смерти, которая каленым железом запечатлелась в их памяти навсегда. Когда Эрих проснулся, то увидел унтер-офицера с женой и дочерью, лежащих рядом. Сержант тихо перерезал жене вены на руках самодельным кинжалом. Потом он так же убил свою 11-летнюю дочь, после чего перерезал вены и самому себе. Жизнь медленно уходила из них, пока Эрих спал невдалеке.

Другие мужчины задушили своих жен и дочерей, после чего сами повесились на бортах грузовиков. Они предпочли смерть долгому и мучительному умиранию. Эрих начал спокойно разговаривать сам с собой, чтобы преодолеть страшное воздействие кровавых сцен на сознание: «Ты должен жить, Эрих, что бы ни случилось. Ты **должен** выжить, чтобы рассказать другим о том, во что сам не можешь поверить сейчас, когда смотришь на все это. Ты никогда не сможешь забыть, что способны натворить люди, опустившиеся ниже всяких животных».

Через день зверства прекратились так же внезапно, как начались. Прибыл русский генерал и взял все под свой контроль. Ему не требовались рапорты о происшедшем. Он немедленно запретил все подобные крайности в согласии с новой директивой Красной Армии. Грабеж и насилие в восточных областях Германии уже прогремели по всему миру.

Генерал приказал отделить германских унтеров и рядовых от офицеров. Женщины были отданы на попечение офицеров, и русским солдатам было приказано держаться подальше от них. Когда русские солдаты нарушили этот приказ и ночью ворвались в офицерский лагерь, чтобы похитить и изнасиловать девочку, русское возмездие обрушилось на соотечественников с такой безжалостностью, как на бывшего врага.

Изнасилованной девочке предложили опознать преступников. Трое солдат были выведены из строя. Не было никакого следствия, допросов и суда. Этим троим проволокой связали руки за спиной и тут же повесили на глазах у немцев и русских. Дисциплина была восстановлена железной рукой.

И это тоже было отражением образа мыслей русских. Эрих смог это оценить позднее. Русская литература полна описаний подобных жестокостей. Виселица стала образом жизни сразу после революции 1917 года. Эриху Хартманну тогда исполнилось всего 23 года. Он стоял на лугу и смотрел на раскачивающиеся тела. Для него это было таким же ударом, как и вчерашнее насилие.

Фронтовые летчики редко попадают в плен. И редко они встречают противника лицом к лицу. В тех случаях, когда они видят вражеского пилота на земле после того, как сбили его, битва уже закончена для обоих. Пусть в измененном виде, но среди летчиков сохранилось рыцарство. Однако сухопутная война полна зверства и самых низменных проявлений различного рода. Ночь, которую Эрих провел в пехотном взводе после бегства из русского плена, дала ему незабываемые воспоминания о жестокостях сухопутной войны. И теперь он получил новый опыт, столкнувшись с образом мыслей, порожденным общей бесчеловечностью современной войны.

После повешения троих солдат обстановка в лагере немного успокоилась. Страх за себя у немецких женщин вскоре сменился другим чувством – позором. Отдельные женщины и девочки часто шли к русским победителям, чтобы заняться сексом. Матери отдавались советским офицерам и солдатам, чтобы получить немного продуктов для своих детей. Через неделю у немецких мужчин начали проявляться признаки истощения. В то же время те женщины, которые изменили свое мнение о русских, остались

живы и даже начали поправляться. Нравственным следствием всего этого для Эриха стала полная переоценка всех ценностей.

Прожив последующие годы в тени советского колосса и даже вернувшись назад в Германию, Эрих никогда не забыл горьких и болезненных уроков этого времени. Он учил свою жену Уш реалистичному взгляду на вещи, если такое обрушится на нее:

«Никогда не сомневайся в подобных случаях. Иди к высокопоставленному офицеру и постарайся очаровать его. Льсти ему и оставайся с ним. Он защитит тебя от остальных. Таким образом тебе придется терпеть только одного мужчину, и ты сможешь избежать зверств и унижений группового изнасилования. Остальные смогут заполучить тебя только через труп твоего покровителя».

И он добавляет:

«В тот век, когда мы живем, цивилизация может легко оказаться в лапах маньяков. Поэтому любая женщина на Западе должна быть готова иметь дело с людьми, обладающими восточным менталитетом».

Этот урок Эрих извлек из своих страданий на памятном лугу. Поведение, абсолютно чуждое всему, чему его учили, как германского солдата, нравственным принципам, заложенным его отцом, теперь стало частью его жизни. Он благодарил бога, что именно ему пришлось пройти через насилия и повешения и что любимая Уш находилась в безопасности в Штутгарте.

Эрих всего несколько лет назад был зеленым школяром, который не выносил задир. И это сделало эмоциональные последствия увиденного еще более резкими. Именно юношеская гибкость психики провела его через полторы тысячи боевых вылетов в ходе его героической карьеры, которая никогда не будет превзойдена. Однако ее не хватило, когда он столкнулся с примерами такого зверства и при этом был вынужден молчать. Впереди его ждали 10,5 года русских лагерей, которые оставят множество черных воспоминаний. Из массы событий, хороших и плохих, происшедших с ним в течение всей жизни, только одно резко выделяется своей яркостью – картина дантовского ада на весеннем лугу [3] .

Жестокое сексуальное насилие неразрывно связано с худшим из социальных конфликтов – войной. Патологическое нарушение сексуальных функций масс вызывает у непонимающего человека только недоуменное пожатие плечами. Люди считают, что подобные вещи существовали всегда и всегда будут существовать. Таким образом они отрицают совершенно ясное свидетельство того, что неудовлетворенные любовные импульсы являются корнем социальных болезней, сотрясающих мир.

Психопатические лидеры с помощью человеческого невежества или безразличия ухитряются манипулировать колоссальной энергией, рождающейся из разочарований обездоленных масс. Этот малоизученный феномен лежит за всеми иррациональными социальными движениями, включая коммунизм и фашизм. Эти политические антиподы используют совершенно одинаковый источник энергии.

Деспоты, которые обращают миллионы добрых по природе людей в жестоких зверей, в современных условиях не могут обходиться без помощи пропагандистов – специалистов по созданию мифов и легенд, которые выдаются за правду. Геббельс выполнял эту роль в нацистской Германии. Илья Эренбург был советским Геббельсом. Красная Армия потому начала свои зверства против немецкого гражданского населения, что Эренбург поднял настоящую истерию, призывая к мести.

От русских солдат требовали убивать фашистов, где только они их встречают, а также «брать гордых немецких женщин», чтобы забыть о тяжести сражений. Это была беспроигрышная ставка. Даже невинные немецкие дети стали объектами злобных нападок Эренбурга. «Никогда не забывай, что каждый немецкий ребенок, которого ты видишь, это детеныш фашиста», – вопил он. Последовала волна жестоких зверств, свидетелем которых стал и Эрих Хартманн на некогда мирном богемском лугу. В конечном итоге приказами по Красной Армии все это было запрещено, однако злой гений Эренбурга сделал свое дело.

За свою историю человечество страдало от подобных проявлений, как от чумы, и потому отказывалось их признавать. Следует подходить к этим проявлениям человеческой натуры, вооружившись новыми знаниями. Последние исследования Фрейда и других ученых проливают свет на человеческую психику и характер. В то время их данные не были достоянием широких кругов общественности.

Особенно ценными являются работы доктора медицины Вильгельма Рейха, который одно время работал ассистентом Фрейда. Он работал в германских психиатрических клиниках в годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти. В 1932 году он написал книгу «Массовая психология фашизма», которая, вероятно, является наиболее значительной социальной работой этого столетия. С помощью научного психоанализа он дал определение психической чумы, которой страдали Гитлер и Сталин и их пропагандистские лакеи и которой они заражали свой народ.

Основы сексуального насилия неотделимы от предельных человеческих страданий во время войны. Психическая зараза

интернациональна и распространена по всему миру. Ни одна нация не имеет иммунитета. Как уже писалось, социальные зверства дома и за рубежом подтачивают целостность американской нации. Власти предпринимали множество усилий, чтобы скрыть эту работу и помешать ее распространению, но в то же время старались широко применять ее положения. Бежав от коммунистического и фашистского террора, доктор Рейх умер в 1957 году в американской федеральной тюрьме. Его книги и клинические записи, в том числе и «Массовая психология фашизма», были уничтожены американским правительством.

Авторы считали просто обязательным перед тем, как перейти к описанию десятилетия, проведенного Эрихом Хартманном в русских лагерях, указать, что знакомы с психологическими процессами, которые вызывают современные диктатуры. НКВД в России и СД в Германии, а также все секретные полицейские службы подобного рода являются питательной почвой для психопатов, обладателей незримой власти над миллионами. Честное разоблачение и описание деятельности таких организаций разумно и необходимо, чтобы навсегда отвратить от человечества опасность этого заболевания.

Авторы желают также подчеркнуть неизменность своего осуждения угнетателей и симпатии к угнетаемым, с чем наверняка согласятся все свободные люди.

Глава 14 Пленник Советов

…обращайтесь с ними гуманно, чтобы у них не было причин жаловаться.

…обеспечить их всем необходимым.

Инструкция генерала Джорджа Вашингтона полковнику Уэббу относительно пленных, взятых в бою у Трентона

После знакомства с русскими солдатами в роли победителей Эрих, Герман Граф и остальные офицеры I группы вместе с женщинами были отправлены в перевалочный лагерь в Нойбистрице. Этот лагерь был просто площадкой, окруженной колючей проволокой. Единственной его целью было позволить советской бюрократии покрепче заграбастать свои жертвы. Комиссары и писаря начали формальную регистрацию Белокурого Рыцаря и его солдат. Имена, звания, личные номера и основные данные тщательно записывались, однако русские интересовались более серьезными вещами, чем положение их пленников в уже несуществующих Люфтваффе.

Немцам устроили медицинский осмотр. Русских совершенно не интересовало здоровье Эриха и его людей с точки зрения человечности. Их интересовало здоровье немцев как потенциальных рабочих. Работоспособность Эриха была несомненной. Это был худощавый, крепкий молодой человек 23 лет, физически выносливый и интеллектуально развитой. Бюрократические формальности в Нойбистрице заняли около трех недель, после чего немцы провели несколько дней, ожидая решения своей участи.

Эрих обнаружил, что много размышляет над желанием русских превратить их в своих рабов. В его мозгу продолжала вертеться болтовня коммунистов относительно эксплуатации человека человеком. Маркс и Ленин видели в этом корень всех зол капиталистического мира. Теперь, в дни своего триумфа, эти последователи Маркса и Ленина ни о чем и не мечтали, кроме как превратить в рабов своих бывших противников. Капиталист из

глубин эпохи Промышленной Революции салютовал бы их стремлению заполучить дешевую рабочую силу.

Отправка из Нойбистрица была неизбежной. Эрих пытался подавить некоторые слухи, носившиеся по лагерю, но безуспешно. Люди в заключении неизбежно будут рассуждать, воображать и даже пытаться угадать свое место назначения. Все слухи разом утихли, когда русские часовые приказали выходить из сарая и погнали по пыльной дороге на юго-восток.

Эрих был выделен на помощь старикам, ехавшим на телеге. Он должен был управлять телегой под присмотром старшего сержанта Красной Армии. Очень быстро Эрих установил контакт с русским. Сначала тот был необщителен, но потом оттаял.

– Куда мы двигаемся? – спросил Эрих.

– Будвайс.

Эрих знал этот город. Будвайс находился в 60 милях отсюда. Так как русские явно собирались гнать пленных пешком, он был очень рад сидеть рядом с Сашей на телеге, которую тащили две лошади. Пять дней пленные тащились по пыльной дороге. Слухи приобретали все более фантастический оттенок. Слово «Сибирь» постоянно витало над колонной, но в Будвайсе русский комиссар положил конец всяким домыслам.

Он попытался успокоить Эриха, Графа и других офицеров:

– Мы не намерены вывозить вас в Россию. Это пропаганда, чистая пропаганда. Мы доставим вас поездом в Вену, а оттуда отправим по домам.

Русский вежливо улыбнулся. Эрих отметил, что лицо русского немедленно окаменело, как только немцы отвернулись. Эрих был скептиком. Однако все, что он мог сделать, – попрощаться с добрым Сашей и сесть в переполненный вагон. Пока поезд шел на юг, дух пленников немного поднялся, но вскоре все переменилось.

Поезд со скрежетом затормозил на сортировочной станции. Русские охранники оцепили его, крича и жестикулируя. Поезд с лязгом и грохотом метался по стрелкам, а когда он покинул станцию, то Эрих заметил, что больше они не двигаются в направлении Вены.

Русский офицер на ломаном немецком объяснил все. В Вене начались беспорядки. Мятеж, бои, грабежи. Идет спор за владение городом. Вместо Вены поезд направлен в Будапешт. Надежды Эриха на быстрое возвращение домой начали быстро таять. Будапешт находился дальше на восток и ближе к России. Это было очень плохое предзнаменование.

Через несколько часов после того, как поезд миновал Будапешт, последовала новая остановка, новые крики и беготня.

В результате они прибыли в город Сигет [4] в Карпатах. Эрих услышал слова «чума» и «карантин», которые произносили румынские чиновники и русские охранники. Поезд загнали на станцию, и пленных высадили из вагонов. Их загнали в лагерь, обтянутый колючей проволокой. Эрих подслушал, что их скорее всего погонят в Будапешт, а потом еще дальше – в Россию.

Лагерь Марамуреш принадлежал румынским коммунистам. Охрана щеголяла в экзотических красных штанах и была вооружена длинными тяжелыми дубинками. Пленных безжалостно избивали при каждом удобном случае. Эрих постоянно сдерживал свою ярость, но на вторую ночь события вышли из-под контроля. Два садиста в красных штанах поймали молодого летчика в уборной ночью и избили беззащитного человека до потери сознания. Окровавленный, он дополз до барака через час.

В Эрихе взыграл задира, который прятался внутри еще с детства. Черная ярость ослепила его, когда он увидел избитого молодого пилота. Крепкий старый майор-парашютист был также возмущен этим зверством. К ним присоединились еще два летчика из группы Эриха. Они поодиночке выскользнули из барака и направились к уборной. Два садиста все еще торчали там, надеясь поймать еще одного беззащитного немца и избить его.

Эрих выпрыгнул из темноты, когда один из стражников замахнулся дубинкой, чтобы ударить одну из приманок. Он кулаком ударил охранника по лицу, а затем вторым изо всех сил врезал ему в брюхо. Он заметил, как в тусклом свете лампы мелькают кулаки парашютиста. Второй охранник даже не охнул при этой внезапной атаке.

Через пару секунд оба любителя дисциплины уже лежали без сознания на земле. Эрих кивнул майору-парашютисту. Они подобрали охранников и швырнули их в выгребные ямы. Плеск дерьма прозвучал музыкой, и они помчались обратно в барак. На следующий день двое охранников пропали вместе со своими красными штанами. Остальные появились без дубинок. Они кивали и улыбались, когда проходили по территории лагеря.

Через неделю немцам было приказано грузиться на поезд. Теперь на нескольких вагонах были установлены пулеметы и прожектора. Вонючие вагоны, в которых Эрих со своими товарищами ехал в Будапешт, теперь были заняты вооруженной русской охраной. 60 немцев, включая Эриха, оказались людьми низшего сорта. Их загнали в маленький грузовой вагон, и они ехали в почти невыносимых условиях.

Вагон был набит, как банка сардинками, там было жарко, как

в печке. Эрих постарался хоть как-то облегчить жуткие условия. Трети людей приходилось лежать на полу. Места не хватало, чтобы все 60 человек могли лечь или хотя бы сесть. Немцам приходилось два часа лежать, а потом 4 часа стоять.

Герман Граф и Эрих Хартманн были двумя наиболее известными немецкими героями. Они были награждены Бриллиантами, однако в заключении это не имело никакого значения. Они лежали и стояли наравне с унтерами. Кроме них, в вагоне из старших офицеров находились полковник Гейнц Гейер и майор Артур Риле. Все звания и награды были быстро забыты, все мечтали лишь о том, как на два часа прилечь.

Две недели поезд полз на восток. Чтобы определить, куда он направляется, не требовалось штурманское искусство. Они проехали через Киев, Москву, Вологду. Поезд все дальше и дальше углублялся в Россию. Поезд прошел через Киров и углубился в зону болот. Через щели в стенах вагона Эрих мог видеть бескрайние болота и топи. С каждой стороны железнодорожной насыпи они уходили до самого горизонта. Во всем этом ужасном болотном царстве единственной твердой почвой была эта насыпь. Когда поезд начал тормозить, Эрих предположил, что они прибыли в центр обширных торфяных болот, о которых он читал в учебнике географии еще в школе. Он оказался прав.

Измотанные до предела ужасным путешествием, полузадохнувшиеся немцы высыпали на свежий воздух. Однако когда они опомнились, то обнаружили, что радоваться нечему. Они попали в никуда. Вокруг лагеря патрулировала горстка русских солдат, не больше взвода. Эрих сразу понял, почему русским не требовалась охрана. Насколько видел глаз, во все стороны тянулись болота. Любой, кто хотел бежать, мог попытаться.

Русские сказали, что они сами должны строить жилища для себя. Эрих и его люди выкопали грубые ямы в земле и накрыли их досками и ветками. Это было единственное жилье. Каждое утро вместе с тысячей других заключенных они шли на болота копать торф. Груды торфа, который русские использовали в качестве топлива, поднимались на огромную высоту. Каждое утро немцы грузили добытый торф на платформы. Грузовой поезд каждый день вывозил торф из лагеря.

Все здесь делалось руками. После месяца тяжелой и грязной работы Эрих почувствовал, что не выдерживает. Постоянная тяжелая работа, нехватка питания, ощущение оторванности от мира постепенно подтачивали его волю. В первый раз его посетили сомнения. Еще более страшными их сделало положение,

которое Эрих занимал среди пленных. Он был их признанным лидером. 1500 немцев смотрели на него, как на своего командира.

В армии руководят звания, структура, дисциплина. Если согнать группу людей в диком изолированном месте вроде этих болот, замучить их до смерти работой, то руководить ими будет очень сложно. Эрих считал, что это ему не по плечу. Как он может воодушевлять своих людей, если сам начинает сдавать? И в этот момент кризиса его спасло звание майора Люфтваффе.

Через пять недель после прибытия в каторжный лагерь на болотах все старшие офицеры – в чине от майора и выше – были отправлены в специальный лагерь в Грязовец. Эрих дошел до предела выносливости, когда появился этот приказ. Даже спустя два десятилетия он содрогается, вспоминая ужасный рабский лагерь под Кировом и то, что произошло там после его отправки.

«На следующий год капитан Вернер Энгельманн присоединился к нам в Грязовце. Он находился вместе с нами в болотном лагере в Кирове и остался там после нашей отправки. Его история ужасна. Из 1500 немцев, которые туда прибыли, первую зиму пережили только 200. Русские не кормили их, заставляли работать и работать, пока они не умирали от голода».

По сравнению с Кировом офицерский лагерь в Грязовце был почти роскошным. Майор Асси Ган, один из лучших германских пилотов периода Битвы за Британию, воевавший тогда в составе JG-2 «Рихтгофен», находился в Грязовце, когда туда привезли Эриха Хартманна. Ган находился в руках русских с 21 февраля 1943 года, когда был сбит на Восточном фронте. Он уничтожил 40 русских самолетов, не считая 68 побед на Западе.

В своей книге «Я расскажу правду» Ган называет условия Грязовца «пансионом для выздоравливающих» по сравнению с другими тюрьмами, в которых ему привелось побывать. Ган так описывает лагерь в Грязовце:

«Помещения лагеря были бараками. Администрация лагеря, госпиталь и так называемый дом для выздоравливающих были старыми деревянными домами. Сам лагерь делился на две части мелкой речушкой. Кафе, где вы могли купить за рубль чашку настоящего кофе, находилось на мосту. Содержатель кафе был опасным типом, который использовал свой кофе, чтобы заставить пленных разговориться.

Когда зимой речка замерзала, лагерная элита каталась на льду. Летом заключенные могли купаться, когда хотели. На лугу за колючей проволокой находилось футбольное поле. В лагере имелась и вторая лужайка, где мы могли заниматься гимнастикой и легкой атлетикой. Весной, явно в пропагандистских целях, был

открыт боулинг. Когда погода была хорошей, в березовой роще устраивались гуляния. По воскресеньям в кафе играл оркестр.

О лучших условиях нельзя было и мечтать, если только забыть, что для каждого из нас это был тот же фронт».

Когда Эрих прибыл в это сказочное место, еще помня ужасы болотного лагеря в Кирове, он оправился достаточно быстро. После недолгого пребывания в госпитале, чтобы удостовериться, что он не подцепил на болотах тиф, Эрих ощутил, как воспряли его дух и тело. Работа на кухне была относительно легкой и давала столь нужную ему пищу. Это помогло быстро приобрести новый взгляд на жизнь.

Вот при таких обстоятельствах Эрих Хартманн попал в странный расколотый мир лагерей немецких военнопленных в России. Содержавшиеся там немцы, офицеры и рядовые, не представляли собой монолитного блока решительных упрямцев. В этом отношении внешне приятный Грязовец был подлинными джунглями.

Основой для раскола заключенных немцев послужили политические расхождения догитлеровской Германии. Тогда миллионы немцев были убежденными коммунистами, а коммунистическая партия была реальной силой на выборах. Захват Гитлером власти был следствием коммунистической угрозы, с которой он и его нацисты ожесточенно боролись. После того как Гитлер стал рейхсканцлером, коммунисты были лишены возможности получить власть, а их движение было подавлено. Тем не менее нет никаких свидетельств, что миллионы коммунистов отказались от своих убеждений. Поэтому нет ничего странного, что после поражения Германии и под влиянием советского плена многие немцы начали сотрудничать с Советами.

В русских тюрьмах были созданы такие организации, как Национальный Комитет и Союз германских офицеров. Политиканы вроде Ульбрихта и Пика являлись членами этих организаций еще до того, как русские освободили их и отправили создавать правительство Восточной Германии. Фельдмаршал Паулюс, который сдался в Сталинграде, был еще одним видным антифашистом. Возможно, самым известным являлся генерал фон Зейдлитц, вместе с которым Эрих находился в Новочеркасской тюрьме. Однако это произошло много лет спустя после того, как Белокурый Рыцарь впервые познакомился с запутанным миром немецких военнопленных. Существовала разница между антифашистами и коммунистами, немецкими националистами и просоветскими стукачами, однако это предмет для серьезных научных исследований.

В конце 1945 года политический младенец Эрих Хартманн,

которому едва исполнилось 23 года, должен был определиться во всей этой путанице фракций. Все они сулили ему сплошные радости. Те, кто выбирал материальные блага, шел в антифашисты («Антифа»). «Антифа» стал центром сбора просоветских сил. Герман Граф примкнул к этой фракции и попытался привить те же взгляды и Эриху. Эрих с возмущением обнаружил, что стукачи имеются абсолютно во всех фракциях и направлениях. Немцы не раз убеждали его принять коммунистическую философию и признать свои преступления перед советским народом. Даже его пребывание на кухне, хотя Эрих об этом не подозревал, было хитрым ходом НКВД, который пытался привести его на службу Советам.

В Грязовце Эрих получил тяжелый психологический удар, когда Герман Граф поддался на убеждения НКВД начать сотрудничество. Граф был человеком, которым Эрих всегда восхищался. Он был его последним командиром в рядах Люфтваффе. Как уже отмечалось ранее, Граф был одним из наиболее популярных в Германии героев, блестящий пилот-истребитель, имевший на своем счету 212 побед. Герман Граф был одним из 9 асов-истребителей, награжденных Бриллиантами. НКВД сорвал большой куш, заполучив его награду и его славу.

Разоблачение поведения Графа в русском плену, которое сделал Асси Ган в своей книге «Я расскажу правду», сделало Германа Графа отверженным среди уцелевших пилотов немецкой истребительной авиации. Бывший герой и сейчас живет в Дюссельдорфе. Во время войны он показал себя способным командиром и отважным человеком. Все подчиненные восторгались им, в том числе и Эрих Хартманн. Граф продолжал летать и после того, как получил Бриллианты, несмотря на запрет.

Так как Эрих Хартманн служил в JG-52 под командой Графа и вместе с ним попал в плен, вместе с ним оказался в русских лагерях и вообще достаточно хорошо знал Графа, его описание поведения Графа в лагере Грязовец заслуживает особого внимания:

«В конце войны Герман Граф был очень известен. Пропагандистская машина прославляла его по всей Германии. Он возглавлял знаменитую футбольную команду «Красные истребители». По моему мнению, он всегда был прекрасным товарищем и блестящим истребителем. Но под всем этим скрывался достаточно примитивный человек. Он не получил серьезного образования, как многие из его последующих критиков [5] .

После капитуляции вся его слава испарилась. Теперь ему изо

дня в день приходилось заниматься тяжелой грязной работой. Он испытал страшное разочарование и не сумел справиться со своими чувствами.

Однажды он пришел ко мне и сказал: «Я переменил свое мнение относительно пребывания здесь». Он спросил, не желаю ли я присоединиться к нему и перейти на сторону Советов. Я сказал ему, что не собираюсь этого делать. Он сказал: «Все старые правила больше не действуют. Каждый из нас должен выбрать между англоамериканцами и русскими. Германии больше нет. Я решил быть на русской стороне». Вскоре после этого он написал русской администрации письмо, предлагая свои услуги Советскому Союзу. Он соглашался служить в красных ВВС, если ему дадут звание на одну ступень ниже, чем в Люфтваффе. Вскоре после этого его перевели из Грязовца в лагерь под Москвой. Он написал трескучую статью о красных ВВС в газету военнопленных, рассказал русским о своем опыте боев против англо-американской авиации в годы войны. Он вернулся в Германию в 1950 году».

Таким образом, Граф репатриировался на пять лет раньше Хартманна. Однако остается неясным, принес ли реальную пользу русским бывший командир 52-й истребительной эскадры. Крайне сомнительно, что Герман Граф мог сообщить им что-то, чего они еще не знали или не узнали от своих шпионов. Тем не менее НКВД оценил его старания. Однако он был вычеркнут братством немецких летчиков из своих рядов.

В те дни, когда Герман Граф изливал свою душу перед Эрихом Хартманном, пленники русских еще не испробовали всех ужасов, которые им предстояли. Граф был подполковником, ему исполнилось 30 лет, и он был взрослым человеком по сравнению с Эрихом, которому стукнуло только 23 года. Два обладателя Бриллиантов дали друг другу слово чести, что никто не отдаст свою награду русским. Бриллианты следовало выбросить [6] .

Через несколько дней Эриха вызвали в кабинет капитана Клингбейля из НКВД. Это был немецкий предатель с совершенно ему не подходившей кличкой «Папаша». Бриллианты Германа Графа лежали перед ним на столе. Эрих был потрясен. Клингбейль потребовал Бриллианты Эриха.

– Я выкинул их в реку, – пробормотал Эрих, пытаясь восстановить спокойствие.

Лицо Клингбейля потемнело. Он злорадно потряс наградой Графа:

– Твой командир эскадры более разумен. Он отдал свои Бриллианты нам и признал, что все сделанное во время войны было ошибкой.

Граф не только пошел на сговор с НКВД, но и нарушил свое слово чести, данное Эриху. Эрих был просто потрясен. Он говорил себе: если сдался такой истребитель, как Граф, можно ли вообще кого-то обвинять? Когда он позднее столкнулся с Графом, его бывший командир страшно смутился. Эрих сказал Графу, что теперь каждый из них идет своим путем. И они расстались. Странный, непроницаемый, хотя и неощутимый барьер, который внезапно появился между ними, был совершенно новым ощущением для Эриха. Капитуляция Графа была мощным средством давления на молодых офицеров, и НКВД сполна использовал его.

Естественные аналитические способности Эриха быстро увели его от «Антифы», куда пытался затащить его Граф. Людей, которые разделяли его взгляды, НКВД и его немецкие пособники называли «фашистами». Но в действительности это были честные немецкие офицеры, которые пытались сохранить самоуважение и не становились игрушками в лапах психопатов из НКВД. Эрих сам примкнул к группе упорствующих немцев и начал долгую борьбу с НКВД. Эти упрямые старшие офицеры были помещены в отдельный барак. Тюремная администрация, состоявшая из «покрасневших» немцев под руководством взятого в плен под Сталинградом военного судьи Шумана, называла их агитаторами. Эти ренегаты объявили, что группа агитаторов Хартманна не будет иметь общения с остальными пленными и будет находиться в изоляции от всего лагеря.

Эрих обратился через голову Шумана к представителю НКВД и потребовал восстановления общения. Его обращение в защиту старших офицеров дало свои плоды. НКВД отменил решение своих лакеев. Более того, по просьбе Эриха из его группы был убран представитель политбюро доктор Бауэр. Эти драматические перемены были слишком хороши, чтобы оказаться правдой. Опытный летчик-истребитель сразу понял, что ему заходят в хвост. Надвигалось нечто опасное.

Вскоре после этого Эриха вызвали в кабинет представителя НКВД. Эрих нашел капитана Уварова в прекрасном настроении. Уваров был на пару лет старше Эриха. Это был высокий блондин с яркими голубыми глазами, похожий на Белокурого Рыцаря. Уваров очень походил на немца. Развалившись в удобном кресле, Уваров предложил Эриху сигарету.

– Пожалуйста, садись, Эрих, – пригласил он.

К Эриху вернулось почти забытое чувство опасности, которое он испытывал в воздухе, когда русский истребитель заходил ему в хвост. Он взял предложенную сигарету и присел, благодарно кивнув русскому офицеру, однако оставаясь настороже. Уваров

откинулся на спинку кресла и пыхнул дымом.

– Ты доволен и счастлив, что Бауэра убрали?

Белокурый Рыцарь кивнул.

– Теперь ты видишь, как мы хотим, чтобы ты был с нами. Если тебе требуется еще что-то, мы постараемся сделать это.

– Вы очень добры.

– Да, мы добры с нашими злейшими врагами вроде тебя, кто уничтожил сотни наших самолетов. Именно поэтому тебя перевели на кухню, где ты можешь есть, сколько хочешь.

– Работа на кухне достаточно приятна, – согласился Эрих.

– Возможно, ты тоже сделаешь кое-что полезное для нас. Сотрудничество должно быть взаимным.

Эрих понял, что Уваров заходит ему в хвост. Он ждал, что русский откроет огонь.

– В вашей группе есть много старших офицеров, которые обвиняются в серьезных преступлениях против русского народа. Они расстреливали гражданских лиц, сжигали деревни и взрывали заводы. Мы знаем, что они тайные фашисты и ведут пропаганду. Вот список.

Эрих просмотрел список. Полковник Вольф, полковник Аккерман, полковник ван Камп, полковник фон Темпельгоф, подполковник Прагер. Майоры Ган, Эвальд, Эллерброк и другие. Большинство из них были профессиональными солдатами, которых с детства учили рыцарским законам войны. Эрих поднял взгляд на Уварова:

– И что вы хотите от меня?

Уваров проглотил приманку.

– Слушать их. Выяснить, что они делали во время войны. Какие преступления совершили – расстрелы гражданских лиц, грабежи, поджоги, – русский говорил все быстрее и быстрее. – Сообщай обо всем, что касается их прошлого, их семей. ВСЕ. Мы надеемся, что ты поможешь поставить их перед судом.

Эрих сохранил невозмутимость.

– И что произойдет, если я сделаю это для вас?

Уваров был уверен, что голубок попался.

– Ну, после того, как ты все для нас напишешь, мы отправим тебя в Германию с первым же поездом. Когда мы можем ожидать твое первое донесение, Эрих?

– Я никогда не стану писать никаких донесений, – медленно и спокойно ответил Эрих. Его голос прозвучал резким контрастом по сравнению с возбужденной речью русского.

Уваров едва не свалился с кресла.

– Что это значит «не стану писать»? – взвизгнул он.

– Это значит, что я не стану делать то, о чем вы просите. Во-

первых, все они честные офицеры. Убийства гражданских лиц приведут их в такое же негодование, как и вас. По моему мнению, шпионить за такими людьми и доносить на них, то есть стать stukatca, дело слишком грязное. Я не сделаю этого ни сейчас и никогда вообще.

Уваров с трудом подавил свое бешенство. Он толкнул по столу Эриху листок бумаги. Этот документ был написан по-русски.

– Подписывай, – приказал он.

– Это документ составлен на чужом языке…

– Этот документ говорит, что во время допроса тебе не угрожали. Обычная бумажка.

– Пожалуйста, переведите эту бумажку на немецкий, и я буду рад подписать ее. В ином случае я этого не сделаю. Я могу подписать свой смертный приговор.

Лицо Уварова превратилось в свирепую маску.

– Черт бы тебя побрал, Хартманн. Я советский офицер, и я даю слово.

– Я не подпишу ничего, кроме написанного на немецком.

– Проклятый фашист! Ты будешь работать на нас, или я обещаю, что ты никогда больше не увидишь Германию!

Уваров подкрепил эти слова ударом кулака по столу.

Эрих в последний раз затянулся сигаретой и стряхнул пепел рядом с ладонью русского.

– Вы можете делать все что угодно с моей отправкой домой. Я ничем не смогу вам помешать. Но я категорически отказываюсь становиться информатором НКВД.

Лицо Уварова побагровело от ярости, на лбу набухли жилы.

– Проклятый фашист! Ты проклятый фашист, Хартманн! Твои каникулы на кухне закончились. Слышишь! Больше не будет легкой работы и полного брюха. Ты будешь работать на строительстве дорог. Ты заплатишь за свое упрямство!

– И это все?

– Конечно, нет! Ты оскорбил меня, советского офицера. И за это ты получишь 10 дней карцера. 10 дней, ты слышишь? Уведите его!

Когда часовые начали подталкивать его к двери стволами винтовок, Эрих внутренне порадовался собственному самообладанию. Он подавил желание броситься на Уварова и задушить его. Каким-то образом он сумел остаться спокойным, и его воля одержала верх над волей Уварова. За такие победы не давали медалей и каких-либо других наград. За это он получил карцер.

Зловонная дыра, в которую его запихнули, была первым

знакомством с дисциплиной НКВД. Она имела длину 9 футов, ширину 4 фута, высоту 6 футов. Каменная кладка стен, земляной пол, никакого отопления. Отдушина диаметром около трех дюймов в углу, затянутая сеткой, была единственным средством вентиляции и освещения. Под отдушиной стояло помятое жестяное ведро, служившее парашей. Никакой мебели.

Каждое утро охранники бросали в эту дыру 600 граммов хлеба, два литра воды и 5 граммов сахара. Спать приходилось на промерзшей голой земле. День от ночи можно было отличить только по лучу света в отдушине. Эрих понял, что карцер предназначен для того, чтобы ломать самых упрямых. Одиночество, зловоние и холод должны были подавить решимость. Голод подтачивал силы. Если бы Эрих не нашел, на чем можно сосредоточить мысли, он просто сошел бы с ума. И тогда он мысленно обратился к Уш.

Он мысленно прокручивал перед собой все дни своего детства и первой любви, как крутят старый, но любимый фильм. Он вспоминал мельчайшие детали их свиданий в театре Вейля, их дни в танцклассе, счастливые и редкие свидания во время военных отпусков. Он пытался угадать, будет их ребенок мальчиком или девочкой. Он должен родиться как раз в это время. Может, у него будут красивые светлые волосы, как у самого Эриха. Может, ребенок будет симпатичной темноволосой девочкой, как Уш.

Со времени первого заключения в штрафном карцере в Грязовце Эрих сохранил ощущение полного внутреннего контакта с Уш, который давал ему неописуемое внутреннее спокойствие и удовлетворение. Темнота становилась его другом. Она помогала Эриху отрешиться от окружающего и мысленно преодолевать разделяющее их пространство. Внутри него что-то оживало, когда он обращался мыслями к Уш, находясь в этих мрачных подземельях. Он словно включал маленькое динамо, питавшее его жизненной энергией. Любовь и гармония его семейной жизни, его способность сосредоточиться на этих приятных воспоминаниях в конечном итоге оказались сильнее испытаний, которым его подвергали психопаты из НКВД.

Страдания первых лет заключения в советских лагерях лучше всего опишет сам Эрих Хартманн в письме своей жене от 30 октября 1947 года, которое сумел вывезти из России один из пленных. Несколько таких же тайком переправленных писем были единственной весточкой, которую Эрих сумел отправить жене мимо цензуры за 10,5 года. Официальные отношения ограничивались 25 словами на почтовой открытке. Но даже их НКВД часто сокращало на 5 или 10 слов. Это письмо хорошо

показывает горечь и разочарование заключенного.

...

« Лагерь 7150
30 октября 1947
Моя дражайшая Ушмутти!

Завтра отсюда отправляется новая партия, может, это письмо доберется до тебя? Теперь коротко моя история. Взят в плен американцами 8 мая 1945 года, передан русским 14 мая. 25 мая 1945 года нас отправили из Будвейса через Вену, Будапешт, Карпаты, Украину, Киев, Москву в Киров. В лагере на болоте мы встретили около 1000 солдат и примерно 100 офицеров, все в плохом состоянии, отвратительная пища, ужасные условия. В Кирове я стал лидером группы офицеров. Граф со мной и отвечает за всех. Солдаты работают так много, что умирают как мухи, от двух до 5 человек в день.

17 августа мы поцапались с русской администрацией. После этого всех офицеров посадили на грузовики и привезли в этот лагерь, который сейчас называется Лагерь 7150. Он находится в 60 км южнее Вологды. Я все еще нахожусь в этом офицерском лагере. Живем мы в больших бараках – по 400 человек в бараке. Узкие дощатые лежанки, которые поднимаются. Я уверен, что в Германии скот содержат лучше, чем нас. Однако приходится пользоваться тем, что дают. Санитарные условия, как 1000 лет назад. Медицинское обслуживание сносное. Паек состоит из 600 граммов хлеба, 30 граммов

масла, 40 граммов сахара и двух тарелок жидкого супа каждый день. Также дают примерно чашку овсянки.

Все голодают. Умывальников никаких, только деревянные корыта, приспособленные для этого. Как выглядят люди, живущие в таких условиях, догадаться нетрудно. Дистрофия явление всеобщее. Мне кажется, что я сам усваиваю эту пищу неплохо, что помогает мне выдерживать и такую жизнь.

Лагерь находится под управлением НКВД, русской секретной полиции, которой помогают немецкие предатели. Среди них один немецкий военный судья, который до судорог боится русских, но делает свое дело все-таки разумно. Остальные в основном политические свиньи и предатели того типа, что встречаются в любом лагере. Они называют себя «Антифа». При более пристальном рассмотрении они оказываются бывшими врачами СС, лидерами Гитлерюгенда, командирами СА и тому подобной швалью. Я не знаю, что русские собираются с ними делать. Вчера они предали нас, а завтра могут предать и новых хозяев. Таких людей нужно содержать в аду.

Примерно 9 месяцев назад на нас сильно давили по политическим мотивам. Всех подозреваемых заставляли проходить политические тесты. Это, разумеется, сказалось на нас. Политическое отношение управляет одеждой, работами и общими условиями содержания каждого конкретного заключенного. Уже по внешнему виду можно догадаться о политических

симпатиях заключенных.

Я был потрясен, когда увидел это. Германский офицерский корпус буквально спустил штаны. Ни один род войск и ни одно звание не могли сказать, что сопротивлялись успешно. Полковники воровали, превращались в предателей, сдавали своих товарищей и становились информаторами НКВД. Я могу сказать тебе, что научился разглядывать людей через сильное увеличительное стекло, чтобы разглядеть, не кроется ли у них что-то за парадным фасадом.

Мы меняли белье каждые один или два месяца. Летом это происходило раз в три месяца. Сейчас стоит зима. Она укрыла грязную землю белым одеялом, и вши и клопы стали нашими постоянными товарищами, они кишат сотнями и тысячами. Я не преувеличиваю их числа. Таковы внешние обстоятельства. Теперь обо мне самом.

В качестве германского героя я получаю относительно хорошее обращение со стороны русских. Однажды я попал на совещание НКВД, своего рода суд, но был освобожден, так как сразу попросил расстрелять меня. Им это не подошло. Остальные их методы я не буду описывать. Ты уже, возможно, о них слышала.

Когда я попал в этот лагерь, то никого здесь не знал, со мной был только Граф. Однако он скоро переметнулся к «Антифа» и стал постоянно давить на меня. Я оказался полным профаном в этом отношении и в первые месяцы позволил им запутать себя. Однако

потом я раскусил их игру и предпочел идти своей дорогой, превратившись в «фашиста».

Слава богу, сейчас мои соотечественники от меня отстали. Информаторы сдали меня НКВД, и среди ночи я внезапно оказался перед судом. Меня обвинили в том, что я архифашист, саботажник и организатор движения сопротивления. Здесь используют методы средневековой инквизиции, однако у меня не сумели вырвать нужных им ответов. Я смог опровергнуть все обвинения, и сами русские признали, что меня захотели подставить мои же соотечественники. НКВД наказал информаторов. После этого меня оставили в относительном покое.

Граф отправился в Москву, и там продолжилось его падение. В первый год мы все были вынуждены работать, даже старшие офицеры. Работа здесь – это самый худший из мыслимых типов рабства. Я думаю, это хуже, чем в Древнем Риме. Ты можешь представить себе 6 или 8 образованных людей, впряженных вместо лошади в телегу? Дороги здесь прокладывают только лопатами, а лес рубят ручными топорами. И на всех работах нужно выполнить определенную норму, иначе немедленно сокращается продовольственный паек.

В конце 1945 года внезапно пришел приказ освободить старших офицеров от работ, если они только добровольно не пожелают трудиться. Так как я чувствовал, что не рожден, чтобы работать на русских, то немедленно прекратил работу. В ход пошли угрозы, уговоры

и приманки.

Я не надеюсь, что меня освободят до конца 1948 года, и то лишь если Запад предпримет какое-то давление и не начнется новая война. Новая война нам кажется настоящим кошмаром. Мы рассчитываем попасть домой только с помощью Запада.

Почта – это единственное, чего мы здесь ждем. НКВД здесь показывает, на что он способен – 25 слов в месяц. Увеличение с 10 слов в месяц – это уже огромный прогресс в их глазах. Здесь абсолютно все отражает их образ мышления. Тонкий слой примитивных удобств в нищей и грязной стране – вот их идеал свободной и счастливой жизни. Можно написать целую книгу об их врожденной глупости, сочетающейся с комплексом неполноценности.

Теперь ты можешь себе представить, в каких условиях я живу. Я могу только надеяться, что все это скоро закончится и мы снова увидим друг друга и обнимемся. А до того мне остается лишь солдатская поговорка: «Выстоять и победить!» Без борьбы не будет успехов, и за все нужно платить. Ничто нам не дается даром.

Мы снова встретимся и обнимемся, вместе мы будем счастливы. Мысленно обнимаю тебя.

Твой Эрих

».

Однако прошло еще 8 лет убеждений и давления, прежде чем тяжелая ноша была снята с усталых плеч Эриха Хартманна.

Глава 15 Убеждение и давление

Только тот, кто сам прошел через советские тюрьмы, может правильно судить о них.

Майор Хартманн Грассер, советский пленник 1945–1949

– Ты грязная фашистская собака! Разве ты не знаешь, что находишься полностью в нашей власти? Здесь, в России, мы можем сделать с тобой все, что пожелаем, – ВСЕ. Никто не узнает, что случилось с тобой, Хартманн.

Офицер НКВД приблизил свое желтоватое лицо к лицу Эриха:

– Что ты скажешь, если мы принесем тебе – прямо сюда, на подносе – голову твоей жены и твоего ребенка?

Эрих почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Офицер НКВД продолжал давить на свою беспомощную жертву:

– Ты знаешь, что мы можем отправить наших оперативников из Восточной Германии прямо в Штутгарт и убить твою жену прямо в Германии? Вспомни, как мы проучили Троцкого. А генерала Миллера в Париже? Мы можем достать кого угодно где угодно по всему миру.

Эта угроза русского офицера нанесла Эриху страшный удар. Во мраке одиночных карцеров он всегда думал только об одном. У него оставался единственный якорь в океане мрака, готового поглотить тело и душу, – Уш. Яркие воспоминания о встречах с ней в доме ее родителей в Цуффенгаузене или в собственном доме Хартманнов в Вейле были его прибежищем и спасением.

Пока Уш находится дома в безопасности, Эрих сумеет выдержать все атаки НКВД. Но сейчас страх парализовал его. Они грозили уничтожить главный источник его силы. Однако он сумел взять себя в руки и холодно посмотреть на офицера НКВД.

– Вы можете делать все, что хотите. Сила ваша. Я это знаю. Но я не буду работать против своей страны и своих товарищей по заключению.

Эрих твердо уставился прямо в глаза русскому. Через минуту тот не выдержал. Потом офицер НКВД ударил кулаком по ладони:

– Проклятье, Хартманн! Черт бы тебя побрал! Почему ты не хочешь работать на нас?

Подобные сцены повторялись в нескольких советских

тюрьмах. 18 или 20 следователей НКВД делали ему любые мыслимые предложения. Их методы варьировались от грязного шантажа до предложений поступить в ВВС Восточной Германии. Эрих всегда отвечал одно и то же – **нет** . Если его друзья, сослуживцы и начальники сегодня считают его упрямцем, пусть они вспомнят, что это качество выработалось у него после 10 лет тяжелейших испытаний.

Немецкие пленные в России находились в распоряжении НКВД. Армия бывших солдат превратилась в армию рабов. Многие сразу после войны погибли от голода. Русские могли заставить опытных немецких инженеров и техников работать над восстановлением России, однако вмешался НКВД, который принял иррациональное решение – сломить своих пленников, заставить их перестать быть людьми. Секретная полиция начала реализацию программы психологической войны, более отвечавшую советским интересам, чем физическое мщение.

Давление на немецких пленных никогда не ослабевало. Главным оружием подавления личности стала нехватка питания. НКВД создал в тюрьмах атмосферу безнадежности, подозрительности, лжи и бесконечной пропаганды. Физические пытки, которые практиковались в Гестапо, были строго запрещены, как орудие капиталистических эксплуататоров. Советские методы разрушения личности были более эффективны.

Эрих узнал о запрете избивать заключенных вскоре после того, как попал в плен. Русская бюрократия собрала такие груды документов относительно пленных, что сама же в них захлебнулась. В Грязовце разведслужба НКВД оспаривала, что Эрих тот самый Карая-1, знаменитый Черный Дьявол Юга. Его вызвали на допрос два офицера НКВД. Они листали дело, когда охранники ввели Эриха в кабинет.

Один офицер НКВД яростно потряс головой.

– Я уверен, что это не тот человек, – сказал он по-русски.

Второй офицер казался немного смущенным. Первый офицер подошел к Эриху и указал на его отрастающий ежик.

– Смотри, – сказал он по-русски товарищу, – он светлый блондин. Просто соломенные волосы. Он не может быть Черным Дьяволом.

Эрих достаточно понимал русский, чтобы уловить, что они обсуждают цвет его волос [7] .

Второй офицер ткнул пальцем в дело.

– Хартманн, не пытайся отрицать, что ты сбил 352 самолета на русском фронте. У нас все записано.

Эрих безразлично кивнул. Они обращались к нему на немецком.

– Но тогда ты являешься лучшим асом Германии! – русский пришел в восторг.

Эрих покачал головой:

– Нет, я не являюсь лучшим асом Германии.

– Но больше ни один летчик не сбил такого числа самолетов, – возразил русский.

Эрих ласково улыбнулся, как школьный учитель, вдалбливающий премудрости математики бестолковому студенту.

– Да. Но я сбивал только русские самолеты и всего несколько американских машин. На Западном фронте пилот по имени Марсель сбил 150 британских самолетов. В наших ВВС один британский самолет приравнивается к трем русским. Так что лучшим истребителем является Марсель, а не я.

Последовал жаркий обмен ругательствами между русскими. Им не понравилось такое унижение их летчиков. Эрих смирно сидел, пока они не успокоились и снова не обратились к нему. Вопросы сыпались градом, следователи хотели, чтобы он подтвердил материалы дела. Наконец Эрих решил, что дальнейшее запирательство не имеет смысла. Эти гончие узнают правду, скажет он это сам или нет.

– Ты подтверждаешь, что ты был Черным Дьяволом?

– Именно так называли меня русские радиостанции во время войны.

– Но твои волосы просто соломенные, – возразил один из офицеров НКВД.

– У меня всегда были светлые волосы, – сказал Эрих. – Но пару месяцев мой самолет был покрашен в черный цвет, и ваши летчики прозвали меня Черным Дьяволом.

Второй офицер сел за стол и захлопнул досье.

– За твою голову во время войны была объявлена награда. Я стал бы богатым, если бы правительство заплатило за тебя сегодня.

Русский осмотрел Эриха с ног до головы, отметив мятый и рваный мундир Люфтваффе. Эрих походил на кого угодно, только не на ужасного Черного Дьявола. Самый грозный истребитель Восточного фронта превратился в обычного заключенного.

Допрос длился еще несколько часов, и открылось, что Эрих летал на реактивном истребителе Ме-262, самом совершенном самолете в годы войны. Белокурый Рыцарь остался почти незнаком с реактивными самолетами. Он выполнил лишь несколько тренировочных полетов под присмотром Гейнца Бэра в Лехфельде. Тем не менее НКВД решил, что и эти крохи знаний могут оказаться полезными.

Русские захватили несколько исправных Ме-262 и вывезли их в Россию для оценки. Однако полеты на этих самолетах были серьезной проблемой, если не располагать теми знаниями, которые приобрели немцы. Поэтому Эриха через несколько дней после того, как в нем опознали Черного Дьявола, начали допрашивать обо всем, что касалось реактивного истребителя.

Но Эрих смог оказать НКВД лишь небольшую помощь, хотя рассказал все, что знал о Ме-262. Он объяснил, что совершил на этом самолете всего 10 полетов. Однако сейчас его образ как лучшего в мире пилота-истребителя работал против него. Русские невольно полагали, что боевой пилот обладает и знаниями авиационного инженера. Долгие допросы начали приобретать все более резкий характер, так как русский офицер пытался выжать из Эриха информацию, которой тот не располагал.

– Майор Хартманн, вы что-то скрываете. Почему вы не хотите рассказать нам все, что знаете? Вы **должны** рассказать это.

Грубый лейтенант НКВД не был летчиком. Это делало задачу Эриха еще более сложной. Он попытался объясниться еще раз:

– Я могу рассказать вам, как взлететь на этом самолете. Я уже рассказывал об этом. Я могу рассказать, как летать на нем и за какими вещами должен следить пилот, в особенности за секторами газа. Но я не могу рассказать вам, как работают различные механизмы самолета. Я пилот, а не инженер.

Русский нахмурился, так как слова Эриха его не убедили. Он задавал вопросы о реактивном самолете по книжке, было совершенно ясно, что он не имеет ни малейшего представления об авиации. Эриху он показался выходцем из деревни. И тогда Белокурый Рыцарь попытался найти подходящее объяснение:

– На реактивном самолете я как фермер. Вы знаете, что фермер запрягает лошадь в телегу. Он может сделать это и поехать на телеге. Однако он не пытается забраться внутрь лошади.

С криком ярости лейтенант вскочил на ноги и ударил Эриха по лицу тростью. Резкий удар заставил Эриха зайтись от гнева, все затянула багровая пелена. Он прыгнул через всю комнату, схватил стул и бросился на обидчика. Широко размахнувшись, Эрих обрушил стул на голову русского. Офицер рухнул на пол без сознания.

Мгновенно гнев улегся, и Эриха охватил страх. Они наверняка изобьют его или даже застрелят. Он приоткрыл дверь кабинета и позвал охранников. Когда они привели лейтенанта НКВД в сознание, тот ткнул пальцем в Эриха:

– В карцер его. Уведите.

Эрих провел 48 часов в кошмарной дыре в одиночестве.

Холод и голод заставили его всерьез испугаться за свою судьбу. Когда на третий день охранники вытащили его из карцера, он был уверен, что его поведут на расстрел. Моргая от яркого света, он приготовился к самому худшему. Но его привели обратно в тот же кабинет, где он ударил русского офицера. Тогда он приготовился к побоям.

С изумлением он увидел, что в кабинете сидит тот же лейтенант НКВД и широко улыбается. Перед русским на столе стояла бутылка водки и лежала буханка хлеба.

– Ну, как дела, Хартманн?

Лейтенант указал на выпивку и закуску:

– Подкрепись, Хартманн. Тебе будет полезно перекусить и выпить.

Эрих был поражен. Этот человек обозлился на него до предела. И теперь он улыбается, предлагает еду и питье. Не в состоянии разобраться в загадочной психологии русского, Эрих взял кусок хлеба и глотнул обжигающей водки. Русский следил за ним. Когда Эрих поставил стакан на стол, лейтенант широко улыбнулся и указал на стул, на котором сидел:

– На этот раз я **сижу** на стуле, Хартманн. У тебя стула не будет. А теперь тебя отведут к остальным пленным. Я прошу прощения за то, что ударил тебя тростью.

Эрих кивнул, принимая извинения русского. Пока охранники вели его обратно в камеру, Эрих размышлял над странным поведением офицера НКВД. Поведение русского не поддавалось никакому разумному объяснению. Но потом старые заключенные сказали Эриху, что ударивший его офицер серьезно нарушил русские законы и мог подвергнуться строгому дисциплинарному наказанию, если бы начальство узнало об этом.

Это было правдой. За 10,5 года заключения в русских тюрьмах этот удар по лицу тростью оказался единственным случаем физического воздействия на Эриха Хартманна. Его реакция на удар была записана в деле. Через несколько лет, в тюрьме в Шахтах, русская девочка-переводчица показала Эриху эту пометку: «С этим заключенным обращаться с осторожностью – дерется». Несколько раз за годы заключения он слышал, как охранники называли его «драчуном». Однако Эрих не подозревал, что этот незначительный инцидент станет частью его образа, как упрямого и склочного заключенного.

Физическое избиение было самым слабым методом воздействия, который использовал НКВД. В его арсенале имелось более мощное оружие, чтобы сломить волю человека. Мощь этого оружия многократно усиливала глубочайшая безнадежность. Именно это ощущение пронизывало всю жизнь немецких

пленных. Они были политически и физически не существующими фигурами, так как немецкое правительство пало вместе с нацистским режимом. Новое гражданское правительство еще только начинало действовать под присмотром оккупационных войск союзников. Вскоре между занятой русскими Восточной Германией и остальной страной пролегла пропасть.

НКВД с наслаждением сообщал пленникам о послевоенном хаосе в Германии. Каждый негативный факт раздувался и подчеркивался специальными комментариями. Пускалась в ход вся информация, которая могла убедить пленного в том, что он обречен. Пленным германским офицерам не раз говорили, что их заключение и лишение прав было утверждено союзниками в Тегеране.

Так как немцы были лишены всех возможностей восстановить свои права, то многие из них просто сдавались. Молодая Федеративная Республика Германия пока еще нетвердо стояла на ногах, и ее голос был почти не слышен. Германские солдаты тысячами погибали в русских тюрьмах. Разглагольствования о справедливости, звучащие в залах Нюрнбергского дворца правосудия, не долетали до обтянутых колючей проволокой лагерей в диких степях.

Русские охотно сообщали своим жертвам, что у НКВД имеется сколько угодно времени, чтобы сломать их. НКВД действовал на основании того принципа, что у победителя есть все необходимое, чтобы заставить немцев делать то, что ему нужно. Или превратить их в то, что требуется НКВД. Длительное наказание пленных солдат стало совершенно новым явлением в отношении между цивилизованными странами, и основы этого заложила Россия после Второй мировой войны. Излишние наказания являются частью фундамента советской психологии. Поскольку такие наказания широко применялись к внутренним противникам режима, немцам не следовало ожидать, что к ним будут относиться лучше. Однако то, что западные союзники одобрили это, навсегда останется грязным пятном на их мундире.

Страдания немецких пленников усугубляла полнейшая невозможность побега. Русское общество в то время было организовано так, что делало бегство из страны невозможным в принципе. Русские люди были согнаны в деревни, покидать которые они могли только по официальному разрешению. Деревенских детей с самых малых лет учили сообщать о появлении незнакомцев своим школьным учителям. А те передавали это полиции.

Пограничная зона шириной в 30 миль была населена верными коммунистами и была густо усеяна военными постами,

которые полностью контролировали район. В землю были зарыты длинные полосы детекторов, которые поднимали тревогу, если над ними по земле перемещался металлический объект. Пограничники на земле, вертолеты и легкие самолеты в воздухе эффективно прикрывали границу.

«Железный занавес» был реальностью, а не просто словесной фигурой. Русские политзаключенные, сидевшие вместе с Эрихом Хартманном в разное время, уверяли, что без этой жесткой охраны границ Советский Союз немедленно потерял бы миллион человек, которые сбежали бы на Запад. Но любой немец, который сумел бы достичь пограничной зоны и подкупить местного жителя, чтобы тот ему помог, немедленно столкнулся бы с хитрой тактикой НКВД, который платил вдвое больше и разрешал доносителю оставлять себе все деньги.

Пересечь степи, тянущиеся от Урала, и преодолеть «железный заслон» на границе – такая задача могла обескуражить самого смелого. По словам Эриха Хартманна: «Я не знаю ни одного подлинного случая бегства военнопленного из России. По телевидению много рассказывают об этом, но, если вы попытаетесь найти людей, которые действительно бежали оттуда, никто в этом не признается. Возможно, существует вероятность бегства из лагерей в Польше, балтийских государствах, Восточной Германии, но я никогда не слышал ни об одном достоверном случае, когда немецкий пленный бежал из России».

Психологическое давление НКВД на пленных приобрело такую силу, что его можно было ощущать физически. Чтобы облегчить это давление или избавиться от него, пленный должен был дать НКВД хоть что-то взамен. Он мог доносить на своих товарищей, превратившись в стукача. Он мог сознаться в вымышленных военных преступлениях. Для этих людей драгоценной наградой становились самые обычные вещи. Более легкая работа, возможность прочитать письмо из дома – такие вещи, на которые свободный человек в свободной стране просто не обращает внимания, – становились взятками, с помощью которых НКВД заставлял человека забыть о самоуважении.

Наиболее отвратительным и невыносимым методом, использованным НКВД против своих пленников, был перехват почты. С самых первых послевоенных дней вся почта из Германии перехватывалась секретной полицией, превратившей письма в оружие, с помощью которого можно было пробить психологическую броню. Она использовала переписку для шантажа и подкупа. Эта грязная тактика делала постоянные побои, которым подвергались пленные, почти идеалом гуманизма. Последствия разрыва контакта с семьей были просто

сокрушительными.

Эриху Хартманну разрешили написать первое письмо домой только накануне Рождества 1945 года, почти через 8 месяцев после его захвата в плен. Уш получила эту весточку в январе 1946 года.

...

« Моя Уш!

Я хочу сообщить тебе, что жив. Я желаю тебе счастливого Рождества и Нового года. Не бойся за меня. С кем я тебя должен поздравить – сын или дочь? Все мои мысли с тобой. Тысяча поцелуев.

Твой Эрих

!»

Каждый месяц после этого Эриху было разрешено писать по 25 слов в Германию вплоть до 1947 года. Через два года после окончания войны русские сократили эту норму до 5 слов в месяц. Уш писала постоянно. Она послала Эриху от 350 до 400 писем за 10 лет его нахождения в лагерях. Он получил менее 40 писем.

Только в мае 1946 года он узнал, что 21 мая 1945 года у него и Уш родился сын Петер Эрих. Этот малыш не сумел пережить тяжелые послевоенные годы – он скончался в возрасте двух лет и 9 месяцев. И только через год Эрих узнал о его смерти. Когда в 1952 году скончался отец, которого Эрих горячо любил, он опять узнал об этом лишь спустя год.

Это процесс перемалывания личности тянулся год за годом. Американцы не сталкивались с этой формой войны, пока небольшое число американских военнослужащих не попало в плен к китайцам в годы Корейской войны. Среди них был один из самых известных асов американских ВВС полковник Уокер М. Махурин, герой Второй мировой и Корейской войн.

Прекрасный аналитик, обладавший литературными способностями, Махурин изложил свой печальный опыт промывания мозгов в великолепной книге «Честный Джон», которая просто требовалась американцам в трудное время. Позднее Махурин встретился с Эрихом Хартманном в Германии, и два аса сравнили свои впечатления о коммунистических тюрьмах. Оба согласились, что представления мирных жителей о судьбе военнопленных абсолютно неправильны. Нормальный

цивилизованный гражданин на Западе не имеет ни малейшего представления о порядках в коммунистических тюрьмах и методах нравственного уничтожения людей.

Хартманн и Махурин согласились, что для коммунистов лишь вопрос времени сломать **любого** человека, попавшего к ним в лапы. Никакая отвага, патриотизм и верность не обеспечивают достаточной защиты против такого нажима. Ее не существует в принципе. Американцы, которые в жизни не видели ничего страшнее телевизионной пальбы, пытаются вырабатывать какие-то кодексы поведения пленных. Люди, полностью отрезанные от своих родных, лишенные поддержки собственного правительства, обречены. Они будут делать такие вещи, за которые их позднее дома будут подвергать критике лицемерные ханжи.

Военнопленные в таких условиях могут писать письма, делать официальные заявления, выступать по радио с совершенно невероятными речами. Но эти поступки не являются свидетельством слабости или измены. Они будут делать это из страха за свою жизнь, за жизнь своих родных. Иногда просто за кусок хлеба, чтобы не умереть с голода!

Угнетатель может использовать абсолютно все. Любые угрозы беспомощному пленнику дозволены, никакие нравственные запреты или формальные документы не сдерживают тюремщика. Зато обожравшиеся моралисты, сидящие в мягких креслах в полной безопасности, будут проклинать беззащитных пленных за неспособность сопротивляться и требовать подвергнуть их наказанию после возвращения домой. Может, американское общественное мнение изменит свою точку зрения по этому вопросу, когда большее число американцев окажется в лапах коммунистов.

Единственным проявлением человеческой доброты, которое видели немцы в России, было отношение простых крестьян, живущих в деревнях неподалеку от лагерей. Эти признаки человечности вызывали припадки бешенства у садистов из НКВД, которые не могли выносить даже намека на нормальные человеческие чувства.

Лагеря, расположенные в районах, которые в годы войны были оккупированы Германией, были главным источником трудностей НКВД. Русские крестьяне в этих районах на основе собственного опыта сохранили хорошее отношение к немцам. Пропаганда Ильи Эренбурга не оказала на них никакого действия. Крестьяне были серьезно озабочены судьбой бывших врагов и постоянно завязывали дружеские отношения с немцами. Торговля и обмен между военнопленными и крестьянами велась через охранников. Многие из них были бывшими фронтовиками,

которые сочувствовали страданиям бывших врагов.

Посылки Красного Креста, которые получали немцы, часто вызывали только разочарование. Запреты НКВД приводили к порче продуктов. И вообще, усилия НКВД сводили помощь Красного Креста заключенным к минимуму. Каким-то чудом евангелистский епископ Хекель из Мюнхена сумел наладить сносную доставку посылок в лагеря военнопленных, несмотря на вздорный надзор НКВД. Содержимое этих посылок становилось предметом обмена между пленными и русскими крестьянами. Хорошие отношения и дружба, рожденные этой торговлей и обменами, бесили офицеров НКВД.

Охранники лагерей подвергались интенсивной пропагандистской обработке, чтобы возродить в них былую ненависть к немцам. Оборванные пленники описывались как «люди, которые убивали ваших жен, сестер, отцов и братьев… Все они фашистские убийцы». Когда этот бред вколачивался в головы охраны психопатами из НКВД, охранники выполняли свои обязанности с явной враждебностью к заключенным.

Однако требовалось всего несколько дней, чтобы этот покров лжи разлетелся в клочья. Дружба и нормальная человечность побеждали фанатизм и ложь. Даже упрямцы среди охранников чувствовали гнев крестьян. Крестьяне упрекали охранников, говорили, что пленные такие же солдаты, «как и ты», и что их дома ждут жены и дети, «как и тебя».

Эрих Хартманн вспоминает, что часто молодые охранники не выдерживали.

«Внутренний конфликт между глупой ложью, которую им втолковывали пропагандисты, и их контактами с нами будоражили их чувства и буквально заставляли плакать. Они стояли по другую сторону колючей проволоки с автоматами в руках, но не выдерживали, так как их заставляли жить по лжи.

Очень часто я говорил такому солдату: «Зачем ты кричишь? Всего один час пропаганды, и мы снова стали врагами? Ты глупец». Иногда они все-таки приходили в себя и забывали пропаганду. Вы не можете ненавидеть таких людей. Часто от меня ждут ненависти к русскому народу, словно мне не разрешены никакие другие чувства. Но 10 лет в русских тюрьмах научили меня видеть разницу между русским народом и тайной полицией».

Попытки немецких пленных установить контакт с населением были такими успешными, что НКВД был вынужден менять полностью охрану лагерей каждые 4 месяца. Позднее лагеря были убраны с территорий, находившихся под немецкой оккупацией, за Урал. Население этих районов получало огромные дозы красной

пропаганды насчет фашистских извергов. Люди ожидали увидеть волчьи морды вместо человеческих лиц. Тем не менее немцам в конечном итоге удалось завязать отношения и с этими людьми. Нормальные человеческие чувства в очередной раз оказались сильнее пропагандистских уловок.

Тем не менее случайных контактов с русскими жителями было недостаточно, чтобы преодолеть воздействие безжалостной программы НКВД, нацеленной на дегуманизацию путем постоянного давления. Если человек начинал поддаваться, НКВД мог его использовать в своих целях. Положение немецкого пленного зависело от того, что он мог дать НКВД. Особенно интересовали русских специальные знания и его статус среди пленных.

Истерия «военных преступлений» в послевоенный период привела к тому, что практически каждый немец, оказавшийся в руках русских, был обвинен в совершении преступлений против человечности. Когда пленный ломался под безжалостным давлением, НКВД выкачивал из него всю информацию о военных преступлениях, свидетелем которых он мог быть. Офицеры НКВД угрозами и посулами выманивали имена, места и даты таких вымышленных преступлений. А потом длинная и мстительная лапа НКВД старалась дотянуться до виновников. Пленных убеждали сознаваться в собственных преступлениях. Немцы, призванные в армию и посланные сражаться в Россию, уже являлись военными преступниками в глазах НКВД.

НКВД мог сломить человека с обычным характером достаточно легко. Для этого хватало условий русской тюрьмы. Большинство людей, на долгие годы разлученных с семьями, меняло свое упрямство на возможность освободиться, и не следует винить их за это. Предложить кому-то свободу в обмен на порочащую информацию о других пленных было слишком большим соблазном, которому не все находили силы противиться. Стукачи были частью тюремной жизни, и германский офицерский корпус дал немалое пополнение этому сословию.

Немцы, которые сами прошли через советские тюрьмы, по большей части терпимо относятся к тем, кто сломался раньше остальных. Все они знали границу своих возможностей, за которой сопротивление прекращается. И большая часть пленных, находившихся в России, или подошли вплотную к этой границе, или перешагнули ее. Это отношение резко отличается от глупых воплей домашних «патриотов», утверждавших, что сдавались только слабые. Самый громкий визг испускали те, кто не имел ни малейшего понятия, что такое быть военнопленным.

Для выполнения чрезвычайных задач в Западной Германии и других подобных районах НКВД требовались особые люди. Процесс вербовки таких агентов был всегда трудным. Люди, обладавшие некоторыми способностями, отвагой и силой воли, были идеально приспособлены для шпионской деятельности, однако именно они особенно ожесточенно сопротивлялись давлению НКВД. Естественные лидеры, вроде Эриха Хартманна, были самой главной мишенью для советских вербовщиков.

Очень часто промывание мозгов представляют совершенно неправильно. Эрих Хартманн описывает эти методы на основе своего более чем 10-летнего опыта:

«Главным средством давления коммунистических тюремщиков и основным методом промывания мозгов был голод. Довести человека до истощения, и тогда перед стремлением человека выжить все остальные быстро уходит в тень. Перед ним встает неизбежный зловещий выбор: «Он или я?» И тогда человек предает товарищей.

Окруженный товарищами, человек все равно остается изолированным внутри своей съежившейся оболочки. Беспомощный и запуганный, лишенный даже слабого проблеска надежды, он живет на постоянно сокращающемся пространстве. Этическая связь с товарищами, с породившей его культурой, всем, чему его учили, с законами и правилами, тает в кислоте самосохранения.

И когда человек лишится последних ресурсов сопротивления, он попадает в распоряжение безжалостного, бесчеловечного режима. Конечный крах просто неизбежен. Именно так НКВД сегодня обрабатывает массы пленных и превращает их в инструменты исполнения своих задач.

Такова реальность промывания мозгов».

Эрих Хартманн в полной мере испытал на себе эти методы. Два года он вел жестокую неравную битву с палачами НКВД, борьбу с политическим аналогом Сил Мрака, которую, вполне вероятно, однажды придется вести и нам. Его страдания в этой борьбе остались в прошлом. Свободные люди могут теперь лишь гадать, а как они сами будут вести себя в таких обстоятельствах?

Глава 16 Военный преступник

Возможно, человеческая история проще, чем мы думаем. Она складывается из правильных слов и неправильных поступков.

Клемансо

Кампания, направленная на то, чтобы сломить Эриха Хартманна, началась в 1947 году. Основное место в ней занимало лишение его переписки. Обрывки новостей, которые Эрих мог найти в многочисленных письмах Уш, использовались его тюремщиками, чтобы заставить его повиноваться. Ему выдавали ровно столько информации из дома, чтобы он мог ощутить почти невыносимую тоску по человеческому общению. Все остальное было запрещено. Эта жестокая кампания тянулась два года.

НКВД желал, чтобы Эрих подписал письменное признание в совершении военных преступлений. НКВД, конечно, сам штамповал подобные «признания». Отказ Эриха подписать вынужденное признание в совершении фальшивых преступлений не смущал его тюремщиков. Если документы надлежащим образом оформлены, то их содержание уже не интересует бюрократа. Правда в них говорится или ложь – для офицеров НКВД не имело ни малейшего значения. Их мышление было совершенно иррациональным, как у всех психопатов. НКВД предпочитал, чтобы он подписал ложь, а не говорил правду.

На Эрихе были испробованы все возможные способы давления, однако он сопротивлялся. Два года он отбивал все попытки трусливых врагов. Человек, который пытается спорить с сумасшедшим, используя обычные аргументы, обречен на поражение вне зависимости от причин спора. Перевернутый мир, в котором живет психопат, чужд нормальному человеку. По словам самого Эриха Хартманна:

«Русские – под которыми я подразумеваю психопатов из НКВД – имеют образ мышления, который нормальный человек, воспитанный на Западе, просто не в состоянии понять. Вы можете убить своего отца и сознаться в этом полиции. Вы получите за это два года. Если вы что-то украдете, на это никто не обратит внимания. Русские посмеются, если вы НЕ украдете ничего. Но если вы скажете, что американский «Шевроле» лучше русского «ЗиСа», тогда вы получите 25 лет тюрьмы. Если вы скажете, что Сталин, или Хрущев, или Брежнев – плохой руководитель,

неважно, кто именно из них в это время руководит Россией, вас повесят или посадят в тюрьму. Многие заключенные были русскими, которые нарушили последние догмы красных. Это были умные сообразительные люди, однако НКВД постарался вывести их из оборота».

Последняя попытка НКВД сломить его заняла 9 месяцев. Почти все это время он провел в карцере. Он находился в лагере Кутейниково в Донецком бассейне, менее чем в миле от бывшего аэродрома, с которого летом 1943 года действовала 7-я эскадрилья III/JG-52. Именно с аэродрома Кутейниково он взлетел в то утро, когда попал в руки русских и благополучно сбежал. В 1949 году шансов на спасение не было. Он был готов умереть в Кутейниково, если понадобится, но не сдаваться. Он увенчал свое сопротивление голодовкой, отказываясь даже от куска хлеба, необходимого каждый день для поддержания жизни. Он совершенно серьезно намеревался совершить самоубийство таким образом, если его к этому вынудят. Хотя ему было всего 28 лет, его психическая энергия была истощена. Русские позволили ему провести три дня без еды и воды.

На четвертое утро дверь карцера распахнулась, и двое громадных охранников вытащили его из камеры. Они поволокли его в кабинет лагерного врача. В своем скудном кабинете русский врач уже ждал Эриха, сидя за столом, уставленным бутылками и трубками. Доктор кивнул охранникам.

Мускулистые руки схватили ослабевшего Эриха и притиснули его запястья к бокам. Его потащили к койке, стоящей в углу операционной. Охранники силой уложили его на койку. Эрих совершенно обессилел. Подошел доктор и вставил Эриху в рот трубку. К другому концу был присоединен пластиковый пузырь, полный какой-то желтой жидкости.

Доктор сжал пузырь, и в рот Эриху потек сладкий маслянистый поток. Давясь и глотая, он попытался выплюнуть трубку. Однако охранники не позволяли ему даже шевельнуться. Чтобы не захлебнуться, Эриху пришлось глотать смесь. Доктор продолжал сдавливать пузырь.

– Яйца и сахар, Хартманн, – сказал он. – Ты должен есть. Комиссар приказал.

Безжалостное принудительное кормление и заключение в карцере длились еще 27 дней. В конце концов Эрих ощутил себя безнадежной умирающей развалиной. Он прекратил борьбу с охранниками, однако они продолжали крепко держать его во время каждого кормления. На 27-й день Эриха в его мрачной дыре посетил комиссар.

– Эрих, Эрих, что ты делаешь? – проворчал он. – Ты ведь еще

молод. Не пытайся уморить себя. Если мы получим приказ из Москвы, мы тебя убьем. Просто застрелим, понимаешь? Но у нас есть приказ сохранить тебе жизнь, и ты будешь жить, даже если нам придется заставлять тебя жить, как мы это сейчас делаем.

Эрих, плохо соображая, посмотрел в лицо русскому. Его тело словно начало понемногу растворяться в воздухе. Злорадное опухшее лицо комиссара плавало перед ним в тумане. Проникающий голос долетал из тумана обморока. На сей раз его мучитель испробовал последнее средство:

– Смотри, Эрих, **смотри** ! У меня пять писем твоей жены Уш. Пять писем. Они будут очень интересны тебе, всяческие новости о твоей семье, о твоем доме. Все, что от тебя требуется, – прекратить голодовку, и тогда ты получишь их.

Эрих уставился на веер писем, который комиссар держал в руке, как флеш-ройял в покере. Он мог видеть штемпель Штутгартского почтамта. Да, и они были подписаны рукой его любимой Уш. Два года он не слышал о ней ничего, а сейчас перед ним промелькнули еще пять ниточек, связывающих его с миром живых людей.

В грязном и сыром карцере в Кутейниково, который тысячи немцев проклинали на миллион ладов, Эрих ощутил поглощающий зов внутри себя. Черные пульсирующие волны накатывались, погребая его под собой. В этот момент, в гнусной земляной дыре, брошенный всеми, кроме Уш, Эрих понял, что дошел до конца веревки.

Его истерзанная душа пылала в измученном теле. Сопротивление закончилось, и он знал это. Он должен заполучить эти письма любой ценой. Два года… Великий Боже, есть ли милосердие? Он решил, что такой избитый просто не может доставить удовольствие комиссару видеть, как он сломался. Собрав все оставшиеся силы, Эрих выкрикнул ответ:

– Я не подпишу вашу проклятую бумагу, и я не буду есть!

Изумленно уставившись на истощенный скелет, который упрямо сопротивлялся, комиссар выпрямился. Он сжал письма Уш в кармане, повернулся и выбежал, ругаясь. Однако отважный человек в карцере знал, что выпустил последнюю стрелу.

Эрих рухнул на холодный земляной пол. Его физическая энергия и духовные силы закончились. Он почувствовал, что тихо плачет в темноте. Если нужно какое-то доказательство, что он дошел до предела, этот невольный плач и был таким доказательством. Да, это было именно так. Хотя во мраке отчаяния его дух продолжал упрямо сопротивляться.

Еще два дня и две ночи он продолжал сопротивляться возникшему желанию капитулировать. Он обнаружил, что

внутренне радуется, когда его тащат на принудительное кормление. Во мраке карцера перед мысленным взором вставало злобное лицо комиссара. Он вел за собой толпы призраков, посещавших Эриха в его полузабытье.

Все офицеры НКВД, которые его упрашивали и допрашивали когда-либо, шествовали в этом параде призраков, который проплывал в его голове. Он переживал заново ужасные сцены изнасилования на весеннем лугу. Сырые зловонные болота Кировского лагеря, казалось, снова источают удушающие волны. Раз за разом он обрушивал стул на голову русского лейтенанта. Комиссары и безликие призраки в форме НКВД вертелись перед ним, угрожающе тыча пальцами «Карцер! Карцер! Карцер! 21 день, 40 дней, 60 дней… карцер, карцер, карцер…»

Когда эта череда кошмаров закончилась и призраки улетели, он обнаружил, что наступило странное умственное просветление. Его мысли текли особенно быстро, спокойно и рассудочно. Он знал, что должен есть, чтобы спасти себя. Его прежнее желание уморить себя голодом было ошибкой. Он не должен погибнуть в России и оставить любимую Уш одну. Он не должен подвести ее. Как именно, каким способом, божественным попущением или человеческой волей, неважно. Однако он должен вернуться домой. Он понял, что, если он умрет, это не принесет пользы никому. Однако, оставшись живым, он сможет зажечь надежду в остальных и в самом себе тоже.

Как и раньше, во время боев, он начал спокойно разговаривать сам с собой. «Эрих, прежде всего ты должен победить своего главного врага – голод. Поешь немного, неважно, что тебе придется сделать. Затем, с Божьей помощью, ты получишь эти письма и прочитаешь их, иначе ты умрешь от любопытства. А потом жизнь покажется совсем иной».

Словно в ответ на мысли Эриха дверь карцера открылась. Появились два огромных часовых, которые сопровождали его к врачу. Геркулесовским усилием он поднялся и, шатаясь, вышел из карцера. Охранники отвели его в операционную, где все было готово к новому сеансу принудительного кормления. Жестом он отослал охранников прочь.

– Я буду есть. Я буду есть самостоятельно. Я… Я… прекращаю свою голодовку.

Советский доктор удивленно уставился на него. Затем маслянистая довольная улыбка поползла по лицу русского. Он предложил Эриху сигарету.

– Хорошо. Ты поешь. Я сообщу комиссару. Охрана отведет тебя в кабинет комиссара.

Доктор забрал свои трубки и емкости, скривившись,

посмотрел на них и бросил обратно на стол.

– Это адский способ питаться, – сказал он. – Я рад, Хартманн, что вы прислушались к голосу разума.

Пошатывающийся Эрих вышел из операционной. Охрана поддерживала его под локти. И вся процессия направилась в кабинет комиссара. Прогулка длиной в 70 ярдов отняла у него все силы. Покрытый потом, дрожащий, почти потеряв сознание, он с облегчением вошел в кабинет комиссара и рухнул в кресло. Охранник побежал на кухню и вернулся с кусочком хлеба на жестяном подносе.

Взяв кусок черствого хлеба, Эрих принялся жадно его жевать. Большой глоток из чашки с бульоном смочил пересохший рот, хотя руки Эриха тряслись так сильно, что он едва удерживал чашку. Никогда еще пища не казалась ему такой вкусной, хотя это были всего лишь отруби для свиней. Ощущение тяжести в желудке подействовало подобно якорю. Голова перестала кружиться, он перестал дрожать. Он молча пообещал самому себе, что никогда больше не совершит такой глупости, как голодовка. Пуля в сердце будет гораздо лучше.

Комиссар отдал ему пять писем от Уш. Он разорвал конверты и набросился на исписанные страницы так же жадно, как на сухари. С Уш все в порядке. Чудесно! Известия из дома действовали лучше всяких лекарств. «Клумбы в цвету… концерт джаз-оркестра… мать Эриха и отец здоровы… новое платье…» Скучные подробности нормальной жизни в Германии он впитывал с огромным интересом. Он изучал письма подобно археологу, корпящему над манускриптами из египетских гробниц. Жизнь снова становилась для него нормальной, так как он узнал, что Уш в безопасности, а дома все в порядке. Новости придавали ему жизненную силу, как пища. Он ощутил себя новым человеком, готовым к любым испытаниям.

Эрих закончил перечитывать эти пять писем в третий раз, когда тень возникла между бумагой и крошечным окошком. Мрачная туша комиссара вторглась в его крошечный рай. Русский вытащил из кармана бумагу и уселся перед Эрихом держа в лапе ручку.

– Вот это ты должен подписать, – сказал он.

Эрих просмотрел обычную коллекцию чудовищных признаний. Подписав этот документ, он сознавался в убийствах женщин и детей, уничтожении имущества, нанесении материального вреда Советскому Союзу. Но Белокурый Рыцарь уже достаточно оправился, чтобы снова ринуться в огонь. Если он знал, что с Уш все нормально, сам он мог выдержать все, что угодно. Он оттолкнул бумагу.

– Я прочитал свои письма, поэтому нет необходимости подсовывать мне это вранье, – сказал он.

Русский помрачнел:

– Ты отказываешься подписать после того, как мы накормили тебя и помешали покончить жизнь самоубийством?

– Я говорю только, что не подпишу вашу бумагу. Она даже не написана на моем родном языке. Кроме того, я никогда в жизни не убивал женщин и детей, даже на войне. Я не стыжусь того, что был солдатом своей родины.

– Я предупредил тебя, Хартманн. Это повлечет суровое наказание. Ты никогда не выйдешь на свободу.

Эрих посмотрел прямо в узкие глаза офицера НКВД.

– Вы повторяете мне это много лет. Вы нарушаете заветы даже собственного бога, Ленина. Он говорил, что задерживать пленных более 6 месяцев после окончания войны не цивилизованно. Вы держите меня в России в рабстве 5 лет и хотите приписать преступления, которые придумали пропагандисты НКВД. Нет. Я не подпишу вашу проклятую бумагу.

Взбешенный комиссар скомкал бумагу.

– Ты заплатишь за этот позор, – прошипел он и вылетел из комнаты, красный от бешенства.

Эрих еще раз перечитал свои письма, наслаждаясь сладостью известий из дома. Он не боялся, что его расстреляют. Пусть. Сегодня письма были для него целым миром. Они звучали подобно ангельскому хору.

Последующие дни показали, что русских обрадовало завершение его голодовки. Эрих снова начал есть и понемногу набирал потерянный вес. Он начал чувствовать себя сильнее и скоро уже мог передвигаться, не боясь упасть. Когда его жизнь оказалась вне опасности, НКВД прекратил надзор. Зато началось новое давление:

– Эрих, мы пересмотрели твой случай. Да, мы целиком пересмотрели его, и в результате у нас сложилось иное мнение о тебе.

Эрих вытащил сигарету и холодно поглядел на комиссара, на его бегающие глаза и трясущиеся руки. Когда эти типы из НКВД называют его «Эрих», у него всегда рождается дурное предчувствие, словно неприятель заходит ему в хвост. Он ждал, что еще скажет русский.

– Мне ужасно жаль, конечно, но я должен сообщить, что твой маленький сын умер в Германии. Несчастье. Ужасное несчастье, Эрих.

– Возможно, если бы русское правительство разрешило его отцу вернуться домой и заботиться о малыше, он сегодня был бы

жив.

Эрих ответил очень тихо, но комиссар почувствовал себя неловко. Его смущение подсказало Эриху, что русский понимает – он избрал неправильный способ воздействия на пленника. Тогда комиссар испробовал другой путь:

– Эрих, тебе сейчас всего 28 лет. Ты так молод. Вы были слишком молоды во время войны, когда превращались в фашистов. Война обрушилась на вас, и вас заставили драться…

– Я исполнял свой солдатский долг, и ничего больше.

– Конечно, конечно. А теперь мы хотим предложить тебе другую солдатскую работу, которая поможет тебе искупить прошлое. Она позволит тебе отправиться домой, к семье.

Сердце Эриха замерло. «Домой». Какое чудесное, несравненное слово!

– И какого рода работу вы предлагаете мне? – спросил Эрих.

Комиссар подался вперед, воодушевленный интересом пленника.

– Советское правительство помогает Германской Демократической Республике создать свои современные ВВС. Мы поставляем им новейшие советские реактивные истребители, однако у нас много проблем.

– И какое я имею к этому отношение?

– Эрих, наша главная проблема – это нехватка опытных командиров, которые могут создать эти ВВС. Ты понимаешь меня?

Эрих кивнул.

– Мы знаем о твоих достижениях как пилота-истребителя. А из твоего поведения в тюрьме мы поняли, что ты настоящий лидер… даже если ты просто зачинщик, да?

Русский нервно рассмеялся, видя, что Эрих не отреагировал на его шутку. Лицо Белокурого Рыцаря ничего не выражало, а глаза оставались холодными.

– Ты нужен ВВС Восточной Германии, Эрих. Мы хотели бы немедленно начать готовить тебя к этой работе. Мы заберем тебя из тюрьмы и отправим в Москву на переучивание. Тебе это понравится. Там ты сможешь решить, что тебе делать дальше – служить в качестве офицера ВВС Восточной Германии или работать в качестве организатора. Но ты должен работать с нами.

Когда русский закончил свою речь, в его глазах появилось напряженное ожидание, когда он посмотрел на Эриха. Белокурый Рыцарь медленно покачал головой. Лицо русского вытянулось.

– Тебе не нравится это предложение? – спросил он.

– Прежде, чем мы начнем разговаривать о какой-либо работе, полетах, консультациях, политике или чем-то другом, вы должны освободить меня и отправить к моей семье на Запад.

Русский выглядел ошарашенным. Эрих еще больше разочаровал его.

– После того, как я вернусь домой на Запад, вы можете сделать из меня обычного офицера-контрактника. Обычная сделка, какие люди во всем мире каждый день заключают миллионами. Если мне понравится ваше предложение и я решу его принять, тогда я вернусь и буду работать с вами согласно контракту. Но если вы попытаетесь заставить меня работать принуждением любого вида, я буду сопротивляться до последнего вздоха.

Комиссар печально покачал головой:

– Мне жаль, Эрих, что ты думаешь именно так. Это означает, что ты больше не увидишь свою семью.

Печаль комиссара была слишком показной, чтобы быть искренней. Эрих наполовину ожидал, что русский зальется слезами, потому что его надежды заполучить согласие Эриха явно были очень сильными. Русский нажал кнопку на столе, и в комнату вбежали двое часовых. По-русски он приказал им увести пленника обратно в барак. Когда Эрих выходил из комнаты, комиссар закончил совершенно типичной для НКВД угрозой:

– На сей раз, фашистский бандит, ты пожалеешь, что не стал работать с нами.

Эрих сразу почувствовал себя лучше. Когда офицер НКВД называл его «фашистским бандитом» или «капиталистическим убийцей», он знал, что все в порядке. Это истинное лицо НКВД. Зато когда ему говорили, что он молодой мужчина и угощали сигаретами, Эрих невольно настораживался.

Вскоре после этого началась массовая отправка домой немецких пленных. В Кутейниково вместе с Эрихом находилось 14 000 немцев. За пару недель были репатриированы две трети. Однако НКВД выполнил свою угрозу, и Эрих был исключен из списка репатриантов. Хотя внешне он радовался тому, что многие товарищи отправляются домой, внутри у него все горело. Он не понимал, почему не отправляют его. Но вскоре все объяснилось.

Через несколько дней после отправки последней большой партии заключенных в барак пришел комиссар в сопровождении вооруженной охраны. Сержант потребовал тишины. Затем комиссар влез на скамейку и начал зачитывать заявление советского правительства. Это была огромная кипа бумаги, полная обвинений в зверских убийствах женщин и детей, уничтожении советского имущества и знакомые трескучие тирады в стиле Эренбурга. Затем комиссар начал зачитывать длинный список имен. Среди них числился и «майор германских ВВС Эрих Хартманн». А потом разорвалась бомба:

– …все вышеперечисленные немецкие военнопленные с сего дня, по указу советского правительства и по приговору правосудия, считаются **военными преступниками** . Как военные преступники эти пленные полностью лишаются защиты Женевской конвенции и Международного Красного Креста, и вследствие этого были судимы как преступники по советским законам. Все вышеперечисленные военные преступники приговорены судом к 25 годам заключения в лагерях строгого режима.

Раздался недовольный ропот пленных. Они двинулись было к комиссару, но их остановило клацанье затворов винтовок охранников. Сержант снова потребовал тишины. Комиссар закончил:

– Военные преступники получат документальное подтверждение своих преступлений в течение ближайших нескольких дней. Это все.

Угрозы комиссаров не были пустым звуком.

Вскоре все заключенные были отправлены в военный трибунал, где им представили список обвинений. Когда вызвали Эриха, то его отвели вместе с четырьмя другими «военными преступниками» в ветхое деревянное здание за воротами лагеря. Огромный советский флаг лениво свешивался над дверями, в которых стояли часовые, проверявшие всех входящих и выходящих.

В так называемом зале заседаний за деревянным столом сидел русский военный судья, широколицый человек с редкими волосами и толстым брюхом. Эриху показали его обвинительное заключение, на котором уже был написан приговор «25 лет лагеря строгого режима». Около 50 русских гражданских лиц сидели в зале, любуясь на советскую судебную машину в действии. Когда Эрих услышал, что названо его имя, он встал со скамьи.

– Я хочу знать, почему меня обвиняют в военных преступлениях и в каких именно, – сказал Эрих.

Судья уставился на него заплывшими глазками:

– А, ты Хартманн, Черный Дьявол. Великий пилот, да? И ужасный военный преступник?

– Великий пилот, возможно, и да. Военный преступник – нет.

Судья открыл дело Эриха и пробежал пальцем по строкам.

– Из этого совершенно ясно видно, что ты военный преступник.

Он перелистал дело и нашел нужную страницу. После этого торжествующе посмотрел на Эриха:

– Пункт первый обвинения. Ты участвовал в незаконном, жестоком и неспровоцированном нападении на Советский Союз и

уничтожил большое количество советской военной техники, включая по крайней мере 345 дорогих военных самолетов.

Судья был явно доволен сам собой.

– Пункт второй. 23 мая 1943 года в Центральном секторе русского фронта ты атаковал пекарню. До твоей атаки она выпекала 16 тонн хлеба в день для советских людей. После атаки пекарня могла выпекать всего одну тонну хлеба в день.

Судья ненадолго умолк, чтобы посмотреть на Эриха.

– Пункт третий. В деревне возле Брянска ты убил 708 русских граждан, в том числе женщин и детей…

Эрих больше не мог сдерживаться.

– Мне можно ответить на эти обвинения?

Судья холодно усмехнулся:

– Разумеется. Мы ведь не фашисты какие. Мы творим правосудие.

– Я сбивал русские самолеты точно так же, как русские пилоты сбивали немецкие самолеты. Я был немецким солдатом, и в этом заключался мой долг. Это не военное преступление.

– А как насчет уничтожения пекарни?

Судья с отсутствующим видом разглядывал свои ногти. Эрих скептически покачал головой, но продолжал оправдываться:

– Я никогда не обстреливал и никаким другим образом не атаковал ни одной пекарни. Где находилось это здание?

Судья со скукой глянул на него, а потом полистал дело.

– В деревне под Смоленском, – сказал он.

– Но я служил совсем не там. Этот район прикрывала 54-я истребительная эскадра. Я служил в 52-й эскадре в южном секторе фронта.

Судья согласно кивнул:

– Ну конечно. Все военные преступники отсутствовали там, где совершались преступления. По крайней мере все они так говорят.

Эрих упрямо продолжал защищаться:

– Пункт третий совершенно фальшив. Я никогда не убивал русских гражданских лиц, тем более детей. Как вы определили такое точное число? Я никогда не был в районе Брянска. Как вы можете обвинять меня в убийстве такого количества гражданских жителей?

Пухлое лицо судьи снова уткнулось в дело.

– Мы не **обвиняем** тебя, Хартманн. Мы **доказали** это. Мы здесь творим правосудие. Советская судебная система не позволяет держать в тюрьмах невиновных.

– Хорошо, тогда докажите мне, что я убил 708 гражданских лиц. Я участвовал только в воздушных боях, против военных

самолетов, которые пилотировали ваши солдаты.

Судья немного поерзал в кресле. Он поднял свой молоток и махнул в сторону зрителей:

– Очистите зал суда. Вы достаточно наслушались этого военного преступника.

Судья снова наклонился над делом, пока охрана выгоняла за дверь русских зрителей. Когда они вышли, судья поднял голову, готовый продолжать:

– Так, Хартманн. Ты знаешь, каков боезапас твоего истребителя Ме-109?

– Не слишком точно. Около 300 патронов к каждому из двух пулеметов и около 150 патронов к 20-мм пушке…

Судья процитировал дело:

– Самолет несет всего 1120 патронов. Поэтому майор Хартманн зверски убил 708 невинных русских граждан…

Эрих прервал эту бредовую речь:

– Но я стрелял только по русским самолетам в воздухе. Вы что, не понимаете?

Судья кивнул:

– Понимаю. Я превосходно все понимаю. Но ты не видишь того очевидного факта, что, когда ты стрелял, не все пули и снаряды попадали в самолет. Они падали на землю. Там они убивали наших невинных жителей. Всего 708 человек. Видишь, как легко доказать, что ты военный преступник?

Эрих горько усмехнулся, видя полную абсурдность происходящего. Судья захохотал. Он откинулся на спинку кресла и весело смеялся, жирное брюхо тряслось, как желе. Внезапно став серьезным, он ткнул пальцем в Белокурого Рыцаря:

– Разве ты не понимаешь, что это вопрос **политический** , Хартманн? Как ты думаешь, почему я выгнал этих людей из зала? Ты пытаешься защищаться, но в данной ситуации это бесполезно. Ты ведь умный человек. Мы имеем приказ из Москвы относительно тебя. Если ты подпишешь бумаги, которые мы тебе дадим, ты немедленно отправишься на Запад, к своей семье.

– А потом?

– Мы поможем тебе сделать быструю карьеру в Западной Германии. Потом мы свяжемся с тобой, но только если ты займешь правильную позицию. Наше влияние в Западной Германии очень серьезно.

– А если я не соглашусь?

– Если ты не будешь работать с нами, ты отсюда никогда не выберешься.

– Вы предлагаете мне странный выбор. Если я подпишу эти бумаги, меня могут посадить или даже расстрелять в моей

собственной стране. Если я не подпишу, меня посадят в тюрьму здесь.

– Ты понял все совершенно правильно.

Судья постучал по столу пальцами, ожидая ответа.

– Я не подпишу никаких бумаг ни сейчас, ни потом. Я требую, чтобы меня расстреляли. Я не боюсь умереть.

Лицо судьи помрачнело. Он яростно ударил по столу своим молотком.

– Военный преступник! 25 лет лагерей строгого режима! Уведите.

Так решилась участь Белокурого Рыцаря.

Через несколько недель одна из местных газет в Штутгарте сообщила об осуждении Эриха Хартманна как военного преступника. Мать Уш нашла свою дочь плачущей над газетой. Там была помещена военная фотография улыбающегося Эриха в летном комбинезоне с Бриллиантами на шее. Фрау Петч подождала, пока дочь прочитала ей заметку.

Обняв дочь за шею, фрау Петч попыталась утешить ее. Уш улыбнулась печальной улыбкой мадонны:

– Я дождусь его, мама. Я дождусь.

– Но Уш, дорогая, 25 лет. Твоему Эриху будет более 60.

– Если они продержат его столько, он будет стариком. Они могут продержать его и до 70 лет. Но я все равно дождусь его.

Такой была ее любовь, которая поддерживала Эриха в годы его рабства.

Глава 17 Мятеж в Шахтах

Если человек не может смотреть в лицо злу, не питая иллюзий, он никогда не узнает, что это на самом деле, и не сможет с ним бороться.

Джордж
Бернард Шоу

Статус военного преступника лишил Эриха тех остатков прав, которыми он обладал согласно Женевской конвенции. Хотя это международное соглашение игнорировалось, а часто просто демонстративно нарушалось НКВД, все-таки оно оставалось единственным источником защиты, на которую могли уповать немецкие пленные в России. Судьбу Эриха разделили те упрямые немцы, которые отказались работать на русских против собственной страны и своих заключенных товарищей. В глазах русского закона – единственного существующего для Хартманна закона – он больше не являлся солдатом и военнопленным. С этого времени он содержался в заключении вместе с остальными немецкими «военными преступниками», а также вместе с обычными русским преступниками. Приговор гласил «25 лет трудовых лагерей строгого режима».

Эрих решил, что, вне зависимости от последствий, он не подчинится беззаконному решению суда, назвавшему его преступником. Пока поезд нес его на юг в лагерь рабов в Шахтах, он спокойно разговаривал сам с собой, как делал во время воздушных боев и в дни самых тяжелых испытаний.

– Никто не защитит твои права, Эрих, кроме **тебя самого** . Эти люди пытаются тебя сломить. Они превратят тебя в остров, изолируют тебя, подвергнут давлению снаружи и изнутри, чтобы ты сломался. Ты должен сопротивляться, Эрих, пусть это даже стоит тебе жизни.

Эрих пришел в такому решению, когда вместе с другими рабами попал в трудовой лагерь Шахты. Зрелище было довольно угнетающим – жалкие кирпичные бараки и неизбежная проволока и часовые. Подземные угольные копи находились в паре миль от лагеря. Это и были те самые тяжелые каторжные работы, к которым его приговорили. Когда заключенные входили в ворота лагеря, Эрих поднял голову и увидел лозунг, который заставил окаменеть каждую клетку его души.

НАШ ТРУД ДЕЛАЕТ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СИЛЬНЫМ

Если он поможет Советскому Союзу сделаться сильнее, то никогда не вырвется из их лап. Эта мысль укрепила его волю к сопротивлению. Если они попытаются поработить его, он уморит себя голодом. НКВД придется снова прибегнуть к насильственному питанию, однако он никогда не станет советским рабом.

В последние годы в Соединенных Штатах содержание военнопленных стало источником своеобразного коммерческого юмора, несмотря на страдания американцев, захваченных красными в Корее и Вьетнаме. Как однажды заметил Джордж Бернард Шоу, заключение человека в тюрьму – это проявления дьявольской жестокости. Однако жизнь пленных показывается в бесконечных телесериалах как веселая игра.

Условия содержания пленных в разных странах различны. Американские пленные в Германии содержались, в общем, неплохо, тогда как американские пленные в Японии часто погибали от голода. Германских пленных в Соединенных Штатах и Канаде не баловали, однако их нормально кормили и одевали. Многие из них после войны остались жить в Северной Америке.

В отличие от этого, для немцев в России не было иного пути, кроме как продать душу. Бегство было невозможно. Дисциплина поддерживалась самая строгая, и пленные содержались в полной изоляции от всего остального мира. Чтобы поднять мятеж в таких условиях, как это случилось в Шахтах, требуется серьезный стимул.

В первый день пребывания в лагере заключенные были выгнаны из своих грязных бараков и построены на плацу. Они должны были идти на работу в угольную шахту. Когда все остальные двинулись, Эрих остался стоять.

– Удачи, Буби… – услышал он, когда колонна пленных проходила мимо него, чтобы исчезнуть под землей на 12 часов.

Через несколько секунд крошечная фигурка Эриха осталась одна перед бараками. Охранники приказали колонне остановиться. Громадный русский подошел к Эриху и ткнул стволом винтовки ему в грудь. Но голубые глаза смотрели в лицо стражника абсолютно равнодушно.

– Вперед! – рявкнул часовой.

Эрих спокойно сказал:

– Я германский старший офицер, и по Женевской конвенции

вы не имеете права заставлять меня работать. Поэтому я не буду работать.

– Ты будешь, – сказал русский, вдавливая ствол в живот Эриха.

– Я хочу видеть коменданта лагеря.

Охранник позвал сержанта. Примчался сержант. Это был типичный славянин с неуклюжим толстым туловищем, короткими ногами и круглой головой.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Этот пленный говорит, что не будет работать, товарищ сержант.

Сержант очумело уставился на Эриха, потом подошел поближе.

– **Почему** ты не будешь работать? Ты болен?

– Нет. Я майор, старший офицер, и по Женевской конвенции я не обязан работать. Я желаю видеть коменданта лагеря.

Сержант отступил на шаг.

– Не думай, что эти идиотские правила хоть что-то значат здесь. Мы ВСЕ работаем, чтобы сделать Советский Союз сильным.

Холодные голубые глаза смотрели мимо него.

– Я знаю это. Именно поэтому я и не буду работать. У меня две левые руки.

Сержант грязно выругался. Этот блондин явно брал верх над ним.

– Ну, хорошо. Я отведу тебя к коменданту. Но ты пожалеешь, что затеял это. Иди!

Охранники погнали остальных пленных в шахту, а сержант повел Эриха через грязный лагерь в здание комендатуры. Там сержант подошел к адъютанту и что-то прошептал ему на ухо. Офицер внимательно посмотрел на Эриха, так же, как недавно сам сержант перед бараками. Потом адъютант бросил папку, которую держал в руках, тихо постучал в дверь кабинета и исчез внутри.

Из кабинета долетали обрывки оживленного разговора, хотя двери были плотно закрыты. Эрих знал, что вступает в новый конфликт с менталитетом НКВД. Он утешал себя мыслью, что ничего принципиально нового они ему не скажут. Все это он уже слышал. Они мыслили прямолинейно и не сталкивались с нормальными людьми. Дверь кабинета открылась, и адъютант пропустил Эриха.

Комендантом оказался полковник, типичный администратор. Выражение доброты еще не полностью стерлось с его лица, однако он уставился на Эриха каменным взглядом:

– Какого черта ты отказываешься работать, Хартманн?

– Согласно Женевской конвенции. Я старший офицер…

– Для **тебя** Женевская конвенция не существует. Ты осужден за военные преступления. Я видел твое дело. Советское правосудие гуманно, оно оставило тебе жизнь. Ты должен быть рад работать, радоваться тому, что остался жив.

– Ваша страна выиграла войну, полковник. Это произошло пять лет назад. Я офицер ВВС страны, потерпевшей поражение, а вовсе не преступник. Ваш собственный Ленин говорил, что страна, которая задерживает пленных дольше 6 месяцев, является империалистической и дегенеративной.

Брови полковника взлетели вверх:

– Ты знаком с работами Ленина, Хартманн?

– Да, знаком. Я их все читал. Он также говорил, что страна, заставляющая пленных работать, паразитирует на них.

Полковник вскочил. Он уже наслушался Ленина сегодня.

– Ты отказываешься работать?

– Категорически. Я требую, чтобы международный трибунал обследовал условия этого лагеря. Если нет, я требую, чтобы меня расстреляли. Я хочу быть казненным, так как я **не буду** работать.

Полковник нажал кнопку на столе, и появился адъютант.

– Заключенного посадить в одиночку, пока он не согласится работать. В карцер.

Полковник безразлично смотрел, как охранники выводят Хартманна из кабинета.

Карцер в Шахтах был крошечной камерой на задах караулки возле ворот лагеря. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через тяжелую дверь за колючку. Когда мрак одиночной камеры поглотил его, Эрих снова ощутил, как волна отчаяния поднимается внутри него. Темнота и одиночество давали только одно преимущество. Он мог спокойно думать об Уш. Сосредоточившись на этих воспоминаниях, он мог вернуться назад в Вейль-им-Шёнбух, в те счастливые дни, когда он был окружен любовью и заботой. Видения домашней жизни укрепляли его волю. Шли дни, но Эрих знал, что переживет этот карцер так же, как все, в которых он уже сидел.

Остальные немецкие «военные преступники», которые попали в Шахты вместе с Эрихом, после дня работы в шахте пришли в уныние. Работа была адски трудной, условия работы ужасны, а инструмент самый примитивный. Пищи хватало, только чтобы поддержать жизнь, а не позволить так работать. Когда пленные доползли до своих бараков, они увидели, что Эрих пропал. Сержант охраны сказал, что Белокурого Рыцаря посадили в карцер.

Новость о заключении Эриха подействовала как ведро

бензина, которое вылили в костер. Раздражение заключенных уже выходило из-под контроля. Крики и ругательства в бараках заставили охрану попытаться привести пленных в покорность. Охрана боялась мятежа. Так как Эрих и через несколько дней не вернулся в барак, бешенство пленных, подогретое бесчеловечным рабским трудом, подошло к точке взрыва.

В конце пятого дня на обратном пути из шахты в бараки пленные увидели, что дверь караулки открыта. Внутри они увидели сидящего на стуле со связанными руками и ногами Эриха Хартманна. Два огромных стражника стояли рядом, а третий тянул голову Эриха за волосы назад. Он пытался открыть ему рот и силой запихнуть туда еду. Это ужасное зрелище оказалось последней каплей в переполненной чаше бешенства.

Когда на следующее утро пленных построили, из сотен глоток раздался дикий рев. Прежде чем пленные сами сообразили, что делают, взбешенные, они бросились на охрану и смяли ее. Озверелая толпа помчалась через весь лагерь к комендатуре. Глаза русского полковника едва не выскочили от ужаса, когда дверь его кабинета с треском распахнулась и грязная толпа скрутила его.

Связанный Эрих сидел на стуле в полной темноте. Первым признаком мятежа для него стали тяжелые удары в дверь карцера. Кто-то крикнул: «Мы тебя вытащим». Потом топор с треском пробил дверь. Еще несколько топоров быстро расширили дыру, чтобы можно было просунуть руку. Тощая рука открыла замок.

Двое улыбающихся и взволнованных пленных ворвались в карцер. Они тяжело дышали и не могли сказать ни слова.

– Мы взяли под стражу весь лагерь. Ты свободен, Буби. Это восстание.

Они разрезали веревки, и Эрих встал, с удовольствием чувствуя, как кровь снова прилила к рукам и ногам. Солнце сверкало в его глазах. Двое других пленных вывели его из карцера. Когда они выходили, двое разозленных пленных втолкнули в камеру охранника карцера, пленного румына. Они быстро прикрутили охранника к стулу.

– Попробуй **сам** этого карцера, – проворчал один из немцев.

Эрих услышал, как с лязгом захлопнулась тяжелая дверь, и тихо порадовался, что мятеж высвободил его из темной дыры.

Когда Эрих снова оказался в кабинете коменданта, возбужденная орда пленных кипела вокруг здания. Лагерем управляли полковник, два майора и женщина-врач. Им помогали 16 охранников. В организации восстания главную роль сыграли два немецких офицера, полковник Вольф и подполковник Прагер. Однако теперь пленные смотрели на Эриха, как на своего лидера.

Они совершили это ради него. И от него ждали, что он возьмет руководство на себя.

Полковник и его два майора и врач казались удивленными. Они явно ждали, что восставшие пленные их прикончат. Однако этого они не дождались.

– Отпустите их. Пусть им не причиняют никакого вреда, – приказал Эрих.

Пленные были обрадованы своим триумфом, а потому выпустили остальных заключенных, то есть русских. Они также поймали и убили нескольких свирепо ненавидимых стукачей. Беспорядок внутри лагеря и освобождение русских заключенных заставили население города сбежаться к воротам лагеря. Русские заключенные бежали из лагеря, но немцы колебались.

Старая русская женщина в косынке, повязанной вокруг головы, убеждала колеблющихся немцев уходить:

– Выходите! Выходите, пока можете! Мы уведем вас отсюда. Выходите!

Пара наиболее нетерпеливых немцев начала медленно двигаться к воротам. Эрих бросился из комендантского кабинета им наперерез. Он встал в воротах, подняв руки:

– Стойте! Оставайтесь здесь! Никто из нас не должен выходить наружу.

– Почему, Буби, почему? – спрашивали удивленные пленные.

– Если вы выйдете, то будете считаться беглецами. У русских есть правила на сей счет и оружие. Вас просто пристрелят как собак, прежде чем вы пройдете хотя бы пять миль.

– Но что нам тогда делать? Скажи нам, что мы должны делать?

– Мы должны оставаться в лагере, – твердо сказал Эрих. – С нами должен связаться кто-нибудь из высшего штаба. Мы скажем ему, что здесь не так, как положено. Может быть, он исправит это или как-то улучшит дела. Но только не выходите, **иначе они убьют вас** .

Бормотание военнопленных сменило крики. Они остановились перед воротами. Призрак свободы, маячивший за воротами, мог свести человека с ума. Они буквально шли по лезвию ножа. Но голос из толпы крикнул: «Эрих прав. Они убьют нас, если мы выйдем». Ропот согласия подсказал Эриху, что он предотвратил катастрофу.

– Идем, – сказал он. – Мы возьмем коменданта и заставим его позвонить в его штаб.

Пленные согласно зашумели и двинулись к комендатуре. Весь плац был забит пленными, которые присоединились к желавшим выйти за ворота. Эриху пришлось проталкиваться

сквозь толпу.

Коменданта привели обратно в его кабинет. На его толстом лице ясно были написаны страх и недоверие. Русский офицер сел за свой стол. Его окружала толпа похожих на скелеты людей. Он встретился взглядом с усмехающимся Хартманном.

– Полковник, – сказал Эрих, – пожалуйста, садитесь. Мы хотим, чтобы вы позвонили в ваш штаб и сообщили им, что здесь произошло.

Полковник пожал плечами:

– Они пришлют солдат и, возможно, расстреляют всех вас, – сказал он.

Голубые глаза остались холодными.

– Я так не думаю, полковник. Пожалуйста, позвоните им и сообщите, что произошло. Где расположен ваш высший штаб?

– В Ростове, – сказал полковник, снимая телефонную трубку.

Он попросил соединить его с генералом. Эрих слышал, как генерал подошел к телефону и спросил:

– Кто?

– Товарищ генерал, это комендант лагеря Шахты. Немецкие пленные устроили здесь мятеж…

На другом конце линии вскрикнули, а потом хлынул поток вопросов. Наконец комендант сумел вставить словечко:

– Нет, товарищ генерал. Меня вместе с моими офицерами задержали пленные… Нет, нам не причинили вреда. Пленный Хартманн хочет говорить с вами.

Эрих взял трубку. Его знание русского оказалось полезным в таких обстоятельствах.

– Генерал, нас в этом лагере содержат в исключительно плохих условиях. Я несу главную ответственность за восстание, так как отказываюсь работать в качестве преступника и раба. Наши бараки разваливаются, а от пищи откажутся даже свиньи. Подземные работы по 12 часов в день просто убьют людей.

– И что вы хотите от **меня** ? – Голос генерала был недовольным.

– Мы требуем прибытия представителя правительства из Москвы, чтобы произвести инспекцию, а также международной комиссии, чтобы она увидела эти условия. Мы хотим, чтобы они были улучшены.

– Мы позаботимся об этом, Хартманн. Я возлагаю на вас личную ответственность за все, что может случиться с комендантом и остальными офицерами.

Эрих подмигнул своим товарищам:

– Не беспокойтесь об этом, генерал. Мы все джентльмены.

Эрих положил трубку и повернулся к повстанцам:

– Скоро что-то произойдет, – сказал он.

Через 20 минут шум голосов и рев моторов грузовиков известили о прибытии Красной Армии к воротам лагеря. Рота солдат численностью около 200 человек, до зубов вооруженная автоматами, под прикрытием пулеметов на грузовиках рассыпалась цепью за оградой лагеря. Однако из собравшейся толпы русских гражданских лиц слышались выкрики:

– За что вы держите здесь этих людей?

– Позвольте им вернуться домой. У них ведь тоже есть семьи.

– Позор!

Сентиментальные русские люди были на стороне пленных, и они дали это понять красноармейцам.

Эрих и его товарищи вышли из комендатуры и стали смотреть, как красная пехота готовится к бою. Эрих подошел к воротам поближе, чтобы русские могли его услышать, и крикнул нервничающим солдатам, которые навели стволы на толпу оборванных скелетов за колючей проволокой:

– Русские солдаты! Мы сидим за колючей проволокой потому, что были такими же солдатами, как вы сегодня. Мы сражались, подчиняясь приказам. Мы пленные солдаты.

Русские гражданские своими криками поддерживали Белокурого Рыцаря.

– Русские солдаты, может быть, вы однажды тоже окажетесь здесь, – продолжал Эрих. – Так почему вы сегодня делаете это с другими солдатами?

Он сделал несколько шагов вперед и сбросил свою лагерную робу, обнажив торс. Потом раскинул руки в стороны.

– Стреляйте! – крикнул он. – Я не смогу ответить!

После прибытия генерала из Ростова нервничающие русские пехотинцы строем вошли за ограду лагеря и загнали пленных в бараки. Русские подавили мятеж, прекратив на пять дней все работы в Шахтах. Прошел слух, что прибывает комиссар из Москвы. На шестой день русские сообщили о своих намерениях Эриху.

Охранники с винтовками вывели Эриха за проволоку в помещение комендатуры. Вместе с ним вывели полковника Вольфа и подполковника Прагера. Комендант снова сидел за столом в полной форме.

– Больше мы не потерпим здесь мятежей, Хартманн, – сказал он.

– Зачем вы послали за мной, полковник?

– Политическое руководство расследовало причины вашего мятежа. Оно считает, что ты имеешь слишком большое влияние на людей здесь. Ты не только фашист и подстрекатель, но ты еще

и революционер.

– И что вы предлагаете? – спросил Эрих.

– Мы намерены отделить тебя от остальных пленных. Мы знаем и остальных главарей. Они будут отправлены в другие лагеря. Ты, Вольф и Прагер отправитесь в Новочеркасск.

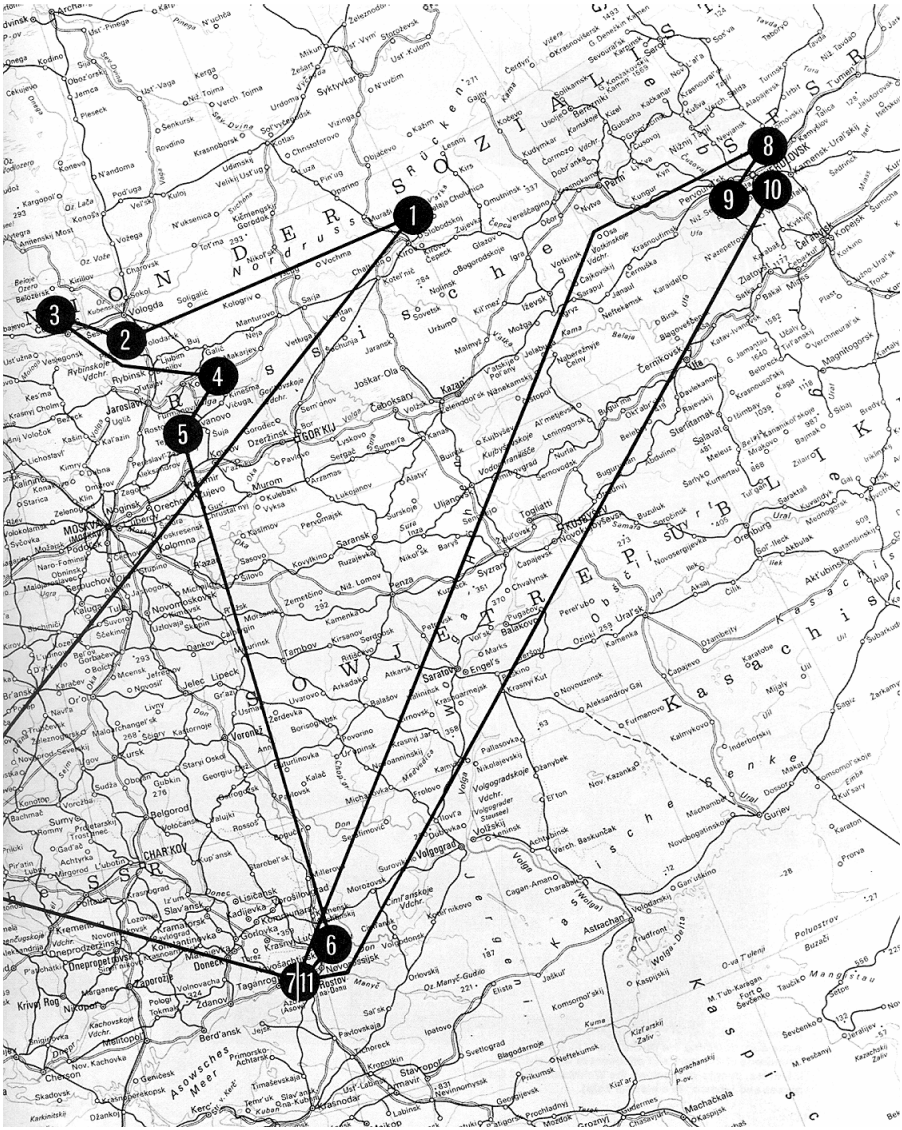
– А что относительно условий в лагере и международного трибунала?

– Кое-что переменится, Хартманн. Но ты этого не увидишь. Ты вообще ничего не увидишь, так как в Новочеркасске опять сядешь в карцер в качестве наказания за мятеж. Твоим товарищам сообщат, что тебя расстреляли, и ты просто исчезнешь. Это заставит их испугаться. Все, Хартманн.

Из последующих 9 месяцев в Новочеркасске Хартманн провел в карцере 5 месяцев. В этот период его снова лишили переписки. В ответ на его постоянные требования русские позволили ему предстать перед трибуналом, созданным специально для рассмотрения его случая. Из Москвы прибыл генерал вместе с четырьмя полковниками и двумя майорами в сопровождении секретаря.

Во время заседаний трибунала русские еще раз показали Хартманну, что с ними лучше не связываться. Они обвинили его в подстрекательстве гражданского населения Шахт к восстанию против советской власти. Полное безумие этого обвинения не смущало трибунал. Эрих увидел, что он снова попался в челюсти иррационального коммунистического менталитета. Его последнее выступление подвело итог общения с машиной советского «правосудия»:

– Ваше правительство обвинило меня в военных преступлениях, не имея никаких доказательств. В любой цивилизованной стране представленные факты даже не рассматривали бы. Вы подписали Женевскую конвенцию и другие документы, запрещающие жестокое обращение с людьми. Вы пытаетесь лишить меня элементарных прав и приговорить к 25 годам рабства за то, чего я никогда не делал.



Карта странствий Хартманна по сталинским лагерям.

1. Август – октябрь 1945. Киров
2. Октябрь 1945 – октябрь 1947. Грязовец
3. Октябрь 1947 – октябрь 1949. Череповец
4. Октябрь – декабрь 1949. Ивановка (первый суд)
5. Декабрь 1949 – май 1950. Тюрьма ГПУ, Иваново
6. Май – ноябрь 1950. Шахты (второй суд)
7. Ноябрь 1950 – май 1952. Новочеркасск
8. Май – ноябрь 1952. Асбест
9. Ноябрь 1952 – август 1954. Тюремный лагерь, Дегтярка
10. Август – октябрь 1954. Тюрьма ГПУ, Свердловск
11. Октябрь 1954 – октябрь 1955. Тюрьма ГПУ, Новочеркасск

Когда я запротестовал и всего лишь попросил рассмотрения международного трибунала – я не боюсь того, что мир услышит о ваших обвинениях, – вы бросили меня в одиночную камеру на много месяцев и распустили слух, будто я мертв. Сегодня на мировой арене ваше правительство говорит о своем миролюбии. Однако, удерживая более 60 000 немецких солдат, вы отказываетесь закончить последнюю войну. Сегодня вас, советских офицеров, можно обвинить в том же самом.

Вы воюете со всем миром из-за своего комплекса неполноценности и кретинизма. Возможно, в Шахтах имело место возмущение гражданского населения. Я никогда ни единым словом не призывал русских подниматься против своего правительства, однако придет день, и вы все столкнетесь с тем, что они носят в своей душе. Если бы они могли решать, сегодня я был бы свободен. Вы боитесь собственного народа, так как однажды они заставят вас отвечать за то, что вы называете правосудием. И тогда пусть вам поможет Бог.

Трибунал недовольно ерзал, пока Эрих произносил свою спокойную речь. Однако, когда он закончил, члены трибунала переглянулись и согласно закивали. Приговор был вынесен задолго до того, как трибунал вообще собрался на свое шутовское заседание.

– 25 лет лагерей строго режима. Явный агент мирового империализма.

Но страдал не только Эрих, тяжелые испытания выпали и на долю его семьи в Германии. Его мать сделала несколько отчаянных попыток добиться освобождения сына, обращаясь к высшим советским властям. Мы процитируем здесь одно из ее писем к генералиссимусу Сталину.

...

« Генералиссимусу Сталину,
28 апреля 1951

Ваше Превосходительство.

Извините меня и, пожалуйста, поймите, генералиссимус Сталин, за то, что я, мать военнопленного, рискнула обратиться лично к вам, высшему лицу в Советском Союзе.

Я хочу сообщить вам следующее: мой сын, Эрих Хартманн, родившийся 19 апреля 1922 года в Вейссахе возле

Штутгарта, Германия, был офицером истребительной авиации. В 1945 году в конце войны он служил в районе Праги и был взят в плен американцами. Через 14 дней он, вместе с 7000 человек, был передан русским властям и с тех пор находится в заключении.

Мой сын сообщил, что в декабре 1949 года он был осужден на 25 лет принудительных работ, так как был старшим офицером. Я не могу поверить в такой приговор. Мой сын, как и все русские, только исполнял свой солдатский долг перед страной, ведь так?

Я верю, что это не может являться наказуемым преступлением и заслуживать такого сурового наказания.

Ваше Превосходительство, Вы много делаете для установления мира во всем мире, и я взываю к вашему чувству справедливости и прошу избавить мать от тяжелейшего и убийственного страдания, мать, которая жаждет увидеть своего сына, от которого не получала никаких известий с декабря 1949 года. Я умолю вас проявить милосердие и освободить моего сына, военнопленного Эриха Хартманна, и отослать его на родину, в Вейль-им-Шёнбух, Крейс Боблинген, Вюртемберг, Германия.

Если вы имеете какие-то возражения против этого, я хочу заверить вас, что мой сын, когда он вернется домой, никогда более не будет участвовать ни в каких акциях против вас и вашей страны. Он будет вести совершенно ***мирный*** *и* ***нейтральный*** *образ жизни. Я обещаю вам это, и, как мать, я*

добьюсь, что и он сам пообещает это. Как только мой сын вернется, я добьюсь от него такой клятвы. Я знаю, что он неукоснительно выполняет все, что обещал. Поэтому будьте так добры и прислушайтесь к моим мольбам. Шести лет заключения более чем достаточно.

Надеюсь на ваше милосердие, Ваше Превосходительство.

Искренне ваша

Элизабет Хартманн

».

Генералиссимус Сталин в этом, как и во множестве других случаев, показал, что у него каменное сердце. Он не дал никакого ответа на эту просьбу. Точно так же не ответил и министр иностранных дел В.М. Молотов. Советский Союз проявил типичную ограниченность, оказавшись не в состоянии понять все благоприятные возможности, которые открывает ему на международной арене вопрос о военнопленных. Безумная мстительность ослепляла.

Один умный полковник НКВД как-то сказал Эриху Хартманну, когда тот находился в лагере в Череповце:

– Я не понимаю наше руководство и людей, от которых это зависит. Война закончилась. Вас следовало бы отправить на два месяца на Черное море отдыхать, поить вас водкой и кормить самыми лучшими продуктами. А потом отослать домой. Если бы это было сделано, мы бы сегодня сидели на берегу Атлантики.

Когда в 1953 году Эрих покинул Новерчеркасск и был отправлен в лагерь в Дегтярку на Урале, история о мятеже в Шахтах уже стала легендой. Остальные зачинщики восстания были отправлены в Дегтярку, пока Эрих сидел в Новочеркасске. В Дегтярке Эрих встретил самый теплый прием со стороны пленных. И его сразу повели к коменданту.

Эрих ожидал очередной бессмысленной дуэли с типичным офицером НКВД, однако, войдя в кабинет, он понял, что ситуация изменилась. Комендант оказался коротеньким и толстым человеком с нервно дергающимися руками и веселой улыбкой. Он явно нервничал и для начала приветствовал пленного.

– Эрих, я надеюсь, ты найдешь условия в Дегтярке удовлетворительными.

– Это лагерь. Все это я уже видел, разве что больше колючей проволоки.

– Хорошо, Эрих, пожалуйста… **Пожалуйста** , не устраивай в моем лагере мятежа, как ты поступил в Шахтах.

– Восстание в Шахтах произошло потому, что администрация хотела отправить меня на тяжелые работы, а я сказал, что я старший офицер и не обязан работать. Поэтому я не работал, а мятеж начался, когда они посадили меня в карцер.

Русский широко улыбнулся:

– Но, Эрих, таких проблем в Дегтярке нет. Я согласен с тем, что ты не должен работать. Это право старшего офицера. Я согласен с тобой.

– Тогда, комендант, у вас не будет мятежа.

– Прекрасно, Эрих, прекрасно. Мы понимаем друг друга.

Но это хорошее начало не затянулось слишком долго. Эрих был помещен в барак особого режима, который представлял собой тюрьму внутри лагеря Дегтярка. А сам лагерь был совершенно обычным среди лагерей, в которых Советы содержали пленных немцев.

В нескольких рядах грубых бараков содержалось около 4000 человек. В каждый барак русские набивали до 250 человек. Для увеличения вместимости зданий использовались трехъярусные нары. Примитивные отхожие места находились снаружи и не обеспечивали никакого укрытия. Пленники в России не имели никаких секретов…

Вокруг бараков, но внутри лагерной ограды, находилась запретная зона, которую охраняли служебные собаки. Внешняя ограда представляла собой высокий деревянный забор, обвитый поверху колючей проволокой. Внутри деревянного забора находилась изгородь из колючей проволоки под током. Любой человек, прикоснувшийся к ней, был бы убит на месте. Внутри нее находилась изгородь высотой 8 футов, тоже обвитая колючей проволокой. Из лагеря не было ни одного побега. Никто даже не думал попробовать бежать.

Блок особого режима служил для содержания трудных заключенных, к которым принадлежал и Эрих. Это была тюрьма внутри тюрьмы. Его новый дом был второй, маленькой тюрьмой, построенной внутри общего периметра Дегтярки, который мы описали. Эти бараки стояли внутри еще одного высокого деревянного забора с дополнительным проволочным барьером. А внутри содержались те пленные, которых Советский Союз особенно ценил и к которым был отнесен Эрих Хартманн.

Здесь находился Отто Гюнше, адъютант Гитлера в последние два года существования Третьего рейха; майор граф Зигфрид фон дер Шуленбург, родственник последнего германского посла в СССР; Гаральд фон Болен унд Гальбах, брат оружейного

фабриканта Альфреда Круппа; Рихард Зейсс-Инкварт, сын известного доктора Зейсс-Инкварта, и другие люди, чьи посты в гитлеровской Германии или родственные связи делали их объектом особой ненависти советского режима. В этом блоке содержались также уголовники из России и Восточной Германии, а также те русские, которые совершили ошибку, выступив против режима. Всего в блоке особого режима находилось 45 человек.

Такое строгое заключение не раз приводило к шумным ссорам. Эрих теснее других сошелся с Отто Гюнше и Зигфридом фон дер Шуленбургом. Отто оказался отменным бойцом, если на него нападали. Но в остальных отношениях это был спокойный и мягкий гигант. Огромные кулаки и недюжинная сила адъютанта Гитлера, его спокойный и общительный характер были полной противоположностью своему хозяину. Последним заданием Отто в Германии было уничтожение трупа Гитлера.

За годы, проведенные вместе, Отто не раз рассказал эту историю Эриху, касаясь малейших деталей, но абсолютно бесстрастно, без радости или возмущения. После самоубийства Гитлера Отто вынес тело, завернутое в одеяло, на зады бункера. На скорченное тело было вылито 6 или 7 канистр бензина. Он пропитал одеяло, тело и всю окружающую почву. Отто чиркнул спичкой, и тело фюрера было кремировано.

Зигфрид фон дер Шуленбург был еще одним человеком, чей характер позволил ему сопротивляться давлению Советов. Он же и привел графа в блок особого режима в Дегтярке. Семья Шуленбургов служила фатерланду на протяжении многих поколений. Военная и правительственная служба стала семейной традицией.

Русские захватили фон дер Шуленбурга возле Бромберга в январе 1945 года. Он был профессиональным офицером и служил в 1-й казачьей дивизии. Это подразделение было сформировано из казаков, желавших сражаться против СССР. Фон дер Шуленбург принадлежал к знаменитой семье. Русские сразу поняли его вес. Комиссары попросили графа отправиться в Берлин и опознать высшее руководство страны. Он отказался. После этого началось его долгое странствие по советским лагерям, которое в конечном итоге привело графа в Дегтярку.

Дружба Эриха с Отто Гюнше, Зиги фон дер Шуленбургом и Гаральдом фон Болен унд Гальбах скрашивала время, проведенное в блоке особого режима. Они спали на полу и встречали все невзгоды плечом к плечу. Когда ушел в прошлое 1954 год, внутреннее предчувствие подсказало Эриху, что его тюремные страдания подходят к концу, хотя они по-прежнему были наглухо отрезаны от всего мира. Отто и Зиги разделяли его

предчувствия, и это помогало им сохранить бодрость духа. В июле 1954 года Эрих был отправлен в Новочеркасск. Второе пребывание в злосчастном Новочеркасском лагере завершило тюремную эпопею длиной 10,5 года.

За эти ужасные 10 лет Эрих составил вполне определенное мнение относительно обращения с военнопленными. Он беспокоился, чтобы несчастья, обрушившиеся на него, не стали участью молодых людей других национальностей. Так как вероятность будущих войн казалась сильнее перспективы мирного сосуществования, нельзя было пренебрегать перспективами новых боев с красными.

Эрих Хартманн в своей книге изложил требования ко всем правительствам мира. Он сделал это, опираясь на свой собственный опыт. ООН должна была настоять на реформе правил обращения с военнопленными.

...

– Относительно военнопленных

Мои требования к правительствам мира

1. Ни одна страна, ведущая военные действия, не должна содержать на своей территории захваченных ею военнопленных.

2. Все страны мира должны согласиться, чтобы во время военных действий нейтральные страны содержали военнопленных, захваченных обеими воюющими странами или коалициями.

3. Нейтральная страна, содержавшая военнопленных обеих воюющих сторон, должна задерживать их до окончания конфликта.

4. После окончания военных действий все пленные должны быть возвращены на родину как можно скорее.

Эти требования выработаны потому, что последние события, затронувшие десятки тысяч людей,

показали, что соглашения по военнопленным, установленные Женевской конвенцией, сегодня практически не соблюдаются.

Эрих Хартманн

Заключенный на 10 лет в СССР

».

Глава 18 Освобождение

Жизнь нужно принимать как единое целое, и хорошие, и плохие ее стороны.

Уинстон Черчилль

Интуиция Эриха подсказывала, что скоро его страдания кончатся. Это предчувствие имело под собой вполне реальные основания, хотя Эрих о них не знал. В Германии делалось все возможное для его освобождения. Письма его матери Молотову и Сталину остались без ответа и без последствий. Это погасило все надежды на освобождение с этой стороны, однако в 1954 году произошло радикальное улучшение положения Германии. Это позволило Элизабет Хартманн обратиться к другому человеку. И на сей раз ответ последовал.

Через 9 лет после окончания войны Германия уже почти оправилась от ее последствий. Люди усердно работали, чтобы восстановить разрушенные города и возвести новые заводы. Германская промышленность развивалась быстрыми темпами и завоевывала новые рынки. Страна совершила экономическое чудо и снова заняла достойное место в мировом сообществе. Восстановление повлекло за собой и увеличение политического веса Германии. Эти процессы привели к появлению наиболее значительной фигуры в послевоенной истории страны – канцлера Конрада Аденауэра.

Фрау Элизабет Хартманн написала канцлеру письмо с просьбой оказать помощь в освобождении ее сына. Канцлер Аденауэр лично ответил ей. Он сообщил, что существует надежда добиться освобождения Эриха в ближайшие месяцы, и подчеркнул, что германское правительство серьезно обеспокоено судьбой пленных. Такое письмо в значительной мере облегчило страдания матери, которые были усугублены смертью мужа. В конце концов Аденауэр стал в ее глазах настоящим героем.

«Старик» был так же надежен, как его слово. Когда он отправился в Москву, чтобы подписать всеобъемлющий договор и торговое соглашение с Россией, вопрос о судьбе пленных, удерживаемых там, стоял на первом плане. Он знал, что по крайней мере 16 000 пленных все еще удерживаются русскими. Это только по официальным данным Бонна. По неофициальным сведениям, русские тайно держали в лагерях до 100 000 человек.

Аденауэр был консервативным и порядочным человеком. Он считал, что возвращение удерживаемых более 10 лет пленных является обязанностью России. Русские желали сближения с восстановленной Германией, но в то же время стремились использовать пленных как разменную монету в торге. Одним из пунктов общего соглашения предусматривалось освобождение пленных, удерживаемых с 1945 года.

Германское правительство настаивало и на освобождении конкретных людей. Имя Эриха Хартманна было в этом списке. Охрана Новочеркасской тюрьмы сообщила пленнику о визите Аденауэра. Обрывки новостей относительно переговоров о судьбе пленных носились среди заключенных. Русская бюрократия начала шевелиться после того, как в Москве было подписано соглашение. Требование канцлера Аденауэра в конечном итоге превратилось в приказ об освобождении Эриха.

– Следовать в пятый корпус для переодевания.

Он получил новую одежду, грубо пошитую и очень неудобную, но все-таки определенно превосходящую старую тюремную робу. Годы сломанных надежд и развеянной мечты не позволяли Эриху слишком сильно надеяться на освобождение. Однако происходило что-то необычное. Новой одеждой в тюрьме не пользовались. Когда комендант лагеря пригласил Эриха и других заключенных пользоваться лагерным кинотеатром, это показалось им слишком хорошо, чтобы быть правдой. Пленные отклонили это приглашение. Несмотря на все подозрения, Эрих позволил себе роскошь предположить, что освобождение близко. А в Германии Уш думала точно так же.

Ее надежды на быстрое возвращение Эриха подкреплялись письмом Аденауэра матери Эриха и визитом германского лидера в Москву. Газеты ФРГ расписывали достижения Аденауэра в Москве, и Германия была уверена, что ее потерянные сыновья все-таки вернутся домой. Специальный выпуск «Правды», изданный в Германии, сообщил, что всем пленным дарована амнистия. Затем пришло официальное извещение от Боннского правительства, что Эрих будет освобожден.

Дни летели, и надежды Уш начали перемежаться периодами сомнений. Вернувшийся пленный, который некоторое время сидел вместе с Эрихом, сказал Уш, что Эриха не освободят, так как он считается военным преступником. Этот человек расстроил Уш и отбыл. А она ждала, с трудом перенося растущее напряжение.

Через два дня после получения новой одежды Эриху приказали собрать свои вещи и подготовиться к отправке из лагеря. Пленники были построены на плацу, комендант всем им

пожал руки, пожелал счастья и выразил надежду, что войн больше не будет. Разболтанный автобус доставил Эриха в Ростов, где его посадили на поезд, который должен был доставить заключенного домой.

Садясь в вагон, он старался подавить безумное напряжение, поднимающееся внутри. Дом… Уш… семья… В это просто невозможно было поверить. В горле у него стоял комок, однако внешне Эрих оставался невозмутим. Он даже не слишком радовался. Вместе с 50 другими пленными его усадили на деревянные скамейки, и поезд покинул Ростов. И тут мысли Эриха вернулись на 10 лет назад, когда другой поезд уносил его из Германии. Он все еще не верил, что его странствия, начавшиеся с поездки в переполненном вагоне для скота, подошли к завершению.

Поезд прошел через Воронеж, Сталиногорск, Москву и Брянск. Пока вагоны ползли на запад, надежды потихоньку становились реальностью. Всю неделю, пока за окном мелькали русские пейзажи, сердце Эриха просто пело. А потом они проехали Брест-Литовск и оказались в Польше. Вскоре после этого поезд прибыл в Восточную Германию, и теперь стук колес казался пленникам сладчайшей музыкой. Наконец поезд пересек границу ФРГ. Эрих увидел станционную вывеску:

…

«ГЕРЛЕСГАУЗЕН»

Он был свободен!

Быстро завершив таможенные формальности, Эрих спрыгнул с поезда и протолкался сквозь толпу на платформе к специально созданной конторе германского Красного Креста. Он продиктовал улыбающейся немецкой девушке, сидевшей за конторкой, свою первую телеграмму за 11 лет.

…

« Дорогая Уш сегодня я пересек границу Германии ожидай дома пока я не приеду любимая
Твой Эрих
»

Через два часа Уш прочитала эту телеграмму, и ее глаза

наполнились слезами. Обычный желтый телеграфный бланк содержал самую чудесную новость, какую она когда-либо получала. Он был свободен, и он возвращался домой. Мать Уш тоже заплакала от радости. Они позвонили матери Эриха в Вейль, и последовал новый поток счастливых слез. Известие об освобождении Эриха и скором прибытии домой разлетелось по Вейлю и Штутгарту.

Комитет встречи военнопленных на вокзале Герлесгаузена нашел теплые слова для каждого. Бургомистр города произнес короткую речь. Газетчики сновали взад-вперед, вспоминая полузабытые имена вроде «Эрих Хартманн». Вместе с ним были репатриированы и другие прославленные воины. Но трагической нотой на этом празднике радости оказались попытки разыскать пропавших без вести. Печальные женщины размахивали фотографиями и спрашивали бывших пленных, не знают ли они хоть что-то об их мужьях и отцах, сожранных советской тюремной системой.

Организация военнопленных запланировала большой прием по случаю возвращения Эриха Хартманна в Штутгарт. Ожидалось присутствие почти тысячи человек, включая многие важные персоны. Специально выбранные представили лихорадочно готовили празднество. Эрих поднял руку, чтобы остановить этот поток слов.

– Пожалуйста, не надо торжеств, – сказал он. – Я не хочу никаких праздников.

Газетчики столпились вокруг Белокурого Рыцаря, почуяв сенсацию. Они все хотели узнать, почему Эрих отклоняет торжественный прием в его честь после 11 лет отсутствия.

– Потому что русские совсем иначе смотрят на жизнь. Услышав или прочитав о подобном празднике в честь освобождения пленных, они вполне способны больше не отпустить ни одного немца. Я хорошо знаю русскую секретную полицию и всерьез опасаюсь, что она задержит моих соотечественников в Советском Союзе. Когда ВСЕ они окажутся дома, тогда и следует праздновать. А пока хоть один германский солдат остается в России, мы не должны успокаиваться.

Он поблагодарил бургомистра и комитет военнопленных за их доброту и сел в автобус, чтобы проделать последний отрезок путешествия, которое завершится в центре военнопленных в Фридланде. Когда за окнами автобуса замелькала сельская местность, он отметил необычное волнение, сопровождавшее его возвращение на родину. Это была ГЕРМАНИЯ. Эрих старался уверить себя, что все происходящее не сон и не мечта о рае.

Его страна выглядела зеленой и цветущей. Люди резко

отличались от тех, которых он помнил. Совершенно изменилась одежда. На дорогах он видел сотни сверкающих автомобилей, которые казались пришельцами с другой планеты. Времена изменились. Германия стала совсем другой страной. Он почувствовал себя живой иллюстрацией к легенде о Рипе ван Винкле. Разве что его не погружали в волшебный сон. Он прожил это время в кошмаре.

Во Фридланде он сразу заметил в толпе знакомое смеющееся лицо. Асси Ган, товарищ по заключению в Грязовце. Асси приветствовал Эриха. Он стал толстым и процветающим. Асси долго тряс руку Эриха и потребовал, чтобы тот посетил его дом, находящийся неподалеку. Оттуда он сможет позвонить по телефону Уш, а потом Асси лично отвезет его на автомобиле в Штутгарт.

Эта импровизация шла вразрез с семейными планами доставить Эриха домой к Уш как можно быстрее. Уже когда Асси Ган похитил его в Штутгарте, брат Эриха Альфред и товарищ детства Гельмут Вёрнер мчались на север, чтобы на автомобиле доставить Белокурого Рыцаря домой. Его телефонный звонок Уш из дома Гана был настоящей катастрофой. Узнав, где он находится, Уш, которая ожидала его 11 лет, слегка рассердилась:

– Дома у Асси Гана? И что же ты делаешь **там** , в то время, когда я **здесь** ?

Через несколько часов Эрих уже мчался в Штутгарт вместе с Альфредом и Гельмутом Вёрнером. Они вырвали его из начавшегося в доме Гана праздника. Все, что видел Эрих, было для него диковинкой. Германия была какой-то новой цивилизацией. Серость военных времен пропала. Яркие краски домов и одежды казались ему после 10 лет тюрьмы вспышками цветного пламени. Они ехали всю ночь, и даже обычный свет неоновых ламп словно переносил Эриха в волшебную страну.

В субботу Уш легла спать, твердо зная, что завтра Эрих будет дома, хотя точное время его прибытия оставалось неясным и зависело от состояния дорог. Она уже простила ему поездку к Асси Гану. Она нетерпеливо ждала. Короткие периоды сна перемежались с лихорадочными взглядами на циферблат часов. Около 4 часов она задремала, но телефонный звонок расколол тишину. Уш слетела с кровати и схватила трубку.

– Уш?

– Эрих! Где ты?

– Мы во Франкфурте. Мы остановились выпить кофе. Дома мы будем через пару часов.

Эти часы показались Уш просто бесконечными. Она вставала и ложилась бесчисленное число раз. Стрелки часов двигались

возмутительно медленно. Наконец она задремала и тут же услышала тихий стук. Когда она села, стук прекратился. На мгновение она решила, что ей померещилось. Затем стук раздался снова.

Уш подбежала к окну, распахнула его и высунулась наружу, пытаясь разглядеть, что происходит перед дверью, находящейся внизу. Там кто-то стоял, но кто именно, увидеть было трудно.

– Эрих? – спросила она мягко.

Человек сделал пару шагов, и она увидела его лучше. Волосы Эриха остались такими же светлыми, а глаза стали еще голубее. Лицо было изможденным, а жилистое тело стало невероятно худым. Он улыбнулся, и ее сердце подпрыгнуло. Ее Эрих вернулся домой.

Еще не привык к нормальной одежде

С невыразимой нежностью они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Потом Уш нарушила молчание:

– Эрих, наша любовь осталась такой же, словно ты и не пропадал.

Голос Эриха прозвучал мгновением позже:

– Ты выглядишь хорошо, – сказал он. Он просто не находил

слов.

Уш бросилась ко входной двери, и через мгновение они обнялись. Вера, надежда и любовь победили. Они прошли через самое тяжелое испытание. Для них обоих это был незабываемый миг. Радость переполняла их, лишив слов.

Ненадолго появились родители Уш. Они были потрясены тем, что ожидание их дочери оказалось ненапрасным. Со счастливыми слезами они увидели, что Эрих вернулся, чтобы возродиться к новой жизни. Эрих позвонил своей матери, а потом воспользовался неслыханной роскошью горячей ванны. После этого влюбленные остались одни. Волна невыразимой сладости физической любви, которой они были лишены на 10 лет, унесла их с собой, смыв все горькие воспоминания и разочарования. Если и был на Земле рай в то утро, несомненно, он находился в доме Эриха и Уш.

Первая телеграмма, отправленная из Герлесгаузена после освобождения

Их счастье длилось чуть больше двух часов. Потом к дому Петчей началось настоящее паломничество. Доброжелатели, друзья, официальные лица… Счастливые люди трясли руку Эриху, а их жены обнимали его. Детям друзей, которые стали уже почти взрослыми, представляли легендарного героя. Цветы, подарки, знаки уважения грудами лежали во всех комнатах. В тот день дом посетило 300 или даже 400 человек. Поэтому даже самым близким людям пришлось ограничиться пока парой слов. Эрих и Уш смогли остаться наедине только в 10 часов вечера.

В следующие несколько дней Эрих начал оправляться от усталости, вызванной долгим путешествием из России и

эмоциональным возбуждением от воссоединения с любящими его людьми. После того как он поговорил с Альфредом, своей матерью, Уш, ее родителями, многими друзьями, которые приходили поздравить его в возвращением, он неожиданно ощутил, что последние 10 лет словно испарились. Сердечное тепло и домашний уют исцеляющим бальзамом пролились на истерзанную душу. Кошмарное десятилетие пропало.

– Теперь, когда я вернулся домой, – сказал он Уш, – мне кажется невероятным, что я отсутствовал целых 10 лет. Что случилось с этими годами?

– Я чувствую то же самое, Эрих. Словно ты отсутствовал всего пару недель.

Ужасное десятилетие кануло в ад, пропало в лабиринтах времени, однако оно оставило Эриху свои памятки. Пока Эрих находился в тюрьме, его брат Альфред стал дипломированным врачом. Он теперь работал в том же доме и в той же клинике на Бисмаркштрассе в Вейле, которую построил их отец после возвращения из Китая. Когда Альфред впервые увидел физическое состояние Эриха, он ужаснулся.

Крепкое мускулистое тело атлета, которое помнил Альфред, теперь весило не более сотни фунтов. Осунувшееся лицо Эриха было ярким свидетельством испытанных им мучений. Однако из разговора Альфред сразу понял, что разум и психика брата не пострадали. Рассказывает доктор Альфред Хартманн:

«Его физическое состояние сначала меня просто потрясло. То, что я увидел в Эрихе после его возвращения, как брат и как врач, много добавило к тому, что я знал о нем с детства. Главным было то, что его разум не пострадал. Я хорошо знал его крепкую конституцию и его превосходную способность восстанавливаться. Я понял, что он оправится быстро».

Самой главной задачей для Эриха и Уш на первых порах их совместной жизни стало восстановление физического здоровья Эриха. Он был просто не в состоянии заниматься какой-либо коммерческой деятельностью, поэтому они на время решили поменять обязанности мужа и жены. Уш продолжала работать на почте в Штутгарте, а Эрих взял на себя заботу о доме. Это решение помогло ему вернуться к нормальной жизни после 10 лет полной изоляции от нормального человеческого бытия.

Лучший в мире пилот-истребитель так описывает свое возвращение к нормальной жизни:

«Каждое утро я должен был встать и приготовить завтрак. После того как Уш отправлялась к 8.00 на работу, я мыл посуду, мыл пол, застилал кровати, стирал белье и прибирался по дому. Я все делал, как горничная! Потом я выходил на улицу и

приводил в порядок сад, полол цветы, подстригал траву, подкрашивал и ремонтировал дом.

Я впервые узнал, сколько самых разных дел приходится делать нашим женам, когда мужчины отправляются на работу. Я должен был ходить по магазинам и готовить ужин. А вечером я сидел под дверью и дожидался возвращения Уш. Этот период подтвердил мне то, в чем я и без этого был твердо уверен, – без Уш я просто ничто».

Эти самые обыденные домашние дела были наполнены для Эриха магической притягательностью. Как ребенок перед Рождеством, он заглядывал в витрины магазинов. Непривычная новизна витрин несколько недель восхищала его. Блестящие цветастые упаковки новых товаров восхищали его. Вкус домашней еды казался ему лучше самых изысканных деликатесов. Он был лучше самых буйных фантазий в годы заключения.

Он много читал, пытаясь наверстать упущенное. Для Эриха даже старые журналы были полны ценной информации. Он спал и дремал, когда не занимался домашней работой, и прежняя сила постепенно возвращалась в его иссохшие мускулы. Новая кожа постепенно скрывала тюремные язвы. Возвращение к нормальным семейным отношениям после 10 лет в эмоциональной пустыне приносило ему неописуемое внутренне блаженство. Психические раны были более глубоки и болезненны, чем телесные язвы. Однако вскоре и они начали затягиваться под влиянием нормальной жизни, которая основывалась на взаимной любви.

Тюремная психология и модель поведения, вколоченные в него за 10 лет заключения, создали немало сложных моментов в первые недели пребывания дома. Он боялся разговаривать с людьми, когда шел в деревню за покупками или при любой случайной встрече. Люди в Германии мирного времени думали совсем иначе, чем в войну. А по сравнению с военнопленными они были более живыми и раскованными. И теперь немцы занимались совсем иными делами, чем 10 лет назад. Все это иногда заставляло Эриха думать, что он попал на другую планету.

Ощущение, будто за ним следят, сохранялось несколько недель. Более 10 лет он все делал под присмотром или русских охранников, или своих товарищей по заключению. Сохранился прочный психологический барьер, когда он пытался заниматься обычными, повседневными делами, так как оставалось ощущение чужого присутствия и запрета на любой нормальный поступок.

Однажды вечером он отправился вместе с Уш на прогулку в Штутгарт. Они проходили мимо танцевального зала. Музыка плыла в вечернем полумраке, улыбающиеся парочки спешили на

танцы. Танцы были именно тем, что Эрих и Уш полюбили еще во время своих свиданий в танцклассе до войны. Уш сразу все вспомнила:

– Пойдем потанцуем, Эрих.

Он очень хотел этого, но что-то остановило его. Какое-то физическое препятствие. Эрих почувствовал какие-то невидимые путы, мешающие ему двигаться. Словно он стал неуклюжим и глупым. Он не мог заставить себя войти в зал, несмотря на колоссальное желание доставить радость Уш. Мужчины, которые попали в плен в сегодняшних войнах, могут вернуться домой с таким же грузом. Опыт Эриха Хартманна, вынесенный им из советских лагерей, заслуживает внимания. Его слова также подсказывают путь лечения тех, кому нужно помочь забыть тюремное заключение:

«Остается ощущение, словно кто-то стоит у тебя за спиной и следит, что тебе запрещено все нормальное и человеческое. С этим повторяющимся кошмаром может справиться не каждый бывший пленник. У меня это продолжалось два месяца. Я полагаю, что мне просто посчастливилось отбросить это прочь, так как это становится образом мыслей, который годы тюрьмы буквально вколачивают в твой мозг.

Другим пленным, которые были со мной в России, повезло меньше. Я знаю это, так как встречался с ними и разговаривал. Они и сегодня остались в когтях тюремной психологии и, как следствие, не сумели начать новую жизнь. Это конченые люди. Я хочу, чтобы общество обратило внимание на ужасные страдания этих психически сломленных личностей.

По ночам начинается настоящий ужас. Они мысленно уносятся обратно в страшный лагерь. Они никогда не станут свободными».

Эрих поправлялся стремительно. Семейное тепло, доброта и любовь творили чудеса. В ноябре 1955 года он вместе с Уш занялся организацией столь запоздавшего венчания. Им хотелось церковным обрядом закрепить гражданскую процедуру, состоявшуюся в сентябре 1944 года в Бад Висзее. Дядя Эриха, протестантский пастор в Бопфингене, совершил церемонию. Венчание стало трогательным зрелищем, которому придавала особое значение сила любви, выдержавшей 10 лет разлуки.

Эрих оттаивал душой и телом в атмосфере тепла и доброты в Вейле. Но его мысли постоянно возвращались к вопросу о будущем. В 34 года он задавал себе вопросы, которые обычный человек задает в 20. Он должен зарабатывать на жизнь себе и Уш, а это было серьезной проблемой. Он должен обеспечить семью, если они решат снова завести детей.

Если бы не вмешалась война, Эрих, скорее всего, стал бы доктором, как и его отец. Он особенно остро пожалел о смерти отца, когда размышлял над будущим. Ему очень требовался сейчас добрый совет. Эрих все еще хотел бы стать врачом, однако он был реалистом. В 33 года начинать занятия медициной с нуля будет исключительно сложно, даже при самых благоприятных обстоятельствах. А в его конкретном случае это становилось почти невозможно. Он был на 10 лет отрезан от человеческой цивилизации. Даже его устарелые школьные познания в химии и физике почти улетучились из памяти. Мечтать стать доктором было несерьезно.

Точно та же пропасть – 10 тюремных лет – раскрывалась перед ним, если он начинал размышлять о других профессиях. 33 года – слишком много для старта в любой работе. Почти треть жизни Эрих провел в тюрьме. Его нехватка делового опыта не только помешает ему работать с другими, но и ставит крест на любом собственном предприятии. Ему нужно время, чтобы освоиться с образом мышления коммерсанта, вникнуть в суть дела, освоить методы. А тем временем нужда сделает жизнь достаточно неприятной.

Этот критический для Эриха период совпал с началом возрождения германских ВВС. Основы его заложило несколько лет назад правительство Аденауэра. Бывшие асы JG-52 Макки Штайнхоф и Дитер Храбак составили надлежащие планы. Новые ВВС предполагалось создавать вокруг лучших германских пилотов и командиров периода Второй мировой войны. Уже через три недели после возвращения Эрих ощутил, что надвигаются новые события. Зазвонил телефон. Уш сняла трубку, выслушала и протянула ее Эриху.

– Вальтер Крупински, – сказала она.

– Привет, Буби, – загрохотал несокрушимый Граф Пунски. – Герд Бакгорн и я отправляемся в Англию переучиваться летать на реактивных истребителях. Может, ты отправишься с нами? Черт побери, Буби, как ТЫ?

Эрих прикрыл ладонью микрофон и посмотрел на Уш с выражением неверия на лице.

– Великий Боже, Уш. Он хочет, чтобы я вместе с ним отправился на курсы переподготовки летчиков в Англию. Он, должно быть, спятил.

Крупински продолжал кричать в телефон:

– Буби, какого дьявола ты пропал?!

– Круппи, черт тебя побери, я провел в тюрьме почти 11 лет, и дома я нахожусь меньше трех недель. Я не могу ехать в Англию или еще куда, пока не поправлюсь.

– Все это чепуха, Буби. Только поднимись в воздух. Ты сразу почувствуешь себя лучше, когда снова начнешь летать. Как в старые времена.

Снова вместе!

Крупински продолжал пылать энтузиазмом, однако он не смог зажечь Эриха.

– Круппи, позвони мне, когда вернешься. Расскажешь мне о полетах и современных реактивных, ладно?

Крупински позвонил. Он схватился за телефон, как только вернулся из Англии. Это же делали и остальные пилоты, которые поступали в новые ВВС. Предложение Крупински, сначала показавшееся странным, снова вспомнилось Эриху через несколько недель. Он тоже думал о старых товарищах, которые сейчас снова летали.

Никто из пилотов – Круппи, Герд Бакгорн, Гюнтер Ралль – не летал, пока он сидел в тюрьме. Они не находились на военной службе, так как страна просто не имела армии. Они были вынуждены заниматься другими вещами. Новые ВВС давали им шанс снова показать свое мастерство, технические знания и опыт, которые они приобрели в молодости. Они находились в той же исходной точке, что и Эрих. Единственное различие заключалось в том, что они стали профессиональными офицерами до войны и были старше Эриха. Однажды Эрих обнаружил, что разговаривает сам с собой, как делал в трудном бою или во мраке тюремной

одиночки:

«Эрих, пилотирование истребителя – это единственное, что ты знаешь. Зато знаешь хорошо. Может, тебе стоит забыть, что сейчас тебе не нравится военная жизнь, как ты это забыл в 1940 году, когда выпал шанс стать пилотом?

Эти мысли в последующие месяцы получили мощную поддержку.

Серьезные люди, которым Эрих доверял, убеждали его вернуться в военную авиацию. Бывший командир 52-й истребительной эскадры Дитер Храбак сам приехал к нему домой, чтобы убедить его вернуться на службу в ВВС. Храбак вместе со Штайнхофом работал над воссозданием ВВС и отправлялся в США, чтобы пройти переподготовку на новейших реактивных истребителях. Он обрисовал будущее ВВС в ярких красках, но достаточно реалистично. В них было место для Эриха.

Сразу вслед за Храбаком явился министр культуры в правительстве Аденауэра, бывший школьный учитель Эриха герр Симпфендорфер. Вместе с ним приехал высокопоставленный чиновник Министерства обороны герр Бёнш. На сей раз давление было более мощным:

– Ты должен вернуться, Эрих. Ты нужен нашим ВВС.

Герр Бёнш был печальным и серьезным.

– Ты лучший в мире истребитель, ты имеешь Бриллианты, и ты являешься важной персоной в глазах молодых пилотов, которых мы собираемся учить. Ты просто обязан вернуться на военную службу.

Крупински, Герд Бакгорн и Гюнтер Ралль периодически звонили или приезжали. Макки Штайнхоф встретил Эриха в аэропорту Эхтердинген и использовал всю свою силу убеждения. Ему не обещали рая, однако хорошую карьеру и безопасность предлагали твердо. И как резкий контраст по сравнению с этими словами выглядела полная неопределенность в мире бизнеса. Через несколько месяцев Эрих понял, что он должен что-то предпринять. ВВС предлагали ему знакомое занятие, в котором он когда-то преуспевал. Жизнь продолжалась.

Уш ничего не говорила в эти критические месяцы, никак не пыталась подтолкнуть его к какому-то решению. Он знал, что решать должен сам, и Уш примет любое решение. В конце 1956 года Эрих решил снова поступить на службу в ВВС, и она с этим согласилась. Тем не менее ее беспокоило, что Адольф Галланд и остальные истребители, награжденные Бриллиантами, остались вне новых ВВС. То же самое сделал Ханс-Ульрих Рудель, знаменитый пилот-пикировщик, тоже имевший Бриллианты. Когда Эрих вернулся в авиацию, он оказался единственным

офицером новых ВВС, заслужившим Бриллианты в годы Второй мировой войны. И Уш была не единственной, кого беспокоило решение Эриха.

Его брат Альфред открыто выражал сожаление. Сегодня он говорит об этом периоде:

«Мне было жаль, что он решил продолжать военную службу, так как я знал, что это противно его натуре. Однако годы тюрьмы сделали страшное дело. Он просто не мог начать новую жизнь, оставалась лишь армия».

В авиации произошло второе рождение Эриха Хартманна, там, где в годы юности он заслужил бессмертную славу. И в этот новый период его жизни Белокурому Рыцарю снова требовалось сердце бойца, ведь впереди его ждали новые сражения.

Глава 19 Возрождение

Не может быть хорошим человек, у которого нет врагов.

Генерал-майор сэр Перси Хобарт

Почти сразу после решения Хартманна снова поступить на военную службу внутри германских ВВС начались споры относительно его нового статуса. Этот мелкий спор имел большие последствия. Он был типичным для недоразумений, которые сопровождали новую карьеру Эриха и его продвижение по службе. Характер этих трудностей проистекал напрямую из истоков и основной философии новых германских вооруженных сил, поэтому уместно будет их кратко рассмотреть.

В Федеративной Республике Германии наследие гитлеровского периода сказалось на организации новых вооруженных сил. Германский народ был совершенно равнодушен к бундесверу, так как он нахлебался от милитаристов за годы нацизма. Организаторам новых вооруженных сил пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить главенство гражданских властей над военными структурами, как это было в Англии и Америке. Психология немцев была совершенно иной, чем в этих странах, и ее новые вооруженные силы теперь стремились играть свою роль в политике в отличие от подчеркнутой аполитичности в прошлом. Старая система военной касты, присягающей на верность главе государства, была дополнена совершенно новыми чертами.

Офицеры оставались в стороне от избирательных кампаний согласно традициям и уставам, однако теперь они вступали в политические партии. Реорганизация вооруженных сил и установление гражданского контроля над ними сказались на офицерском корпусе. Назначение, производства и успехи офицеров теперь зависели от политиков в той же мере, что и от профессиональных заслуг.

Германские ВВС серьезно пострадали из-за того, что политики оказывали слишком большое влияние на этот вид вооруженных сил. Эти ошибки были слишком хорошо известны офицерам на действительной службе, которые не без яда указывали на них непрошеным пришельцам. В годы создания новых ВВС офицерский корпус серьезно пострадал от политического кумовства. Офицер, который имел прочные связи в

высших политических кругах, мог в первые годы совершать любые ошибки. В то же время заслуженные люди под различными предлогами отстранялись от работы. Эти меры были совершенно необходимы, чтобы обеспечить карьеру любимчиков, так как эти карьеры строились отнюдь не на личных качествах офицеров.

С самого начала своей второй военной службы Эрих Хартманн держался в стороне от политических выдвиженцев. От него ожидали, что он вступит в партию христианских демократов после возвращения на военную службу. Похоже, именно это было негласным условием назначения Эриха на пост командира первой эскадры реактивных истребителей, хотя это прямо не говорилось. В своей прямолинейной манере он объяснил, что не собирается вступать ни в какую политическую партию. Он никогда не путался с политиками в прошлом, и именно политика стоила ему 10 лет жизни. В некотором смысле это заявление было опрометчивым.

Управление личного состава предложило ему вернуться на службу в чине капитана, «так как он прослужил в чине майора менее двух месяцев, когда завершилась война». 10 лет в тюрьме, когда майор Хартманн продемонстрировал образец правильного поведения офицера, казались чиновникам делом второстепенным. Офицеры, например Гюнтер Ралль, узнавшие о предложенном ему звании капитана, пришли в ужас. Политиканам объяснили, что немыслимо требовать от лучшего в мире аса, единственного обладателя Бриллиантов в новых вооруженных силах, поступления на службу с понижением в чине.

Друзья Эриха выиграли эту небольшую стычку, хотя в то время он не подозревал об этом. Идея понизить Хартманна в чине была не слишком странной, если попытаться разобраться в закулисных причинах этого. Главной персоной в управлении личного состава новых ВВС был экс-майор Люфтваффе. Он служил в разведывательной авиации на Восточном фронте и знал Хартманна. Возможно, слишком хорошо знал, чтобы относиться к нему равнодушно.

В январе 1943 года Эрих обеспечивал истребительное прикрытие этому офицеру во время вылета к Батуми, чтобы удостовериться в присутствии там кораблей Черноморского флота. Вскоре после того, как они пересекли линию фронта, русские открыли зенитный огонь. Пилот самолета-разведчика немедленно повернул свой самолет назад на базу. Истребители выполнили задачу и посетили Батуми. Они обнаружили русские корабли в гавани, однако история не закончилась этим рапортом. Вскоре после этого прибыл военный прокурор, чтобы выяснить причины невыполнения майором задания. Он был смещен и

отправлен в Германию. В 50-х годах майор снова вынырнул на поверхность и теперь заведовал званиями, производствами и назначениями в новых германских ВВС.

Эрих поступил на службу в чине майора. Однако это была только первая попытка отравить ему жизнь. Угодничество и клевета являются естественным дополнением трусости и некомпетентности. Люди, отмеченные этими качествами, редко вступают в открытую схватку с теми, кого боятся и ненавидят. Однако барьеры, которые воздвигались на пути Эриха, от этого не становились менее прочными. Часто он становился жертвой собственной обостренной реакции на махинации мелких говнюков.

Перед тем как вернуться на службу, Эрих отыскал в Дюссельдорфе своего бывшего старшего механика Гейнца «Биммеля» Мертенса. Биммель едва не уронил телефонную трубку, когда услышал знакомый голос Эриха, словно пришедший из прошлого. Они не разговаривали друг с другом почти 11 лет, хотя на фронте были неразлучны, как близнецы. В последний раз они виделись, когда догорали остатки самолетов JG-52 на аэродроме Дойче Брода в мае 1945 года. Для Эриха во всем мире существовал только один старший механик наземной команды, и он хотел, чтобы Биммель снова служил вместе с ним. Однако для себя Эрих решил, что не станет ломать жизнь Биммелю, если тот преуспел на гражданке.

Эрих обнаружил вполне успешного бюргера. Биммель имел хорошую работу в городском водопроводе и двоих детей. Для такого благоустроенного человека возвращение на военную службу было бы глупостью. Поэтому Эрих даже не затрагивал в разговоре с Биммелем этот вопрос. Белокурый Рыцарь понял, что ему придется примириться с другим техником. Через неделю Биммель и вся Германия прочитали газетные заголовки:

...

ХАРТМАНН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЛЮФТВАФФЕ

За два дня до появления этих заголовков Эрих прошел все необходимые комиссии. Врачи подтвердили, что он полностью оправился после страданий, перенесенных в заключении. 8-недельные языковые курсы под руководством американцев дали ему основные познания в английском. После этого ему приказали отправляться в Ландсберг для тренировок под руководством

американских инструкторов.

С мая 1955 года германские вооруженные силы начали стремительно увеличиваться, после того как в октябре 1954 года Германия приняла приглашение вступить в НАТО. Организация Северо-Атлантического Договора была создана в 1948 году, после установления блокады Берлина, которая продемонстрировала Западу необходимость совместных оборонительных мероприятий. Германия стала центральным и самым важным звеном этой оборонительной системы. Летные тренировки начались на нескольких базах новых германских ВВС в Германии. Использовались английские и американские самолеты и инструктора. Одновременно несколько сот немецких офицеров с помощью американских ВВС проходили переподготовку на реактивных самолетах на базе вблизи Феникса, Аризона.

В первые месяцы после возвращения Эрих летал на двухместном «Пайпер-Кабе», принадлежавшем его другу, чтобы заново получить лицензию на управление легкими самолетами. 11 лет прошло с того дня, как он в последний раз сидел в кабине самолета. Поэтому он с опаской подошел к маленькой машине. Однако, как только Эрих открыл дверь крошечной кабины и заглянул внутрь, он испытал странное чувство, будто летал на нем еще вчера. Маленький «Пайпер» был по размерам похож на «Шторх», на котором Эрих очень часто летал во время войны. Ощущение машины сразу вернулось к нему. Когда Эрих поднялся в воздух, то обнаружил, что не утерял и своего мастерства. Победный рев мотора прозвучал для него как голос друга, воскресшего из мертвых. После этого Эрих только обрадовался, получив в конце 1956 года приказ явиться в Ландсберг для переподготовки.

Торжественный смотр по случаю создания JG-71

Феномен потерянных годов, который ударил его особенно остро во время полетов на «Пайпер-Кабе», поразил и американских инструкторов в Ландсберге. Когда Эрих Хартманн прибыл на авиабазу, американцы с трудом поверили своим глазам. Самый лучший пилот-истребитель выглядел лет на 25, хотя провел 11 лет в советских лагерях и совершил более 1400 боевых вылетов.

Под руководством доброжелательного капитана Джеймса Мангума Эрих быстро освоил Т-6 и Т-33. «Норт Американ» Т-6 был учебным самолетом со звездообразным двигателем и двухлопастным пропеллером. Он использовался в качестве пилотажного самолета. Самолет был большим шагом вперед по сравнению с «Пайпером», но все равно оставался далеко позади Ме-109, на котором Эрих пролетал сотни часов. «Локхид» Т-33 был двухместным реактивным учебным самолетом. Однако и реактивные самолеты не были для Эриха в новинку, так как в 1945 году он летал на Ме-262.

Радостное чувство полета на мощном самолете было одним из признаков освобождения. Он чувствовал, что родился заново. Но и эта радость была не единственной в его жизни. Летом 1956 года Уш забеременела. Эрих, который до этого полностью сосредоточился на делах военных, понял, что мир снова наполнен для него радостным ожиданием. Смерть маленького сына, которого он ни разу не видел, так как находился в тюрьме, была для него тяжелым ударом. И появление нового ребенка становилось началом новой жизни.

Когда 23 февраля 1957 года в Тюбингене возле Вейля Уш родила прелестную белокурую дочку, радости родителей не было предела. Урсула Изабель скоро стала «Маленькой Уш» и помогла своим родителям забыть печали прошлого за радостями сегодняшнего дня. Тот день, когда Эрих смог ощутить себя отцом, стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

В 1957 году Эрих прошел курс обучения на реактивных истребителях на базе ВВС возле Феникса в Аризоне. Прощание с Уш и дочкой было трудным, однако новые друзья на базе Люк в Аризоне помогли Эриху чувствовать себя как дома. Он летал на T-33 и F-84, отрабатывая стрельбу, бомбометание и пилотирование. Погода стояла отличная, что позволяло летать почти каждый день.

Его связи с американцами окрепли, когда на базу Люк из Англии прибыл полковник Раймонд Констебль, один из авторов этой книги. Он был приглашен на слет бывших летчиков 20-го тактического истребительного крыла. Белокурый Рыцарь был избран почетным членом 20-го крыла, когда эта часть квартировала на базе КВВС в Уэзерфилде, Эссекс, Англия. Американские пилоты в Люке приняли лучшего аса по-братски. Этот водоворот общения не позволял ему даже задуматься над иронией ситуации – он стоит плечом к плечу с бывшими врагами, причем в далекой Европе он даже сбил семь их самолетов.

Когда на авиабазе показали пленки фотопулеметов, снятые во время боев, Эрих с удовольствием указал молодым американским пилотам, что эти кадры только подтверждает то, что он рассказывал о своей боевой тактике. «Сближайтесь, если вы хотите его сбить, – не раз повторял он. – 250 ярдов? Это слишком далеко». Некоторые молодые пилоты скептически усмехались, но документальные кадры показали, что Эрих был прав.

Генерал-лейтенант Каммхубер

Когда преследуемый самолет заполнил весь экран и преследователь открыл огонь, взрыв цели происходил каждый раз, когда расстояние между самолетами оказывалось минимальным. Если стрельба велась на большой дистанции, камера показывала уходящие по дуге в сторону пули и отдельные случайные попадания. Очень редко можно было увидеть сбитый самолет. Исключениями были только легко воспламеняющиеся японские машины, которые вспыхивали даже при одном попадании. Пленки показали, что ни одна атака с большой дистанции не дает таких действенных результатов, как стрельба в упор. Молодые американские пилоты восхищались скромностью и открытостью Эриха Хартманна. Он притягивал их, как магнит. Они охотно перенимали его колоссальный опыт, который был результатом более чем 800 воздушных боев. В свою очередь, американские ВВС произвели на Белокурого Рыцаря большое впечатление своим высоким духом, который напомнил ему старые Люфтваффе. Германским ВВС образца 1957 года не хватало этой внутренней силы, и ее отсутствие Эрих ощущал особенно сильно.

Оказавшись вдалеке от политизированной атмосферы нынешних германских вооруженных сил, Эрих нашел, что атмосфера, царящая в американских ВВС, просто великолепна и воодушевляет людей делать невозможное.

Во время своего визита в США Эрих обзавелся и личными друзьями. Майор Френк Базз и его жена Вайлен пригласили его жить в их доме в Фениксе. Эрих с трудом мог поверить, что

строевой офицер может жить так хорошо, как Баззы. Они имели прекрасный дом со всевозможными удобствами, юркий спортивный автомобиль и вообще были веселыми, счастливыми людьми.

Жизнь в Аризоне Эриху казалась просто волшебной сказкой, особенно после ужасного десятилетия в советских лагерях. И он захотел поделиться этим с Уш. Баззы охотно пригласили немецкую пару жить у них столько, сколько Эрих будет проходить переподготовку в Люке. И вскоре Уш прилетела в Аризону, оставив малышку на попечение бабушки в доме Петчей в Штутгарте.

Аризона стала незабываемым приключением и для Уш. Широкие, бесконечные просторы полей и пустынь были совершенно непохожи на германские пейзажи. Путешествие в Гранд Каньон с ночевкой в кемпинге восхитило их не меньше, чем шикарные супермаркеты в Фениксе. Когда они вернулись обратно в Германию, эта идиллия закончилась. Но Уш потом вспоминала со вздохом:

«Это было самое прекрасное время в нашей жизни. Нас никто ни словом не упрекнул, что мы немцы. Все были доброжелательны и охотно помогали нам. Мы чувствовали себя как дома. Это единственная страна, кроме Германии, где я хотела бы жить. Френк и Вайлен Баззы самые лучшие люди, которых я когда-либо встречала. Это прекрасные друзья, к которым испытываешь те же нежные чувства, как к своим отцу и матери. Иногда после возвращения в Германию я тосковала о Фениксе, Вайлен и всему, что там осталось».

Но приключения Эриха в Америке были интересны не только приятным времяпровождением. Он узнал много нового и с профессиональной точки зрения. Естественно, особый интерес вызывал F-104 [8] , так как считался самым современным самолетом. Хартманн посетил авиабазу Неллис в Лас-Вегасе, Невада, где базировалась учебная эскадрилья F-104. Американские пилоты восхищались этой машиной, ее скоростью, скороподъемностью и вооружением, когда находились на базе. Зато когда Эрих поговорил с теми же молодыми пилотами в баре, ему открылась совершенно иная картина.

Он спросил, почему так низок процент исправных машин, и американцы рассказали ему о трудностях с F-104. Неполадки двигателей, проблемы с носовым колесом, проблемы с соплами были основными причинами, выводившими машины из строя. Когда Эрих поговорил с обслуживающим персоналом, техники рассказали о практических проблемах ремонта самолетов и предполетной подготовки. Длинный список проблем с запасными

частями, поломок оборудования, проблем обслуживания были не тем достижением, которым гордятся.

Эрих был послан в Америку не для оценки F-104. Однако он глубоко заинтересовался этим вопросом как профессиональный военный летчик и будущий командир эскадры, так как знал, что НАТО готовится принимать этот самолет на вооружение. Молодой капитан американских ВВС одолжил Эриху большущий том с перечнем аварий, случившихся с F-104 до этого момента. Эрих тщательно изучил это описание и пришел к твердому заключению, которое больше не пересматривал. Германским ВВС, чтобы использовать подобный самолет, требуется гораздо больше опыта и технических ноу-хау, чем они на тот период имели. Эта точка зрения позднее принесла ему много вреда, так как оказалась совершенно правильной и точной.

Когда он вернулся в Германию, то получил предложение принять командование эскадрой истребителей-бомбардировщиков. Он отклонил его, так как не считал себя подходящим для этого типа самолетов. Он сказал командованию, что предпочтет дождаться поста командира первой эскадры реактивных истребителей. Весной 1958 года он какое-то время служил заместителем начальника истребительной школы в Ольденбурге. (Командиром школы был полковник Герберт Венельт, имевший 36 побед.) А в июне получил свое историческое назначение.

Первая эскадра реактивных истребителей новых ВВС была сформирована в Альхорне. Она получила название JG-71 «Рихтгофен». Эта эскадра должна была хранить традиции лучшего аса Первой мировой войны, а также JG-2 «Рихтгофен» из состава Люфтваффе в годы Второй мировой войны. И вполне естественно, что эта эскадра в качестве командира получила лучшего аса Второй мировой войны майора Эриха Хартманна. С торжественной речи генерала Каммхубера, инспектора германских ВВС, на организационном сборе началось самое крупное приключение Хартманна как офицера ВВС.

Это решение показало, что германские ВВС могут принимать хорошие решения, а не только ошибочные. Решение отдать Эриху пост командира JG-71 было отмечено печатью гения. Именно таким образом удалось свести воедино трудную задачу и человека, лучше других подходящего для ее решения. Германия отметила заслуги Эриха Хартманна, назначив его командиром «Эскадры Рихтгофен». Но в то же время это был вызов Белокурому Рыцарю, так как проблема формирования эскадры, вооруженной первым современным реактивным истребителем немецких ВВС F-86, была предельно сложной. Казалось, кто-то вознамерился

проверить, а представляет собой Эрих Хартманн что-то больше, чем просто ас и снайпер.

Но в Эрихе взыграл дух состязания, и он со всей энергией набросился на работу. Молодые пилоты, выделенные этой эскадре, полностью доверяли своему командиру. Эрих обратил их веру в боевой дух и энергию, создавая стандарт для новых германских ВВС. Только в годы Второй мировой войны под руководством таких командиров, как Галланд, Мёльдерс, Храбак, Траутлофт, Приллер, истребительные эскадры имели такой моральный настрой.

Эрих проводил занятия в классах, постоянно летал на F-86 и стал самой заметной фигурой в планерном клубе Альхорна по выходным. Он учил молодых пилотов «Эскадры Рихтгофен», как его мать учила его самого. И вдобавок он передавал им собственный опыт.

Он обнаружил Зигфрида фон дер Шуленбурга, товарища по лагерю в Дегтярке, в офицерской школе в Гамбурге и добился его перевода в JG-71 дежурным офицером. Эрих специально летал на маленьком «Дорнье», чтобы проконсультироваться с офицерами НАТО и выбить какое-то оборудование для своей эскадры. Все работали как дьяволы, потому что ощущали приближение чего-то особенно значительного.

Эрих формировал новые эскадрильи и неустанно повторял, что требуется летный опыт, летный опыт, еще больше летного опыта. Он помнил, что скоро на вооружение поступит F-104, и понимал, что тогда придется трудно. Самым важным для него было приобретение как можно быстрее максимального летного опыта. Различные второстепенные детали учебы он оставлял на потом. Эрих знал, что жизнь молодых пилотов будет зависеть от того, сумеют ли они справиться со сверхсложными F-104.

Для управления F-104 требовались особенные люди, и он сосредоточил все свое внимание именно на них. Бесконечные тренировки должны были дополняться уверенностью и высоким духом. Он раскрасил свой самолет JG-71 точно так же, как был раскрашен «Черный тюльпан» Карая-1, приводивший в ужас русских. Во время очередной профилактики аналогичные тюльпаны получили и остальные самолеты JG-71. Пилотам понравилось это напоминание о прошлом. Но зато заезжий генерал был шокирован. Он не был летчиком, а служил в зенитных частях.

– Эти самолеты раскрашены? – спросил генерал.

– Да, герр генерал, – ответил Эрих.

– Но почему раскрашена только часть самолета? Крылья выглядят голыми.

– Мы раскрасили их во время профилактики так, чтобы это не мешало работам. Когда осмотр завершится, мы раскрасим их полностью.

– Краска стоит денег, майор Хартманн.

– Совершенно верно, герр генерал. Я лично заплачу за краску. Зато такие значки помогают поднять дух летчиков эскадры.

Как и Крупински в России во время Второй мировой войны, Эрих устроил бар для летчиков JG-71. После полетов пилоты отдыхали в баре на базе. Там они могли расслабиться и спокойно поговорить. Однако командование новых германских ВВС этого не понимало. По приказу сверху Эриху пришлось закрыть бар. Однако в современных ВВС каждая эскадрилья имеет свой бар.

Подобные инциденты со старшими офицерами привели к появлению слухов, что «Хартманн не слишком хороший офицер». Большинство высших офицеров и чиновников не совершило ни одного боевого вылета. В некотором смысле Эрих, наверное, и не был «хорошим офицером». Однако это зависело от точки зрения критика. После того, как Эрих видел германских офицеров без штанов в русском плену, он понял, что обычные критерии хорошего офицера довольно спорны.

Один из старых товарищей по JG-52 был переведен в «Эскадру Рихтгофен» в подчинение Эриха. Он не был человеком, с которым Эрих сошелся близко. Однако они вместе находились в русских лагерях, вместе воевали на фронте, и Эрих знал, что этот офицер получил в бою тяжелое ранение головы. Эта рана иногда заставляла его поступать не так, как следует.

Этот офицер иногда наушничал начальникам Эриха о мелких нарушениях уставов в Альхорне, нарушая верность своему командиру. Эрих относился к нему гораздо лучше, как к старому фронтовому товарищу, прощая мелкие проступки. Когда этот офицер напился и полез драться с рядовыми, Эрих не стал наказывать его. Генерал, который узнал об этой снисходительности, потребовал, чтобы Эрих наказал ветерана.

Белокурый человек, который 10 лет противостоял мясорубке НКВД, просто физически не мог поступать так же, как тот, кто жил в атмосфере свободы. Он не мог нарушать свои этические принципы. Наказать офицера, имеющего боевые награды, героя войны, уже само по себе тяжело. А наказать человека, которому требуется доктор, а не гауптвахта, было для Эриха Хартманна просто немыслимо. Он отказался подчиниться совету начальника. И это тоже было свидетельством того, что «Хартманн не очень хороший офицер».

Критики Эриха Хартманна во многих отношениях были предельно далеки от реальной жизни. Германские ВВС, как и

многие другие военные организации, исповедовали устарелые взгляды на то, что является правильным и эффективным. В атомную эпоху военные лидеры все еще проводили разницу между мирным и военным временем. Эффективность для них часто значила идеальный строй, отглаженные брюки, отдание чести и тому подобную ерунду, бессмысленную и даже опасную в сверхзвуковую эру.

В качестве командира эскадры Эрих полностью использовал свой богатейший опыт. Он командовал JG-71 так, словно шла война. «Чтобы у людей не рождались дурные привычки». Он видел мало смысла в идеальном выстраивании самолетов по линейке с экипажами в парадной форме при них. Зато напоминавшие напыщенных петухов инспектора именно на это и обращали внимание. А для Эриха главным была оперативная готовность.

Эрих Хартманн считал, что будущие войны не дадут времени на «мобилизацию». Поэтому он считал необходимыми постоянную боеготовность и рассредоточение. Германские ВВС больше, чем какие-либо другие, имели основания действовать именно так. Когда в июне 1941 года Люфтваффе разгромили красные ВВС на земле, это было наиболее сокрушительным истреблением воздушных сил в истории. (Удар израильских ВВС по арабским аэродромам во время Шестидневной войны в 1967 году выглядит просто мизерным по сравнению с событиями 22 июня 1941 года.) Русские самолеты были выстроены на аэродромах вблизи границы, как на параде. Эрих считал, что германские ВВС не должны сегодня повторять эту ошибку, так как реактивные самолеты и ракеты могут нанести еще более стремительный и сокрушительный удар.

Его отказ ограничиваться полумерами в отношении боеготовности привел его к столкновениям с непосредственным начальством. Не со знатоками своего дела вроде Каммхубера, а с неграмотными политическими выдвиженцами, которые теперь руководили ВВС. Многие из них в годы войны служили в пехоте, кое-кто служил в Люфтваффе, но почти никто не летал с 1945 года. И уже совершенно точно, что все они исповедовали устарелые взгляды на ведение войны.

Раскраска истребителей напоминает «Черный тюльпан» военных времен

Характер Хартманна оформился в огне советских лагерей, был откован его страданиями и закален теми процессами, о которых не имели понятия людишки, говорившие, будто Хартманн не был хорошим офицером. Когда НКВД потратил 10 лет, пытаясь уничтожить молодого человека, олицетворявшего лучшие черты германского характера, они своими усилия лишь превратили Эриха Хартманна в человека, который слепо отстаивает свою честь. 10 лет он цеплялся за истину во мраке бесчисленных бункеров. И теперь, в атмосфере политической свободы, ни один человек не смог бы вырвать у него политическое «да», в то время как военная истина говорила «нет».

Высшие офицеры, которые жили в окружении политической лжи, естественно, шарахались прочь от упрямого блондина. Он был внутренне не способен вилять, чтобы подстраиваться к изменениям политической обстановки. Это было обусловлено 10 годами жесткого сопротивления. И этим пользовались политиканы, которые спекулировали на его нервном поведении. Стало традицией повторять, что Эрих Хартманн не был хорошим офицером.

Офицер, который знал его в дни славы и сидел вместе с ним в русских тюрьмах, так объясняет подход Эриха к некомпетентным начальникам – генералам, полковникам и тому подобным персонам:

«Он не понимал тактичности. Он разговаривал с ними так, словно они были офицерами НКВД, чьи мыслительные способности были изгажены политиканами».

Зато молодые летчики эскадры «Рихтгофен» воспринимали его прямо противоположно, чем офицеры, двигавшие фигуры по доске. Он был самым лучшим асом, когда-либо садившимся в самолет. Когда он рассказывал им о советской психологии и о методах нравственного уничтожения, применяемых НКВД, они слушали и запоминали. Эти молодые немцы знали, что может настать день, когда им самим придется защищаться против этих методов. И они знали, что слышат подлинную правду.

Всего через 6 месяцев после того, как Эрих начал работу по формированию подразделения, JG-71 «Рихтгофен» в октябре 1958 года была передана в состав войск НАТО. Значительность этого достижения можно оценить, только если вспомнить нормальный срок, который требовался истребительному подразделению, чтобы добиться требуемого уровня эффективности. Обычно на это требовалось не меньше года. Для командира, который «не был хорошим офицером», это было выдающимся достижением, которое осталось непревзойденным и 10 лет спустя.

Эти мальчишки смотрели на него, как на отца. В сентябре 1960 года он с гордостью писал автору о своих парнях:

F-86 и его преемник F-104

«В последний год мы добились во время воздушных стрельб средней меткости по эскадре 24 %. Я горд этим. Я думаю, что это самый высокий показатель в германских ВВС. Мои парни просто

превосходны! Я имею шесть снайперов, у которых **средний** процент попаданий равняется 60. Это молодые мальчишки, которым всего по 24 года. Я создал звено лидеров. Эти парни теперь лучше, чем старый и усталый командир эскадры».

Люди, которые в те дни служили в JG-71, обожали своего командира. Они сохранили это восхищение и сейчас. Они последовали бы за ним даже в ад. Многие из них опередили Эриха в продвижении по служебной лестнице и сейчас являются генералами.

Решение германских ВВС закупить F-104 сломало карьеру Эриха, хотя на самом деле должно было произойти обратное. Его взаимодействие с высшими командирами, которые были умными и знающими профессионалами, оставалось великолепным. Он любил и восхищался генералом Каммхубером, первым инспектором БундесЛюфтваффе, уважал его способности и достижения. То же самое можно сказать о его взаимоотношениях с генералом Штайнхоффом, генералом Раллем, которые также возглавляли ВВС. Этим людям можно было говорить правду.

Однажды во время беседы с Каммхубером возник вопрос об F-104. Эрих основывал свою точку зрения на F-104 на личном опыте, полученном во время пребывания в США. Эрих сказал, что не верит, что F-104 может быть хорошим самолетом для германских ВВС в принципе. Возможно, он первым составил определенное мнение и доложил его командованию. Он считал, что следует отложить закупки F-104.

«Я полагаю, что являюсь хорошим пилотом. Средним пилотом, не обладающим исключительным умением, но с некоторой долей везения, и ничего более. Вы должны быть счастливчиком, вне зависимости от вашего практического опыта, как, скажем, бизнесмен. Благодаря своей удаче я приобрел большой опыт. И этот опыт вместе с тем, что я узнал об F-104 в США, говорит мне, что наши молодые пилоты просто не обладают достаточным опытом, чтобы справиться с такой сложной системой оружия.

Я не считаю F-104 плохим самолетом. Проблема в том, что человеческий фактор у нас в стране послужит источником серьезных трудностей».

Эрих откровенно высказал это мнение генералу Каммхуберу. Он отметил, что в развитии германской авиации существует провал длиной в 10 лет, в течение которого не проводилось обучение пилотов и техников, не существовало никаких структур. Он изложил Каммхуберу свое мнение об осмотре F-104 в США, свободное от политических влияний. Он подчеркнул молодость и неопытность германских пилотов и отсутствие опыта управления

реактивными самолетами у командования германских ВВС.

– Я верю, что закупка F-104 в данный момент является ошибкой. Мы не должны покупать самолет, который не сможем использовать.

Генерал Каммухубер, который любил Эриха, внимательно слушал.

– Иногда я думаю, что именно поэтому немцев ненавидят остальные люди. Мы говорим: «Мы немцы и потому справимся с этим». Потому, что мы немцы, мы сможем использовать такой сложный самолет, как этот, **прямо сейчас** .

Каммхубер спросил, что, по его мнению, следует предпринять.

– Нужно закупить у американцев их истребители F-100 и F-102. Это новое поколение реактивных самолетов, на которых мы получим опыт обращения с системами дожигания и прочими техническими новшествами. И затем мы сможем перейти на F-104 на основе полученных знаний и опыта. Но мы не должны закупать самолет, с которым просто не справимся.

Каммхубер ничего не сказал в ответ на возражения Эриха. Его мягкий уклончивый ответ явно был советом.

– Эрих, **никогда** не говори об этом, – сказал генерал. – Мы рады закупить этот самолет. Политики решили его покупать.

Если бы Эрих послушался этого доброжелательного и умного офицера, много сделавшего для германских ВВС, он бы сохранил свой мир. К несчастью для него, люди, задававшие ему прямые вопросы, получали на них прямые ответы. С F-104 не следует спешить. Сплетни и шепоток, просочившиеся в политические круги, укрепили существовавшее там мнение, что Эрих не является хорошим офицером.

Катастрофический опыт, который германские ВВС получили при столкновении с F-104, трагическим и дорого обошедшимся способом подтвердил правоту заключения Эриха Хартманна. Катастрофы с F-104 продолжались, пока в 1966 году командование ВВС не перешло к Иоханнесу Штайнхофу. Штайнхоф летал на Ме-262 в годы Второй мировой войны и изложил свои сомнения политическому руководству Западной Германии. Несмотря на блестящие военные достижения, не раз продемонстрированные таланты командира и организатора, он встретил растущее политическое сопротивление. Возможно, это было результатом страшных ожогов лица, которые Штайнхоф получил при аварии в 1945 году.

Действительной же причиной сопротивления было то, что Штайнхоф являлся генералом, знающим свое дело. Здравый смысл и логика всегда руководили его действиями, когда он

получил свой первый крупный пост – место представителя Германии в Совете НАТО в Вашингтоне. Он производил неизгладимое впечатление на всех, кто с ним встречался. Его обожженное лицо не сдерживало его динамической личности. Когда политические обстоятельства вынудили осенью 1966 года сделать его инспектором ВВС (инспектор ВВС в Германии фактически является командующим ВВС), именно его деятельность и его готовность взять на себя ответственность помогли преодолеть кризис со «Старфайтерами».

Штайнхоф провел серьезную реформу программы F-104. (Тысячи людей занимались проблемами F-104, однако именно руководство является ключевым элементом, как знание ноу-хау обеспечивает прорыв в производстве. В 1965 году потери F-104 на 100 000 летных часов составляли 41,9 %. В 1967 году потери F-104 на 100 000 летных часов составляли 10,7 %. Этот уровень потерь F-104 был самым низким в мире.) Он организовал серьезное обучение и усиленную летную практику. Именно таким образом действовал и Эрих Хартманн, создавая JG-71. Можно привести еще один пример прозорливости Белокурого Рыцаря. Из первых 16 пилотов, которых он обучил для эскадры «Рихтгофен», сегодня живы 15. Погиб только пилот-испытатель F-104. Его машину на взлете опрокинуло сильным порывом ветра, поэтому авария произошла независимо от действий пилота и исправности машины. Остальные не только живы сегодня, но и имеют от 800 до 1000 часов налета на F-104.

Хартманн и один из авторов книги Раймонд Толивер

Между предупреждениями Эриха относительно F-104 и жестоким подтверждением его правоты он стал мишенью грязной выходки генералишки, которого лучше оставить безымянным. Он не был офицером, который летал во время войны. Военные летчики в Германии имеют летные лицензии, которые автоматически возобновляются, если человек находится в строю. Эта процедура превращается в обычное заполнение бумаг и сдаче их вместе с лицензией для подтверждения последней.

Во время заполненных тяжелой работой дней в Альтхорне, когда создавалась эскадра «Рихтгофен», Эрих пропустил срок ежегодного возобновления летной лицензии. Позднее он не смог найти документа. Генерал нашел щель в броне Белокурого Рыцаря, чтобы воткнуть туда отравленный клинок и нанести, как ему думалось, смертельный удар. Началось глупейшее следствие с целью отдать Эриха под суд. Его перспективы выглядели довольно смутными, но неожиданно интриган получил отпор.

Известия о трудностях Эриха достигли Америки. Генерал Паницки, который сменил генерала Каммхубера на посту инспектора германских ВВС, в это время находился в Вашингтоне. Отставной американский летчик-истребитель в упор спросил генерала, действительно ли БундесЛюфтваффе всерьез решили отдать под суд Эриха, который 10 лет сражался за Германию в советских тюрьмах. Растерявшийся Паницки сумел только выдавить дежурную фразу, что «Эрих хороший пилот, но не

хороший офицер». Вскоре после этого военный трибунал рассмотрел обвинение, и Эрих был полностью оправдан. Тем не менее вред был нанесен. Слишком много людей слышали первую часть истории, но не узнали, как она завершилась. Он был освобожден от командования JG-71 «Рихтгофен» и переведен на штабную работу в Порц Ване возле Кёльна.

Прямота и честность поставили Эриха вне пределов политического эскалатора, который выносил к высшим чинам менее способных, но более дипломатичных людей. Несколько лет он прожил в относительной безвестности в качестве специалиста по разработке тактических схем и следил, как люди, которых он учил во время службы в JG-71, получают звание полковника раньше него. Он с удовлетворением видел успехи «своих парней». Среди его союзников было несколько старших офицеров, которые восхищались им, однако их усилия добиться звания полковника для Хартманна регулярно срывались. Он получил это звание только в середине 1969 года. К этому времени он уже 8 лет ходил в звании подполковника, и отказ в присвоении звания офицеру, имевшему самые высокие награды в германских вооруженных силах, выглядел уже просто глупо.

Хотя Эрих был немного огорчен, но тем не менее не потерял чувства юмора и философского взгляда на вещи, полагая, что всем в жизни человека управляет судьба. На политиканов он продолжал с брезгливостью смотреть, как на неизбежное зло. Однако на своей работе он сумел полностью раскрыть аналитические способности и интуицию, разрабатывая тактические наставления.

Все, кто его знал, единодушно решили, что германские ВВС просто не знают, что делать с этим выдающимся пилотом, как обратить себе на пользу его всемирную славу, как использовать сохранившуюся у старого бойца клокочущую энергию. Непримиримый индивидуалист, он продолжал жить, руководствуясь собственными понятиями о честности, справедливости и чести. Он был героем со слабостями. Однако их можно было понять, и они были лишь продолжением его достоинств как личности.

Волосы Белокурого Рыцаря начали темнеть, и груз прожитых лет начал сказываться и на нем. Его лицо было подобно боевому щиту древних рыцарей, украшенному гербами. Все бои, которые он вел в течение жизни, победы и поражения, триумфы и трагедии, отпечатались здесь. Во время своих рыцарских схваток на турнире жизни он чаще выходил победителем, чем проигрывал. Однако он знал, что это такое – быть выбитым из седла. Иногда бесчестный враг старался даже растоптать

лежащего на земле Белокурого Рыцаря.
Они жил в любви и согласии со своей супругой, что всегда согревает душу человека. Истории его жизни и любви переплелись между собой. Отвага и терпение превратили их в красивую легенду. Он не переменился, чтобы встретить пришествие нового мира, и сейчас старомоден в своем отношении к жизни. Более мудрый, чем раньше, он смотрит на приближение заката, как на брошенную перчатку. Самые трудные схватки еще ждут впереди, возможно, это испытание сумеет пробудить его старый бойцовский дух, отвагу и волю. Пусть Небеса помогут ему в этой борьбе.

Эпилог

Вскоре после первой публикации этой книги полковник Эрих Хартманн вышел в отставку и вернулся в свой старый деревенский дом. Его друзья Дитер Храбак, Вальтер Крупински и Гюнтер Ралль, все имевшие генеральские звания, убеждали Эриха смягчить свою позицию в отношении армии. Они просили его проявить некоторую тактичность и остаться в Люфтваффе, где он получит звание генерала.

Все остальные почитатели Эриха тоже пытались повлиять на него. Однако твердое предубеждение Эриха осталось непоколебимым. Он полагался на испытанную в боях формулу: «Увидел – решил – атаковал». Решение было принято, и Эрих отказался менять его. Он полагал своей обязанностью, как офицера, давать старшим по званию правильные советы, честно излагая свою точку зрения по любому вопросу. Однако после того, как они принимали решения, их следовало выполнять. Эрих просто физически не был способен превратиться в подпевалу, как от него ожидало увлекшееся политическими интригами руководство БундесЛюфтваффе. Он решил с честью выйти из неравного боя и запросил отставку. Теперь он, Эрих Хартманн, полковник в отставке.

Эрих с наслаждением погрузился в обычную гражданскую жизнь. Для начала он перестроил свой любимый дом, причем сам составил проект и сам выполнил все работу. Он помог создать несколько летных школ и наладить их работу. Эрих работал представителем ассоциации бывших летчиков-истребителей в Вюртемберге. Он охотно участвует в гонках легкомоторных самолетов, один раз он даже летел вместе с Адольфом Галландом.

У семьи Хартманнов сохранилось много школьных друзей, с которыми они поддерживают теплые отношения. Эрих посещает ежегодные праздники JG-71 «Рихтгофен» и другие встречи пилотов-истребителей. Однажды он летал в Сен-Луи, Миссури, где был почетным гостем вместе с асом КВВС Питером Таунсендом.

Эрих и Уш провели за работой сотни часов, готовя его иллюстрированную биографию, которая была издана в 1978 году издательством «Моторбух-Ферлаг» в Штутгарте. Эта работа и ремонт дома сделали Эриха и Уш еще ближе, чем они были раньше. Эрих однажды сказал авторам: «Без Уш я ничто». Он знал, что говорил. Вся его жизнь прошла под этим девизом. Она стала центром его мироздания.

Внезапное изменение судьбы Хартманна в 1980 году перепугало многих его друзей. Он прекратил посещать слеты и праздники. Он прекратил летать. Оставил свой пост в ассоциации. Остальные пилоты-истребители поняли, что потеряли своего лидера. Только те, кто посещал его дом, могли встретиться с Эрихом. Он сказал авторам, что все, что ему еще требуется в жизни, находится вблизи от его дома.

Внезапная и загадочная перемена Хартманна заставила многих думать, что великий ас забыл старую дружбу. Это не так. Эрих совершенно сознательно скрыл некоторые обстоятельства. Он знал, что известие о его болезни может вызвать бурную реакцию среди друзей. Однако правду следует знать хотя бы для того, чтобы опровергнуть злобные измышления. С разрешения Эриха авторы расскажут правду об этом эпизоде его жизни.

В 1980 году он простудился и заболел тяжелым воспалением легких. Именно эта болезнь убила его отца в возрасте 58 лет. Эрих был сильно встревожен. При своем слабом сердце он легко мог последовать за отцом. «Я провел 4 недели в кровати, а потом еще две недели приходил в себя. Но я справился!»

Его брат Альфред посоветовал ему избегать всяческих стрессов. Он предупредил, что второй такой приступ болезни может привести к инфаркту. Эрих старательно выполнил предписание доктора и сумел выиграть самый тяжелый бой в своей жизни. К октябрю 1983 году он настолько поправился, что снова прошел медкомиссию и получил разрешение летать. Эрих возобновил свою работу в летных школах и снова стал представителем ассоциации летчиков-ветеранов.

Однако Эрих остается тверд в решении держаться подальше от автобанов и хайвеев, он отказывается посещать встречи ветеранов и другие праздники. Внутри он остается все тем же старым тигром, и встречи со старыми товарищами волнуют его слишком сильно. Поэтому Хартманн старается избегать событий, которые могут привести к опасным последствиям для его здоровья. «Я в отставке, я гражданский человек, я хочу спокойно отдыхать. Я не экспонат выставок».

Сегодня он вынужден следить за своим здоровьем. В дни боев Эрих строго соблюдал свои правила. С помощью незаменимой Уш он намерен пройти как можно дальше по дороге жизни.

Приложения

Дислокация III группы JG-52 в период с 1 декабря 1942 по 1 июня 1944

1.12.42–4.1.43 – Солдатская
5.1.43–10.1.43 – Минеральные Воды
11.1.43–22.1.43 – Армавир
22.1.43–7.2.43 – Ростов
8.2.43–14.3.43 – Николаев
15.3.43–31.3.43 – Керчь
1.4.43–2.7.43 – Тамань
3.7.43–13.7.43 – Угрим
14.7.43–19.7.43 – Орел
20.7.43–2.8.43 – Ивановка
6.8.43–13.8.43 – Харьков
14.8.43–18.8.43 – Перещепино
19.8.43–23.8.43 – Кутейниково
24.8.43–1.9.43 – Макеевка
2.9.43–5.9.43 – Сталино
6.9.43–7.9.43 – Гришино
8.9.43–8.8.43 – Богуслав
8.8.43–23.9.43 – Днепропетровск
24.9.43–15.10.43 – Новое Запорожье
16.10.43–18.10.43 – Малая Березовка
19.10.43–31.10.43 – Кировоград
1.11.43-6.1.44 – Апостолово
7.1.44–9.1.44 – Малая Выска
10.1.44–22.2.44 – Ново-Красное
23.2.44–6.3.44 – Умань
7.3.44–7.3.44 – Калиновский
7.3.44–11.3.44 – Винница
12.3.44–23.3.44 – Проскуров
24.3.44–24.3.44 – Каменец-Подольск
25.3.44–26.3.44 – Коломея
27.3.44–5.4.44 – Лемберг (Львов)
6.4.44–9.4.44 – Роман
10.4.44–10.5.44 – Херсонес Крымский
11.5.44–17.5.44 – Зарнешти
18.5.44–31.5.44 – Роман

Список званий Люфтваффе

Строевые	Кандидаты в офицеры
Летчик	
Ефрейтор	
Обер-ефрейтор	
Гаупт-ефрейтор	
Унтер-офицер	
Унтер-фельдфебель	
Фельдфебель	
Обер-фельдфебель	Фанен-юнкер
Гаупт-фельдфебель	Фенрих
Лейтенант	Обер-фенрих
Обер-лейтенант	
Капитан	
Майор	
Полковник	
Подполковник	
Генерал-майор	
Генерал-лейтенант	
Генерал авиации	
Генерал-полковник	
Генерал-фельдмаршал	
Рейхсмаршал	

Достижения асов Люфтваффе во Второй Мировой войне

Лучший ас Второй мировой войны – майор Эрих Хартманн, 352 победы

Луший ночной ас Второй мировой войны – майор Гейнц Шнауфер, 121 победа

Лучший немецкий ас Гражданской войны в Испании – лейтенант Вернер Мёльдерс, 14 побед

Первый немецкий ас Второй мировой войны – майор Ханнес Гентцен

Первый ас, превзошедший результат Манфреда фон Рихтгофена, 80 побед – капитан Вернер Мёльдерс

Первый добился 100 побед – майор Вернер Мёльдерс, 15 июля 1942

Первый добился 150 побед – майор Гордон Голлоб, 29 августа 1942

Первый добился 200 побед – капитан Герман Граф, 2 октября 1942

Первый добился 250 побед – майор Вальтер Новотны, 14 октября 1943

Первый добился 300 побед – капитан Эрих Хартманн, 24 августа 1944

Первый добился 350 побед – майор Эрих Хартманн, 4 апреля 1945

Больше всего сбито за один день – майор Эмиль Ланг, 18 побед

Больше всего сбито за один вылет – майор Эрих Рудорфер, 6 ноября 1943, 13 побед

Больше всего сбил на Западном фронте – капитан Ханс-Иоахим Марсель, 158 побед

Больше всего сбил на Восточном фронте – майор Эрих Хартманн, 352 победы

Луший средний уровень – лейтенант Гюнтер Шеель, 70 вылетов, 71 победа

Наибольшее число сбитых четырехмоторных бомбардировщиков (днем) – лейтенант Герберт Ролльваге, 102 победы, 44 из них четырехмоторные бомбардировщики

Наибольшее число сбитых четырехмоторных бомбардировщиков (ночью) – майор Гейнц Шнауфер, 121 победа, большинство четырехмоторные бомбардировщики

Лучший ас на реактивном истребителе – майор Гейнц Бэр, 16 побед [310]

Награды германских асов

Рыцарский крест с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами

Галланд, Адольф – 104 победы
Голлоб, Гордон – 150 побед
Граф, Герман – 212 побед
Хартманн, Эрих – 352 победы
Лент, Гельмут – 110 побед (102 ночью)
Марсель, Ханс-Иоахим – 158 побед
Мёльдерс, Вернер – 101 победа (плюс 14 в Испании)
Новотны, Вальтер – 258 побед
Шнауфер, Гейнц – 121 победа (все ночью)

Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами

Бэр, Гейнц – 220 побед (16 на реактивном Ме-262)
Бакгорн, Герхард – 301 победа
Батц, Вильгельм – 237 побед
Бюхлинген, Курт – 112 побед
Хакль, Антон – 192 победы
Херрманн, Хайо – 9 побед
Илефельд, Герберт – 130 побед (из них 9 в Испании)
Киттель, Отто – 267 побед
Лютцов, Гюнтер – 108 побед (из них 5 в Испании)
Майер, Эгон – 102 победы
Мюнхеберг, Иоахим – 135 побед
Оэсау, Вальтер – 123 победы (из них 6 в Испании)
Остерманн, Макс-Гельмут – 102 победы
Филипп, Ганс – 206 побед
Приллер, Иозеф – 101 победа
Ралль, Гюнтер – 275 побед
Рейнерт, Эрнст-Вильгельм – 174 победы
Рудорффер, Эрих – 222 победы
Зейн-Виттгенштейн, 83 победы (ночью)
князь цу
Шроер, Вернер – 114 побед
Штайнбатц, Леопольд – 99 побед
Штайнхоф, Иоханнес – 176 побед
Штрайб, Вернер – 66 побед (ночью)
Вильке, Вольф-Дитрих – 162 победы
Вюрмеллер, Иозеф – 102 победы

Примечания

1

Сержант Гейнц «Биммель» Мертенс на грузовике проскочил

через порядки наступавших американцев, после чего продолжил свое путешествие на запад. Через три недели он добрался до своего дома в Капеллане и таким образом избежал советского плена.

2

«Closing the Ring» W. Churchill, Boston, 1951, pp. 373–374.

3

События, описанные в этой главе, упомянуты единственно для того, чтобы показать их потрясающее воздействие на Эриха Хартманна, который впервые стал свидетелем массового сексуального насилия. Это делается отнюдь не с целью вызвать ненависть к русским. Авторы полностью согласны с полковником Эрихом Хартманном, что человек добр по природе, и все русские в том числе. Полковник Хартманн категорически возражает против попыток разжечь ненависть между людьми.

4

Сигет (Марамуреш) – румынский город на границе с Украиной в 225 милях восточнее Будапешта.

5

Заметим, однако, что эти критики забывают об отказе Графа выполнить приказ Зайдеманна лететь в Дортмунд и сдаться англичанам. Он совершил мужественный поступок, пытаясь помочь нескольким тысячам немецких гражданских беженцев.

6

Подлинная награда Эриха Хартманна осталась дома в Вейле, где хранилась в годы войны и после нее. Она и сейчас находится там же. Американский солдат захватил дешевую пластиковую копию. Эрих взял с собой в Россию вторую копию. Сдача Бриллиантов НКВД была символическим актом, так как копии не имели никакой ценности.

7

Хартманн был прирожденным лингвистом. Он очень хорошо говорил по-английски и в достаточной степени знал французский и русский.

8

Истребитель F-104 «Старфайтер» имел скорость более 2М и предназначался для захвата господства в воздухе. Его строила фирма «Локхид». Он считался лучшим самолетом в мире и был мечтой всех пилотов. Всего было построено более 2550 машин для ВВС 14 стран.